

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 1 (5) 2001

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Дергачёва М.И., Феденёва И.Н. Изменение условий почвообразования и почвенного покрова на протяжении позднего плейстоцена в долине р. Урсул (Центральный Алтай)	2
Монигал К. Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте	11
Деревянко А.П., Гладышев С.А., Олсен Д., Петрин В.Т., Цэрэндагва Я. Характеристика каменной индустрии пещеры Чихэн (Гобийский Алтай)	25
Кононенко Н.А. Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плейстоцена – начале голоцена (Устиновский комплекс, Российский Дальний Восток)	40
Бродянский Д.Л. Обитатели моря в искусстве бойсманской неолитической культуры	60
Генералов А.Г., Медведев Г.И., Роговской Е.О., Ребриков П.Н. Новые данные по палеолитическому местонахождению Военный Госпиталь	67

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Новиков А.В. Собаки в мировоззрении и ритуальной практике древнего населения лесостепной и южно-таежной зон Западной Сибири	72
Ермоленко Л.Н. Зеркало для героя	84
Троицкая Т.Н., Дураков И.А., Савин А.Н. Самусьские бронзовые фигурки с поселения Крохалёвка-13	91
Конькова Л.В., Король Г.Г. Формирование и развитие традиций в обработке художественного металла в степной Евразии эпохи средневековья	94
Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Шлемы, найденные на территории Кыргызстана	101
Беликова О.Б. Каменные изделия из курганов XIII в. юга Западной Сибири	107

ЭТНОГРАФИЯ

Напольских В.В. “Угро-самодийцы” в Восточной Европе	113
Тыликowa Е.И., Бауло А.В. Древности Нижнего Приобья в фондах Овгортского краеведческого музея	127

АНТРОПОЛОГИЯ

Вебер А.В., Линк Д.В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения	135
Козловская М.В. Образ жизни древнезскимосского населения по данным антропологии	147

СООБЩЕНИЯ	155
------------------	-----

НОВЫЕ КНИГИ	156
--------------------	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
--------------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 631.487+551.8:56.076.6+577.4

М.И. Дергачёва, И.Н. Феденёва

*Институт почвоведения и агрохимии СО РАН
ул. Советская, 18, Новосибирск, 630099, Россия*

E-mail: mid@nsu.ru

*Институт археологии и этнографии СО РАН
ул. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия*

E-mail: soil@issa.nsc.ru

ИЗМЕНЕНИЕ УСЛОВИЙ ПОЧВООБРАЗОВАНИЯ И ПОЧВЕННОГО ПОКРОВА НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА В ДОЛИНЕ р. УРСУЛ (ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АЛТАЙ)*

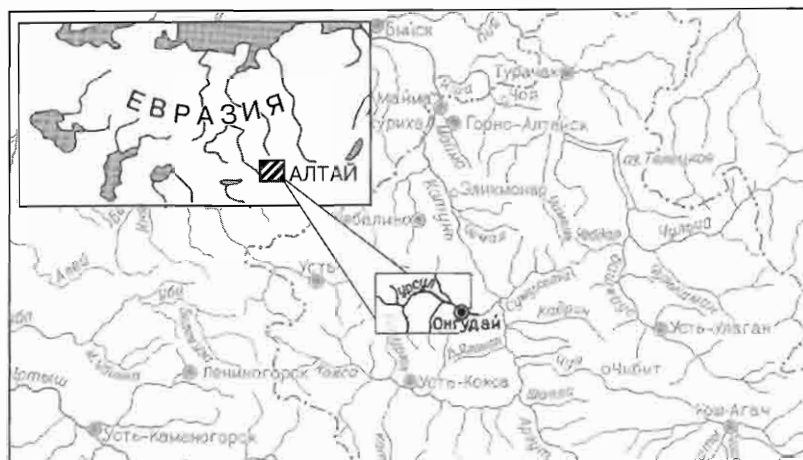
Введение

Палеогеографические исследования четвертичного периода преследуют цель воссоздания различных компонентов природной среды прошлого, как каждого в отдельности, так и во взаимосвязи и взаимовлиянии, а также направленности их изменений в масштабах геологического времени. Почва как естественно-историческое тело в своих свойствах интегрально отражает всю совокупность природных факторов: рельефа, климата, биоты, материнской породы – и обладает способностью длительное время сохранять информацию об условиях своего формирования. Это позволяет использовать различные свойства древних почв при палеоэкологических реконструкциях и диагностике условий природной среды былых эпох. Кроме того, непрерывность почвообразования во времени и протекание его практически в любых природно-климатических условиях (в том числе в экстремально холодных или жарких и экстремально аридных) дают возможность воссоздать условия образования педогенно преобразованных осадков вне зависимости от наличия в них сохранившихся профилей палеопочв и с тем “шагом” по геохронологической шкале, который технически осуществим в конкретных условиях.

В настоящее время в почвоведении выделяется ряд подходов к познанию сущности почвообразова-

ния: субстантивный – исследование состава и структуры почвенного тела на любом уровне организации (отдельные горизонты, педы и т.д.), функциональный – изучение “жизни” почвы в настоящее время, генетический – исследование собственно процесса почвообразования, механизмов формирования свойств, экологический – изучение причин “включения” механизмов и процессов формирования почв, их природную обусловленность [Соколов, 1993]. В основе сравнительно-географического и сравнительно-генетического подходов лежит выявление взаимосвязи между географическими условиями и направленностью почвообразовательных процессов, а также, соответственно, развитием определенных типов почв [Герасимов, Глазовская, 1960; Роде, 1971]. Плодотворность применения этих методов к настоящему времени доказана современным состоянием генетического почвоведения, учением о факторах почвообразования и о географических закономерностях распределения почв в пространстве. Однако в проведении реконструкций палеоприродной среды более значимы подходы с позиций экологии почв, в рамках которых одной из задач является установление количественных связей между вещественным составом органической и минеральной составляющих почв и условиями их формирования. Использование принципов актуализма, а также сравнений и аналогий позволяет проводить диагностику природной среды и воссоздавать условия формирования почв любого возраста плиоцен-голоценового отрезка геологической истории развития биосферы. В палеопочвоведении

* Работа выполнена в рамках интеграционной программы СО РАН “Изменение климата и природной среды Сибири в голоцене и плейстоцене в контексте глобальных изменений”.

Географическое положение района исследования.

используются в той или иной мере и субстантивный, и генетический подходы, хотя интерпретация результатов изучения древних почв с целью экологических реконструкций базируется на сравнительно-экологическом подходе.

Предлагаемые реконструкции региональных особенностей природной среды позднего плейстоцена Центрального Алтая выполнены на примере долины р. Урсул – территории распространения большой серии разновозрастных археологических объектов, что повышает научную значимость проведенных исследований.

Объекты и методы исследований

В настоящей работе прослеживается изменение ландшафтно-климатической ситуации в долине р. Урсул на протяжении позднего плейстоцена. Изучаемая территория (см. рисунок) относится к верхнему и среднему течению р. Урсул (Горный Алтай, Россия), лежит в пределах географических координат $50^{\circ}20' - 51^{\circ}$ с.ш., $85^{\circ}22' - 86^{\circ}23'$ в.д. и относится к межгорным котловинам Центрального Алтая. Изолированность котловин от воздушных потоков создает в них резко континентальный климат с низкими среднегодовыми температурами, обусловленными в основном температурами зимних месяцев. Количество осадков очень невелико – до 300 – 450 мм в год, что создает благоприятные условия для распространения здесь сухостепных ландшафтов и ограничения развития древесной растительности [Куминова, 1960; Справочник по климату..., 1965; Волковинцер, 1969, 1978; и др.].

Предлагаемая в настоящей работе схема изменения условий почвообразования в долине верхнего и среднего течения р. Урсул в позднем плейстоцене основывается на данных, накопленных к настоящему времени в процессе изучения признаков педогенеза в разновозрастных отложениях исследуемой террито-

рии. Основная часть первичных материалов получена при изучении отложений археологических памятников Кара-Бом и Тюмечин-4, а также ряда не содержащих археологических материалов разрезов разной мощности, вскрывающих голоценовые и частично позднелейстоценовые отложения. Образцы отбирались послойно каждые 5 – 10 см с учетом морфологически выраженных границ генетических почвенных горизонтов и стратиграфических слоев.

Большая часть фактических данных по педогенным признакам отложений опубликована ранее [Дергачёва, 1984, 1997; Дервянко и др., 1994; Археология..., 1998; Дергачёва, Феденёва, 1998; Проблемы..., 1998; и др.].

Методическая и методологическая основа изучения древних почв с целью реконструкции палеоэкологических условий подробно рассматривалась ранее [Дергачёва, 1984, 1992, 1995, 1997; Дергачёва и др., 1984, 2000; Дервянко, Дергачёва, 1995; Dergacheva, 1996, 1998]. В настоящей работе использован новый подход, основные особенности которого состоят в том, что, во-первых, выделения в отложениях ископаемых почв как совокупности парагенетических горизонтов не требуется и, во-вторых, реконструкции проводятся по совокупности признаков педогенеза, обусловленных присутствием и влиянием гумусовых веществ на минеральную часть отложений. Это составляет суть педогумусового метода диагностики палеоприродной среды, который основан на использовании соответствия признаков гумуса почв и его компонентов определенным сочетаниям биоклиматических (экологических) условий [Дергачёва, 1997, 1998; Dergacheva, 1996, 1998]. Конкретные реконструкции проведены на основе базы данных по взаимосвязям свойств органической и минеральной составляющих почв с климатом и растительностью с учетом рельефа, законов вертикальной поясности и моделей (путей) формирования почв.

Таблица 1. Изменение ландшафтно-климатических условий на протяжении позднего плейстоцена в долине р. Урсул

Этап палеогеографической истории	Ландшафтно-климатические условия
Голоцен	Современный климат – недостаточно увлажненный, оптимальный по теплообеспеченности. В почвенном покрове каштановые почвы, черноземы южные
	Переменный климат. Относительное похолодание (суббореал)
	Теплый климат, влажнее современного. Умеренно засушливая степь – лесостепь. Аналоги черноземов обыкновенных и выщелоченных
	Переменный климат. Темнохвойный или смешанный лес, лесостепь. Аналоги горно-лесных бурых типичных и черноземовидных почв, а также черноземов
Сартанское оледенение	Холодно, сухо. Перигляциальные ландшафты (?). Криоаридная степь. Аналоги степных криоаридных (каштановых) почв
	Незначительное потепление. Темнохвойная тайга, возможно увеличение доли ели. Аналоги горно-лесных бурых типичных почв
	Холодно, влажно. Темнохвойная тайга. Аналоги горно-лесных бурых типичных или оподзоленных почв
Каргинский межстадиал	Тепло, относительно влажно. Степь – лесостепь, широколиственный лес – по понижениям. Аналоги черноземов
	Холодно, относительно влажно. Лесная растительность. Аналоги горно-лесных бурых типичных почв
	Тепло, относительно влажно. Степь – лесостепь. Аналоги черноземов
	Холодно, относительно влажно. Лесная растительность (темнохвойные леса). Аналоги горно-лесных бурых типичных почв
	Тепло, относительно влажно. Лесостепь, по понижениям в долинах рек широколиственные породы. Аналоги черноземов или горно-лесных черноземовидных почв
Зырянское оледенение	Холодно, относительно влажно. Темнохвойная тайга. Аналоги горно-лесных бурых почв
	Относительное потепление (незначительное) и увеличение увлажненности. Относительно холодно, относительно влажно. Кедрово-сосновые леса. Аналоги горно-лесных бурых почв
	Холодно, сухо. Степь. Аналоги степных криоаридных почв
	Относительное потепление. Лиственный лес. Аналоги горно-лесных черноземовидных почв
	Холодно, влажно. Темнохвойный лес (ель, кедр, с примесью березы, сосны). Аналоги горно-лесных бурых типичных почв
Казанцевское межледниковье	Теплый климат, немного влажнее современного. Умеренно засушливая – сухая степь. Аналоги черноземов обыкновенных, южных и темно-каштановых почв
	Относительное похолодание. Березово-лиственничные леса. Аналоги горно-лесных черноземовидных почв
	Теплый климат, влажнее современного. Умеренно засушливая – сухая степь. Аналоги каштановых почв, черноземов южных и обыкновенных

Для подтверждения и при необходимости уточнения реконструкций палеоприродной среды, проведенных по признакам педогенеза, использовались результаты спорово-пыльцевого анализа отложений памятника Кара-Бом и выводы о геологии и палеогеографии региона [Деревянко и др., 1994; Археология..., 1998; Николаев, 1998; Проблемы..., 1998; Симонов и др., 1998; и др.]. Для удобства сопоставлений направленности изменений природной среды в рассматриваемом районе с Западной Сибирью использовалась геохронологическая шкала, принятая для этого региона [Архипов, Волкова, 1994].

Основные этапы изменения ландшафтно-климатических условий почвообразования в долине р. Урсул

Отложения, вскрытые изученными разрезами, их корреляция по педогенным, литогенным и геохимичес-

ким признакам, абсолютным радиоуглеродным и термолюминесцентным датам, относительным датировкам по стратиграфическому положению и археологическим материалам [Археология..., 1998; Проблемы..., 1998; Деревянко и др., 1998; Николаев, 1998; Дергачёва, Феденёва, 1998; и др.] позволили выделить основные крупные этапы палеогеографической истории позднего плейстоцена и голоцена (казанцевское и голоценовое межледниковья, зырянское и сартанское оледенения, каргинский межстадиал) и проследить последовательность смены основных стадий их формирования в долине р. Урсул. Анализ признаков педогенеза изученных отложений дал возможность достаточно подробно реконструировать эволюцию природно-климатических условий в данном районе (табл. 1).

Казанцевское межледниковье. Результаты изучения особенностей педогенной преобразованности отложений, отнесенных к казанцевскому

междуниковью, позволили выделить как минимум две теплые стадии, разделенные относительным похолоданием. Во время теплых стадий существовали оптимальные или близкие к ним климатические условия, несколько влажнее современных, что обуславливало развитие степных массивов, образующих комплексы с долинными лиственными лесами. В почвообразовании преобладали аккумулятивные процессы, формировались аналоги черноземов обыкновенных и южных, реже – темно-каштановых почв. По данным Е.М. Малаевой [Симонов и др., 1998], в составе древостоя долинных лесов преобладала береза и даже присутствовали широколиственные породы (клен, вяз, липа), количество хвойных было невелико.

Вторая теплая стадия была, по-видимому, более влажной, о чем свидетельствует увеличение доли фульвокислот в составе гумуса и водорода – в составе макромолекул гуминовых кислот [Дергачёва, Феденёва, 1998]. На степных участках могли формироваться почвы, аналогичные современным черноземам, – темноокрашенные, богатые гумусом, хорошо оструктуренные. Доминирующим почвообразовательным процессом был гумусово-аккумулятивный, что также свидетельствует о благоприятном сочетании условий тепло- и влагообеспеченности. Это подтверждается и изменением в составе спорово-пыльцевых спектров, которые указывают на увеличение доли ели и на появление в составе травостоя более мезофитных видов [Симонов и др., 1998].

Во время относительного похолодания, разделяющего теплые стадии казанцевского междуниковья, происходило увеличение в долине р. Урсул площади лесных почв – аналогов современных горно-лесных черноземовидных. Температурные условия были более прохладными, а влагообеспеченность почв – несколько выше. Более прохладные температурные условия в сочетании с лесной растительностью (березово-лиственными лесами) обусловили увеличение фульватности гумуса, уменьшение обуглероженности гуминовых кислот и расширение отношения между атомными долями водорода и углерода [Дергачёва, Феденёва, 1998].

Зырянское оледенение. В развитии природы долины р. Урсул во время зырянского оледенения по результатам изучения признаков почвообразования можно выделить три холодные стадии, разделенные относительными потеплениями климата. Во время первой стадии климат был холодным и влажным, умеренно континентальным. В таких биоклиматических условиях могли формироваться аналоги горно-лесных бурых типичных почв, отличающиеся слабой дифференциацией на генетические горизонты, невысоким накоплением гумуса фульватного состава и отсутствием признаков процесса оподзоливания. Растительность была представлена темнохвойными лесами, в

древостое которых доминировали ель, кедр, в качестве примесей – береза, сосна [Симонов и др., 1998].

Последующее относительное потепление климата повлекло за собой изменение условий почвообразования и относительное увеличение роли дерновых процессов и гумусонакопления. Условия для почвообразования были более благоприятны, чем в предыдущую фазу активизации горного оледенения. Формировались почвы, аналогичные современным горно-лесным черноземовидным. Это подтверждается сокращением площади леса и изменением состава древесных пород, среди которых возросла роль березы, сосны, появились широколиственные деревья – клен, лещина, в составе палиноспектра увеличилась доля пыльцы травянистых растений [Там же].

Следующая стадия развития природной среды связана с похолоданием, уменьшением увлажненности и увеличением континентальности. По-видимому, ландшафтная ситуация в это время соответствовала современным криоаридным степям, распространенным в настоящее время в наиболее континентальных межгорных котловинах Алтая. Формирующиеся в таких условиях своеобразные почвы, сходные по ряду свойств с сухостепными каштановыми разновидностями, предложено относить к типу степных криоаридных почв [Волковинцер, 1968, 1975, 1978]. Легкий гранулометрический состав, отсутствие признаков солонцеватости, слабое развитие элювиального процесса, незначительное накопление органического вещества, преобладание в составе гумуса фульвокислот, широкое отношение между атомными долями водорода и углерода и узкое – углерода и азота в гуминовых кислотах, а также количественная выраженность всех признаков позволили сделать вывод о возможности проявления на данной территории в это время степного криоаридного почвообразования. То, что в составе растительности существенно преобладали травянистые формы [Симонов и др., 1998], не противоречит сделанному выводу.

Последнее во время зырянского оледенения незначительное потепление климата сопровождалось некоторым увеличением увлажненности, что, возможно, привело к развитию почвообразования в долине по буromземному типу [Дергачёва, Феденёва, 1998] и расширению площади кедрово-сосновых лесов с примесью широколиственных пород [Симонов и др., 1998].

Заключительная стадия зырянского оледенения, нашедшая отражение в осадках памятника Кара-Бом и его окрестностей, – относительное похолодание, когда климат был существенно холоднее и влажнее современного. Биоклиматические условия этого времени определяли формирование аналогов современных горно-лесных бурых почв, образование которых протекает на фоне высокой активности биологического круговорота веществ, быстрого разложения

растительных остатков, интенсивного внутрипочвенного выветривания первичных минералов, оглинивания почвенной толщи и слабого развития процессов подзолообразования [Почвы..., 1973; Владыченский, 1998]. Судя по палинологическим данным, в долине была распространена темнохвойная тайга – сосново-кедровая с большим количеством ели, широколиственные породы произрастали по различным понижениям рельефа – ложбинам, долинам мелких речек и ручьев [Симонов и др., 1998].

Каргинский межстадиал. Во время каргинского межстадиала на территории долины р. Урсул по результатам изучения педогенных признаков отложений выделяются три теплые стадии, разделенные относительно похолоданиями.

Первая теплая стадия, которая, согласно имеющимся датировкам [Археология..., 1998], может быть соотнесена с раннекаргинским потеплением на территории Западно-Сибирской низменности [Кинд, 1974; Архипов, Волкова, 1994], характеризовалась несколько более теплыми, менее влажными и континентальными климатическими условиями. Основным почвообразовательным процессом было черноземообразование – накопление гуматного органического вещества, аккумуляция питательных элементов в верхней части профиля и формирование высокогумусированного аккумулятивного горизонта. Преобладающими почвами были, по-видимому, аналоги современных горно-лесных черноземовидных или, что также вероятно, черноземов выщелоченных. В долине были распространены ландшафты лесостепи, среди древесной растительности значительное место принадлежало березе и ольхе, а хвойные были представлены елью и сосной [Симонов и др., 1998].

Дальнейшее изменение климатических условий привело к изменению направленности почвообразования в сторону преобладания буроземообразовательных процессов и распространению в долине, по данным Е. М. Малаевой [Там же], темнохвойной растительности с примесью лиственных пород (березы, ольхи, вяза, в меньшей степени – клена и липы).

Последующее потепление, которое, судя по радиоуглеродным датам [Археология..., 1998; Деревянко и др., 1998], можно сопоставить с малохетским, выделенным для Западно-Сибирской низменности, на территории долины р. Урсул характеризовалось благоприятным сочетанием тепла и влаги и развитием здесь ландшафтов умеренно засушливой степи или южной лесостепи. Почвообразование шло по черноземному типу, и формировались почвы, аналогичные черноземам северной части современной степи. На открытых пространствах развивались степные ассоциации с богатым травянистым покровом, а по долинам ручьев, по понижениям рельефа произрастали лесные формации [Симонов и др., 1998].

Близкими ландшафтно-климатическими условиями характеризуется заключительное потепление каргинского межстадиала, совпадающее по времени с липовско-новоселовским потеплением. Оно было немного более влажным и менее теплым, чем предыдущее, что отразилось в появлении признаков буроземообразования в отложениях этого времени при относительно большем распространении широколиственных пород. Однако доминирующей была степная и(или) лесостепная направленность почвообразования, а преобладающими в почвенном покрове почвами – аналоги современных черноземов.

Разделяющая эти потепления стадия относительного похолодания, как и первое похолодание каргинского межстадиала, обуславливала формирование аналогов горно-лесных бурых почв и развитие лесных ассоциаций, видимо с преобладанием темнохвойных пород.

Сартанское оледенение. Изучение признаков педогенеза в сохранившихся отложениях времени сартанского оледенения в долине р. Урсул позволяет выделить как минимум две холодные стадии. Во время первой из них формировались аналоги горно-лесных бурых почв, вероятнее всего оподзоленных разновидностей. Это может свидетельствовать о том, что климат был холодным и относительно влажным, господствующими ландшафтами – таежные (темнохвойная тайга с примесью лиственных пород).

Во время второй холодной стадии сартанского оледенения климат был перигляциального типа, доминировали ландшафты криоаридных степей, характерные в настоящее время для межгорных котловин и высокогорных плато Юго-Восточного Алтая, с развитыми здесь степными криоаридными почвами (каштановыми сухостепными резко континентальных областей Северной Евразии). В период незначительного потепления, разделяющий эти стадии оледенения, условия не выходили за пределы, характерные для темнохвойной тайги, а ведущим почвообразовательным процессом было буроземообразование.

Голоценовый период в палеогеографической истории долины р. Урсул характеризовался переменным климатом. На первой стадии были распространены ландшафты темнохвойных или смешанных лесов, развивавшиеся в условиях незначительных колебаний атмосферной увлажненности, которые, по-видимому, сменились условиями лесостепи. Во время атлантического периода климат отличался оптимальным сочетанием тепло- и влагообеспеченности, что обуславливало формирование мощного, богатого гумусом профиля почвы, вероятно, близкой по свойствам к черноземам выщелоченным или обыкновенным, и распространение ландшафтов умеренно засушливой степи или южной лесостепи. Выделенные в разных разрезах отложения этого времени имеют нехарактерные

Таблица 2. Количественные характеристики климата долины р. Урсул в позднем плейстоцене (реконструкция)

Этап палеогеографической истории	Средне-годовая t воздуха, °C	Осадки, мм /год	$\Sigma t > 10^\circ$ воздуха	$\Sigma t > 10^\circ$ на глубине 0,2 м	Глубина проникновения $t < 0^\circ$ в почву, м	$t < 0^\circ$ на глубине 0,2 м, месяцев
Голоцен	-1...+2	300 – 450	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
	-1...+1	350 – 500	2000 – 2500	2100 – 2700	1 – 2	2 – 5
	0...+2	350 – 500	2500 – 3100	2700 – 3400	1 – 2	2 – 5
	-1...+1	350 – 500	2000 – 2500	2100 – 2700	1 – 2	2 – 5
	-2...+1	500 – 800	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
Сартанское оледенение	-6...-3	200 – 300	1250 – 1600	1200 – 1600	> 2	5 – 8
	-1...0	500 – 800	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
	-2...0	500 – 800	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
Каргинский межстадиал	-1...+1	400 – 500	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	2 – 5
	-2...0	500 – 800	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
	0...+1	350 – 500	2000 – 2500	2100 – 2700	1 – 2	2 – 5
	-2...0	500 – 800	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
	-1...+1	350 – 500	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	2 – 5
Зырянское оледенение	-3...-1	600 – 800	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
	-2...0	400 – 600	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
	-7...-4	110 – 300	900 – 1250	800 – 1200	> 2	5 – 8
	-1...0	500 – 700	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	2 – 5
	-3...-1	600 – 800	1600 – 2000	1600 – 2100	1 – 2	5 – 8
Казанцевское межледниковье	0...+2	350 – 500	2500 – 3100	2700 – 3400	0,5 – 1	2 – 5
	-1...+1	400 – 500	2000 – 2500	2100 – 2700	1 – 2	2 – 5
	-1...+2	350 – 450	2500 – 3100	2700 – 3400	0,5 – 1	2 – 5

для остальных стадий развития природной среды в голоцене педогенные признаки: наиболее высокую аккумуляцию гумуса, гуматный его состав, самые низкие значения отношения водорода и углерода в составе макромолекул гуминовых кислот, наиболее высокие их оптические плотности, а также самую большую долю негидролизующей части, что характерно для гуминовых кислот, формирующихся в очень теплых и оптимальных по увлажненности биоклиматических условиях.

Заключительный этап голоценовой палеогеографической истории отличается переменным климатом, незначительными колебаниями увлажненности и теплообеспеченности. Четко выделяется относительное похолодание (скорее всего соотносимое с позднеголоценовым суббореальным), что проявляется снижением гумусонакопления и большей фульватизацией гумуса, а также уменьшением обуглероженности гуминовых кислот. Современный климат долины характеризуется недостаточной увлажненностью при оптимальной теплообеспеченности.

На основании изучения педогенных признаков отложений, пользуясь термическими критериями фациальных (провинциальных) подтипов, предложенными для современных почв В.Н. Димо и Н.Н. Розовым [1974], мы провели реконструкцию количественных характеристик климата позднего плейстоцена в долине р. Урсул как одного из факторов почвообразования (табл. 2).

Фациальные подтипы позднелейстоценовых почв на изучаемой территории не выходили за рамки холодных, длительно промерзающих, с одной стороны, и теплых, промерзающих – с другой. Продолжительность периода с отрицательными температурами почвы на глубине 0,2 м в относительно теплые промежуточные времена составляла два – пять месяцев, а в периоды похолоданий увеличивалась до пяти – восьми месяцев. При этом глубина проникновения в почву отрицательных температур на протяжении большей части времени оставалась неизменной – 1 – 2 м, лишь во время наибольшей активизации ледника в зырянское и сартанское время она превышала 2 м, а в казанцевское межледниковье колебалась от 0,5 – 1 до 1 – 2 м.

Важными климатическими показателями, имеющими значение для развития растительности и процессов почвообразования, являются сумма температур выше 10°C воздуха и почвы в корнеобитаемом слое (0,2 м). Эти показатели в долине р. Урсул составили для самых теплых периодов соответственно $2500 - 3100^\circ$ и $2700 - 3400^\circ$, для самых холодных – $900 - 1250^\circ$ и $800 - 1200^\circ\text{C}$. Значительные изменения на протяжении позднего плейстоцена претерпевали среднегодовые суммы выпадающих осадков. Наиболее сухими были этапы развития в долине криоаридных степей во время зырянского и сартанского оледенений, когда осадков выпадало экстремально мало – 110 – 300 мм в год. Во время теплых этапов, когда господствовали ландшафты умеренно засушливых степей или лесостепей,

количество осадков составляло 350 – 500 мм в год. Наиболее увлажненными были относительно холодные этапы, во время которых наибольшее распространение получала лесная растительность: количество осадков достигало 800 мм в год. Наибольшие колебания характерны для среднегодовой температуры воздуха. В целом для территории долины этот показатель изменялся в пределах от -7°C для наиболее холодных стадий оледенений до $+2^{\circ}\text{C}$ для теплых стадий во время казанцевского межледникового. Умеренно теплое время распространения лесной растительности характеризуется промежуточными значениями среднегодовой температуры воздуха.

Почвенный покров и структура вертикальной зональности в долине р. Урсул в течение позднего плейстоцена

Одной из характеристик ландшафтно-климатической ситуации той или иной горной территории как в прошлом, так и в настоящем является структура вертикальной зональности. С увеличением абсолютной высоты местности понижается температура воздуха, повышаются (до определенного предела) атмосферное увлажнение и относительная влажность воздуха, возрастает интенсивность эрозионных процессов, в результате происходит изменение растительности, животного мира и почв, т.е. меняется ландшафтно-климатическая ситуация в целом. При этом структура вертикальной зональности (набор ландшафтных зон) не только для разных горных стран, но и для отдельных частей одной горной системы может различаться в значительной степени. Одной из причин этого является расположение подножья гор в пределах определенного широтного (горизонтального) географического пояса [Глинка, 1910; Неуструев, 1930; Герасимов, 1948; Макеев, 1956; Фридланд, 1951, 1958, 1972; Мильков, 1977; и др.]. Кроме того, имеют значение и положение горной территории относительно преобладающих воздушных потоков, близость океана или, наоборот, расположение внутри континента, массивность горной системы и ряд других факторов.

Согласно почвенно-географическому районированию, на территории Горного Алтая, который в широтном направлении имеет протяженность около 5° , по типам структуры вертикальной почвенной поясности выделяются три региона: Северный, Центральный и Юго-Восточный Алтай [Путеводитель..., 1967; Ковалев, Волковинцер, 1968; Почвы..., 1973].

Изучаемая территория расположена в Центральном Алтае и является типичной речной долиной. В ней и на окружающих ее хребтах представлен практически полный набор вертикальных природных зон, включающий степной пояс, занимающий самую нижнюю

часть склонов до высот около 1300 м; лесной, верхняя граница которого поднимается до 1900 – 2100 м; и высокогорный – субальпийские и альпийские луга. Лесной пояс проникает в долину по различным понижениям рельефа, а также по склонам северной экспозиции. Нижняя его часть представлена преимущественно лиственницей, выше 1400 – 1700 м в составе древесных пород преобладает кедр и развиты лиственнично-кедровые ассоциации. Все границы поясов на северных склонах располагаются примерно на 100 – 200 м ниже, чем на южных [Почвы..., 1973].

В степном поясе распространены степные (сухостепные) почвы – черноземы обыкновенные и южные, а также каштановые почвы. С увеличением абсолютных высот на склонах южной экспозиции формируются горно-степные черноземовидные или каштановидные почвы. Нижнюю часть лесного пояса занимают горно-лесные черноземовидные почвы (примерно до высот 1600 м над ур.м.), выше сменяющиеся горно-лесными бурями (неполноразвитыми – на склонах южной экспозиции и типичными – на более влажных склонах). Высокогорный пояс сформирован горно-луговыми и горно-тундровыми почвами.

Попытаемся восстановить последовательность изменения вертикальных природных зон в долине и на окружающих ее склонах для наиболее ярких событий позднего плейстоцена, исходя из закономерностей, характерных для зональности современного Горного Алтая, и опираясь на реконструкцию ландшафтно-климатической ситуации в самой долине.

В позднем плейстоцене самой простой схемой вертикальной зональности отличались, по-видимому, наиболее холодные периоды. В это время дно долины было занято безлесными ассоциациями криоаридных степей, которые могли распространяться вверх по склону вплоть до границы ледника, если признать справедливым вывод С.В. Николаева [1998] о наличии следов максимального развития позднеледниковых оледенений на абсолютных высотах 1360 – 1460 м, а доминирующими почвами были аналоги степных криоаридных (см. табл. 1).

Наиболее теплые стадии, когда в долине господствовали умеренно засушливые или сухие степи, характеризовались наиболее сложной структурой высотной зональности. Нижнюю часть склонов южной экспозиции примерно до высот 1300 м занимали степные ландшафты, в которых формировались аналоги темно-каштановых почв, черноземов южных, в более увлажненных местах – черноземов обыкновенных. На северных склонах на этих же высотах появляется древесная растительность, формируя лесостепные ландшафты с аналогами горно-лесных черноземовидных почв. Лесной пояс, по-видимому, занимал большую площадь, чем в настоящее время (что объясняется увеличением атмосферной увлажненности) и

поднимался выше по склону. Отличалась от современной структура лесного пояса, что было отмечено и Е.М. Малаевой [Симонов и др., 1998]. Если в настоящее время лесной пояс представлен лиственничными и кедрово-лиственничными лесами, то в позднем плейстоцене состав древесной растительности был иным. В нижней части лесного пояса, а также в лесостепном поясе присутствовали лиственные породы, в том числе широколиственные – ольха, вяз, клен, липа и др. Среднюю часть лесного пояса составляли смешанные березово-еловые леса, выше начинала преобладать сосна, затем кедр (в настоящее время сосна на территории долины р. Урсул отсутствует). Наиболее распространенными под лесной растительностью были аналоги горно-лесных бурых типичных почв. Верхние части склонов представляли субальпийские ландшафты с примесью карликовой березки, в которых формировались аналоги горно-луговых почв, характерных в настоящее время для высокогорного пояса.

Заключение

Таким образом, на основании изучения педогенных признаков отложений, а также анализа другой палеогеографической информации впервые представлена схема изменений ландшафтно-климатических условий на протяжении позднего плейстоцена на территории долины р. Урсул, восстановлены количественные характеристики климатов прошлого, а также реконструирована структура вертикальной зональности наиболее ярких этапов палеогеографической истории.

Природные условия в изучаемом регионе изменялись за последние 130 тыс. лет в значительной степени. Амплитуда этих изменений – от криоаридных степей, распространенных во время максимального развития оледенений (зырянского и сартанского), до настоящих степей, развитие которых связано с наиболее теплыми этапами палеогеографической истории (казанцевское межледниковье, каргинский межстадиал, оптимум голоцена). Для переходных периодов характерно развитие лесной растительности, иногда с примесью широколиственных пород.

Структура вертикальной зональности и почвенный покров в долине изменялись в зависимости от колебаний климатических условий. От наиболее холодных стадий к наиболее теплым происходило постепенное их усложнение и увеличение количества вертикальных природных зон: от исключительно степного пояса, распространенного до границ оледенения, до полного набора, включающего степной, лесной и высокогорный пояса.

В заключение необходимо подчеркнуть, что дальнейшее развитие метода, получение новых данных и детализация зональных и фациальных градиентов климатических показателей позволят уточнить пределы ко-

лебаний параметров климата для изученной территории, а также представить более подробную реконструкцию природной среды в позднем плейстоцене в Центральном Алтае.

Список литературы

Археология, геология и палеогеография плейстоцена и голоцена Горного Алтая / А.П. Деревянко, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, В.И. Молодин, С.В. Николаев, Л.А. Орлова, В.Т. Петрин, А.В. Постнов, В.А. Ульянов, И.Н. Фединёва, И.В. Фофонова, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 176 с.

Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ОИГТМ СО РАН, 1994. – 105 с.

Владыченский А.С. Особенности горного почвообразования. – М.: Наука, 1998. – 191 с.

Волковинцер В.И. Почвы сухих котловин и речных долин Горного Алтая // Вопросы развития сельского хозяйства Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1968. – С. 59 – 69.

Волковинцер В.И. О почвообразовании в степных котловинах юга Сибири // Почвоведение. – 1969. – № 8. – С. 3 – 11.

Волковинцер В.И. Специфика степного почвообразования в экстремальных климатических условиях // Почвенный криогенез и мелиорация мерзлотных и холодных почв. – М.: Наука, 1975. – С. 91 – 94.

Волковинцер В.И. Степные криоаридные почвы. – Новосибирск: Наука, 1978. – 208 с.

Герасимов И.П. О типах почв горных стран и вертикальной почвенной зональности // Почвоведение. – 1948. – № 11. – С. 661 – 669.

Герасимов И.П., Глазовская М.А. Основы почвоведения и география почв. – М.: Географгиз, 1960. – 490 с.

Глинка К.Д. Заметка о почвах горных склонов // Почвоведение. – 1910. – № 4. – С. 297 – 308.

Дергачёва М.И. Органическое вещество почв: статика и динамика. – Новосибирск: Наука, 1984. – 155 с.

Дергачёва М.И. Методы и принципы почвоведения как основа корреляции отложений многослойных археологических стоянок // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – С. 22 – 25.

Дергачёва М.И. Новые подходы к реконструкции экологических условий обитания древних цивилизаций // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: Материалы III Междунар. науч. конф. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. 5, кн. 2. – С. 138 – 141.

Дергачёва М.И. Археологическое почвоведение. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1997. – 228 с.

Дергачёва М.И. Реконструкция условий почвообразования педогумусовым методом // Экология и почвы: Избранные лекции I – VII школ (1991 – 1997). – Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1998. – С. 263 – 283.

Дергачёва М.И., Вашукевич Н.В., Гранина Н.И. Гумус и плиоцен-голоценовое почвообразование в Предбайкалье. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. – 204 с.

Дергачёва М.И., Зыкина В.С. Волков И.С. Проблемы и методы изучения ископаемых почв. – Новосибирск: Изд-во Ин-та геологии и геофизики СО АН СССР, 1984. – 80 с.

Дергачёва М.И., Феденёва И.И. Реконструкция эволюции палеоприродной среды Еловской котловины Центрального Горного Алтая (верхний плейстоцен – голоцен) // Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Прил. 2. – С. 231 – 249.

Деревянко А.П., Дергачёва М.И. Использование принципов и методов почвоведения в археологии палеолита // Методы естественных наук в археологических реконструкциях. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 98 – 105.

Деревянко А.П., Дергачёва М.И., Николаев С.В., Петрин В.Т. Многослойная палеолитическая стоянка Кара-Бом (Горный Алтай): экологические условия жизни древнего человека // Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. – М.: Геологический ин-т РАН, 1994. – С. 85.

Деревянко А.П., Дергачёва М.И., Петрин В.Т. Реконструкция условий жизни палеолитического человека в среднегорном Алтае (на примере стоянки Кара-Бом) // Altaica. – 1994. – № 4. – С. 15 – 17.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Димо В.Н., Розов Н.Н. Термические критерии как основа фациально-провинциального разделения почв // Почвоведение. – 1974. – № 5. – С. 12 – 22.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Ковалев Р.В., Волковинцер В.И. Структура почвенного покрова и схема классификации почв Горно-Алтайской автономной области // Докл. сибирских почвоведов к IX Междунар. конгр. почвоведов. – Новосибирск: Ин-т почвоведения и агрохимии СО АН СССР, 1968. – С. 7 – 15.

Куминова А.В. Растительный покров Алтая. – Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1960. – 450 с.

Макеев П.С. Природные зоны и ландшафты. – М.: Географгиз, 1956. – 320 с.

Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. – М.: Мысль, 1977. – 293 с.

Неуструев С.С. Элементы географии почв. – М.; Л.: Сельхозгиз, 1930. – 240 с.

Николаев С.В. Геология и палеогеография межгорных котловин Горного Алтая // Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стра-

тифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Прил. 1. – С. 185 – 221.

Почвы Горно-Алтайской автономной области. – Новосибирск: Наука, 1973. – 352 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачёва, Т.А. Дупал, С.А. Ефремов, А.Н. Зенин, А.И. Кривошапкин, О.А. Куликов, Е.М. Малаева, С.В. Маркин, С.В. Николаев, Т.И. Нохрина, В.Т. Петрин, А.А. Поздняков, С.М. Попова, Е.П. Рыбин, Ю.Г. Симонов, И.Н. Феденёва, Л.М. Чевалков, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

Путеводитель почвенной экскурсии по Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1967. – 148 с.

Роде А.А. Система методов исследования в почвоведении. – Новосибирск: Наука, 1971. – 93 с.

Симонов Ю.Г., Малаева Е.М., Куликов С.А. Палинология, закономерности динамики палеорастительности и возрастные рамки палеоклиматических фаз по разрезу многослойной стоянки Кара-Бом // Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Прил. 3. – С. 256 – 260.

Соколов И.А. Теоретические проблемы генетического почвоведения. – Новосибирск: Наука, 1993. – 232 с.

Справочник по климату СССР. – Л.: Гидрометеоиздат, 1965. – Вып. 20, ч. 1 – 5.

Фридланд В.М. Опыт почвенно-географического разделения горных систем СССР // Почвоведение. – 1951. – № 9. – С. 521 – 535.

Фридланд В.М. К вопросу о зависимости структуры вертикальной зональности почв горных стран от климатических условий (на примере Большого Кавказа) // Вопросы физической географии. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 44 – 54.

Фридланд В.М. Структура почвенного покрова. – М.: Мысль, 1972. – 424 с.

Dergacheva M.I. The pedogumic method of paleoecological reconstruction // VII Nordic conference on the application of scientific methods in archaeology. Finland, sept. 1996: Abstracts. – Savonlinna, 1996. – P. 15.

Dergacheva M.I. New approaches to the reconstruction of environment of ancient mens inhabitation // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 78 – 83.

Материал поступил в редколлегию 06.08.2000 г.

УДК 903.2

К. Монигал*Отделение антропологии, Южный Методистский университет
Даллас, Техас, 75275, США**Dept. of Anthropology, Southern Methodist University, Dallas, Texas, 75275, U.S.A.*

ПЛАСТИНЧАТЫЕ ИНДУСТРИИ НИЖНЕГО, СРЕДНЕГО И НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА В ЛЕВАНТЕ

Введение

Выделение и признание комплексов, содержащих значительное количество пластин в бесспорно доверхнепалеолитическом контексте, происходило подобно взятию штурмом хорошо защищенной крепости. Это особенно ощутимо в публикациях второй половины XX в. в Западной и Восточной Европе [Cahen, 1984; Conard, 1990; Révillion, 1994; Chabai, Sitlevy, 1994; Chmielewski, 1972], Центральной Азии [Schäfer, Ranov, 1998; Sitlevy-Escutenaire, Sitlevy, 1996] и Африке [McBurney, 1967; Singer, Wymer, 1982]. Изготовление пластин на столь раннем этапе было в большинстве случаев спорадическим и не свидетельствовало о явной эволюции, направленной к пластинчатым индустриям верхнего палеолита. Однако на Ближнем Востоке в древнекаменном веке существовала традиция производства пластин, которая прослеживается в амудийской (Amudian), доориньякской (Pre-Aurignacian) и хуммалийской (Hummalian) индустриях нижнего палеолита, раннемустьерских комплексах, позднемустьерских индустриях отдельных стоянок, расположенных на юге Леванта, и в верхнепалеолитических комплексах.

Несмотря на наличие хронологической схемы расположения рассматриваемых индустрий (их возраст определяют породы крупнозернистого камня, который использовали для изготовления изделий), пока неизвестно, как они были связаны (и были ли?) между собой и с одновременными каменными индустриями Леванта, в которых пластины отсутствуют. С самого начала систематических раскопок в данном регионе исследователи пытались найти ответы на эти вопросы [Turville-Petre, Keith, 1927; Garrod, 1928; Neuville, 1931]. Хронологическая и эволюционная схема, раз-

работанная на начальном этапе исследования [Neuville, 1934; Garrod, Bate, 1937], впоследствии была уточнена, но до сих пор специалисты руководствуются принципами, лежащими в основе этой схемы. К началу 1970-х гг. большинство экспертов согласились с тем, что на Ближнем Востоке среднепалеолитические индустрии развивались в местах, где нижнепалеолитические отсутствовали, и эволюционировали в верхнепалеолитические; при этом в переходные периоды происходили синхронные изменения в технике обработки камня и в типологии орудий [Copeland, 1970, 1975; Marks, 1983; Perrot, 1968].

В силу своей всеохватывающей стратиграфии пещера Табун (Tabun) является ключевой среди нижне- и среднепалеолитических стоянок Леванта с четкой последовательностью слоев. Так или иначе, ее неизменно считают памятником, демонстрирующим единую линию развития каменных индустрий от ашеля до позднего мустье. Между тем пластины и верхнепалеолитические типы орудий обнаруживаются спорадически во всех слоях пещеры. Схема, основанная на принципе разделения комплексов на хронологические этапы, типологически соответствовавшие индустриям пещеры Табун, начинается с тэйяка (Taуас) и развитого ашеля, представленного в пещере Табун (Tabun G, F); позднее появляются нелеваллуазские изделия из пластин в сочетании с ашело-ябрудийской (Acheulo-Jabrudian) технологией бифасов (Tabun E); в раннем мустье Леванта (Tabun D) впервые встречаются нуклеусы, с которых однонаправленными ударами скалывали удлиненные леваллуазские острия и пластины; в позднем мустье Леванта (Tabun C) ударами, направленными к центру нуклеуса, получали широкие леваллуазские отщепы; на заключительном этапе позднего мустье Леванта (Tabun B) происходит возвращение к

Рис. 1. Карта Леванта с указанием местонахождений пластинчатых индустрий.

1 – доориньякские местонахождения, 2 – амудийские, 3 – хуммалейские, 4 – раннемустьерские местонахождения Леванта, 5 – памятники заключительного этапа среднего – начала верхнего палеолита, 6 – местонахождения с раннеахмарийской пластинчатой индустрией.

однонаправленным ударом по нуклеусу для получения острий и удлиненных изделий, однако последних становится заметно меньше. Рассматриваемая схема находит продолжение за пределами пещеры Табун, в индустриях, где технология изготовления пластин путем двунаправленного скалывания их с нуклеусов характеризует заключительный этап среднего палеолита или переходный период к верхнему, а также в индустриях ранней поры верхнего палеолита, в которых вновь преобладает технология получения пластин однонаправленным расщеплением нуклеусов.

В Леванте перемены к увеличению производства пластин и усовершенствованию технологии их изготовления происходили не простым векторным путем. Хотя высказывалось предположение о том, что, по крайней мере, в пещере Табун индустрия типа D развивалась из амудийской нижележащего культурного

слоя [Jelinek, 1981], и было отмечено [Marks, 1988], что в пустыне Негев, на стоянке Бокер-Тачтит (Boker Tachtit), относимой к переходному периоду от среднего к верхнему палеолиту, представлена технология изготовления пластин, в чем-то сходная с табунской (индустрия типа D) близлежащих мустьерских стоянок. Поэтому подтверждение непрерывности развития палеолитических индустрий Леванта следует искать, скорее всего, в наиболее древних из тех индустрий, в которых пластины составляют значительную часть комплекса, а не там, где системы расщепления нуклеусов обеспечивали производство только одних отщепов.

В данной статье речь пойдет о традиционном производстве пластин, как оно представляется по материалам каменных индустрий Леванта: доориньякской, амудийской, хуммалейской (нижний палеолит); ранне-мустьерской, поздне-мустьерской (или “переходной”); начальной стадии верхнего палеолита и раннеахмарийской (Early Ahmarian) (рис. 1). В большинстве случаев эти индустрии существовали одновременно с другими, непластинчатыми, и отличаются не только тенденцией изготовления пластин, но и типологией изделий, для которой характерно существенное присутствие компонентов верхнепалеолитических комплексов – удлиненных пластин и острий. Кроме того, рассматриваемые индустрии примечательны наличием разных технологических систем, предусматривающих получение не только пластин, но и отщепов. В то время как технологии ранних пластинчатых индустрий можно разделить на леваллуазские и нелеваллуазские, а качественные различия в характеристике пластин уже давно выделены, состав дебитаж для каждого типа каменной индустрии еще только начинают определять в количественном отношении. Между тем наличие четкого представления о специфических системах расщепления камня является одним из условий для выделения тех или иных индустрий и первым шагом к установлению их родства.

Пластинчатые индустрии нижнего палеолита

Амудийскую, доориньякскую и хуммалейскую индустрии традиционно относили ко второй половине нижнего палеолита, главным образом из-за их стратиграфического контакта и сочетания с бифасиальными орудиями, хотя некоторые авторы считают их среднепалеолитическими (напр.: [Bar-Yosef, 1989; Bordes, 1977; Jelinek, 1992]). В том нет существенного различия, ибо все три являются посташельскими и до-мустьерскими индустриями Леванта, как стратиграфически, так и согласно их абсолютной датировке.

Использование терминов “амудийская” и “доориньякская” имеет сложную историю (см.: [Jelinek,

1990]), и обозначаемые ими комплексы изделий вызвали в свое время необычайно острые дебаты по поводу их происхождения и хронологического расположения [Bordes, 1958 – 1961, 1960, 1977; Garrod, 1956, 1958 – 1961; Garrod, Kirkbride, 1961a, б]. Пока что нет единого мнения относительно терминологии и того, как связаны между собой эти нижнепалеолитические индустрии. По всему Северному и Центральному Леванту широко распространены различные трансформации позднеашельской и ябрудийской (без пластинчатых компонентов) индустрий [Bar-Yosef, 1998a; Copeland, Hours, 1983; Muhesen, 1992; Copeland, 1998], но амудийские и доориньякские имеют весьма ограниченное распространение (они известны по шести стоянкам) и демонстрируют малоопытные технологические и типологические различия.

Доориньякская индустрия обнаружена всего на двух памятниках: на стоянке Ябруд I (Jabrud), уровни 13 и 15, и в пещере Хауа-Фтеа (Haua Fteah) в Сиренаике [McBurney, 1967]. Ф. Борд описал индустрию в Ябруде I как без всякого сомнения доориньякскую [Bordes, 1955]. Она характеризуется достаточно высоким индексом пластинчатости – около 40 [Bordes, 1955; Bakdach, 1982]. Более половины нуклеусов – призматические, чаще одноплощадочные, для скалывания пластин. Первоначальные ударные площадки оформлялись снятием одного отщепца. Следы пришлифовки или мелкой ретуши на них отсутствуют. Обычно использовались реберчатые сколы [Bakdach, 1982; Rust, 1950]. Пластины эти довольно короткие, в среднем 40 – 60 мм в длину, треугольные или трапецевидные в поперечном сечении; их края параллельны, а ударные площадки большей частью нефасетированные. Отщепцы встречаются почти столь же часто, как и пластины. Они скалывались с дисковидных и шаровидных нуклеусов, т.е. использовалась совершенно иная технология расщепления камня.

Анализ пластин и отщепов со стоянки Ябруд I не позволяет говорить о применении леваллуазской техники при их изготовлении. Леваллуазские нуклеусы в коллекции находок отсутствуют [Bakdach, 1982; Bordes, 1955]. Хотя пластины и отщепцы встречаются почти в равном количестве (52 и 48% соответственно), экземпляров со следами ретуши в 3 раза больше среди пластин [Bakdach, 1982]. Этот факт позволяет предполагать, что в производстве заготовок для будущих орудий предпочтение отдавали пластинам.

В коллекции находок со стоянки Ябруд I представлено много верхнепалеолитических типов орудий (рис. 2): скребки типа карене, концевые скребки на отщепцах и ретушированных пластинах, двугранные резцы и резцы на усеченных пластинах и отщепцах, проколки и ориньякские пластины [Bordes, 1955]. Ножи со спинкой, столь характерные для амудийской индустрии, здесь не встречаются [Copeland, Hours, 1981].

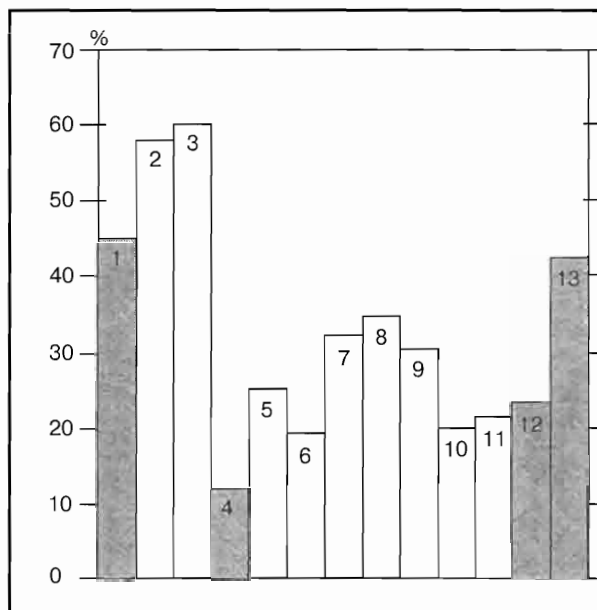

Рис. 2. Удельный вес орудий верхнепалеолитических типов (ограниченных группой III) в индустриях Леванта. 1 – доориньякская индустрия: Ябруд I, уровень 15 [Bordes, 1955]; 2, 3 – амудийская индустрия: 2 – Табун, слой 48 В, участок XI [Jelinek, 1975], 3 – Абри-Цумоффен, навес [Copeland, 1978]; 4 – хуммалейская индустрия: Бир-эль-Хуммаль-1а [Copeland, 1985]; 5 – 11 – индустрия раннего мустье Леванта: 5 – Нахр-Ибрагим, северная галерея [Monigal, in press], 6 – Табун, участок IX [Jelinek, 1981], 7 – Кзар-Акил XXVIII В [Marks, Volkman, 1986], 8 – Кзар-Акил XXVIII А [Marks, Volkman, 1986], 9 – Рош-Эйн-Мор [Crew, 1975], 10 – Нахал-Акев, уровень 3 [Munday, 1976], 11 – D 40 [Munday, 1976]; 12, 13 – индустрия заключительного этапа среднего палеолита: 12 – Айн-Дифла [Clark et al., 1997; Clark, Lindly, 1984], 13 – Бокер-Тачтит, уровень 1 [Volkman, 1989].

Мустьерских орудий относительно мало (индекс скребел равен 23,3, индекс узких скребел группы IV – 8,3), а бифасиальных орудий нет [Bordes, 1955; Rust, 1950].

В Ливии, в пещере Хауа-Фтеа, Ч. Мак-Бёрни [McBurney, 1967] отнес к доориньякским два уровня с каменными изделиями, залегающими в слоях, мощность каждого из которых примерно 0,2 м (слои 178, 176 – 170 и 69). Термин “доориньякский”, за неимением лучшего, он заимствовал у А. Руста [Rust, 1950]. Доориньякские уровни здесь перекрываются мустьерскими, и нигде в пещере не найдены изделия, характерные для ябрудийского или ашельского комплексов. В доориньякской индустрии из Хауа-Фтеа массивные пластины “не отличаются от истинно верхнепалеолитических”, за исключением их больших и нефасетированных ударных площадок [McBurney, 1975, р. 420]. В наборе орудий представлены угловые резцы, пластины с ретушью и в очень небольшом количестве концевые и боковые скребки (2,0 и 3,5% соответственно, в целом для всех перечисленных слоев) [McBurney, 1967]. В действительности же, как позднее отмечал Ч. Мак-Бёрни [McBurney, 1975, р. 421], этот комплекс более сходен с амудийским,

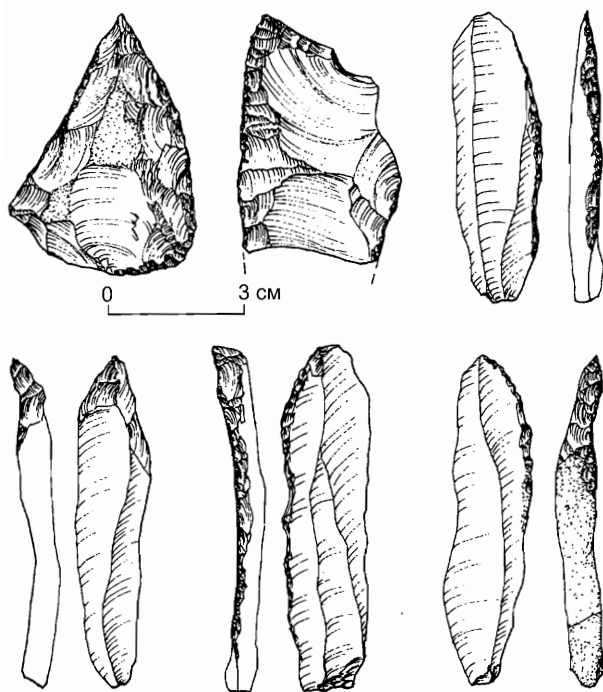

Рис. 3. Амудийская индустрия. Табун, участок XI.

описанным по материалам раскопок под навесом на стоянке Абри-Цумоффен у г. Адлуна (Abri Zumoffen/Adlun) [Garrod, Kirkbride, 1961a, б], нежели с доориньякским стоянки Ябруд: как в пещере Хауа-Фтеа, так и под навесом на стоянке Абри-Цумоффен представлены нелеваллуазские комплексы со значительной долей пластин, но весьма немногочисленным и не впечатляющим набором орудий.

Амудийская индустрия, насколько позволяют судить о том материалы из пещеры Табун [Garrod, 1956], из слоев под навесом на стоянке Абри-Цумоффен [Garrod, Kirkbride, 1961a, б; Copeland, 1975, 1978], пещеры Зуттиех (Zuttiyeh) в Израиле [Gisis, Bar-Yoser, 1974; Turville-Petre, Keith, 1927] и грота Эль-Маслук (El-Masloukh) в Ливане [Skinner, 1970; Ronen, 1992], воспринимается, по существу, как региональный вариант доориньякской индустрии. Д. Гаррод использовал термин “амудийская” ввиду того, что комплексы памятников Табун, Абри-Цумоффен и Зуттиех имели наборы орудий, в которых было много пластин со спинкой и мало бифасов, в то время как доориньякский набор орудий со стоянки Ябруд примечателен наличием резцов и концевых скребков при отсутствии бифасов [Garrod, Kirkbride, 1961a].

Пластины амудийской индустрии длинные и массивные, треугольные в поперечном сечении, с параллельными краями и значительной по размерам нефасетированной ударной площадкой. Нуклеусы, с которых скалывали такие пластины, были плоскими, иногда приближались к протопризматическим, а изначальные

ударные площадки оформлялись скалыванием одного крупного поперечного отщеп. Снятие пластин всегда велось с помощью отбойника, изготовленного из камня твердой породы, и давало изделия с выпуклыми ударными бугорками. Однонаправленные удары оставляли на поверхности нуклеусов более или менее параллельные негативы сколов, и поэтому лишь в относительно редких случаях отдаленные от центра концы фасеток на нуклеусах, а также на спинках пластин сходятся в одной точке [Copeland, 1983; Jelinek, 1975; Ronen, 1992; Skinner, 1970; Turville-Petre, Keith, 1927]. На участке XI пещеры Табун были обнаружены атипичные реберчатые сколы, но они могли быть результатом повторной обработки бифасов, характерной для орудий типа прондник. Ничего не сообщалось о подобных находках в слоях под навесом на стоянке Абри-Цумоффен [Garrod, Kirkbride, 1961a, б; Copeland, 1975, 1978], в пещере Зуттиех [Gisis, Bar-Josef, 1974; Turville-Petre, Keith, 1927] или в гроте Эль-Маслук [Skinner, 1970; Ronen, 1992]. В пещере Табун в амудийском комплексе ножи с естественной спинкой встречаются значительно чаще, чем на других памятниках. Такие изделия являются в ряде случаев результатом использования небольших желваков в качестве сырья для нуклеусов, когда до начала расщепления камню почти или вообще не придавали форму нуклеуса.

Для амудийской индустрии характерно необычно большое количество орудий, сделанных из пластин. Так, например, более половины всех амудийских пластин с участка XI пещеры Табун сохраняют следы обработки ретушью (в слоях типа D той же пещеры пластины с ретушью составляют лишь 28%). Амудийские комплексы также имеют очень высокие индексы группы III: 58 в пещере Табун [Jelinek, 1975] и 60 в слоях под навесом на стоянке Абри-Цумоффен [Copeland, 1978]; при этом в наборе орудий доминируют пластины со спинкой, меньше простых боковых скребков и очень низок процент зубчато-выемчатых орудий, резцов и концевых скребков.

Помимо пластин, существенным компонентом амудийских комплексов являются отщепы, однако индекс тех из них, что относят к леваллуазским, очень низкий; нет следов расщепления нуклеусов ударами, направленными к центру или дающими конвергентные сколы [Copeland, 1983; Jelinek, 1975; Turville-Petre, Keith, 1927]. Эти комплексы следовало бы относить к нелеваллуазским. На участке XI пещеры Табун система расщепления, которая давала амудийские пластины, сосуществовала с той, что позволяла получать отщепы и орудия, характерные для комплексов из подстилающего и перекрывающего ашело-ябрудийских культурных слоев (рис. 3).

В действительности же, производство пластин и сочетающихся с ними типов орудий постепенно

возрастало, а затем также постепенно уменьшалось. Для А. Елинека, например, это означало, что, по крайней мере, какое-то время обитатели этой пещеры, помимо обычного для них набора орудий, имели некую потребность в ножах [Jelinek, 1990]. Та же тенденция увеличения, а затем уменьшения производства пластин отмечалась по материалам всех ашело-ябрудийских и амудийских слоев под навесом на стоянке Абри-Цумоффен [Garrod, Kirkbride, 19616, p. 318] и в гроте Эль-Маслук [Skinner, 1970]. После всего сказанного выше амудийская индустрия видится скорее как система с преобладанием вторичной обработки, дополняющая производство ашело-ябрудийских отщепов и орудий.

Хуммалийская индустрия известна по материалам только двух памятников: Бир-эль-Хуммаль (Bir El-Hummal) в бассейне реки Эль-Ком в Сирии (уровень 1а, перекрывающий ябрудийский уровень и подстилающий мустьерские) [Copeland, 1985; Copeland, Hours, 1983; Hours, 1982] и Надауийех-Айн-Аскар (Nadaouiyeh Ain Askar), в 9 км к северу от пос. Эль-Ком [Jagher, 1993; Le Tensorer, Hours, 1989; Le Tensorer, Muhesen, Jagher, 1993]. С 1997 г. оба эти памятника исследовались в рамках научного проекта под руководством Дж.-М. Ле Тенсорера (Базельский университет). Доступная информация об этом содержится только в предварительных отчетах по изучению хуммалийских комплексов. Возможно, подобные комплексы изделий представлены на трех других памятниках в бассейне той же Эль-Ком: Умм-эль-Тлель, Джуваля А и Арида (Oumm El-Tlel, Juwal A, Arida), но, опять-таки, раскопки их еще не закончены. Несмотря на то, что исследования хуммалийской индустрии еще продолжаются, и вопреки тому, что ее иногда считают частью раннемустьерской индустрии Леванта (напр.: [Bar-Yosef, 19986; Julig et al., 1999]), все, кто изучал этот материал, настаивают на его уникальности и явном отличии от амудийских, доориньякских, раннемустьерских и более поздних комплексов Леванта (напр.: [Bergman, Ohnuma, 1983; Besançon et al., 1981; Copeland, 1985; Copeland, Hours, 1983; Hours, 1982; Meignen, 1994; Muhesen, 1992]).

Хуммалийская индустрия имеет, кажется, одну единственную направленность – расщепление камня для получения пластин (рис. 4). Индекс пластин в индустриях Бир-эль-Хуммалья-1а и Надауийех-Айн-Аскар равен около 80 [Hours, 1982; Jagher, 1993], причем отщепы в этих комплексах представлены только теми, что были сколоты во время подготовки нуклеусов к расщеплению [Meignen, 1994, p. 136]. Сами же пластины довольно длинные (в среднем 93 мм), узкие, массивные, с параллельными краями, обычно с большой нефасетированной ударной площадкой и выпуклым ударным бугорком [Bergman, Ohnuma, 1983; Jagher, 1993]. В большинстве своем они, похо-

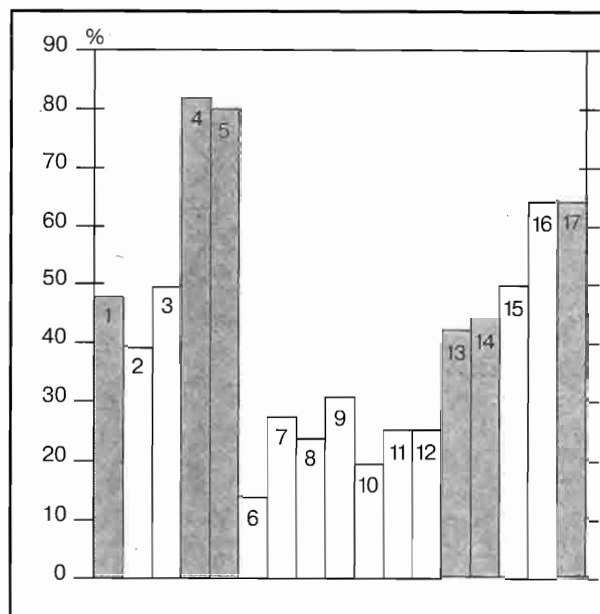

Рис. 4. Индексы пластинчатости.

1 – доориньякская индустрия: Ябруд I [Bakdash, 1982]; 2, 3 – амудийская индустрия: 2 – Абри-Цумоффен, навес [Copeland, 1978], 3 – Табун, слой 751 [Jelinek, 1975]; 4, 5 – хуммалийская индустрия: 4 – Бир-эль-Хуммаль-1а [Bergman, Ohnuma, 1983], 5 – Надауийех-Айн-Аскар [Jagher, 1993]; 6 – 12 – индустрия раннего мустье Леванта: 6 – Нахр-Ибрагим, северная галерея [Monigal, in press], 7 – Кзар-Акил XXVIII В [Marks, Volkman, 1986], 8 – Кзар-Акил XXVIII А [Marks, Volkman, 1986], 9 – Безер В, слой G44 – D/G44 [Copeland, 1978], 10 – Рош-Эйн-Мор [Crew, 1975], 11 – Нахал-Акев, уровень 3 [Munday, 1976], 12 – D 40 [Munday, 1976]; 13, 14 – индустрия заключительного этапа среднего палеолита: 13 – Айн-Дифла [Clark et al., 1997; Clark, Lindy, 1984], 14 – Бокер-Тачтит, уровень 1 [Volkman, 1989]; 15, 16 – индустрия начальной стадии верхнего палеолита: 15 – Бокер-Тачтит, уровень 4 [Volkman, 1989]; 16 – Вади-Агар [Coinman, Henry, 1995]; 17 – ахмариийская индустрия: Бокер А [Jones et al., 1983].

же, были сколоты с нелеваллуазских призматических нуклеусов однонаправленными ударами [Jagher, 1993; Muhesen, 1992]. Очень редко встречаются реберчатые сколы [Copeland, 1985].

В хуммалийской индустрии наиболее распространенным типом орудий были боковые скребки (чаще всего с выпуклым рабочим краем, покрытым захватывающими плоскими фасетками ретуши), совсем непохожие на те, что типичны для ябрудийской индустрии [Hours, 1982]. Остроконечные пластины, обработанные ретушью вдоль одного или обоих краев, и мустьерские острия – наиболее отчетливо выраженные типы орудий хуммалийских комплексов изделий, и на них видны следы обработки ретушью, характерной для боковых скребков [Copeland, 1985]. Эти орудия постепенно эволюционируют от заостренных пластин с “прерывающейся” плоской ретушью до мустьерских удлиненных острий, обработанных сплошной ретушью, и затем до ножей “со спинкой”, заостренных на дистальном конце. Хорошо оформленные выемчатые и реже зубчатые орудия встречаются в

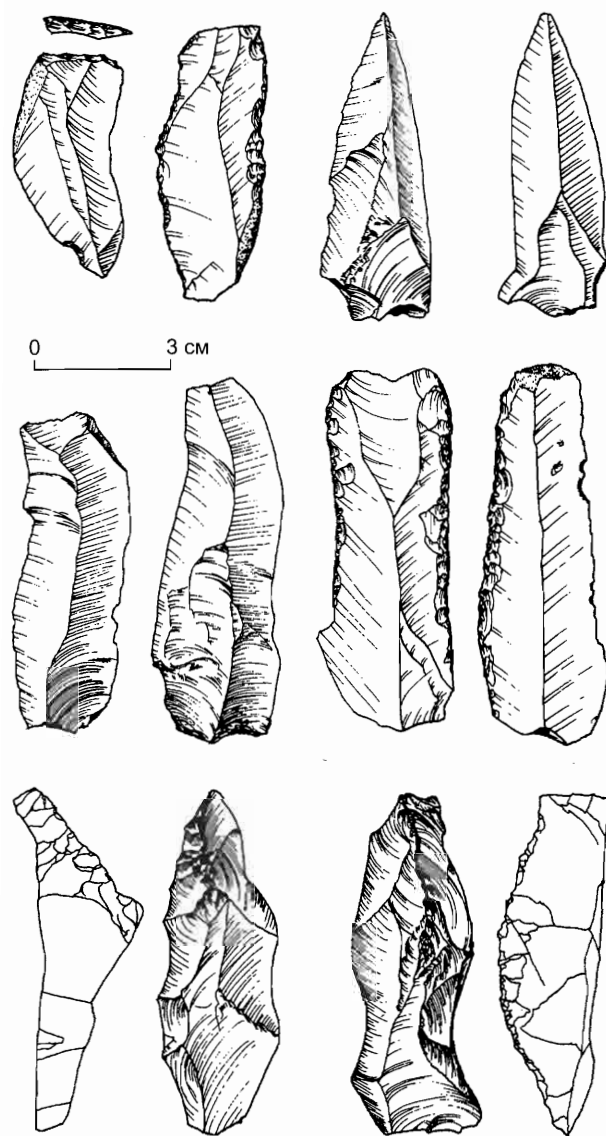

Рис. 5. Раннемустьерская индустрия Леванта.
Нахр-Ибрагим, северная галерея.

комплексе Бир-эль-Хуммал-1а также в довольно большом количестве. Верхнепалеолитические типы орудий представлены всего несколькими резцами, а концевые скребки и сверла отсутствуют [Ibid, 1985], что придает этой индустрии явный “среднепалеолитический” характер, по сравнению с амудийской и доориньякской.

Амудийская, доориньякская и хуммалийская индустрии сходны в том, что в них прослеживаются нелеваллуазские технологии расщепления камня с помощью ударов отбойником, изготовленным из камня твердой породы, для получения отщепов и пластин. Для производства последних частично использовали призматические нуклеусы. Сколотые с них пластины были длиннее и массивнее позднемустьерских и вер-

хнепалеолитических изделий этого типа. Подготовка ударной площадки нуклеусов была простой или вообще не имела места. Подготовка поверхности скалывания спорадически давала реберчатые сколы, а снятие самих пластин поддерживало в рабочем состоянии фронтальную поверхность нуклеусов и вело к получению весьма высокого процента естественных ножей со спинкой. Эти три ранние пластинчатые индустрии имеют ярко выраженные различия в типологии орудий и типах ретуши, а также в наличии или отсутствии стратегии расщепления для получения широких отщепов.

Среднепалеолитические пластинчатые индустрии

По сравнению с предшествующими индустриями, раннемустьерские индустрии Леванта и те, что относят к заключительному периоду среднего палеолита, примечательны наличием менее массивных конвергентных пластин, у которых меньше галечной корки и лишь изредка есть естественная спинка. Эти характерные черты указывают на более совершенную первоначальную подготовку нуклеуса к расщеплению во времена среднего палеолита, на более тщательную обработку ударной площадки и поверхности скалывания и на стремление снимать однонаправленными ударами острия, особенно удлиненные, которые были существенным компонентом среднепалеолитических пластинчатых индустрий.

Раннемустьерская индустрия типа D в пещере Табун выделена также на многих других памятниках, расположенных как в прибрежных, так и окраинных областях Леванта (см., напр.: [Crew, 1975; Jelinek, 1981; Munday, 1976]). Особенности ее технологии расщепления камня становятся наиболее понятными при сравнении с нижнепалеолитическими комплексами и более поздней, мустьерской индустрией Леванта. Последнюю обычно характеризуют как индустрию с высоким индексом пластин, удлиненных острий, с большим разнообразием верхнепалеолитических типов орудий, включающих резцы, проколки, усеченные орудия и ножи со спинкой, которые встречаются в сочетании с более типичными для среднего палеолита скребками и зубчато-выемчатыми орудиями [Copeland, 1981]. В ней отсутствуют овальные леваллуазские отщепы или короткие и массивные с широким основанием острия, характерные для типов C и D поздневаллуазского мустье.

То, что мы видим в раннелевантийском мустье и не встречаем ни в более ранних, ни в более поздних индустриях, — расцвет систем расщепления камня. Представлены самые разнообразные нуклеусы: дисковидные, классические леваллуазские и их многочисленные вариации, призматические и пирамидальные

для производства пластин однонаправленного, двунаправленного и центростремительного расщепления, а также ядрища, у которых в качестве рабочей использовалась как вся поверхность, так и лишь ее часть [Marks, Monigal, 1995; Monigal, in press; Munday, 1976]. Индекс пластин в раннемустьерской индустрии Леванта варьирует в пределах 20, производство отщепов и острий в ней является, по крайней мере, столь же важным, как и производство пластин [Monigal, in press].

В то время как, вероятно, большая часть пластин считается скорее пластинчатыми отщепами [Waechter, 1952], которые отличаются от простых отщепов только тем, что бывают довольно длинными, имеется достаточное доказательство снятия истинных пластин с одноплощадочных нуклеусов не такого типа, какой описан в связи с находками в слое 4 стоянки Бокер-Тачтит и относится к начальной поре верхнего палеолита [Volkman, 1989] (рис. 5). Речь идет о скалывании пластин с торцовых нуклеусов, рабочая поверхность которых подготавливалась двумя-тремя снятиями, а дистальная и латеральная выпуклость поддерживалась посредством краевых и лицевых сколов. Второй метод, сходный с первым, использовали для расщепления более широких и овальных ядрищ: ударная площадка нуклеуса создавалась снятием одного массивного отщепа, после чего однонаправленными ударами удалялась галечная корка с поверхности скалывания, а далее с этой поверхности снималась серия пластин, включающая и реберчатые с краев нуклеуса. Иногда ударными площадками служили небольшие фасетки сколов, произведенных непосредственно перед началом снятия конвергентных пластин [Marks, Monigal, 1995]. В большинстве случаев этот тип расщепления не может считаться объемным (согласно [Boëda, 1988]), каждый раз использовался только один сегмент объема нуклеуса. Однако есть несколько ядрищ, конечная морфология которых свидетельствует о том, что скалывание велось по всей окружности пирамидальных нуклеусов.

Позднемустьерская индустрия. Относимые к заключительной стадии среднего палеолита комплексы каменных изделий обнаружены на юге Леванта, на стоянках Айн-Дифла (Ain Difla) в Иордании и Бокер-Тачтит в Израиле. Эти комплексы примечательны более высоким, чем в раннемустьерских Леванта, индексом пластин, возросшим использованием двунаправленного расщепления нуклеусов, специально предназначенных для получения пластин и потому технологически отличающихся от нуклеусов для производства отщепов и пластин. За всем этим просматривается стремление перейти от нескольких систем расщепления к одной.

Комплекс изделий Айн-Дифла, убежища под скальным навесом, был описан в предварительных отчетах как аналогичный индустрии типа D в пещере Табун

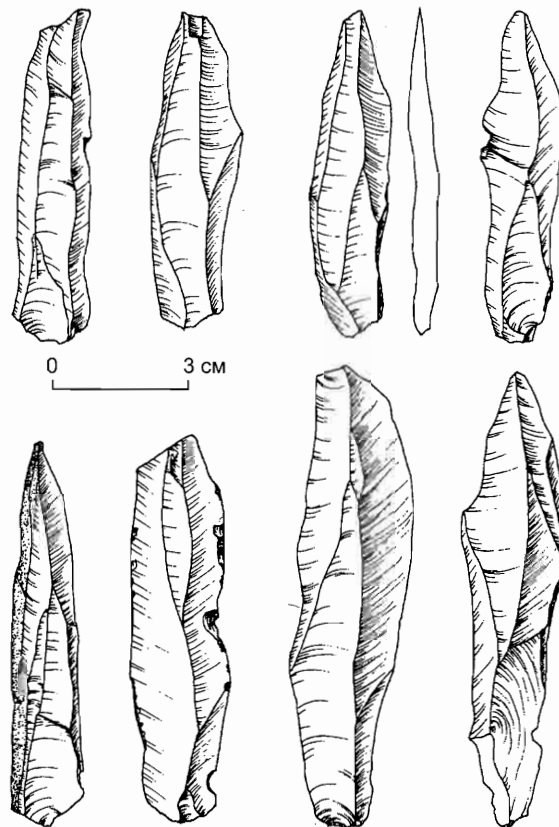

Рис. 6. Индустрия заключительного этапа среднего палеолита. Айн-Дифла.

[Lindy, Clark, 1987; Clark et al., 1987, 1992, 1997], но после просмотра этого материала у меня возникло предположение, что нижние культурные слои (раскопки стоянки велись слоями, примерно по 10 см каждый) содержат больше отщепов, гораздо больше леваллуазских, и меньше пластин, чем верхние. Материал из верхней части стоянки не имеет сходства с индустрией типа D пещеры Табун, но, действительно, очень сходен с тем, что представлен в слое 1 стоянки Бокер-Тачтит (см. также: [Demidenko, Usik, 1993]). Дальнейшие раскопки этой стоянки под руководством Дж.А. Кларка (Аризонский государственный университет, Темпи) и осуществляемый в настоящее время С.Л. Кюном (Университет Аризоны, Туксон) анализ каменных изделий Айн-Дифла, несомненно, прояснят положение этого важного комплекса в палеолите Восточного Средиземноморья.

Верхние культурные слои Айн-Дифла содержат изящные узкие пластины и удлиненные конвергентные острия, сколотые одно- и двунаправленными ударами с нуклеусов, у которых в качестве рабочей использовалась лишь часть поверхности (рис. 6). На нуклеусах со следами двунаправленных сколов противоположные ударные площадки расположены асимметрично. Перед началом расщепления каменные ядрища

тщательно подготавливали к этому процессу. Среди продуктов скалывания имеются реберчатые пластины. Пластинчатые сколы демонстрируют высокий индекс фасетирования ударных площадок. Леваллуазские пластины составляют около половины набора орудий [Clark et al., 1997]. Эти удлиненные, с узким основанием изделия обычно имеют на спинке фасетки двунаправленных сколов. Другие орудия – резцы, проколки, зубчатые формы и пластины с ретушью – немногочисленны и не имеют тщательной отделки [Ibid].

Реконструкция нуклеусов из слоя 1 стоянки Бокер-Тачтит [Volkman, 1989] показала, что после первоначального скалывания галечной корки вдоль длинной оси нуклеуса образовывалась поверхность для снятия реберчатых сколов и оформлялись противолежащие ударные площадки. После удаления реберчатых пластин с поверхности скалывания снимали серию пластин вначале с дистальной, а затем с проксимальной ударных площадок. Этот процесс заканчивался скалыванием леваллуазского острия с фасетками двунаправленных сколов [Marks, Ferring, 1988; Volkman, 1989]. Хотя конечный результат этой стратегии расщепления такой же, что и стратегии однонаправленных сколов для получения леваллуазских конвергентных острий (такая стратегия прослеживается в левантийском мустье), и сработанные нуклеусы также сходны, технологически она отличается снятием реберчатых сколов для создания поверхности скалывания, последовательным использованием противолежащих ударных площадок, преобладанием удлиненных заготовок и значительно большим количеством пластин с параллельными краями. Такие пластины производили с помощью технологии, где устанавливается последовательность в подготовке и последующем расщеплении ядрищ. Орудийный набор этого культурного слоя невелик и неособенно разнообразен: леваллуазские острия с фасетками двунаправленного скалывания, составляющие около 50% орудий, за ними следуют ретушированные пластины, резцы, зубчато-выемчатые формы и концевые скребки [Marks, Kaufman, 1983].

Пластинчатые индустрии начала верхнего палеолита

В комплексах изделий, обнаруженных на стоянках Бокер-Тачтит и Вади-Агар (Wadi Aghar) и отнесенных к началу верхнего палеолита, прослеживается поворот к устойчивому использованию одноплощадочных нуклеусов для интенсивного производства пластин, все еще с помощью тяжелого отбойника, но с частым использованием всей поверхности расщепления; при этом нет свидетельств применения леваллуазской техники, как и изготовления орудий среднепалеолитических типов.

В культурном слое 4 стоянки Бокер-Тачтит выявлены три способа расщепления нуклеусов для получения нелеваллуазских пластин. Использование этих способов зависело от формы ядрища [Volkman, 1983, p. 170 – 174].

1. Для расщепления узких ядрищ с естественным ребром первоначальную ударную площадку нуклеуса оформляли одним ударом по одному краю. Подправка ударной площадки обычно велась с помощью отжимной ретуши, поэтому на торце пластин оставались мелкие фасетки.

2. При расщеплении ядрищ средней ширины, от овальных до прямоугольных, поверхность скалывания занимала от половины до двух третей поверхности нуклеуса. Естественное ребро вдоль длинной оси использовали для того, чтобы сориентировать направление снятия первой пластины. Первоначальная ударная площадка нуклеуса оформлялась так же, как при первом способе расщепления, а затем производилась ее подправка сколом оживления площадки ядрища (tablet), и в таком случае фасеток на торце пластин не было.

3. При расщеплении крупных широких ядрищ ударная площадка оформлялась на самой широкой поверхности и использовалась почти вся окружность ядрища для получения пирамидального нуклеуса. Оформление первоначальной ударной площадки и подправка ее велись сколами, оставляющими мелкие фасетки, поэтому все изделия, снятые с подобных нуклеусов, имели фасетированные концы. Благодаря такой конфигурации нуклеусов с каждого из них скалывали небольшое количество треугольных острий, похожих на леваллуазские из культурного слоя 1 той же стоянки.

В отличие от более ранних индустрий, на начальном этапе верхнего палеолита (слой 4 стоянки Бокер-Тачтит) для оформления поверхности скалывания и подправки ударной площадки большинства нуклеусов использовали реберчатые сколы и сколы оживления (tablet). Пластины конвергентные, разнообразные по форме, трапециевидные и треугольные в поперечном сечении; торцы пластин свидетельствуют о том, что часть из них сколота с нуклеусов, имевших гладкую ударную площадку, а остальные с нуклеусов, у которых перед началом расщепления ударная площадка подвергалась специальной обработке и на ней оставались мелкие фасетки сколов.

В комплексе орудий из слоя 4 стоянки Бокер-Тачтит преобладают острия, но морфология этих изделий не позволяет относить их к леваллуазским [Marks, Kaufman, 1983]. Концевых скребков здесь значительно больше, чем в нижних культурных слоях, но типология орудий в целом сходна с той, что представлена в других слоях стоянки [Ibid]. Изменения, которые прослеживаются в четырех нижних слоях рассматриваемой стоянки, датируемых заключительной

стадией среднего – началом верхнего палеолита, являются по сути своей скорее технологическими, нежели типологическими.

Для стоянки Вади-Агар в Иордании [Coinman, Henry, 1995; Henry, 1997] также характерна технология производства нелеваллуазских пластин однонаправленными ударами отбойников из камня твердых пород по нуклеусам, сходным с пирамидальными из слоя 4 стоянки Бокер-Тачтит в Израиле (см.: [Coinman, 1998, fig. 3, 2]). В то время как материал со стоянки Вади-Агар имеет сходство с тем, что дал слой 4 стоянки Бокер-Тачтит (рис. 7), он отличается двумя особенностями: в нем гораздо чаще встречаются нефасетированные ударные площадки и нет классических сколов оживления (tablet) площадок нуклеусов [Coinman, Henry, 1995]. Как и в слое 4 на стоянке Бокер-Тачтит набор орудий здесь невелик и типологически неразнообразен: доминируют концевые скребки на пластинах, резцы и ретушированные пластины. Наиболее характерным типом орудий, который представлен также в слое 4 Бокер-Тачтит, является конвергентная пластина. На ее спинке вдоль одного бокового края имеется ретушь, идущая от проксимального конца до половины длины пластины.

Недавно было открыто большое количество стоянок, давших комплексы каменных изделий, которые располагаются где-то между индустриями левантского мустье и раннеахмарийской и относятся к т.н. переходному периоду. Сообщалось, что в Тор-Садафе (Tor Sadaf) в вади Ель-Хаса (Иордания) прослеживаются две фазы переходного периода, обозначенные как А и Б, сходные с теми, что представлены на стоянке Бокер-Тачтит в слоях, за которыми следует культурный слой с ахмарийской индустрией. Фаза А характеризуется остроконечными нуклеусами, с которых однонаправленными ударами скалывали удлиненные пластины и леваллуазские острия; ударные площадки нуклеусов были в большинстве случаев фасетированными. Почти то же дают материалы, которые относятся к фазе Б, только “острия” здесь менее симметричные и треугольные, а среди ударных площадок доминируют нефасетированные*. Следующая за индустриями переходных фаз раннеахмарийская вполне типичная, с технологией производства пластин и мелких пластинок с помощью отбойника из камня мягкой породы, с нуклеусами, имеющими одну ударную площадку или две противоположные, и с преобладанием эль-вадских острий (El Wad), остроконечных пластин с ретушью и концевых скребков**. Куль-

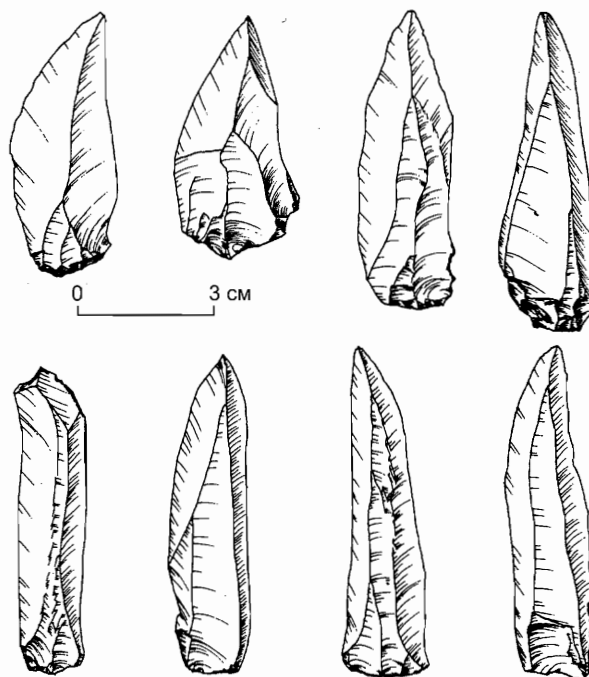

Рис. 7. Индустрия начала верхнего палеолита. Вади-Агар.

турные слои переходного периода на местонахождении Умм-эль-Тлель (Oumm-el-Tlel) в Сирии дают материал, в котором технология изготовления леваллуазских пластин сочетается с верхнепалеолитической типологией орудий [Boëda, Muhesen, 1993; Bourguignon, 1998], в то время как на стоянках Юсагизли (Uçagizli) и Канал (Kanal) в Турции представлена технология производства пластин с использованием остроконечных нуклеусов с фасетированными ударными площадками и однонаправленных ударов отбойником из камня твердой породы, в сочетании с верхнепалеолитическим набором орудий [Kuhn et al., 1999].

С открытием этих новых стоянок, несомненно, будет продолжен спор (см., напр.: [Bar-Yosef, Vandermeersch, 1972; Copeland, 1970; Garrod, 1951, 1955; Marks, Kaufman, 1986; Stekelis, 1954; Volkman, Kaufman, 1983]) по поводу того, какими переменами примечателен переходный период от среднего к верхнему палеолиту: типологического (как на стоянке Кзар-Акил (Ksar Akil)) или технологического характера (как на стоянке Бокер-Тачтит). Важно отметить, что эти стоянки были найдены в ходе интенсивных поисков на ограниченном пространстве вместе с теми, которые относятся ко времени, непосредственно предшествовавшему переходу от среднего палеолита к верхнему или следовавшему за ним. Упор на технологический фактор в предстоящем анализе каменной индустрии недавно открытых стоянок внесет большую ясность в наше представление о том, что

*Fox J., Coinman N.R. Origins of the Levantine Upper Paleolithic: Paper presented at the 65th Annual Meeting of the Society for American Archaeology. Philadelphia, 2000.

**Coinman N.R. The Upper Paleolithic in the Wadi al-Hasa (West-Central Jordan): Paper presented at the 65th Annual Meeting of the Society for American Archaeology. Philadelphia, 2000.

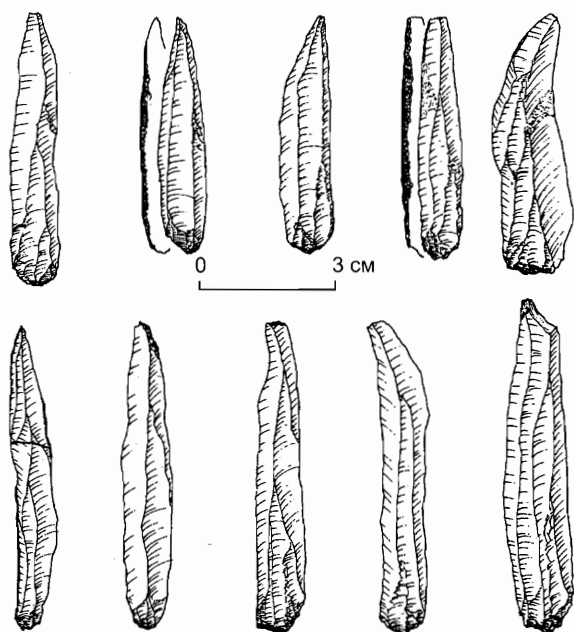

Рис. 8. Раннеахмарийская индустрия. Бокер А.

происходило в течение этого переходного периода, чем имеющаяся сейчас база данных.

Раннеахмарийская индустрия. Среди известных в Леванте ахмарийских комплексов каменных изделий самым древним является тот, что обнаружен на стоянке Бокер А в Израиле и имеет возраст около 38 тыс. лет [Ferring, 1979; Jones et al., 1983]. Проведенный мной недавно анализ материалов, включающий обширную программу по определению способов расщепления нуклеусов для производства пластин на стоянке Бокер А, показал, что переходный период от более ранних систем производства пластин в Леванте к подлинно верхнепалеолитическим был продолжительнее, чем считалось до сих пор. Расщепление всех нуклеусов рассматриваемого комплекса было нацелено на получение пластин и мелких пластинок однонаправленным скалыванием. Предпочтение отдавалось продолговатым, узким заготовкам сырья с естественным ребром, но если такая форма отсутствовала, ядрищу предстояло пройти стадию подготовки до придания ему нужной конфигурации. Первоначальная ударная площадка оформлялась снятием одного массивного отщепы для получения острого внешнего угла площадки. С противоположных боковых краев нуклеуса скалывали реберчатые отщепы, после чего с его лицевой поверхности удаляли одну за другой пластины и мелкие пластинки, причем последние пластины снимали под таким углом, который обеспечивал выпуклость поверхности скалывания. Участок, заключенный между поверхностью скалывания и ударной площадкой, обычно изнашивался и с нуклеусов скалывались очередные сколы оживления (tablet). Площадки пла-

стин небольшие, нефасетированные, ударные бугорки едва заметны, что указывает на технику расщепления с помощью отбойников из камня мягких пород. Пластины эти узкие, тонкие, весьма длинные, конвергентные (рис. 8). Расщепление сходно с тем, что описано как способ 1 по материалам из слоя 4 стоянки Бокер-Тачтит, и отличается только использованием на стоянке Бокер А отбойников из камня мягких пород для снятия сколов оживления ударной площадки (tablet) и реберчатых пластин.

Типологически комплекс Бокер А характеризуется относительно однородным и простым орудийным набором, включающим орудия из пластин или мелких пластинок, обработанных мелкой ретушью, такие как острия типа эль-вад, острия с противоположащей ретушью, а также острия со спинкой. Здесь нет скребков типа карене, очень мало концевых, более того, последние ограничиваются простыми формами на пластинках. Их значительно превосходят численностью (соотношение 6:1) резцы, изготовленные чаще из крупных пластин [Jones et al., 1983]. Помимо того, что в качестве заготовок орудий использовали мелкие пластинки, с той же целью последовательно отбирались побочные продукты расщепления, такие как массивные отщепы и пластины, сколы с галечной коркой и продукты подправки нуклеусов.

Стратегия расщепления нуклеусов на стоянке Бокер А весьма простая, но очень эффективная. Пластиночная технология была разработана до такой степени, что позволяла быстро получать большое количество стандартных пластин и мелких пластинок, а также массивные заготовки для более прочных орудий. Хотя Бокер А, в отличие от других раннеахмарийских стоянок в Леванте, была местом кратковременного пребывания очень небольшой группы людей, она дает материал, характеризующий стратегию расщепления и производства орудий в этот период [Gilead, Bar-Yosef, 1993; Goring-Morris et al., 1998; Phillips, 1991]. В типологии орудий раннеахмарийской индустрии прослеживается отличие от описанных здесь более ранних пластиночных комплексов. Это можно частично связывать с наличием доступных заготовок орудий. Что касается технологии, то здесь никаких отличий не наблюдается: техника однонаправленного расщепления нуклеусов для получения узких пластин, которая зародилась и спорадически использовалась в раннем мустье Леванта и была одним из технологических вариантов в индустрии, представленной в слое 4 стоянки Бокер-Тачтит, применялась с незначительными изменениями и в Бокер А.

Обсуждение проблемы

Наш традиционный подход к выделению индустрии верхнего палеолита из более ранних индустрий

древнекаменного века Леванта основан на наличии двух факторов – пластин и верхнепалеолитических типов орудий, таких как резцы, концевые скребки и ножи со спинкой. Подобный подход является в лучшем случае проблематичным, и вот почему. Каменные индустрии с целенаправленным производством пластин существовали в Леванте на всех этапах палеолита. Хотя орудия верхнепалеолитических типов могли изготавливаться из любых заготовок, в более ранних пластинчатых индустриях типологические компоненты верхнего палеолита представлены порой в большем количестве, чем в одновременных индустриях Леванта, в которых производство пластин не прослеживается.

Поскольку на юге Леванта пластины, относящиеся к нижне- и среднепалеолитическим индустриям, трудно отличить от верхнепалеолитических (рис. 9), очень нелегко распознавать нестандартные и стандартные, хорошо или не столь хорошо изготовленные образцы изделий этого типа. Расщепление пирамидальных нуклеусов для производства пластин прослеживается, хотя довольно редко, даже в амудийской индустрии. Продукты подготовки нуклеусов к расщеплению, такие как реберчатые сколы, встречаются в нижне- и среднепалеолитических индустриях, но редко со следами использования их в качестве орудий, а в начале верхнего палеолита, на стоянках Бокер-Тачтит и Бокер А, они совсем исчезают. Условными культурно-хронологическими показателями становятся следующие: использование сколов оживления (tablet) ударных площадок нуклеусов (что не наблюдалось до начала верхнего палеолита) и полное отсутствие леваллуазской техники и мустьерских типов орудий, таких как боковые скребки и леваллуазские острья.

Пластинчатые индустрии Леванта со временем претерпевают изменения: пластин становится больше, а отщепов и острий меньше; совершенствуются технология изготовления пластин и сами пластины; нет однолинейного развития, которое вело бы к последовательному увеличению производства пластин, скорее, индексы пластинчатости доориньякской и амудийской индустрий сопоставимы с таковыми на верхнепалеолитических стоянках (они весьма высокие в хуммальной индустрии, ниже, хотя значительные, в раннем мустье Леванта, и снова возрастают на стоянках конца среднего палеолита – начала верхнего палеолита); точно так же нет поэтапного изменения длины, ширины и качества пластин.

В последнем десятилетии XX в. палеолитические стоянки были в центре внимания исполнителей обширной программы абсолютного датирования с использованием разного рода анализов: свечения при нагревании, свечения, вызываемого оптическими и инфракрасными лучами, резонанса вращающихся электронов, содержания урана и радиоуглерода (см.: [Schwarcz,

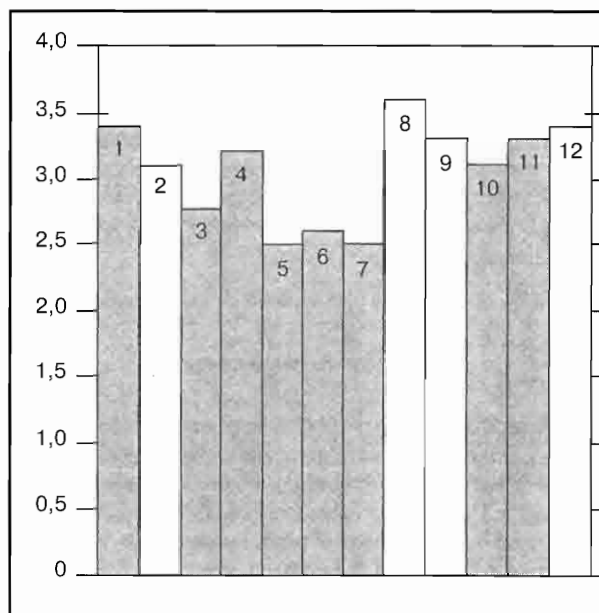

Рис. 9. Соотношения длины и ширины пластин.

1 – амудийская индустрия: Табун, участок XI; 2 – хуммальная индустрия: Бир-эль-Хуммаль-1а [Bergman, Ohnuma, 1983]; 3 – 7 – индустрия раннего мустье Леванта: 3 – Нахр-Ибрагим, северная галерея, 4 – Табун D, участок IX, 5 – D 40, 6 – Рош-Эйн-Мор, 7 – Нахал-Акев, подъемный материал [Munday, 1976]; 8, 9 – индустрия заключительного этапа среднего палеолита: 8 – Айн-Дифла, 9 – Бокер-Тачтит, уровень 1 [Volkman, 1989]; 10, 11 – индустрия начальной стадии верхнего палеолита: 10 – Вади-Агар [Coinman, Henry, 1995], 11 – Бокер-Тачтит, уровень 4 [Volkman, 1989]; 12 – ахмарийская индустрия: Бокер А [Jones et al., 1983].

Rink, 1998; Valladas et al., 1998]). Всякие ссылки на отдельные даты для рассматриваемых здесь памятников должны непременно делаться с учетом расхождений между упомянутыми выше хронологическими схемами. Столь же важно принимать во внимание то, что постоянно совершенствуются сами методы датировки. Так, например, даты, полученные по анализу содержания урана пять лет назад и недавно, не совпадают. Вот почему обсуждение дат в этой статье не предусмотрено. Можно тем не менее говорить о том, что доориньякскую индустрию отделяет от раннеахмарийской промежуток времени в сотни тысяч лет. Значительные временные интервалы, которые, вероятно, разделяют левантийские индустрии пластин, не позволяют говорить с уверенностью о том, что все они, последовательно сменяя друг друга, нашли продолжение в раннеахмарийской индустрии. Однако общее сходство систем расщепления нуклеусов для получения пластин в сочетании со сходством в типологии орудий указывают на существование в Леванте пластинчатой традиции, зародившейся в нижнем палеолите. Технология производства пластин в палеолите Леванта не менялась последовательно, как то имело место во многих других частях мира, а всегда оставалась стабильной.

* * *

Это исследование было частично поддержано грантом, предоставленным автору Фондом национальной науки (SBR – 950 7585) для завершения работы над диссертацией. Я выражаю глубокую признательность Дж.А. Кларку, Д.О. Генри, А. Елинеку, О. Мардеру, А.Э. Марксу и Р.С. Солецкому за предоставленную возможность работать с их археологическими коллекциями.

Список литературы

- Bakdach J.** Das Jungpaläolithikum von Jabrud in Syrien: Ph. D. dissertation. – Köln: Universität zu Köln, 1982. – 329 S.
- Bar-Yosef O.** Geochronology of the Levantine Middle Paleolithic // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans* / Eds. P. Mellars, C. Stringer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 589 – 610.
- Bar-Yosef O.** Early colonizations and cultural continuities in the Lower Paleolithic of Western Asia // *Early Human behavior in global context: the rise and diversity of the Lower Paleolithic period* / Eds. M.D. Petraglia, R. Korisettar. – L.: Routledge, 1998a. – P. 221 – 279.
- Bar-Yosef O.** The chronology of the Middle Paleolithic of the Levant // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998b. – P. 39 – 56.
- Bar-Yosef O., Vandermeersch B.** The stratigraphical and cultural problems of the passage from the Middle to the Upper Palaeolithic in Palestinian caves // *The Origin of Homo Sapiens* / Ed. F. Bordes. – P.: UNESCO, 1972. – P. 221 – 226.
- Bergman C.A., Ohnuma K.** Technological notes on some blades from Hummal Ia, El-Kowm, Syria // *Quartar*. – 1983. – N 33/34. – P. 171 – 180.
- Besançon J., Copeland L., Hours F., Muheson S., Sanlaville P.** Le Paléolithique d'el Kowm: rapport préliminaire // *Paléorient*. – 1981. – N 7 (1). – P. 33 – 35.
- Boëda E.** De la surface au volume: analyse de conceptions des débitages Levallois et laminaire // *Paléolithique Moyen Récent et Paléolithique Supérieur en Europe* / Ed. C. Farizy. Île-de-France: Mémoires du Musée de Préhistoire, 1988. – P. 63 – 68.
- Boëda E., Muhesen S.** Umm El Tlel (El Kowm, Syrie): étude préliminaire des industries lithiques du Paléolithique moyen et supérieur 1991 – 1992 // *Cahiers de l'Euphrate*. – 1993. – N 7. – P. 47 – 92. – (Editions Recherche sur les civilisations, Paris).
- Bordes F.** Le Paléolithique inférieur et moyen de Jabrud (Syrie) et la question du Pré-Aurignacien // *L'Anthropologie*. – 1955. – Vol. 59. – P. 486 – 507.
- Bordes F.** Sur la chronologie du Paléolithique au Moyen Orient // *Quaternaria*. – 1958 – 1961. – Vol. 5. – P. 57 – 69.
- Bordes F.** Le Pré-Aurignacien de Yabroud (Syrie), et son incidence sur la chronologie du quaternaire en Moyen Orient // *The Bulletin of the Research Council of Israel*. – 1960. – N 9G (2/3). – P. 91 – 103.
- Bordes F.** Que sont le Pré-Aurignacien et le Iabroudien? // *Eretz Israel*. – 1977. – Vol. 13. – P. 49 – 55.
- Bourguignon L.** Les industries du Paléolithique intermédiaire d'Umme el Tlel: nouveaux éléments pour le passage entre Paléolithique moyen et supérieur dans le Bassin d'El Khowm // *Préhistoire d'Anatolie: Genèse de Deux Mondes* / Ed. M. Otte. – Liège: Université de Liège, 1998. – P. 709 – 730. – (ERAUL; N 85).
- Cahen D.** Paléolithique Inférieur et Moyen en Belgique // *Peuples Chasseurs de la Belgique Préhistorique dans leur Cadre Naturel* / Eds. D. Cahen, P. Haesaerts. – Brussels: Institut Royal des Sciences Naturelles de Belgique, 1984. – P. 133 – 155.
- Chabai V.P., Sitlevy V.I.** The blade component in the Middle Paleolithic of the Ukraine: origin and evolution // *Les industries laminaires au Paléolithique Moyen* / Eds. S. Revillion, A. Tuffreau. – P.: CRA, 1994. – P. 161 – 177.
- Chmielewski W.** The continuity and discontinuity of the evolution of archaeological cultures in Central and Eastern Europe between the 55th and 25th millenaires BC // *Origine de L'homme Modern* / Ed. F. Bordes. – P.: UNESCO, 1972. – P. 173 – 179.
- Clark G.A., Lindly J., Donaldson M., Garrard A., Coinman N., Schuldenrein J., Fish S., Olszewski D.** Paleolithic Archaeology in the Southern Levant. A Preliminary Report of Excavations at Middle, Upper and Epipaleolithic Sites in Wadi el-Hasa, West-Central Jordan // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. – 1987. – Vol. 31. – P. 19 – 78.
- Clark G.A., Neeley M., Macdonald B., Schuldenrein J., 'Amr K.** Wadi Hasa paleolithic project-1992: a preliminary report // *Annual of the Department of Antiquities of Jordan*. – 1992. – Vol. 36. – P. 13 – 23.
- Clark G.A., Schuldenrein J., Donaldson M., Schwarcz H., Rink J., Fish S.** Chronostratigraphic Contexts of Middle Paleolithic Horizons at the Ain Difla Rockshelter (WHS 634), West-Central Jordan // *The Prehistory of Jordan II: Perspectives from 1996* / Eds. H. Gebel, Z. Kafafi, G. Rollefson. – Berlin: Ex Orient, 1997. – P. 77 – 100. – (Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment; N 4).
- Coinman N.R.** The Upper Paleolithic of Jordan // *The Prehistoric Archaeology of Jordan* / Ed. D.O. Henry. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – P. 39 – 63. – (BAR International Series; N 705).
- Coinman N.R., Henry D.O.** The Upper Paleolithic Sites // *Prehistoric Cultural Ecology and Evolution: Insights from Southern Jordan* / Ed. D.O. Henry. – N.Y.: Plenum Press, 1995. – P. 133 – 214.
- Conard N.J.** Laminar lithic assemblages from the Last Interglacial complex in Northwestern Europe // *Journal of Anthropological Research*. – 1990. – Vol. 46 (3). – P. 243 – 262.
- Copeland L.** The Early Upper Palaeolithic flint material from levels VII – V, Antelias Cave, Lebanon // *Berytus (American University of Beirut)*. – 1970. – Vol. 19. – P. 99 – 147.
- Copeland L.** The Middle and Upper Paleolithic of Lebanon and Syria in the light of recent research // *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant* / Eds. F. Wendorf, A.E. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1975. – P. 317 – 350.
- Copeland L.** The Middle Paleolithic of Adlun and Ras el Kelb (Lebanon): first results from a study of the flint industries // *Paléorient*. – 1978. – Vol. 4. – P. 33 – 57.
- Copeland L.** Chronology and distribution of the Middle Paleolithic as known in 1980 in Lebanon and Syria // *Préhistoire du Levant* / Eds. J. Cauvin, P. Sanlaville. – P.: Éditions du CNRS, 1981. – P. 238 – 263.
- Copeland L.** The Paleolithic industries at Adlun // *Adlun in the Stone Age* / Ed. D. Roe. – Oxford: British Archaeological Reports, 1983. – P. 89 – 209. – (BAR International Series; N 159).

- Copeland L.** The Pointed tools at Hummal 1a (el Kowm, Syria) // *Cahiers de l'Euphrate*. – 1985. – Vol. 4. – P. 177 – 189.
- Copeland L.** The Lower Paleolithic of Jordan // *The Prehistoric Archaeology of Jordan* / Ed. D.O. Henry. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – P. 5 – 22. – (BAR International Series; N 705).
- Copeland L., Hours F.** La fin de l'Acheuléen et l'avènement du Paléolithique moyen en Syrie // *Préhistoire du Levant* / Eds. J. Cauvin, P. Sanlaville. – P.: Éditions du CNRS, 1981. – P. 225 – 238.
- Copeland L., Hours F.** Le Yabroudian d'El Kowm (Syrie) et sa place dans le Paléolithique du Levant // *Paléorient*. – 1983. – Vol. 9 (1). – P. 21 – 37.
- Crew H.L.** An Examination of the variability of the Levalloisian method; its implications for the internal and external relationships of the Levantine Mousterian: Unpublished Ph. D. Dissertation. – Davis: University of California, 1975. – 183 p.
- Demidenko Y.E., Usik V.I.** The problem of changes in Levallois technique during the technological transition from the Middle to the Upper Palaeolithic // *Paléorient*. – 1993. – Vol. 19 (2). – P. 5 – 15.
- Ferring C.R.** Technological variability and change in the late Paleolithic of the Negev: Ph. D. Dissertation. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1979. – 365 p.
- Garrod D.A.E.** Excavation of a Paleolithic cave in Western Judea // *Palestine Exploration Fund Quarterly Statement*. – 1928. – October. – P. 182 – 185.
- Garrod D.A.E.** A Transitional Industry from the base of the Upper Palaeolithic in Palestine and Syria // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 1951. – Vol. 81. – 121 – 129.
- Garrod D.A.E.** The Mugharat el-Emireh in lower Galilee: type station of the Emiran industry // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. – 1955. – Vol. 85. – P. 141 – 162.
- Garrod D.A.E.** Acheuleo-Jabroudien et "Pre-Aurignacien" de la Grotte du Taboun (Mount Carmel): etude stratigraphique et chronologique // *Quaternaria*. – 1956. – Vol. 3. – P. 39 – 58.
- Garrod D.A.E.** Comments on M. Bordes' article "Sur la chronologie du Paleolithique en Moyen Orient" // *Quaternaria*. – 1958 – 1961. – Vol. 5. – P. 71 – 73.
- Garrod D.A.E., Bate D.M.A.** The Stone Age of Mount Carmel. – Oxford: Clarendon Press, 1937. – Vol. 1. – 240 p.
- Garrod D.A.E., Kirkbride D.** Excavation of Abri Zumoffen, a Palaeolithic rockshelter near Adlun in South Lebanon // *Bulletin du Musée de Beyrouth*. – 1961a. – N 16. – P. 7 – 45.
- Garrod D.A.E., Kirkbride D.** Excavation of a Palaeolithic rockshelter at Adlun, Lebanon 1958 // *Berichte über den V internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte* (Hamburg, vom 24 bis 30 August 1958) / Eds. G. Bess, W. Dehu. – Hamburg: Mann, 1961b. – S. 313 – 320.
- Gilead I., Bar-Yosef O.** Early Upper Paleolithic sites in the Qadesh Barnea area, NE Sinai // *Journal of Field Archaeology*. – 1993. – Vol. 20 (3). – P. 265 – 280.
- Gisis I., Bar-Yosef O.** New Excavations in Zuttiyeh cave, Wadi Amud, Israel // *Paleorient*. – 1974. – Vol. 2. – P. 175 – 180.
- Gorring-Morris N., Marder O., Davidzon A., Ibrahim F.** Putting Humpty together again: preliminary observations on refitting studies in the eastern Mediterranean // *The organization of lithic technology in Late Glacial and Early Postglacial Europe* / Ed. S. Milliken. – Oxford: British Archaeological Reports, 1998. – P. 149 – 181. – (BAR International Series; N 700).
- Henry D.O.** Cultural and Geologic Successions of Middle and Upper Paleolithic Deposits in the Jebel Qalkha Area of southern Jordan // *The Prehistory of Jordan II: Perspectives from 1996* / Eds. H. Gebel, Z. Kafafi, G. Rollefson. – Berlin: Ex Oriente, 1997. – P. 69 – 76. – (Studies in Early Near Eastern Production, Subsistence, and Environment; N 4).
- Hours F.** Une nouvelle industrie en Syrie, entre l'Acheulien Supérieur et le Levallois-Mousterien // *Archeologie au Levant*. – Lyon: Maison de l'Orient, 1982. – P. 33 – 46. – (CMO; N 12. Ser. Archeology; Vol. 9).
- Jagher R.** Nadaouiyeh Aïn Askar: un nouveau site Hummalien dans le bassin d'el Kowm (Syrie) // *Cahiers de l'Euphrate*. – 1993. – Vol. 7. – P. 37 – 46.
- Jelinek A.J.** A Preliminary report on some Lower and Middle Palaeolithic industries from the Tabun Cave // *Problems in Prehistory* / Eds. F. Wendorf, A.E. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1975. – P. 297 – 315.
- Jelinek A.J.** The Middle Paleolithic in the Southern Levant from the perspective of the Tabun Cave // *Préhistoire du Levant* / Eds. J. Cauvin, P. Sanlaville. – P.: Éditions du CNRS, 1981. – P. 265 – 280.
- Jelinek A.J.** The Amudian in the context of the Mugharan Tradition at the Tabun Cave (Mt. Carmel), Israel // *The Emergence of Modern Humans* / Ed. P. Mellars. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1990. – P. 81 – 90.
- Jelinek A.J.** Problems in chronology in the Middle Paleolithic and the first appearance of modern humans in Western Eurasia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-sha Press, 1992. – P. 253 – 276.
- Jones M., Marks A.E., Kaufman D.** Boker: the artifacts // *Prehistory and Paleoenvironments of the Central Negev, Israel* / Ed. A.E. Marks. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3. – P. 283 – 329.
- Julig P.J., Long D.G.F., Schroeder H.B., Rink W.J., Richter D., Schwarcz H.P.** Geoarchaeology and new research at Jerf al-Ajla Cave, Syria // *Geoarchaeology*. – 1999. – Vol. 14 (8). – P. 821 – 848.
- Kuhn S.L., Stiner M.C., Gulec E.** Initial Upper Palaeolithic in south-central Turkey and its regional context: a preliminary report // *Antiquity*. – 1999. – Vol. 73. – P. 505 – 517.
- Le Tensorer J.-M., Hours F.** L'Occupation d'un territoire à la fin du Paléolithique Ancien et au Paléolithique Moyen à partir de l'exemple d'el Kowm (Syrie) // *L'Homme de Néandertal*. – Liège: Université de Liège, 1989. – Vol. 6: La Subsistence / Ed. M. Otte. – P. 107 – 114. – (ERAUL; N 33).
- Le Tensorer J.-M., Muhesen S., Jagher R.** Nadaouiyeh I Aïn Askar: une grande séquence paléolithique du bassin d'El Kowm (Syrie), premiers résultats, fouilles 1989 – 1992 // *Cahiers de l'Euphrate*. – 1993. – Vol. 7. – P. 11 – 36.
- Lindly J.M., Clark G.A.** A Preliminary lithic analysis of the Mousterian site of Ain Difla (WHS site 634) in the Wadi Ali, West Central Jordan // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1987. – Vol. 53. – P. 279 – 292.
- Marks A.E.** The Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant // *Advances in World Archaeology*. – N.Y.: Academic Press, 1983. – Vol. 2 / Eds. F. Wendorf, A.E. Close. – P. 51 – 98.
- Marks A.E.** The Middle to the Upper Paleolithic transition in the Southern Levant: technological change as an adaption to increasing mobility // *L'Homme de Néandertal*. – Liège:

Université de Liège, 1988. – Vol. 8: La Mutation / Ed. M. Otte. – P. 109 – 123. – (ERAUL; N 35).

Marks A.E., Ferring C.R. The early Upper Paleolithic of the Levant // *The Early Upper Paleolithic: Evidence From Europe and the Near East* / Eds. J.F. Hoffecker, C.A. Wolf. – Oxford: British Archaeological Reports, 1988. – P. 43 – 72. – (BAR International Series; N 437).

Marks A.E., Kaufman D. Boker Tachtit: The Artifacts // *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3 / Ed. A. Marks. – P. 69 – 126.

Marks A.E., Monigal K. Modeling the production of elongated blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / Eds. H. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison: Prehistory Press, 1995. – P. 267 – 278.

Marks A.E., Volkman P. The Mousterian of Ksar Akil: Levels XXVIA through XXVIIIB // *Paléorient*. – 1986. – Vol. 12 (1). – P. 5 – 20.

McBurney C.B.M. The Haua Fteah (Cyrenaica) and the Stone Age of the Southeast Mediterranean. – Cambridge: Cambridge University Press, 1967. – 387 p.

McBurney C.B.M. Current status of the loer and middle Paleolithic of the entire region from the Levant through North Africa // *Problems in Prehistory* / Eds. F. Wendorf, A.E. Marks. – Dallas: SMU Press, 1975. – P. 411 – 425.

Meignen L. Paléolithique moyen au Proche-Orient: le phénomène laminaire // *Les Industries Laminaires au Paléolithique Moyen* / Eds. S. Révillion, A. Tuffreau. – P.: Éditions du CNRS, 1994. – P. 125 – 161. – (Dossier de Documentation Archéologique; N 18).

Monigal K. Blade production in the Early Levantine Mousterian: Ph. D. Dissertation. – Dallas: Southern Methodist University Press (in press).

Muhsen S. The Transitional Lower-Middle Palaeolithic industries in Syria // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha Press, 1992. – P. 51 – 65.

Munday F.C. Intersite variability in the Mousterian occupation of the Avdat/Aqev area // *Prehistory and Paleoenvironments of the Central Negev, Israel*. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1976. – Vol. 1 / Ed. A.E. Marks. – P. 57 – 68.

Neuville R. L'Acheuléen supérieur de la grotte de Oumm Qatafa // *L'Anthropologie*. – 1931. – Vol. 41. – P. 13 – 51, 249 – 263.

Neuville R. Le préhistorique de Palestine // *Revue Biblique*. – 1934. – Vol. 43. – P. 237 – 259.

Perrot J. La Préhistoire Palestinienne // *Supplément au Dictionnaire de la Bible*. – P.: Letouzey and Ané, 1968. – Vol. 8. – P. 286 – 446.

Phillips J.L. Edge-wear, refitting, and chaîne opératoire: a case study from Sinai // *25 Ans d'Etudes Technologiques en Préhistoire*. – Juan-les-Pins: APDCA, 1991. – P. 305 – 317.

Révillion S. Les industries laminaires du Paleolithique moyen en Europe septentrionale: l'exemple des gisements de Saint-Germain-des-Vaux/Port-Racine (Manche), de Seclin (Nord) et

de Riencourt-les-Bapaume (Pas-de-Calais). – Lille: Université de Lille, 1994. – 186 p. – (CERP; N 5).

Ronen A. The Emergence of blade technology: cultural affinities // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusensha Press, 1992. – P. 217 – 228.

Rust A. Die Höhlenfunde von Jabrude (Syrien). – Neumünster: Karl Wachholtz, 1950. – 154 S.

Schäfer J., Ranov V.A. Middle Palaeolithic blade industries and the Upper Palaeolithic of Central Asia // *Préhistoire d'Anatolie: Genèse de Deux Mondes* / Ed. M. Otte. – Liège: Université de Liège, 1998. – P. 785 – 814. – (ERAUL; N 85).

Schwarcz H.P., Rink W.J. Progress in ESR and U-Series Chronology of the Levantine Paleolithic // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 57 – 68.

Singer R., Wymer J. The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa. – Chicago: University of Chicago Press, 1982. – 234 p.

Sitlevy-Escutenaire C., Sitlevy V. Variabilité des technologies laminaires avant le Paléolithique Supérieur classique dans la région du Lac Baïkal (Sibérie, Russie). Etude complète du matériel. Analyses comparatives avec l'Europe occidentale // *Préhistoire Européenne*. – 1996. – Vol. 8. – P. 49 – 96.

Skinner J. El Masloukh: a Yabroudian site in Lebanon // *Bulletin du Musée de Beyrouth*. – 1970. – N 23. – P. 143 – 172.

Stekelis M. Nouvelles fouilles dans la grotte de Kébara // *Proceedings of the 4th Congress of the U.I.S.P.P.* – Madrid: N.p., 1954. – P. 385 – 389.

Turville-Petre F., Keith A. Researches in Prehistoric Galilee, 1925-26 and Report on the Galilee Skull. – L.: British School of Archaeology in Jerusalem, 1927. – 119 p.

Valladas H., Mercier N., Joron J.-L., Reyss J.-L. GIF Laboratory Dates for Middle Paleolithic Levant // *Neandertals and Modern Humans in Western Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef. – N.Y.: Plenum Press, 1998. – P. 69 – 76.

Volkman P. Boker Tachtit: core reconstructions // *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1983. – Vol. 3 / Ed. A.E. Marks. – P. 127 – 190.

Volkman P. Boker Tachtit: the technological shift from the Middle to the Upper Paleolithic in the Central Negev, Israel: Ph. D. Dissertation. – Dallas: Southern Methodist University Press, 1989. – 665 p.

Volkman P., Kaufman D. A reassessment of the Emireh point as a possible type fossil for the technological shift from the Middle to the Upper Palaeolithic in the Levant // *The Mousterian Legacy* / Ed. E. Trinkaus. – Oxford: British Archaeological Reports, 1983. – P. 631 – 644. – (BAR International Series; N 167).

Waechter J. The Excavation of Jabrud and its relation to the prehistory of Palestine and Syria // *Annual Report / Institute of Archaeology; University of London*. – 1952. – Vol. 8. – P. 10 – 28.

Материал поступил в редколлегию 19.05.2000 г.

УДК 903.2

А.П. Деревянко¹, С.А. Гладышев¹, Д. Олсен², В.Т. Петрин¹, Я. Цэрэндагва³¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: gladyshov@paleo.archaeology.nsc.ru*²*Факультет антропологии, Аризонский университет, США
Department of Anthropology, University of Arizona
Emil W. Haury Anthropology Building, 1009 East South Campus Drive,
P.O. Box 210030, Tucson, Arizona 85721-0030, U.S.A.
E-mail: olsenj@u.arizona.edu*³*Институт истории АН Монголии
ул. Шуудангийнслбар, 19, Улан-Батор, Республика Монголия
E-mail: jganbold@magicnet.mn*

ХАРАКТЕРИСТИКА КАМЕННОЙ ИНДУСТРИИ ПЕЩЕРЫ ЧИХЭН (ГОБИЙСКИЙ АЛТАЙ)

Введение

Обширные пространства Центральной Азии (и в частности Монголии) издавна привлекали внимание исследователей, занимавшихся изучением древнейшего прошлого человечества. Благодаря в основном усилиям российских, монгольских и американских археологов на территории Монголии были открыты и изучены несколько сотен палеолитических объектов. В силу ряда обстоятельств (значительная высота над уровнем мирового океана, ярко выраженная аридность как в прошлом, так и в настоящее время) активное осадконакопление в плейстоцене в Монголии было затруднено. В связи с этим большинство палеолитических памятников на этой территории не имеют погребенного культурного слоя, археологический материал залегает непосредственно на поверхности. Поэтому особое значение приобретает изучение немногочисленных стратифицированных комплексов, таких как стоянки на р. Орхон [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992] и пещера Цаган Агуй [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Петрин и др., 1996, 1998, 2000]. В этой связи многослойная пещерная стоянка Чихэн Агуй, отложения которой фиксируют временной интервал от начальной фазы верхнего палеолита до финала мезолита, имеет важное значение для изучения эволюции культур каменного века.

Пещера Чихэн (рис. 1) расположена на территории сомона Баян-Ундер (Баян-Хонгорский аймак), в невысоком кряже, протянувшемся с юга на север (44°46'22,3" с.ш., 99°04'08,7" в.д., высота над уровнем океана 1970 ± 60 м). Объект был впервые обнаружен в 1988 г. А.П. Деревянко и В.Т. Петриным (рис. 2, 3). На предвходовой осыпи они собрали небольшую коллекцию кремней мезолитического времени и несколько отщепов, явно относящихся к более ранней эпохе [Деревянко, Дорж, Ларичев, Петрин, 1989]. Пещера имеет длину 9,5 м, ширину около 5 м и высоту 2 м. Вход ориентирован на юго-восток, внутренняя полость и предвходовая площадка хорошо освещаются на протяжении большей части дня. Сухая пещера чрезвычайно комфортна для обитания. Пол полого наклонен к выходу. Его поверхность покрыта овечьим слежавшимся пометом [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1996].

Недалеко (в полукилометре) под скалами известняков из подножия делювиального шлейфа выходит нисходящий родник пресной высококарбонатной воды, переходящий в ручей с дебитом 2 – 3 л/с. Практически напротив источника горный хребет, в котором расположена пещера, пересекает узкий каньон. Его почти отвесные стены протянулись с северо-востока на юго-запад (рис. 4).

За четыре полевых сезона (1996 – 1998, 2000 гг.) общая площадь раскопа составила 52 м² (рис. 5)

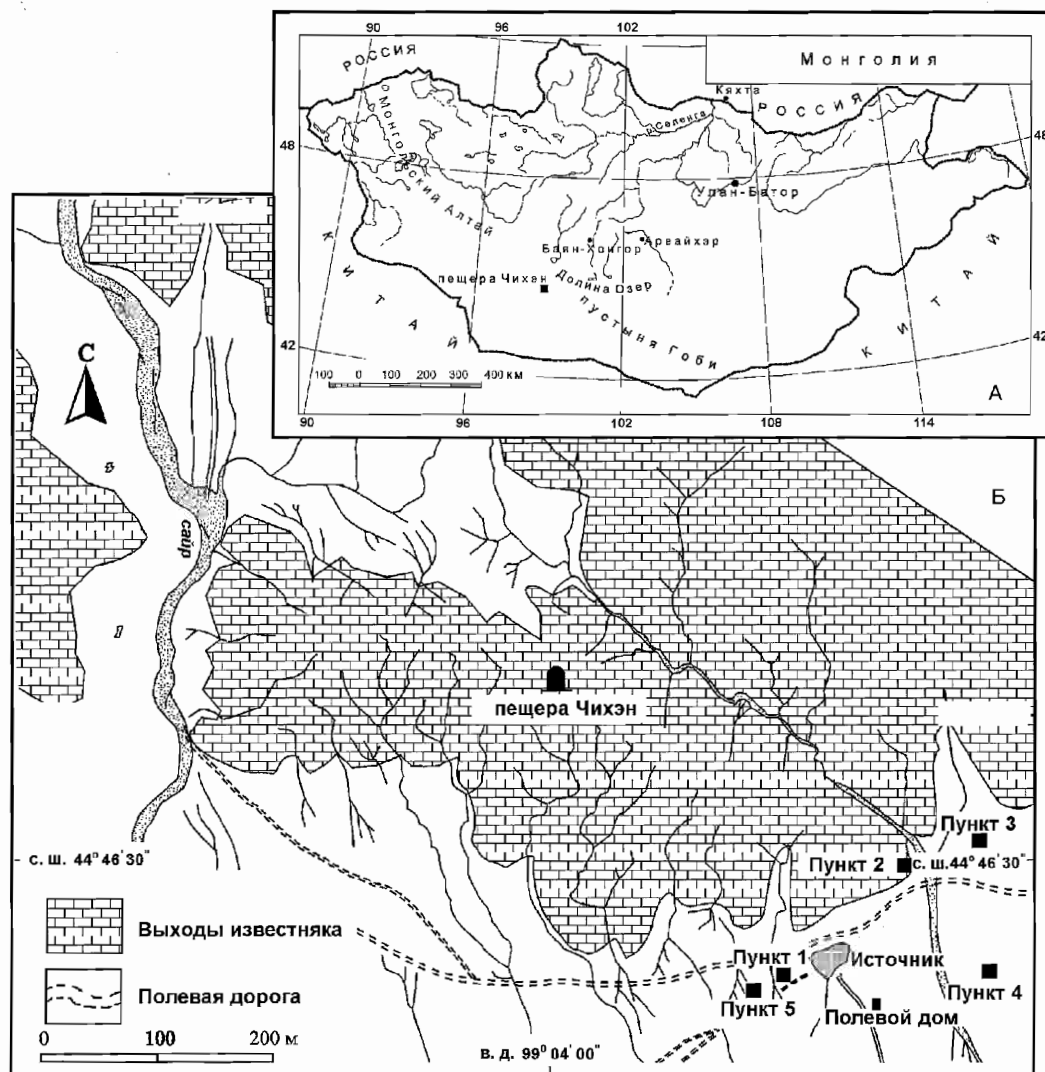

Рис. 1. Местоположение пещеры Чихэн (А) и план местности в районе пещеры (Б).

[Деревянко, Олсен, Петрин и др., 1996, 1997, 1998, 2000]. Культурный слой, содержащий археологический материал плейстоценового времени (соответствует литологическому подразделению 3 стратиграфического разреза), занимает небольшой участок (примерно 12 м²) предвходовой площадки пещеры (рис. 6, А).

Геоморфологическая ситуация в районе пещеры

Пещера расположена в малом, сильно денудированном краже, сложенном слоистыми, разбитыми тектоникой на блоки различных размеров известняками и известняковистыми песчаниками. Остроугольная трещиноватость обусловлена тектоническими явлениями и литологической разнородностью пород. Азимут простирания 140–160°, азимут падения 40–50°, угол

падения 70–80°. По направлениям слоистости породы разбиты трещинами, заполненными молочно-белым кварцем [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 1998]. Вход в грот открывается на сайр и его малый приток, а затем на широкую (до 10–15 км) долину с пологим уклоном. Высота пещеры над долиной 40–50 м. Известняки кража будинированы, некоторые трещины и будины (до 0,3–0,4 м шириной) залечены брекчиями известкового песчаника, сцементированного кварцем, кремневой породой с глинистым наполнителем из коры выветривания и продуктов карстового происхождения.

Ближе к противоположному (от пещеры) борту долины видны мелкие сглаженные денудированные гряды, их высота не превышает 10–12 м над дном долины. Противоположный борт долины представляет собой также невысокие кражи и холмы, за которыми снова располагается пологонаклонная

Рис. 2. Пещера Чихэн.

Рис. 3. Вид на долину с источником из пещеры.

Рис. 4. Каньон, прорезающий горный кряж с пещерой Чихэн.

Рис. 5. Раскоп в пещере Чихэн.

равнина. Скальный хребет, где находится пещера, в основном сложен карбонатно-терригенным субстратом, т.к. среди серых массивов известняков часто встречаются известковистые песчаники (и те, и другие зачастую имеют кварцевые включения). Терригенную составляющую представляют песчаники и алевролиты, сцементированные силикатно-карбонатно-глинистым наполнителем (мощность прослоев 2 – 15 см). На поверхности они отчетливо выделяются пустынным марганцовистым загаром. Будины и кварцевые жилы во многих местах имеют пятнистую малиновую окраску, обусловленную окислами железа, марганца и алюминия.

Продольный стратиграфический разрез пещеры Чихэн

1. Современный гумусный слой темно-серого цвета. Состоит из сильно опесчаненного суглинка с примесью неокатанного щебня и гравия известняка. Конкрекции щебня мелкие, угловатые. Слой гумуса сцементирован современным слежавшимся навозом коз и овец, шерстью и растительной трухой. Образованная таким образом корка легко отделяется от нижележащего горизонта. Текстура породы крупитчатая. Встречаются мелкие глинистые окатыши и белесоватые карбонатные примазки. Граница подошвы неровная. Мощность слоя (3 – 5 см) заметно уменьшается сверху вниз по склону, в глубине пещеры она значительно больше.

2. Опесчаненный суглинок, плотный, крупитчатый. Его цвет варьирует от желтовато-серого до желто-коричневого. Слой насыщен мелкими и средними обломками неокатанного и слабоокатанного известняка. Крупные обломки приурочены к подошве слоя. В квадратах Д-5 и Д-6 (внутри пещеры) наблюдаются прослойки растительной трухи, видимо, заполняющие ходы и норы грызунов. На границе квадратов Д-4 и Д-5 прослеживается линза, окрашенная белыми карбонатными примазками. В слое есть ходы и норы грызунов, гнезда роющих насекомых и реликты корневой системы. Слой 2 условно разделен на два горизонта – 2 и 2а. Горизонт 2а более насыщен мелким обломочным материалом невыветрелых известняков,

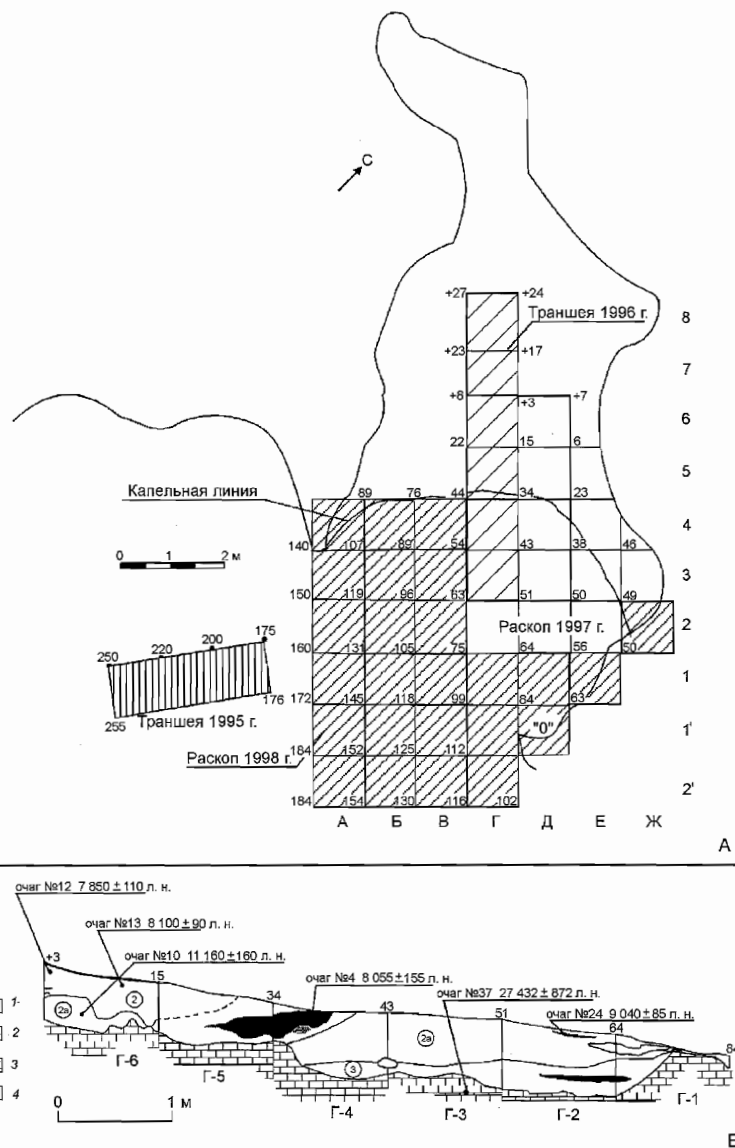

Рис. 6. План пещеры (А) и продольный стратиграфический разрез (Б) по линии Г.
1 – граница слоя, 2 – очаг, 3 – скальное основание, 4 – номер слоя.

равномерно распределенных по толще слоя. Разрушающиеся известняки дают горизонту 2а более серый оттенок. Граница подошвы неровная. Мощность слоя на разных участках варьируется от 22 до 34 см.

3. Песок коричневого цвета, мелко- и среднезернистый, оглиненный, плотный. В данном слое практически отсутствует обломочный материал. Только в подошве слоя присутствуют обломки известняков, что связано, видимо, с разрушением цоколя пещеры. К подошве окраска грунта меняется на красновато-коричневую. На участке квадратов В-4, Г-4 и Д-4 слой нарушен ходами и норами древних грызунов. Мощность слоя равномерна по всей площади раскопа (25 – 30 см). Ниже залегают коренные породы.

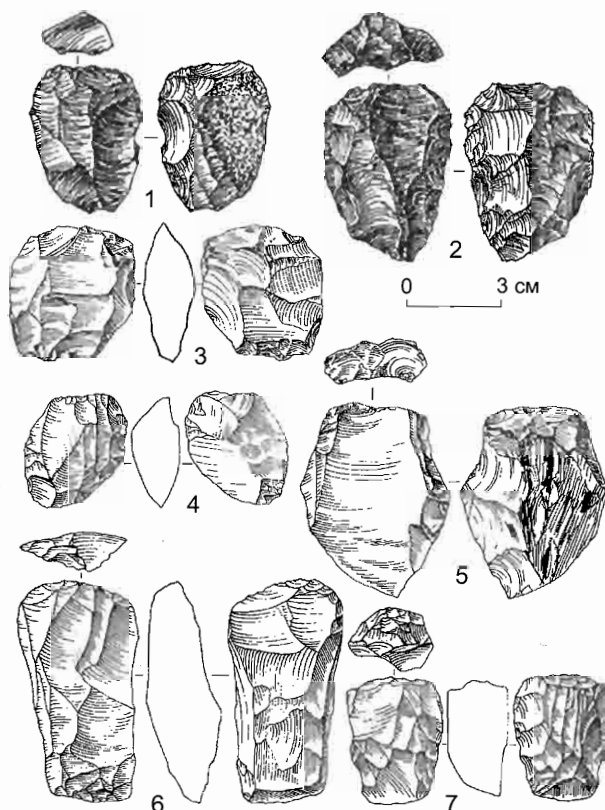

Рис. 7. Пещера Чихэн. Нуклеусы.

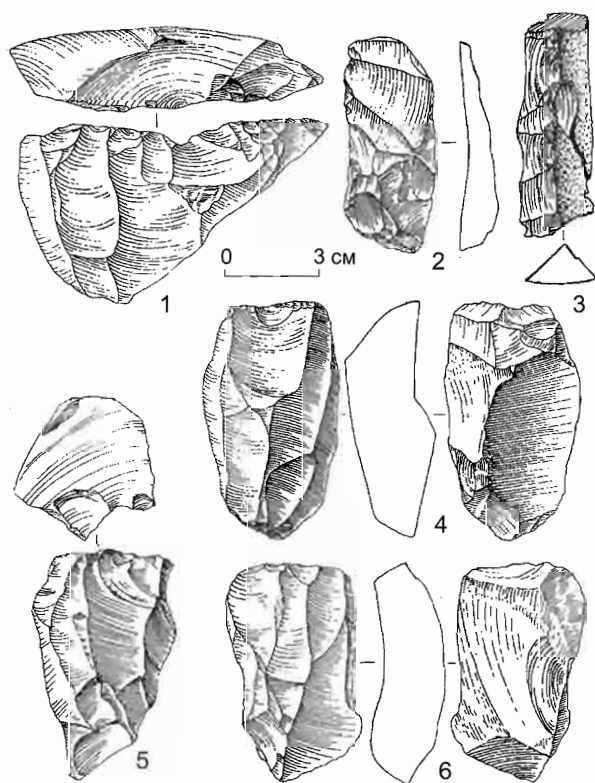

Рис. 8. Пещера Чихэн. Нуклеусы (1, 4 – 6) и сколы с нуклеусов (2, 3).

В литологических горизонтах 2 и 2а зафиксирован археологический материал, относящийся к раннеголоценовому времени в интервале 11 – 7 тыс. л.н. В настоящее время материалы этих горизонтов содержат богатейшую коллекцию клиновидных микронуклеусов, орудий, ретушированных и необработанных микропластин и геометрических микролитов. Помимо этого в раскопе обнаружено более 30 очагов (в том числе и с каменной обкладкой), остатки опорных столбов, интересные конструкции из сухой травы, напоминающие постели. Поэтому фактические данные раннеголоценового комплекса пещеры требуют отдельного осмысления и самостоятельного исследования.

Третий горизонт содержит палеолитический материал финального плейстоцена, который и является предметом нашего исследования. Как уже упоминалось выше, палеолитический слой сохранился на небольшом участке, в заполнении своеобразного углубления в скальном основании пещеры. На остальной площади этот горизонт был разрушен.

Археологическая коллекция

Каменный инвентарь из плейстоценового слоя насчитывает 1 385 экз.

Первичное расщепление

Преформы	2
Нуклеусы	17
Нуклевидные обломки	7
Технические сколы	34

Инструментарий

Скребки	6
Резцы	5
Скребло	1
Ножи	4
Оригинальные орудия	6
Острия	13

Отходы кремневой индустрии

Пластины	70
Пластинки	79
Микропластины	24
Отщепы	496
Сколы и осколки	37
Чешуйки	584

Артефакты, связанные с процессом **первичного расщепления**, составляют 4,33% от общего числа находок. Типологический набор нуклеусов достаточно однообразен, в основном это леваллуазские. Следует отметить, что все нуклеусы представлены финальной стадией сработанности. Об этом свидетельствуют как небольшие размеры изделий, так и следы неоднократного подживления и переоформления предметов.

Среди леваллуазских нуклеусов выделяются изделия для получения заготовок различного типа: отщепов (рис. 7, 3, 4), пластин (рис. 7, 6; 8, 4, 6) и острий (рис. 7, 1, 2, 5). Эти ядрища имеют слегка скошенные ударные площадки, тщательно обработанные мелкими выравнивающими сколами. Поверхность скалывания слабо выпуклая, предварительно подготовлена серией поперечных мелких сколов, приостряющих или оба боковых ребра (рис. 7, 2, 4), или одну из латералей (рис. 7, 3, 5). В последнем случае рабочая поверхность перемещается на торцовую грань нуклеуса (рис. 7, 5, 6; 8, 4, 6). С тыльной стороны леваллуазские ядрища уплощены радиально направленными или поперечными сколами. О целенаправленном приострении латералей свидетельствует и наличие в коллекции продольных технических сколов, дорсальная поверхность которых несет следы негативов поперечных сколов (рис. 8, 2).

Подпризматический нуклеус (единичный экземпляр) имеет слегка скошенную гладкую ударную площадку, оформленную одним сколом. Это изделие также достаточно сильно сработано, практически вся площадь рабочей поверхности занята негативами отделенных заготовок. Контрфронт и правая латераль нуклеуса обработаны поперечными сколами (рис. 8, 5).

Несколько особняком стоят два изделия. Одно из них по всем технико-типологическим признакам может быть идентифицировано как переходный тип от плоскостного к клиновидному нуклеусу (рис. 8, 1). Нуклеус сделан из крупного скола. Ударная площадка прямая, подготовлена поперечными сколами, основание приострено. Фронт скалывания, расположенный на боковой плоскости, служил для получения заготовок пластинчатого облика. Но и на торцовой грани также фиксируется след отделенной пластинки. Второе ядрище является микронуклеусом для получения микропластин (рис. 7, 7). Его прямая ударная площадка тщательно обработана выравнивающими мелкими сколами, а дуга скалывания дополнительно подправлена микроскопическими фасетками. Вся боковая поверхность нуклеуса обработана по периметру мелкими поперечными сколами, основание приостренное. На плоскости скалывания прослеживаются негативы отделенных микропластин. Подобные нуклеусы ранее не встречались в позднплейстоценовых комплексах Монголии. В целом, материалы первич-

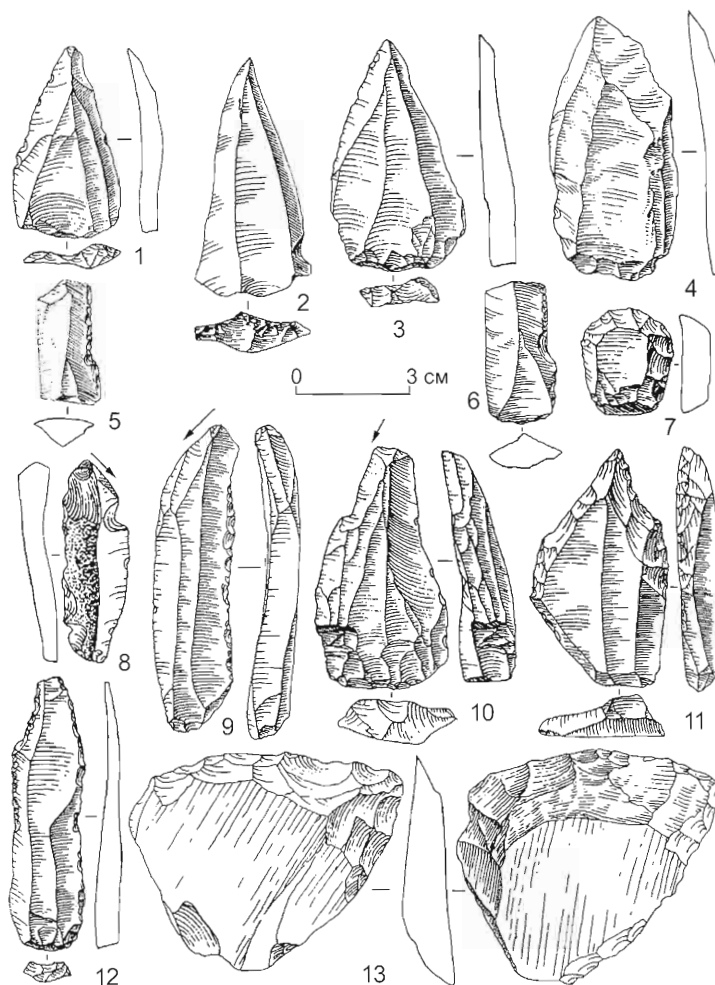

Рис. 9. Пещера Чихэн. Каменный инвентарь.

1 – 4 – острия, 5, 11 – оригинальные орудия, 6 – пластина с ретушью, 7 – концевой скребок, 8 – 10 – резцы, 12 – ножевидное орудие, 13 – скребло.

ного расщепления демонстрируют сочетание леваллуазской и призматической систем скалывания.

Орудийный набор составляет незначительную долю (35 экз.) от всей коллекции артефактов из плейстоценового слоя пещеры Чихэн. В нем преобладают скребки, резцы, оригинальные изделия и острия. В качестве исходных заготовок для оформления подавляющего большинства орудий использовались пластины или их фрагменты.

Среди *скребков* доминируют концевые (5 экз.). Выпуклый рабочий край у них обработан крутой, краевой, мелкофасеточной, чешуйчатой ретушью (рис. 9, 7; 10, 4). Единственный в коллекции боковой скребок изготовлен из медиального сегмента двугранной пластины. На продольном крае этого изделия лицевой, полукрутой, однорядной, мелкофасеточной ретушью оформлен рабочий край.

Резцы подразделяются на угловые (1 экз.) и диагональные (4 экз.). Многофасеточный угловой резец

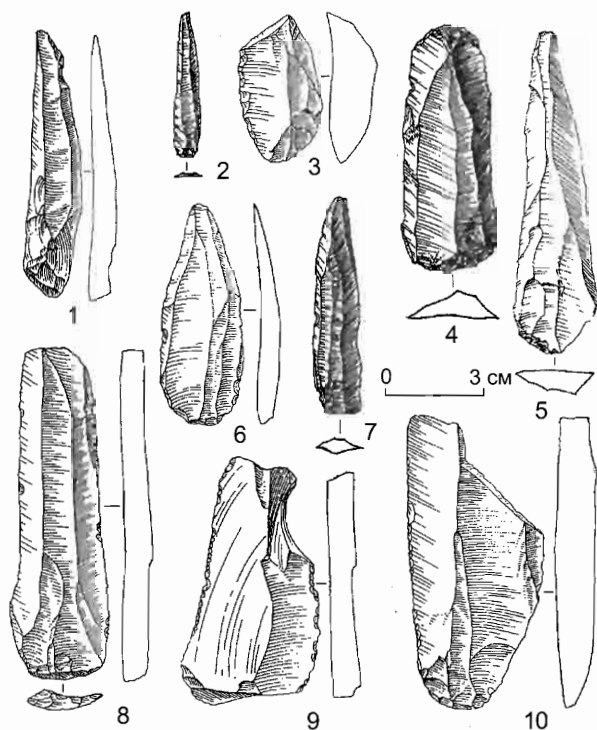

Рис. 10. Пещера Чихэн. Каменный инвентарь.
1, 2, 7 – пластины без ретуши, 3 – оригинальное орудие, 4 – концевой скребок, 5, 6 – острия, 8, 10 – ножевидные изделия, 9 – пластина с ретушью.

(рис. 9, 10) выполнен на фрагменте массивной пластины с нерегулярной огранкой дорсальной поверхности. Диагональные резцы имеют как одну фасетку резцового скола (рис. 9, 8), так и несколько (рис. 9, 9). На боковых краях изделий имеются мелкие фасетки нерегулярной ретуши. Возможно, это ретушь утилизации, появившаяся в результате соприкосновения резцов с рукоятью крепления.

Единственное *скребло* изготовлено из крупного вторичного отщеп (рис. 9, 13). Прямое рабочее лезвие оформлено бифасиально-краевой среднефасеточной ретушью.

Все имеющиеся в коллекции *ножи* (*ножевидные инструменты*) выполнены из тонких правильных пластин различных размеров. Вторичная обработка в виде лицевой, краевой, мелкофасеточной ретуши присутствует только на одном изделии (рис. 9, 12). На боковых краях остальных ножей фиксируются лишь отдельные фасетки ретуши утилизации (рис. 10, 8, 10).

В группу *оригинальных изделий* объединены предметы, которые по своим технико-морфологическим признакам не могут быть отнесены ни к одному из выделенных выше типов. У трех орудий мелкофасеточной, лицевой, краевой ретушью выделен функциональный рабочий участок с дополнительным элементом – выемкой или выступом (рис. 9, 5).

Вышеперечисленные инструменты изготовлены из фрагментов небольших пластин правильной огранки. Два изделия выполнены из массивных отщепов овальной формы, у которых один из боковых краев обработан мелкой однорядной ретушью (рис. 10, 3). Особенно интересен предмет, изготовленный из фрагмента трехгранной пластины. Крутой, практически отвесной ретушью у этого изделия подготовлен оригинальный рабочий элемент в виде шипа с небольшими плечиками (рис. 9, 11).

Самую многочисленную группу изделий составляют *острия*, которые по своим технико-типологическим характеристикам образуют очень устойчивую общность. Пять из них типичные леваллуазские острия – треугольные в плане, с конвергентными боковыми краями и выпуклой фасетированной ударной площадкой (рис. 9, 1 – 3; 10, 6). Примечательным фактом является то, что чихэнские острия отличаются небольшими размерами. Следующие пять изделий этой группы, на наш взгляд, представляют переходный вариант от классических леваллуазских острий к верхнепалеолитическим сколам. Они также имеют выпуклую фасетированную ударную площадку и конвергентные края. Но длина этих изделий намного (более чем в 3 раза) превышает ширину, а их внешний вид более “грацильный” (рис. 10, 5, 7). Несколько особняком стоит острие, по форме аналогичное вышеописанным, но имеющее точечную ударную площадку (рис. 9, 4).

Для определения технико-типологического облика того или иного индустриального комплекса немаловажным является всесторонний анализ так называемых отходов производства, т.е. всей совокупности *дебитажа*. Результаты этой работы приведены в табл. 1, 2.

Прежде всего, следует отметить микролитический характер всей совокупности изделий из плейстоценового слоя пещеры Чихэн (выше уже говорилось о том, что нуклеусы и орудия имеют небольшие размеры). Львиную долю находок составляют мелкие *отщепы* (395 экз.) и *чешуйки* (584 экз.). Среди определимых ударных площадок всех сколов (отщепов, пластин и технических сколов) преобладают гладкие и точечные (см. табл. 1), а у подавляющего большинства отщепов длина практически равна ширине (см. табл. 2). Коллекция палеолитических *пластин* из пещеры Чихэн также демонстрирует микроиндустриальный характер каменного инвентаря. Больше половины их числа составляют пластинки (ширина которых менее 1 см) – 79 экз. и микропластины (ширина менее 0,7 см, а края и грани на дорсальном фазе параллельны) – 24 экз. Основная масса пластин не имеет вторичной обработки (рис. 10, 1, 2). В тех редких случаях, где ретушь фиксируется, она лицевая, краевая, мелкофасеточная (рис. 9, 6; 10, 9).

Корреляция индустрии пещеры Чихэн с синхронными комплексами памятников Южной Сибири и Центральной Азии

Анализ каменного инвентаря из плейстоценового слоя пещеры Чихэн дает основание рассматривать его как цельный, гомогенный комплекс без посторонних примесей. Остатки очагов в культурном слое, типологический состав инвентаря, особенности артефактов, представляющих первичное расщепление, позволяют оценить данный памятник как поселенческий.

Во-первых, нет никаких свидетельств деятельности по первичному апробированию сырья. В материалах памятника полностью отсутствуют куски сырья со сколами апробации, очень мало преформ и первичных сколов. Кроме того, имеющиеся ядрища демонстрируют конечную стадию утилизации: размеры их невелики, а рабочий объем минимален. Технические сколы, которых также немного, относятся к снятиям переоформления, подживления рабочих плоскостей нуклеусов. Да и самих нуклеусов немного (17 экз.), следовательно, операции по раскалыванию сырья и получению заготовок не являлись доминирующими. Во-вторых, орудийный набор также малочислен и ориентирован на определенный тип деятельности. Больше половины орудий составляют инструменты, которые традиционно связывают с переработкой продуктов охоты. Это концевые скребки, резцы и ножевидные орудия. В-третьих, в толще рыхлых отложений, относящихся к плейстоцену, зафиксированы остатки двух очагов, что свидетельствует об относительно длительном обитании людей в пещере. Исходя из этих трех факторов, можно предположить, что пещера Чихэн была сезонным охотничьим лагерем. Тогда становится понятным немногочисленность хорошо обработанных и типологически выраженных орудий. Изделия долговременного пользования люди приносили и затем забирали с собой, оставляя на месте сломанные или утерянные предметы. Для разовых операций (разделка туш убитых животных, первичная обработка) использовались пластины и отщепы.

Анализ всей совокупности фактов, определивших интенсивное освоение пещеры людьми, свидетельствует о наличии благоприятной экологической обстановки в позднем плейстоцене в Гобийском Алтае. Основных факторов, обусловивших привлекательность пещеры Чихэн для древнего человека, три:

1. Литоресурсы не ограничены, каменное сырье было прямо на поверхности и в теле древних конусов выноса (яшма, халцедон, кремнистый песчаник).

2. Основным занятием являлась, видимо, охота, поставляющая львиную долю пищевых ресурсов. Охотники подстерегали животных на водопое, около ключа (см. рис. 1). Недалеко от пещеры (в 350 м) находится ущелье с вертикальными стенками, которое

Таблица 1. Характеристика ударных площадок сколов

Ударные площадки	Отщепы			Пластины	Технические сколы
	крупные	средние	мелкие		
Двугранные	-	2	6	3	-
Фасетированные	-	6	2	1	-
Точечные	2	26	97	23	7
Гладкие	3	29	60	17	15
Галечные	-	4	6	-	1
Неопределимые	1	27	225	26	11
Всего	6	94	396	70	34

Таблица 2. Метрические характеристики отщепов

Отщепы	L < 1 м	L ≥ 1 м	1 м < L < 2 м
Крупные	2	1	3
Средние	10	52	32
Мелкие	31	270	94
Всего	43	323	129

представляет собой наиболее вероятный путь животных к этому ключу (см. рис. 4). Ущелье длиной более 100 м – идеальное место для охоты как на стадных животных (дзерен, сайга, лошадь, верблюд), так и на одиночных.

3. Комфортность пещеры очень высока: хорошая освещенность солнцем, отсутствие сырости, прекрасный обзор, близость к воде.

Анализ основных технико-типологических параметров каменного инвентаря из плейстоценовых отложений пещеры Чихэн указывает на существование двух традиций обработки камня: леваллуазской и пластинчатой (позднепалеолитической). В материалах памятника представлены все варианты леваллуазских ядрищ: острый, пластинчатый и отщеповый. Наряду с нуклеусами в коллекции присутствуют и леваллуазские остря. Интересен факт использования древними обитателями пещеры рекуррентной системы расщепления в рамках леваллуазской техники. Еще раз подчеркнем микроиндустриальный характер чихэнской индустрии.

Верхнепалеолитический компонент существует в уже сложившейся форме, о чем свидетельствует многочисленная серия пластин и пластинок (149 экз.) правильной огранки. Более того, следует отметить факт зарождения техники получения микропластин. Подтверждением этому может быть микронуклеус (см. рис. 6, 7) и небольшая коллекция микропластин (24 экз.).

На наш взгляд, по своим технико-типологическим характеристикам каменный инвентарь из плейстоценового слоя пещеры Чихэн относится к финальному этапу переходного периода от мустье к верхнему палеолиту. Не противоречат этому и абсолютные даты, полученные по образцам древесного угля, взятым из

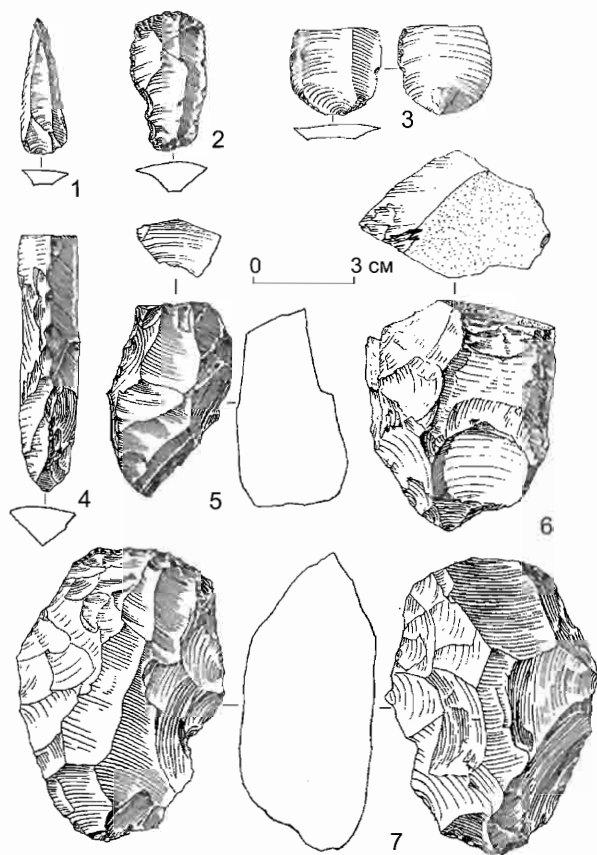

Рис. 11. Пещера Чихэн. Пункт 2. Каменные артефакты. 1 – острие, 2 – зубчато-выемчатое орудие, 3 – фрагмент пластины с выемкой, 4 – краевой скол, 5 – 7 – нуклеусы.

остатков древних очагов: $27\,432 \pm 872$ л.н. (АА-26580) для очага № 37, расположенного почти на скальном цоколе, и $21\,620 \pm 180$ л.н. (АА-32207) для очага № 33, который находился в верхнем отделе плейстоценового горизонта пещеры. Таким образом, мы имеем как бы хронологические рамки проявления чихэнской палеолитической традиции.

Переходя к рассмотрению вопроса о месте индустриального комплекса пещеры Чихэн среди синхронных культур сопредельных территорий, необходимо отметить, что наиболее тесные связи прослеживаются с индустриями на северном фазе Гобийского Алтая, в Долине Озер, на р. Орхон и на Алтае.

Ближайшим как в территориальном, так и в культурном отношении памятником является пункт 2 (скальное убежище), расположенный недалеко от пещеры (см. рис. 1). Нижние отложения шурфа, заложенного на этом памятнике, содержат индустрию, имеющую ярко выраженный леваллуазский облик. Как для материалов из пещеры Чихэн, так и для коллекции из нижнего горизонта пункта 2 характерны леваллуазские ядрища (рис. 11, 5 – 7) и острия (рис. 11, 1), нуклеусы параллельного расщепления и краевые сколы с них –

в большей степени для пункта 2 (рис. 11, 4), концевые скребки, фрагменты пластин с выделенными ретушью выемками (рис. 11, 2, 3). Типологический состав каменного инвентаря этого местонахождения, его технические характеристики аналогичны таковым плейстоценового комплекса пещеры. Это подтверждает и абсолютная дата (образец для анализа – кость), полученная для нижнего горизонта шурфа на пункте 2 – $30\,550 \pm 410$ л.н. (АА-31870) [Деревянко, Олсен, Цвээндорж, Петрин и др., 2000].

Далее, по своим основным технико-типологическим параметрам рассматриваемая нами индустрия наиболее схожа (иногда до полной идентичности) с материалами памятников Орок-Нор-1 и 2, расположенных в Долине Озер к северо-востоку от пещеры Чихэн [Деревянко, Петрин, 1990]. При сравнении этих комплексов обнаружилось поразительное сходство по большинству основных признаков: использованию галек как исходных сырьевых форм, технико-морфологическому облику нуклеусов, особенно леваллуазских (рис. 12, 7, 10, 11; 13, 5, 8 – 10) и орудийному набору – скребла (рис. 13, 12), острия (рис. 12, 4 – 6, 8; 13, 2, 4, 6, 7, 11) и ретушированные пластины и их фрагменты (рис. 12, 1 – 3, 9; 13, 1, 3).

Несомненное сходство наблюдается также между чихэнской палеолитической индустрией и индустриальными комплексами памятников, расположенных на севере, в Южно-Хангайской горной стране, на левом берегу р. Орхон. Это стоянки Орхон-1 и 7, археологические материалы которых залегают в отложениях второй надпойменной террасы левого берега р. Орхон. В раскопах 1 и 2 (Орхон-1) обнаружено несколько культурных горизонтов, разделенных между собой стерильными прослойками. Самый древний культурный слой залегают в отложениях пойменного аллювия, перекрывающего русловую фацию. Верхняя часть разреза состоит из покровных отложений, для которых по найденной там кости получены две радиоуглеродные даты – 34 и 38 тыс. л.н. [Деревянко, Петрин, 1990; Derevianko, Shimkin, Powers, 1998]. Следовательно, возраст культурного слоя в пойменных отложениях должен быть более 38 тыс. лет. Культурный горизонт, содержащий леваллуазский комплекс, залегают в средней части пойменной фации второй надпойменной террасы. Даты, полученные на памятнике Орхон-7 (раскоп III), – $37\,100 \pm 580$, $39\,970 \pm 815$ л.н. (^{14}C) и 40 500 л.н. (ЭПР) – помогли определить время окончания цикла формирования пойменного аллювия. Начало его накопления датируется 59 500 л.н. (ЭПР), а средняя часть пойменного аллювия имеет дату $45\,100 \pm 1700$ л.н. (^{14}C) [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992]. По своим технико-типологическим показателям, археологический материал мустьерского слоя из пойменной фации стоянок Орхон-1, 7 весьма схож с плейстоценовым комплексом артефактов

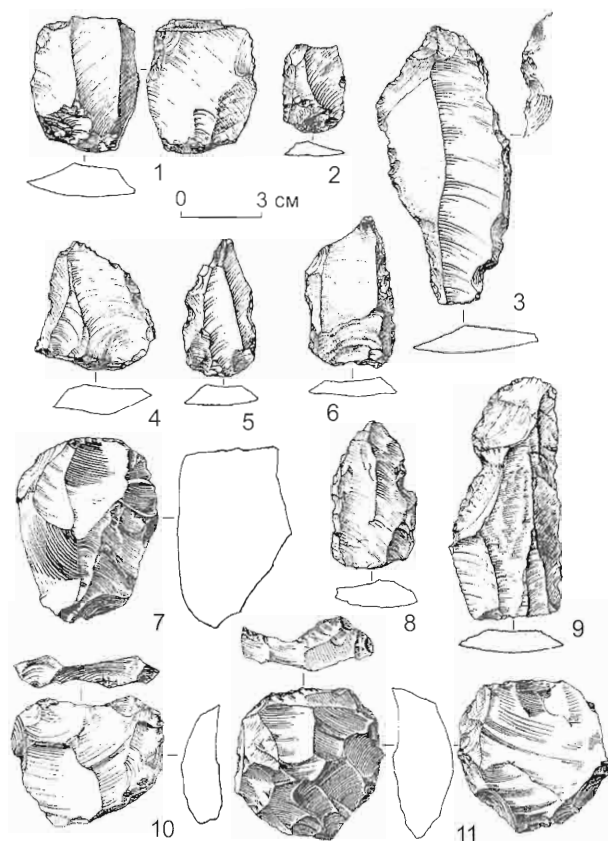

Рис. 12. Орок-Нор-1. Пластины с ретушью (1 – 3, 9), острия (4 – 6, 8) и нуклеусы (7, 10, 11).

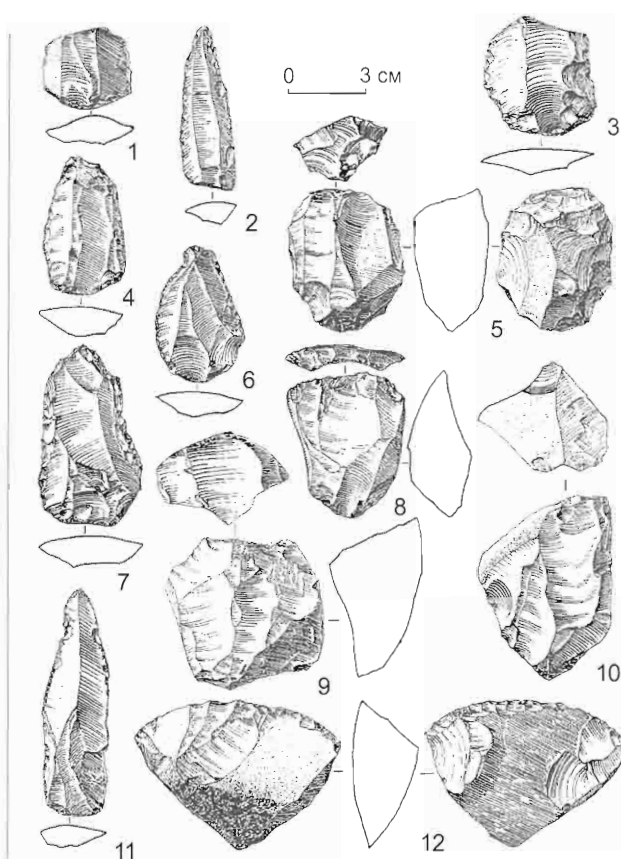

Рис. 13. Орок-Нор-2. Каменный инвентарь. 1, 3 – пластины с ретушью, 2, 4, 6, 7, 11 – острия, 5, 8 – 10 – нуклеусы, 12 – скребло.

из пещеры Чихэн. Это выражается в приемах оформления леваллуазских ядрищ (рис. 14; 15, 17 – 19), а также в типологическом сходстве отдельных орудийных форм (рис. 15, 1 – 16). Значительный разрыв в датах, маркирующих время существования орхонской и чихэнской индустрий, объясняется, на наш взгляд, тем, что материалы плейстоценового горизонта пещеры Чихэн представляют заключительный этап “орок-норо-орхонской” индустриальной линии развития.

По целому ряду характеристик плейстоценовый комплекс пещеры Чихэн идентичен материалам памятников северного фаса Гобийского Алтая. В первую очередь это относится к коллекции, полученной из отложений, связанных с третьим циклом осадконакопления (слой 3) пещеры Цаган Агуй. В ней содержатся те же формы нуклеусов, острий и пластин, что и в плейстоценовом горизонте пещеры Чихэн (рис. 16, 1 – 4). Хронологически индустриальный ансамбль из 3-го слоя памятника Цаган Агуй занимает более древнюю позицию, нежели таковой из пещеры Чихэн. Об этом свидетельствует большая серия радиоуглеродных дат, полученных в AMS-лаборатории Аризонского университета. Период посещения древним человеком

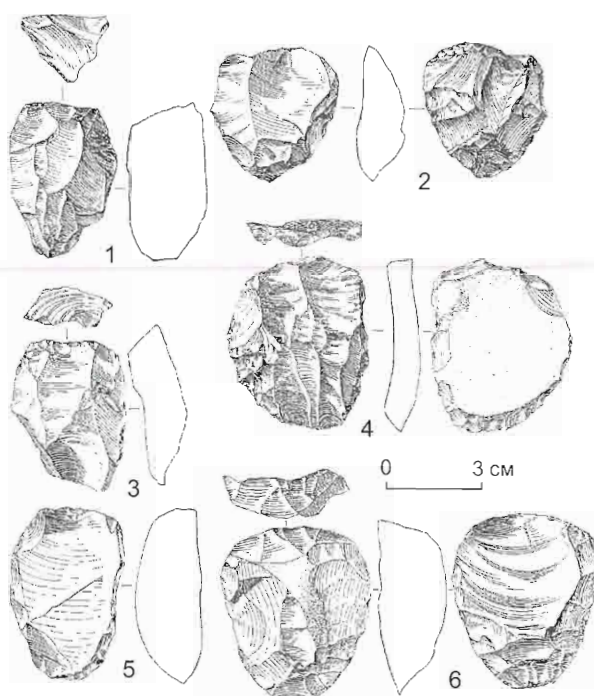

Рис. 14. Орхон-1. Нуклеусы.

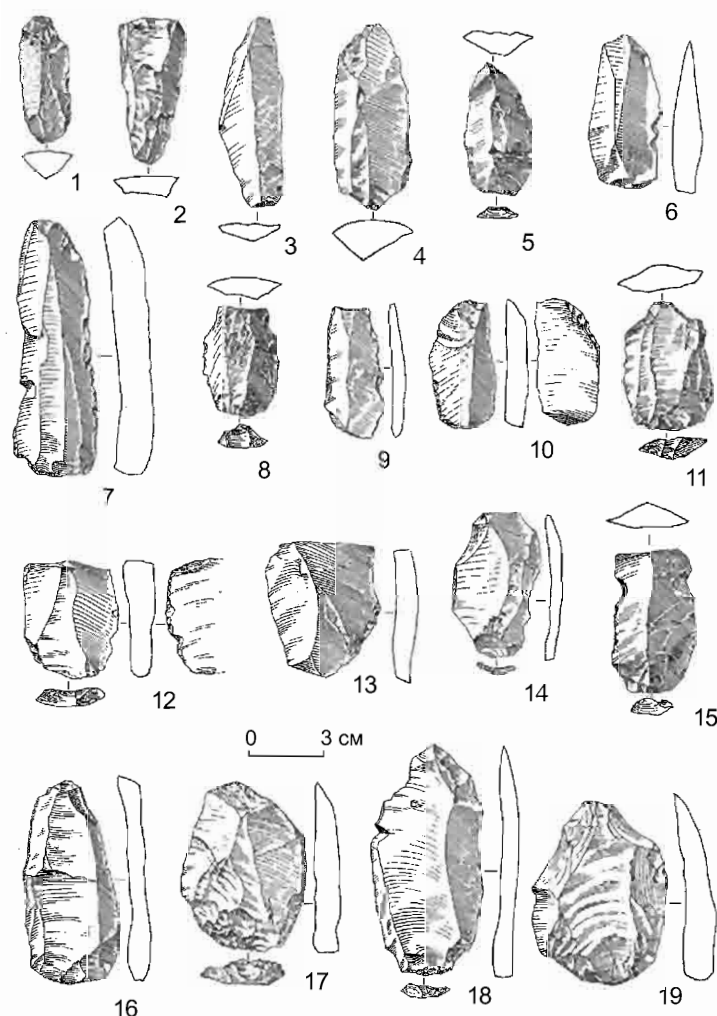

Рис. 15. Орхон-1. Пластины с ретушью (1 – 15), острие (16) и леваллуазские отщепы (17 – 19).

Большого грота пещеры Цаган Агуй приходится на временной интервал $30\,942 \pm 478$ л.н. (АА-26589) – $33\,840 \pm 640$ л.н. (АА-23158) [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Петрин и др., 2000; Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Кривошапкин и др., 2000]. По мнению ряда исследователей [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Кривошапкин и др., 2000], индустриальный комплекс из 3-го слоя пещеры Цаган Агуй относится к леваллуа-мустьерской линии развития, выделенной по материалам Монголии (Орок-Нор-1, 2, Орхон-1) и существовавшей в интервале 40 – 30 тыс. л.н. В эту археологическую совокупность они включают и кремневый ансамбль из плейстоценового горизонта пещеры Чихэн, а также яшмовые комплексы с северо-восточного фаса Арц Богдо [Derevianko, Petrin, Krivoshepkin, 1997, Кривошапкин, 1998] и верхнепалеолитическую часть материалов Кремневой Долины [Зенин, 1996].

Сходные черты (сочетание леваллуазской индустрии с хорошо выраженным пластинчатый комплек-

сом) прослеживаются и в материалах памятников Долины Озер (Аргалант-1 в устье р. Туин-Гол). На основании этого факта можно с уверенностью говорить о широком распространении подобной индустрии на юге Хангайской горной страны [Деревянко, Петрин, Цэвээндорж и др., 2000].

По ряду характеристик палеолитический комплекс пещеры Чихэн весьма близок материалам с широко известной стоянки Шуйдунгоу в Северном Китае [Ларичев, 1980]. Ф. Борд, характеризуя индустрию этой стоянки как леваллуа-мустьерскую, отметил наличие классических позднепалеолитических типов орудий [Bordes, 1970]. Китайские археологи Цзя Ланьпо, Гай Пэй и Ли Яньсянь считали материалы Шуйдунгоу верхнепалеолитическими (см.: [Ларичев, 1980; Miller-Antonio, 1992; Brantingham, 2000]). Базируясь на опубликованных материалах [Ларичев, 1980; Yamanaka, 1995], мы считаем, что между археологическими ансамблями Шуйдунгоу и пещеры Чихэн гораздо больше сходства, нежели различия. Это выражается в технике подготовки нуклеусов леваллуа (рис. 17, 6, 8, 12 – 18) и получении заготовок (рис. 18, 3 – 5), а также в морфологическом облике орудий (рис. 17, 5) и пластин (рис. 17, 1 – 4, 7). Имеющиеся в нашем распоряжении радиоуглеродные даты – $17\,520 \pm 210$ л.н. и $26\,230 \pm 800$ л.н. [Yamanaka, 1995] – позволяют более корректно определить взаимоотношение индустриальных комплексов Шуйдунгоу и пещеры Чихэн. На наш взгляд, материалы Шуйдунгоу демонстрируют продолжение линии

развития, зафиксированной в пещере Чихэн, и завершение эволюции “орок-норо-орхонской” леваллуа-мустьерской индустрии в верхнепалеолитическую.

В более широком территориальном плане материалы плейстоценового слоя пещеры Чихэн обнаруживают ряд близких черт с индустриями “карабумовского” палеолитического технокомплекса Южной Сибири. Эта точка зрения уже была высказана в литературе [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж, Кривошапкин и др., 2000]. На наш взгляд, в данном случае речь может идти об общих тенденциях развития каменных индустрий на территории Южной Сибири и Центральной Азии, а не о прямом их тождестве. Наиболее близкие аналогии прослеживаются все-таки с памятниками Алтайской горной страны – стоянками Кара-Бом и Усть-Каракол-1. Внутри кара-бумовских технокомплексов наиболее близки чихэнским материалам коллекции с уровня обитания 3 – 6, которые датируются в интервале

43 200 ± 1 500 л.н. – 30 990 ± 460 л.н. Это выражается в общих технико-типологических и морфологических характеристиках скребков, ножевидных изделий, резцов и острий. В первичном расщеплении фиксируются те же приемы раскалывания и оформления леваллуазских нуклеусов, что и в палеолитическом ансамбле пещеры Чихэн [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998]. Стоянка Усть-Каракол-1 представляет собой многослойный памятник, в материалах которого отражены следы человеческой деятельности от раннего палеолита до позднего. Чихэнский индустриальный комплекс коррелируется с верхнепалеолитической коллекцией, происходящей из толщи склоновых субэаральных отложений, датированных каргинским временем в интервале 35 100 ± 2 850 л.н. (СО АН-3259) – 26 305 ± 280 л.н. (СО АН-3261) [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998]. Кроме того, следует отметить, что изделия, происходящие из мустьерских горизонтов Усть-Каракола-1 (слои 18А и 18Б), также имеют много общего с материалами пещеры Чихэн. Это касается, в первую очередь, нуклеусов и острий.

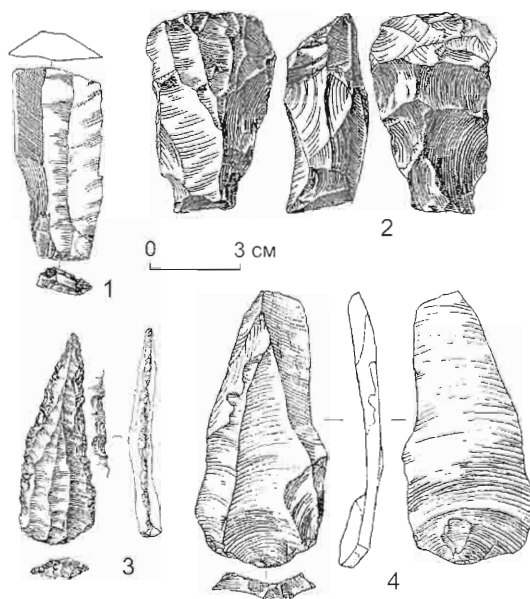

Рис. 16. Пещера Цаган Агуй. Каменные артефакты. 1 – пластина, 2 – нуклеус, 3 – остроконечник, 4 – острие.

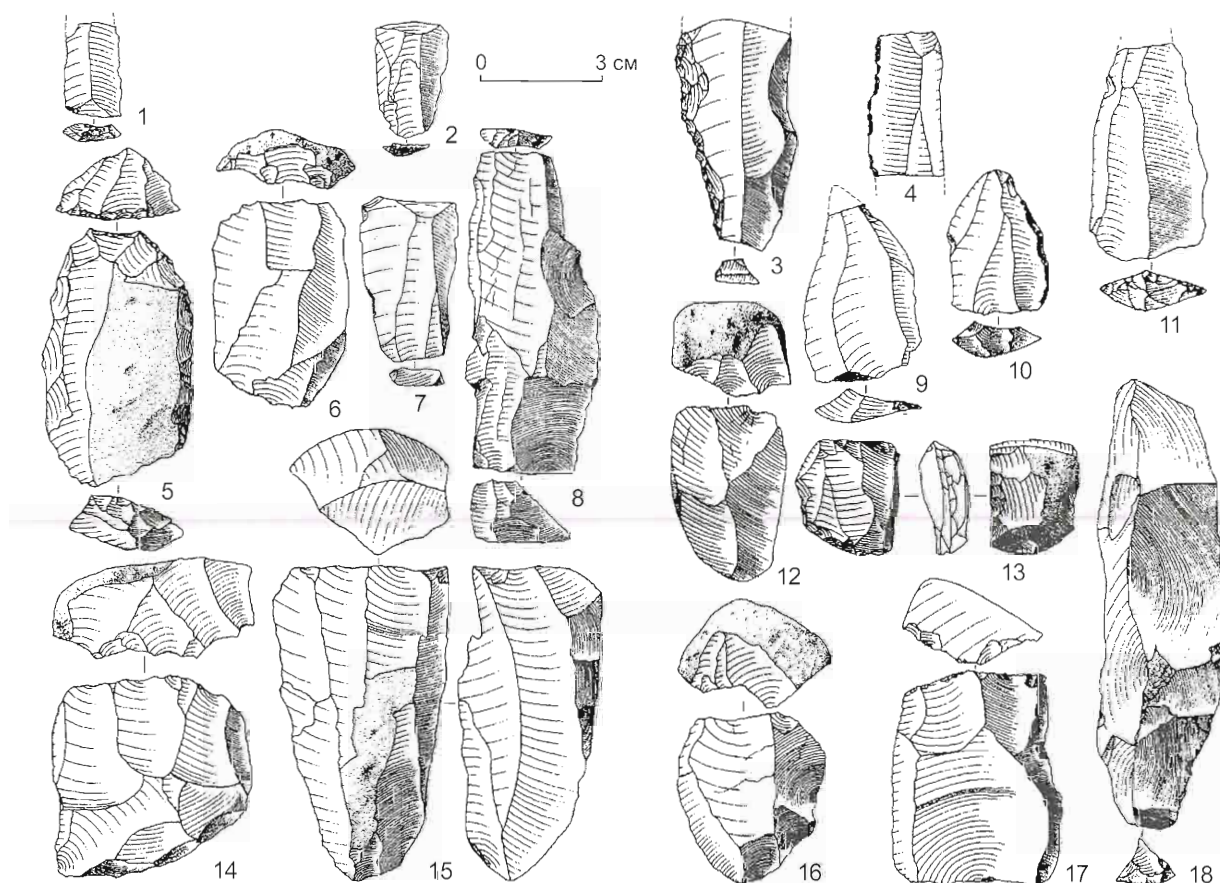

Рис. 17. Шуйдунгоу. Каменный инвентарь. 1, 2, 7 – пластины, 3, 4 – пластины с ретушью, 5 – концевой скребок, 6, 12 – 17 – нуклеусы, 8 – скол с нуклеуса, 9 – 11 – острия, 18 – ребристый скол.

Заключение

Индустриальный комплекс из плейстоценового слоя пещеры Чихэн наряду с материалами пункта 2, памятников Орок-Нор-1, 2, стоянок Орхон-1, 7 и 3-го слоя пещеры Цаган Агуй характеризуют эпоху перехода от среднего к позднему палеолиту на территории Гобийского Алтая в Монголии. Опираясь на имеющиеся радиоуглеродные даты, чихэнский ансамбль, безусловно, следует рассматривать как ранневерхнепалеолитический, хотя в технике изготовления и в морфологическом облике каменных изделий сохраняется ярко выраженная леваллуазская компонента.

Комплексы с аналогичными характеристиками есть и в других регионах Монголии (Долина Озер, Хангай). Эти памятники были объединены в “орок-норский” пласт [Деревянко, Петрин, 1990]. Сейчас, после исследований на р. Орхон, на наш взгляд, правильнее говорить об “орок-норо-орхонской” линии развития, которая существовала длительное время и дала толчок эволюции позднепалеолитических комплексов этого региона.

Рассматривая проблему происхождения палеолитической индустрии пещеры Чихэн, мы не можем игнорировать дискуссию о переходной эпохе от среднего к позднему палеолиту в Азии в целом. Так или иначе, все вопросы, связанные с возникновением и эволюцией чихэнской индустрии, являются частью этой глобальной проблемы.

С одной стороны, безусловно, “орок-норо-орхонская” палеолитическая линия развития (куда входит и индустриальный комплекс пещеры Чихэн) имеет местное происхождение. Ее корни уходят, скорее всего, в сильнодефлированные раннепалеолитические комплексы бассейна р. Нарийн-Гол (Нарийн-Гол-17а – 17в) [Деревянко, Петрин, Цэвээндорж и др., 2000]. С другой стороны, на огромной территории от Леванта на западе до Забайкалья на востоке и от Алтайской горной страны на севере до Синьцзяна на юге примерно в одно и то же время проходили сходные процессы формирования верхнепалеолитических индустрий на базе местных среднепалеолитических комплексов.

Прежде всего, это ближневосточный центр возникновения позднепалеолитических индустрий, представленный такими памятниками, как Бокер-Тачтит и Кзар-Акил. Начало качественных изменений в технологии и типологическом наборе инвентаря отмечается 47 – 46 тыс. л.н., а конец – в интервале 38 – 35 тыс. л.н. [Деревянко, Петрин, Рыбин, Чевалков, 1998]. Комплексы, продолжающие эту традицию, доживают до 22 – 20 тыс. л.н., следовательно, интересующий нас переходный период длился около 10 тыс. лет.

Подобная картина наблюдается и в Среднеазиатском регионе. Материалы многослойного грота Оби-Рахмат [Сулейманов, 1972] и стоянки Худжи [Ранов,

Амосова, 1984; Ранов, Лаухин, 2000] красноречиво демонстрируют аналогичную ближневосточной стратегию перехода от среднего к верхнему палеолиту. Интересно и то, что радиоуглеродные даты подтверждают синхронность этого процесса. Рыхлые отложения грота Оби-Рахмат, содержащие индустрию переходного типа, датируются в пределах $44\,000 \pm 2\,000$ л.н. (АА-31580) – $41\,400 \pm 1\,600$ л.н. (АА-31577) [Деревянко, Исламов, Петрин и др., 1999]. Со стоянки Худжи имеется несколько дат, не противоречащих друг другу: $38\,900 \pm 700$ л.н. (ГИН-2905), $42\,110^{+2440}_{-1870}$ и $35\,930^{+710}_{-650}$ – две последние получены в лаборатории Университета Гронингена (Нидерланды) [Ранов, Лаухин, 2000].

Выше мы уже упоминали, что подобные явления и в это же время имели место на территории Горного Алтая (стоянки Кара-Бом и Усть-Каракол-1). Кроме того, следы рассматриваемого переходного этапа отмечаются и дальше на востоке – в Забайкалье. Это прежде всего поселение Толбага, материалы которого имеют возраст $34\,860 \pm 2\,100$ (СО АН-1522) и $27\,210 \pm 300$ л.н. (СО АН-1523) [Константинов, 1994], и стоянка Каменка-1, датируемая в интервале $26\,760 \pm 265$ л.н. (СО АН-3353) – $35\,845 \pm 685$ л.н. (СО АН-2904) [Лбова, 2000].

Таким образом, на огромной территории от Ближнего Востока на западе до Забайкалья на востоке и от Горного Алтая на севере до Северного Китая на юге 50 – 40 тыс. л.н. начался процесс формирования позднепалеолитической пластинчатой традиции на основе леваллуазских среднепалеолитических индустрий. Вероятнее всего, это не следствие прямых миграций носителей данной традиции, а взаимопроникновение идей и технологических инноваций в едином “информационном поле” человечества того времени.

Индустриальный комплекс пещеры Чихэн, будучи верхнепалеолитическим по возрасту, является во многом леваллуазским по технико-типологическим характеристикам каменного инвентаря. И это не единичное явление. Такую же картину мы видим и в материалах стоянки Усть-Каракол-1 [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998], и в коллекции из грота Двуглазка (Южная Сибирь, Хакасия). На этих памятниках также фиксируется устойчивое сосуществование леваллуазских нуклеусов и острий с верхнепалеолитическим инвентарем: резцами, скребками и пластинами.

Список литературы

Деревянко А.П., Дорж Д., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Археологические исследования в Монголии в 1988 г. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. – 1989. – Вып. 2. – С. 26 – 34.

Деревянко А.П., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сулейманов Р.Х., Алимов К., Кривошапкин А.И.,

Аношкин А.А., Милютин К.И., Сайфуллаев Б. Исследования грота Оби-Рахмат (Республика Узбекистан) в 1999 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 60 – 66.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 60 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Цэрэндагва Я. Раскопные работы в пещере Чихэн и ее окрестностях (Гобийский Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 56 – 60.

Деревянко А.П., Олсен Д., Петрин В.Т., Ривс Р., Гладышев С.А., Цэрэндагва Я., Рэк Д. Археологическое изучение пещеры Чихэн в Гобийском Алтае (Баянхонгорский аймак) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 64 – 67.

Деревянко А.П., Олсен Д., Петрин В.Т., Ривс Р., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Разведочные исследования пещерных комплексов в Гобийском Алтае (Баянхонгорский аймак) // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – С. 70 – 72.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2000. – № 1. – С. 23 – 36.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Мыльников В.П., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольской-американской экспедиции в Монголии в 1997 – 1998 годах. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 384 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Николаев С.В., Мыльников В.П., Ривс Р.У., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-монгольской-американской экспедиции в Монголии в 1996 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 343 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Кривошапкин А.И., Ривс Р.У., Девяткин Е.В., Мыльников В.П. Археологические исследования Российско-монгольской-американской экспедиции в Монголии в 1995 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. – 327 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т. Своеобразная каменная индустрия с северного побережья Долины Озер // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 3 – 39.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 279 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В. Исследования палеолита в устье реки Каракол // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симпоз. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 162 – 173.

Зенин А.Н. Палеолит южного фаса Гобийского Алтая (по материалам Кремневой Долины): Автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1996. – 22 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ: ИОН БНЦ СО РАН; Чита: ЧГИ, 1994. – 180 с.

Кривошапкин А.И. Палеолитические комплексы северо-восточного склона Арц-Богдо: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 18 с.

Ларичев В.Е. Верхний палеолит лесовых районов Центральной и Восточной Азии (основные этапы эволюции и характер культуры) // Палеолит Средней и Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 121 – 164.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 238 с.

Ранов В.А., Амосова А.Г. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // Археологические исследования в Таджикистане. – Душанбе: Дониш, 1984. – Вып. 17. – С. 11 – 47.

Ранов В.А., Лаухин С.А. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь // Природа. – 2000. – № 9. – С. 52 – 60.

Сулейманов Р.Х. Статистическое изучение грота Оби-Рахмат. – Ташкент: Фан, 1972. – 170 с.

Bordes F. Le Paleolithique du Monde. – P., 1970.

Brantingham P.J. Astride the Movius Line: Late Pleistocene Lithic Technological Variability in Northeast Asia: Ph.D. Dissertation. – Tucson: Department of Anthropology, University of Arizona, 2000. – 346 p.

Derevianko A.P., Petrin V.T., Krivoshepin A.I. The Paleolithic complexes of the North-Eastern slope of Arts-Bogdo (Mongolia) // European Prehistory. – Liege, 1997. – Vol. 11. – P. 95 – 131.

Derevianko A.P., Shimkin D.B., Powers W.R. The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations. – Urbana; Chicago: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch. University of Illinois Press, 1998. – 406 p.

Miller-Antonio S. Lithic Variability and the Cultural Elaboration of Upper Pleistocene North China: Ph.D. Dissertation. – Tucson: Department of Anthropology, University of Arizona, 1992. – 421 p.

Yamanaka I. L'industrie lithique du site de Shuidonggou (Choeitong-keou) dans l'Ordos en Chine // Research Summary / Kyoto University College of Literature. – 1995. – N 32. – P. 105 – 154.

Материал поступил в редколлегия 14.11.2000 г.

УДК 903'12

Н.А. Кононенко

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690600, Россия
E-mail: Kononenko@eastnet.febras.ru*

ЭКОЛОГИЯ И ДИНАМИКА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В ДОЛИНЕ р. ЗЕРКАЛЬНОЙ В КОНЦЕ ПЛЕЙСТОЦЕНА – НАЧАЛЕ ГОЛОЦЕНА (УСТИНОВСКИЙ КОМПЛЕКС, РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК)

Введение

Археологические открытия последних десятилетий существенно изменили представления об адаптационных возможностях человека, освоившего разнообразные экологические ниши Северной Пасифики в эпоху палеолита. Удалось установить, что локально-региональные особенности условий обитания приводили к формированию оригинальных культурных феноменов, свидетельствующих о сложной системе взаимных связей между человеком и природной средой в их пространственной и временной динамике [Price, Brown, 1985].

Устиновский комплекс в долине р. Зеркальной, приуроченной к прибрежной зоне Японского моря, — одно из немногих явлений в археологии Восточной Азии, демонстрирующих относительную стабильность заселения на протяжении почти 20 тыс. лет ограниченной экологической ниши. Несомненно, в течение столь длительного периода в структуре взаимосвязей охотников-собирателей с элементами природной среды происходили существенные изменения, в той или иной степени отразившиеся в характере расположения памятников, в технологических и типологических особенностях инвентаря, в функциональном составе орудий и предметах неутилитарного назначения. Уникальность долины проявляется, во-первых, в высокой плотности и концентрации стоянок каменного века; во-вторых, в хронологической последовательности и преемственности технологических традиций каменных индустрий; в-третьих, в функциональном разнообразии объектов (от базовых сезонных лагерей до мастерских); в-четвертых, в отсутствии стоянок в раннем голоцене. Все это, с одной

стороны, свидетельствует о том, что в конце плейстоцена долина р. Зеркальной представляла собой в высокой степени привлекательную среду обитания, с другой — заставляет предполагать достаточно сложную социальную и поведенческую модель древнего населения, особенно на рубеже плейстоцена — голоцена, когда глобальные климатические изменения приводили к необратимой перестройке в системах жизнеобеспечения [Erlandson, 1996].

Речные долины по богатству, разнообразию и предсказуемости ресурсов не только близки высокопродуктивным ландшафтам побережья, но и имеют преимущества (наличие пресной воды, удобный маршрут для передвижений и т.д.) [Rice, 1999]. Практически во всех фундаментальных работах исследователями приводится подробная характеристика физико-географических условий побережья с палеогеографическим анализом этапов изменения природной среды [Деревянко, 1983; Васильевский, Гладышев, 1989]. Подобные реконструкции отражают потенциальные возможности среды как источника существования, но не акцентируют внимание на характере взаимодействия среды и человека как динамичного процесса, определявшего темпы и направления культурных изменений во времени и пространстве. По археологическим источникам восстановить отдельные стороны этого процесса в значительной степени позволяют разработки экологического подхода [Jochim, 1976]. Однако для дальневосточной археологии сложность его использования заключается в отсутствии главных объектов анализа — остатков фауны и флоры. В подобных обстоятельствах важнейшими источниками могут быть функциональные характеристики орудий, связанных с определенными

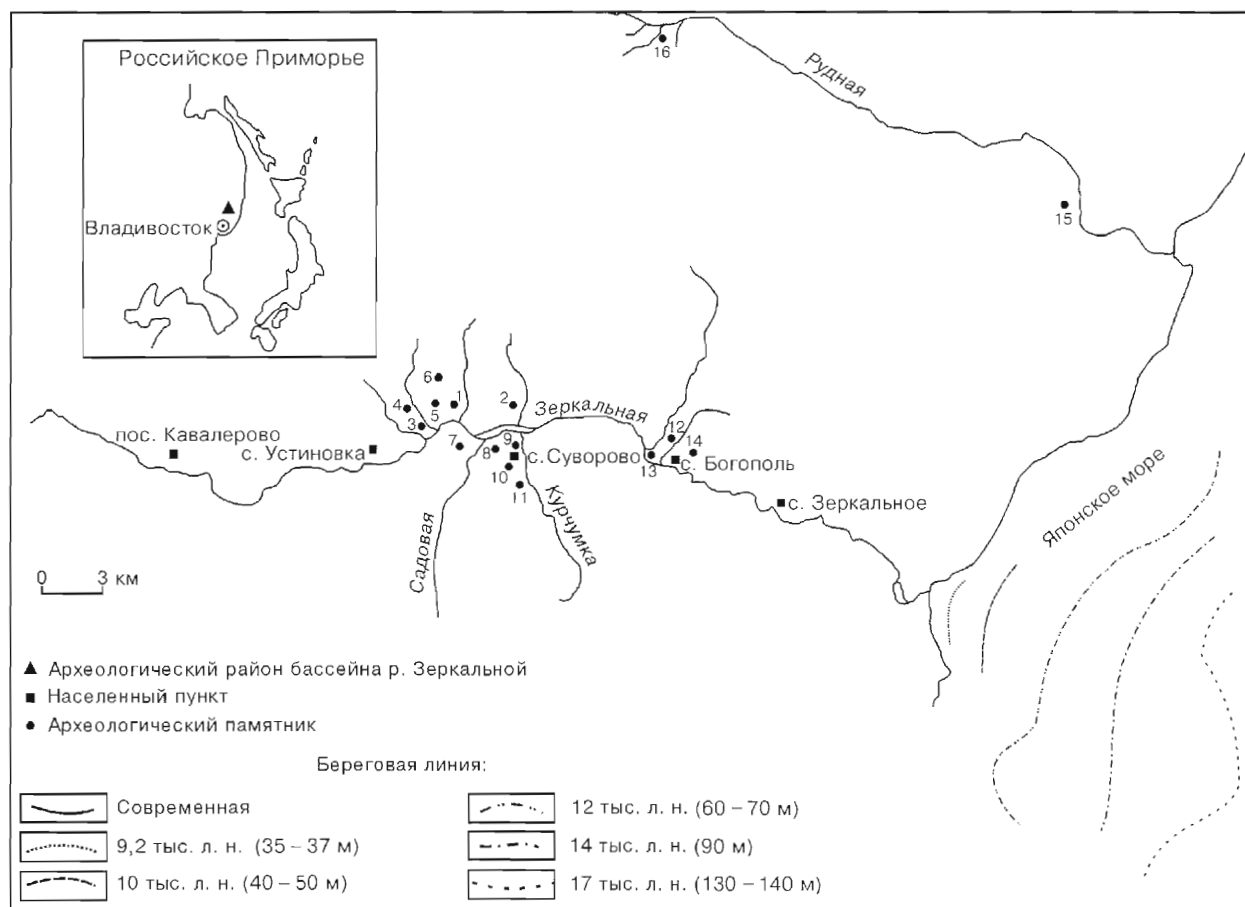

Рис. 1. Карта археологических объектов долины р. Зеркальной.

1 – Устиновка-1; 2 – Устиновка-3; 3 – Устиновка-4; 4 – Устиновка-5; 5 – Устиновка-6; 6 – Устиновка-7; 7 – Суворово-Мастерская; 8 – Суворово-4; 9 – Суворово-3; 10 – Суворово-7; 11 – Суворово-6; 12 – Богополь-1; 13 – Богополь-2; 14 – Богополь-3; 15 – Рудная-Пристань; 16 – пещера Чертовы Ворота.

видами деятельности, палинологические и палеогеографические данные, сведения о современных физико-географических условиях изучаемого региона [Jochim, 1976; Mellars, 1985].

Ставя перед собой задачу исследования культурной динамики в долине р. Зеркальной в контексте природно-исторических событий конца плейстоцена – начала голоцена, мы попытались привлечь элементы экологических разработок для понимания и объяснения вероятных направлений адаптации человека на различных этапах его обитания в конкретном ландшафте.

Базой для работы послужили новые материалы, полученные при раскопках стратифицированных стоянок Устиновка-7, 6 и 3, открытых Ж.В. Андреевой в 1961 г. В течение последних семи лет исследование их проводилось силами Российско-японско-американской экспедиции под руководством Н.А. Кононенко, А.В. Гарковик, Х. Кадзивары и Д. Кассиди. Использовались также материалы других стоянок в долине р. Зеркальной. Сравнительный анализ осуществлялся как на основе опубликованных данных, так и по результатам совместных работ [Гладышев, Кононенко,

1988; Крупянко, Кононенко, 1996; Kononenko, Krupyanko, Tabarev, 1995].

Долина р. Зеркальной в прошлом и настоящем

Бассейн р. Зеркальной связан с восточными склонами горной системы Сихотэ-Алинь и расположен примерно в 500 км к северо-востоку от г. Владивостока (рис. 1). Основная масса стоянок (более 25) сосредоточена в среднем течении р. Зеркальной в 25 – 30 км от ее устья. В пределах этой части долины выделяются три зоны концентрации памятников: террасы левого берега реки в 2 – 4 км от с. Устиновка, долины ее правых притоков Курчумки и Садовой в районе с. Суворово, третья зона объединяет стоянки на левом берегу у с. Богополь (рис. 1) [Андреева, Худяков, 1973; Васильевский, Гладышев, 1989; Васильевский, Крупянко, Табарев, 1997; Гарковик, 1981; Dyakov, 1997; Кадзивара и др., 1999].

Для древних охотников-собирателей важнейшими критериями выбора мест обитания являлись богатство

и разнообразие пищевых и непищевых ресурсов, их пространственное и сезонное распределение, высокая плотность, доступность и предсказуемость. Оценивались прежде всего топография, растительность, почвы, температура и осадки, наличие каменного сырья, подходящих естественных убежищ либо благоприятных мест для их сооружения [Jochim, 1976, p. 24 – 25; 1981, p. 138 – 140].

Река Зеркальная входит в число достаточно крупных речных систем побережья с протяженностью водосборного бассейна с запада на восток около 52 км и шириной долины в среднем 1 – 3 км. До устья правого притока Курчумки она течет с запада на восток, на остальном протяжении – на юго-восток. Этот поворот реки сопровождается сужением долины, где и обнаружена основная концентрация памятников. Береговые склоны преимущественно крутые, сложены скальными образованиями. В геологическом строении района принимают участие эффузивные и осадочные породы, обуславливая широкое распространение в средней части долины окремненных туфов, липаритов, аргиллитов, кремнистых сланцев, туффитов. Петрографический анализ свидетельствует, что сырьем для артефактов из камня со стоянок послужили породы, установленные в районе памятников как в коренных обнажениях, так и в аллювии, делювии и эллювии.

Основные элементы ландшафта бассейна реки представлены среднегорьем, низкогорьем и мелкогорьем, расчлененность которых, очевидно, сыграла большую роль в модели заселения. В рельефе долины хорошо выражены разновозрастные аккумулятивные и цокольные террасы [Короткий, Караулова, Троицкая, 1980]. К нижнечетвертичным относится цокольная надпойменная терраса высотой около 40 м, на одном из участков которой расположена стоянка Устиновка-7 с леваллуазской пластинчатой индустрией. Обширные площади в среднем и частично в нижнем течении занимают среднечетвертичная терраса высотой от 15 – 20 до 30 м, а также верхнечетвертичные надпойменные террасы высотой 10 – 15 м и 8 – 10 м с памятниками, представляющими микропластинчатую и бифасиальную технологию. К голоценовым в долине относятся I надпойменная терраса (2 – 5 м высотой), высокая и низкая поймы и современные русловые накопления.

Бассейн Японского моря с востока и цепь горных хребтов с запада определяют муссонный характер климата прибрежных районов с сезонной сменой воздушных масс. Воздействие океанических компонентов обуславливает относительно прохладное и влажное лето в долине реки и мягкую зиму со сравнительно непродолжительным и маломощным снежным покровом [Дальний Восток, 1961]. Умеренные температуры, продолжительность вегетационного пери-

ода (до 180 дней в году) благоприятны для распространения широколиственных лесов с разнообразным видовым составом древесных и кустарниковых пород, а также луговой и лугово-болотной растительности [Куренцова, 1973]. Богатству и разнообразию растительности соответствует животный мир, включающий виды высокогорной и таежной фауны, а также дополняемый ихтиофауной моря и реки [Бромлей, Кучеренко, 1983; Атлас..., 1998].

В позднем плейстоцене – начале голоцена ландшафт долины р. Зеркальной претерпевал более или менее резкие перестройки, обусловленные климатическими сменами средневюрмского, или черноручьинского, этапа (50 000 – 21 000 л.н.), соответствующего каргинскому интерстадиалу; поздневюрмского, или партизанского, этапа (20 000 – 10 500 л.н.), соотносимого с сартанским периодом; и начала голоцена (10 500 – 8 000 л.н.) [Короткий, Гребенникова, Пушкар, 1996]. Сильнейшее похолодание около 20 – 18 тыс. л.н. привело к замене в прибрежной зоне лесных формаций каргинского интерстадиала полуоткрытыми ландшафтами лесотундр и редкостойных березово-лиственничных лесов. Начало восстановления разнообразия растительности в долине реки и на побережье сопряжено с эпохой глобального потепления на рубеже плейстоцена – голоцена.

Безусловно, с неоднократной сменой растительности видоизменялся состав животных, служивших важнейшим компонентом жизнеобеспечения охотников-собирателей. К сожалению, анализ этого элемента природной среды осложнен крайне ограниченными данными по составу фауны позднего плейстоцена – начала голоцена Приморья вообще и полным отсутствием фаунистических остатков на стоянках долины р. Зеркальной в частности. В этой ситуации целесообразным представляется сопоставление современной и ископаемой фауны с акцентом на выявлении сквозных видов, существующих с периода позднего плейстоцена до современности [Оводов, 1977].

Основными источниками для такого анализа послужили фаунистические комплексы палеолитической стоянки в пещере Географического общества и неолитической стоянки в пещере Чертовы Ворота. Первая находится на берегу р. Партизанской в 20 км от г. Находки в Южном Приморье. По костям лошади и мамонта для этой стоянки получена дата $32\,570 \pm 1\,510$ л.н. (ИГАН-341) [Герасимов и др., 1983]. Спорово-пыльцевой спектр культурных отложений свидетельствует о распространении в районе стоянки хвойно-широколиственных лесов [Алексеева, Голубева, 1973] с участками луговой и степной растительности [Оводов, 1977]. По костным остаткам определено 37 видов млекопитающих, из которых 21 относится к сквозным от позднего плейстоцена до современности (лось, изюбр, северный олень, пятнистый олень, горал,

косуля, кабарга, бурый медведь, волк, рысь и др.). Эти же сквозные виды определены по материалам стоянки в пещере Чертовы Ворота, находящейся в 30 км к северу от Устиновского комплекса. В настоящее время большинство из них обитает в темнохвойных, широколиственных и мелколиственных лесах побережья [Бромлей, Кучеренко, 1983]. Однако уникальность палеофауны в районе пещеры Географического общества заключается в присутствии в ее составе, наряду с животными современного таежного ареала, исчезнувших видов мамонтового комплекса: мамонта, бизона, шерстистого носорога, пещерной гиены, дикой лошади, байкальского яка, лемминга [Оводов, 1977]. Судя по радиоуглеродным датам, полученным по остаткам “хорольского мамонта” – $15\,800 \pm 140$ л.н. и $17\,100 \pm 100$ л.н. (КИ-1200), а также по костным остаткам из пещеры “Близнец” – $11\,965 \pm 65$ л.н. (СОАН-1550) и 9995 ± 65 л.н. (СОАН-1551), виды мамонтовой фауны продолжали существовать в Приморье вплоть до начала голоцена [Короткий, Гребенникова, Пушкарь, 1996, с. 30].

Оценивая состояние растительных и животных ресурсов долины р. Зеркальной в конце плейстоцена – начале голоцена, следует отметить, что несмотря на фазы потеплений и похолоданий, которые зафиксированы внутри каргинского интерстадиала (черноручьинского этапа), коренной перестройки структуры растительных формаций в теплую эпоху не происходило [Там же, с. 26]. Темнохвойные леса с примесью широколиственных пород и елово-березово-лиственничные леса, существовавшие в тот период, представляли собой благоприятные биотопы для большинства видов промысловых животных, важных для человека. Многокомпонентность пищевых и непищевых ресурсов, их обилие и доступность, топография долины реки и ее связь с морским побережьем, благоприятные климатические условия делали этот регион весьма привлекательным для охотников-собирателей вплоть до катастрофических изменений, вызванных глобальным похолоданием.

С началом партизанского минимума замещение лесных массивов лесотундрами, очевидно, сопровождалось резким сокращением видового состава таежных животных и распространением видов мамонтовой фауны, что с неизбежностью вызывало необходимость модификации стратегии жизнеобеспечения населения долины. В самый экстремальный период климатического минимума природная обстановка могла быть крайне неблагоприятной для охотников-собирателей. Значительная мощность ледового покрова Японского моря и сильнейшие, более 40 м/с зимние ветра северных и западных направлений обуславливали наиболее холодный и сухой климат в прибрежной зоне (со среднегодовой температурой в июле плюс 8 – 10 °С и в январе минус 28 – 30 °С)

[Развитие природной среды..., 1988]. Однообразие и бедность растительности неизбежно приводили к уменьшению численности крупных стадных животных, расширению ареала миграций, что осложняло охотничий промысел и, вероятно, увеличивало подвижность групп охотников. В последовавшие затем фазы позднеплейстоценовых потеплений с постепенным восстановлением дифференцированного ландшафта, видимо, могло происходить прогрессирующее увеличение небольших по биомассе таежных видов животных, а также речных и растительных ресурсов.

По сравнению с континентальными районами динамика таких природных процессов, как смена климата и растительности, на побережье имела несколько замедленные темпы в силу охлаждающего влияния акватории Японского моря. Но, вероятно, именно эти факторы способствовали формированию условий для постепенной адаптации технологии и экономики населения долины к меняющимся ресурсам, обуславливая специфику культурной динамики региона в целом.

Археологические комплексы Устиновка-7, 6 и 3

Стоянка Устиновка-7 расположена на 40-метровой террасе р. Зеркальной в пределах террасогенного водораздела бассейнов ручьев Безымянный и Кривой (рис. 2). Культуросодержащие отложения памятника имеют покровно-склоновое происхождение и состоят из пяти слоев разноокрашенных суглинков с хорошо выраженными морозобойными структурами. На основании 12 палинологических колонок из стратиграфических разрезов памятника и их корреляции с имеющейся климатостратиграфической шкалой с серией достоверных дат [Развитие природной среды..., 1988] определено, что формирование слоя 1 (черный гумусированный суглинок, 7 – 8 см) происходило в теплую фазу голоцена, а слоя 2 (серовато-бурый суглинок, 7 – 12 см) – в холодную фазу начала голоцена. Палинологическая колонка слоя 3 (желто-бурый суглинок, 18 – 22 см) соотносится с редкостойными лесами и лесотундрами холодных фаз партизанского этапа. Для подошвы слоя 3 получена опико-люминесцентная дата (OSL) – 18 600 л.н. Изменение пыльцевого спектра от кровли к подошве в 4-м слое (красновато-бурый суглинок, 16 – 20 см) отражает развитие растительности, соответствующей теплой (24 000 – 30 000 л.н.) и холодной (30 000 – 33 000 л.н.) фазам черноручьинского этапа. С климатическим оптимумом среднего вюрма (33 000 – 43 000 л.н.) связано формирование 5-го слоя (темно-бурый опесчаненный суглинок, 8 – 10 см).

Археологический материал памятника подразделяется на два разновременных комплекса, четко дифференцирующихся по технологии, типологии,

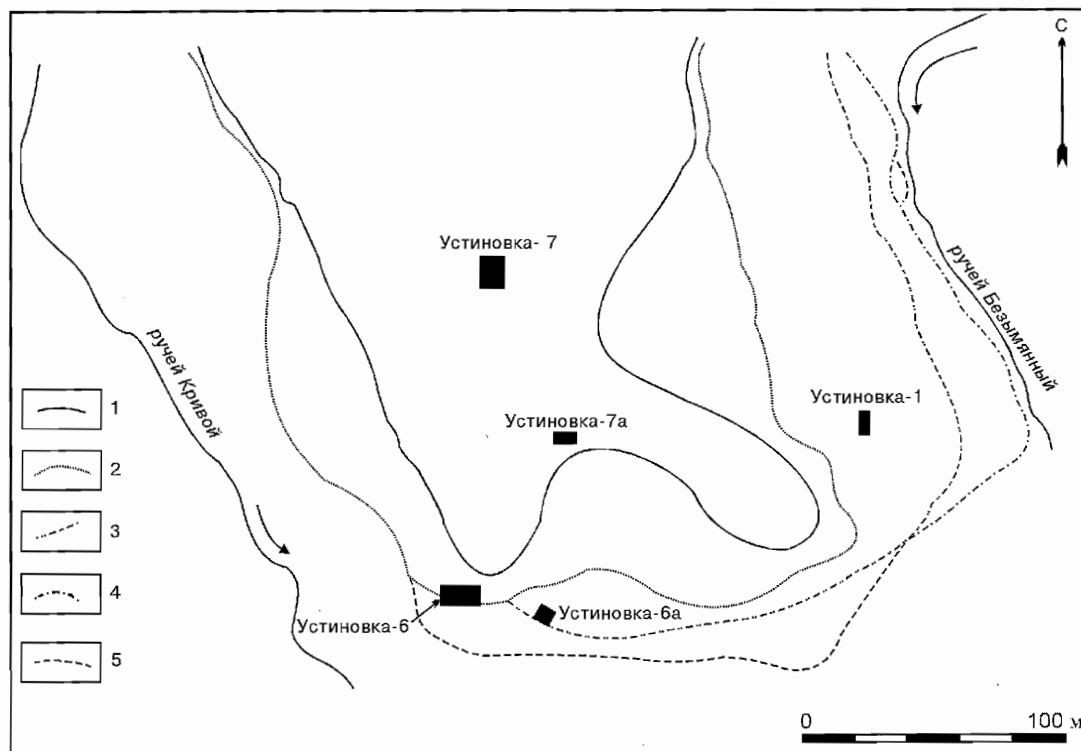

Рис. 2. Геоморфологическая ситуация в районе стоянки Устиновка-7.

1 – граница III надпойменной террасы; 2 – уступ III надпойменной террасы; 3 – граница II надпойменной террасы; 4 – уступ II надпойменной террасы; 5 – уступ I надпойменной террасы.

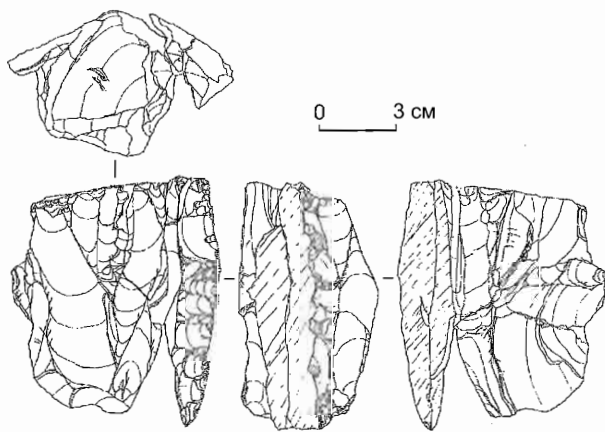

Рис. 3. Апплицируемый нуклеус для пластин из раннего комплекса стоянки Устиновка-7.

особенностям каменного сырья и стратиграфическому залеганию. Ранний связан с 4-м и 5-м слоями и представлен сырьевыми заготовками, нуклеусами для пластин (рис. 3), преформами, пластинами и отщепами из бежево-белого с розоватым оттенком тонкозернистого кремнистого туфа. Крупные пластины имеют фасетированные выпуклые, гладкие, редко – галечные площадки. Уникальна одна из самых крупных пластин ($22 \times 10 \times 2,8$ см) с ретушированной, слегка выпуклой площадкой, напоминающей мустьерский тип

“шляпа жандарма” (Chapeau de Gandarme). Вентральная плоскость пластины на дистальном конце имеет характерный прогиб, отражающий технологию биполярного скалывания заготовок с двухплощадочного нуклеуса (рис. 4). Подобные диагностирующие элементы пластин более типичны для ранних индустрий начала верхнего палеолита [Деревянко и др., 1998]. Фрагменты двух пластин с мелкой нерегулярной ретушью использовались как ножи для мяса.

Основываясь на геоморфологии, стратиграфии, палинологических данных и технико-типологическом сходстве каменного инвентаря стоянки с комплексами начального этапа верхнего палеолита Алтая, Сибири и Монголии, датируемыми в широком диапазоне от 43 000 – 45 000 до 34 000 – 30 000 л.н. [Там же], ранний комплекс стоянки Устиновка-7 можно отнести к периоду, близкому к одной из постоптимальных фаз черноручьинского этапа, – 33 000 – 30 000 л.н.

Артефакты позднего комплекса найдены в слоях 1, 2 и 3. Сырьем для них служили трещиноватые разновидности кремнистых туфов светло-желтого цвета. Столь явные различия в сырье со всей очевидностью свидетельствуют об иных локальных источниках камня, указывая тем самым на хронологический разрыв в освоении данной территории. В числе диагностирующих предметов подпризматические одно- и двухплощадочные нуклеусы, торцовые ядрища и

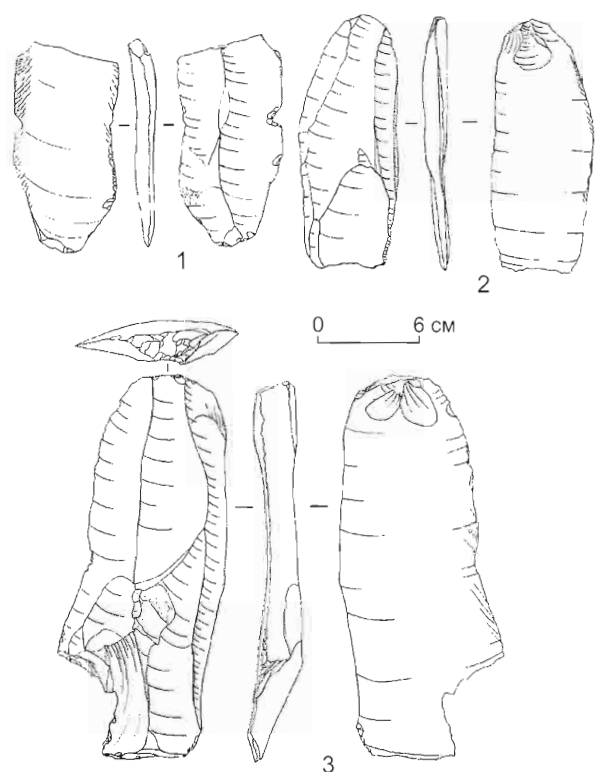

Рис. 4. Ранний комплекс стоянки Устиновка-7.
1 – пластина с ретушью; 2, 3 – пластины.

ладьевидные заготовки для микронуклеусов, исходной основой которых были краевые сколы с ядрищ. С технологических позиций переоформление краевых сколов в оригинальные микронуклеусы не только отражает генетическую взаимосвязь пластинчатой и микропластинчатой традиций, но и указывает на гибкость адаптационной реакции на потребности изготовления усложненных форм орудий с минимумом затрат по расходованию сырья. Орудийный набор включает бифасиальные изделия, концевые скребки, скребла, пластины и отщепы с ретушью. На основании OSL-даты для подошвы 3-го слоя (18 600 л.н.), хорошо коррелирующей с палинологическими характеристиками и общей стратиграфической ситуацией, период вторичного заселения стоянки Устиновка-7 может быть отнесен к концу климатического минимума партизанского (сартанского) этапа.

Стоянка Устиновка-6 находится на южной оконечности уступа, разделяющего террасы высотой 15 – 20 м и 40 м (см. рис. 2). Культуросодержащие отложения представлены супесями в южной и легкими суглинками в северной части раскопа, их общая мощность не превышает 50 – 60 см. В северо-восточном секторе стоянки выявлена производственная площадка около 2 м² с высокой плотностью (более 6 тыс.) мелких и микроотщепов, сопровождаемых обломка-

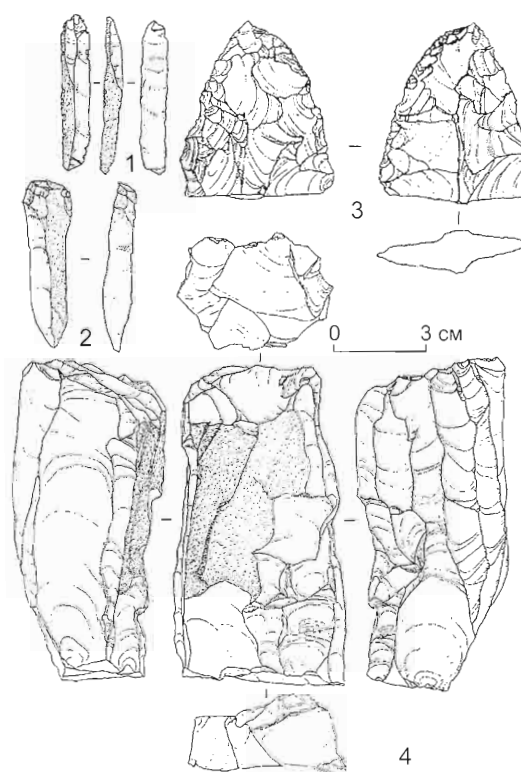

Рис. 5. Инвентарь стоянки Устиновка-6.
1, 2 – пластинки; 3 – обломок бифаса;
4 – подпризматический нуклеус.

ми бифасов, скребков, абразивов, наковаленки и фрагментом миниатюрной подвески из камня. В юго-западной части обнаружен очаг подчетыреугольных очертаний 100 × 70 см с каменной обкладкой стенок. В очажном заполнении найдены единичные отщепы, кусочки обугленной древесной коры и угли. Радиоуглеродные даты 11 550 ± 240 л.н. (GEO-1412) и 11 750 ± 620 (COAH-3538) хорошо согласуются с палинологическими спектрами разрезов стоянки.

В качестве исходного сырья использовался трещиноватый плитняк окремненного туфа светло-коричневых и бежевых оттенков, встречающийся в виде обнажившихся небольших жил в 50 – 60 м к востоку от стоянки (местонахождение Устиновка-6а). К числу редких относятся изделия из темно-серых кремней, липарита и черного обсидиана. Предметы из обсидиана включают мелкие отщепы, микронуклеус из ладьевидной заготовки и отщеп со следами биполярного раскалывания. Последняя находка очень показательна в плане эпизодического использования не только редкого вида сырья, но и специфической технологии, более присущей индустриям конца плейстоцена центральных и юго-западных районов Приморья [Кузнецов, 1992; Гарковик, Кононенко, Кадзивара, 1998].

Более 98% артефактов составляют отщепы, угловатые осколки, нуклевидные обломки, появление

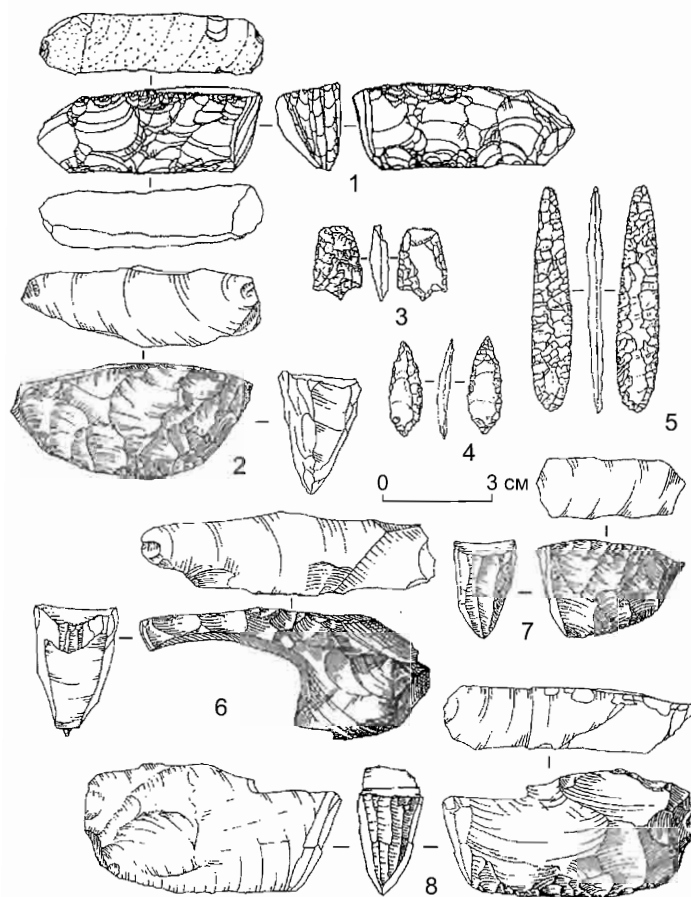

Рис. 6. Микронуклеусы (1, 2, 6 – 8) и наконечники стрел (3 – 5) со стоянки Устиновка-6.

которых обусловлено текстурно-структурными свойствами сырья, не отличавшегося высоким качеством. Как свидетельствуют эксперименты, скрытые дефекты способны вызывать непроизвольное раскалывание на всех стадиях расщепления и обработки камня, приводя к накоплению большого объема непригодного для употребления каменного материала.

В коллекции Устиновки-6 присутствуют подпризматические и торцовые нуклеусы, микронуклеусы из бифасов, ладьевидных заготовок и отщепов, близких изделиям, выполненным в техниках юбецу, хорошо, тогесита (рис. 5, 6) [Kononenko, Krupyanko, Tabarev, 1995; Kononenko, 1997]. Единственный конический нуклеус сделан из сработанного подпризматического ядрища. Орудия представлены асимметрично-листовидными ножами, лавролиственными и иволистными наконечниками метательных орудий, угловыми и диагональными резцами, концевыми скребками и скреблами, бифасиально обработанными теслами. Уникальны четыре миниатюрных наконечника стрел. Два из них с небольшим намечающимся черешком (рис. 6, 3, 4), два других иволистные с тонкой обработкой поверхностей (рис. 6, 5). Подобные наконечники в

микропластинчатых комплексах Приморья пока неизвестны, хотя имеются многочисленные примеры сочетания микропластинчатого компонента с наконечниками стрел (в том числе черешковых) в памятниках конца плейстоцена в бассейне нижнего Амура, на Хоккайдо и Северном Хонсю [Лапшина, 1999; Archaeological Research..., 1999].

Трасологический анализ части оформленных изделий, отщепов и галек по методикам С.А. Семенова [1957] и Л. Кили [Keeley, 1980] позволил определить большую серию функционально разнообразных орудий: ножи и вкладыши ножей для мяса; скребки, которыми обрабатывали свежие шкуры; резцы, скобели, строгальные ножи, пилки для работы по сухому и распаренному рогу и кости; сверла для дерева и мягкого камня; скобели, строгальные ножи и пилки для работы по дереву. Гальки использовались в качестве абразивов для обработки кости и рога, отбойников, наковаленок. Особо следует выделить орудия, связанные с обработкой продуктов собирательства: нож для резания недревесных растений (рис. 7, 3, 4; 8, 2), шесть фрагментов терочных плит и два куранта, на которых производилось дробление и растирание растительных материалов.

В целом, перечисленный состав орудий, наличие очажного комплекса и производственной площадки дают все основания говорить о памятнике как о базовой стоянке, скорее всего, сезонного характера. В хозяйственной деятельности жителей большое значение имели охота и собирательство, а разнообразие инструментов для обработки органического сырья (дерева, рога, кости) позволяет предполагать изготовление орудий, отчасти связанных с рыболовством [Неолит юга Дальнего Востока..., 1991; Кононенко, 1998].

Стоянка Устиновка-3 находится в 1,5 км восточнее памятников Устиновка-6 и 7 на древнем конусе выноса ручья Безымянного, примыкающем к 15 – 20-метровой террасе. Покровные отложения залегают непосредственно на галечнике террасы и включают:

- 1) темный гумусированный суглинок (6 – 8 см);
- 2) серовато-коричневый суглинок (5 – 8 см);
- 3) желтовато-коричневый суглинок (16 – 22 см);
- 4) серовато-желтую супесь (5 – 14, 20 – 22 см);
- 5) галечник со щебнем [Гарковик, 1996].

В двух верхних слоях встречены немногочисленные находки, относящиеся к раннему средневековью и эпохе палеометалла. Массовые артефакты раннего комплекса отчетливо связаны с 3-м и 4-м слоями. Оптико-люминесцентная дата для слоя 4 (10 500 л.н.) и радиоуглеродная дата, полученная по фрагментам архаичной керамики (9 305 ± 31 л.н.) (Университет

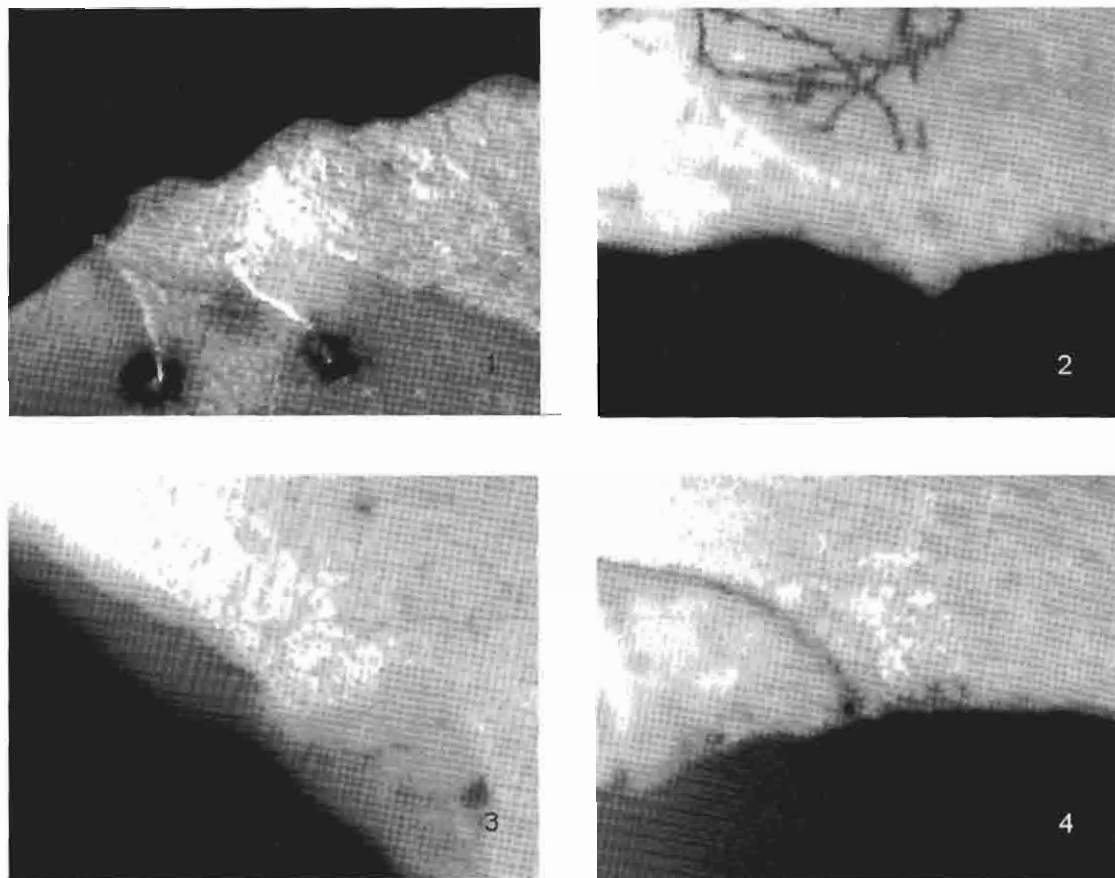

Рис. 7. Микрофотографии следов сработанности на орудиях со стоянки Устиновка-6.
1 – строгание кости, рога ($\times 100$); 2 – резание мяса ($\times 100$); 3, 4 – резание травы ($\times 50$).

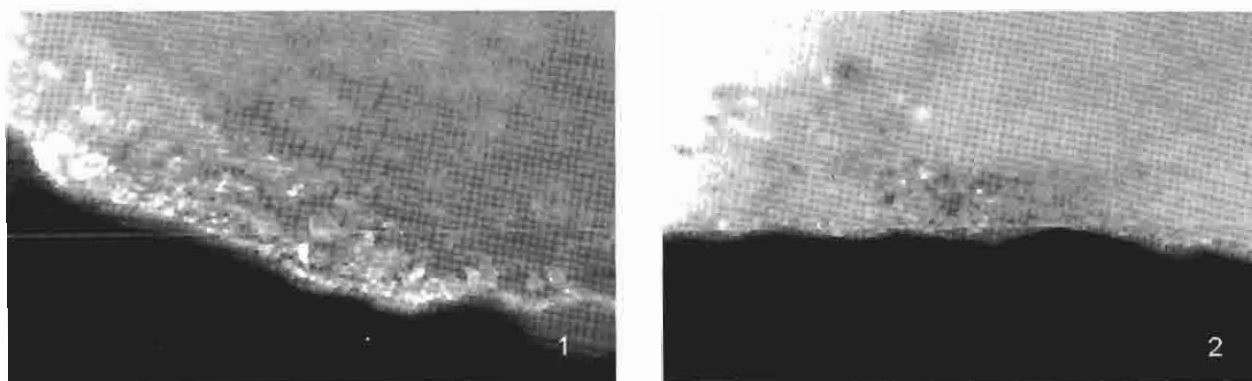

Рис. 8. Микрофотографии следов сработанности на экспериментальных орудиях.
1 – скобление сухой кожи, 15 минут ($\times 100$); 2 – резание травы, 25 минут ($\times 50$).

Рикоку, Япония), позволяют определить время формирования этого комплекса интервалом 10 500 – 9 500 л.н.

На площади более 300 м² выявлены два жилых комплекса, шесть производственных площадок и три склада отщепов [Кононенко, 1996]. Один из жилых комплексов обнаружен в северной части стоянки в виде площадки около 7 м² с ямками от опорных столбов,

на которой было скопление орудий и архаичной керамики. Второй находился в юго-западной части и представлял собой площадку около 6 м² с хорошо выраженной концентрацией архаичной керамики (140 фрагментов) и орудий. Судя по отсутствию очагов и небольшим размерам, здесь, по-видимому, были легкие наземные сооружения. Производственные площадки с высокой плотностью находок (до 3350 изделий

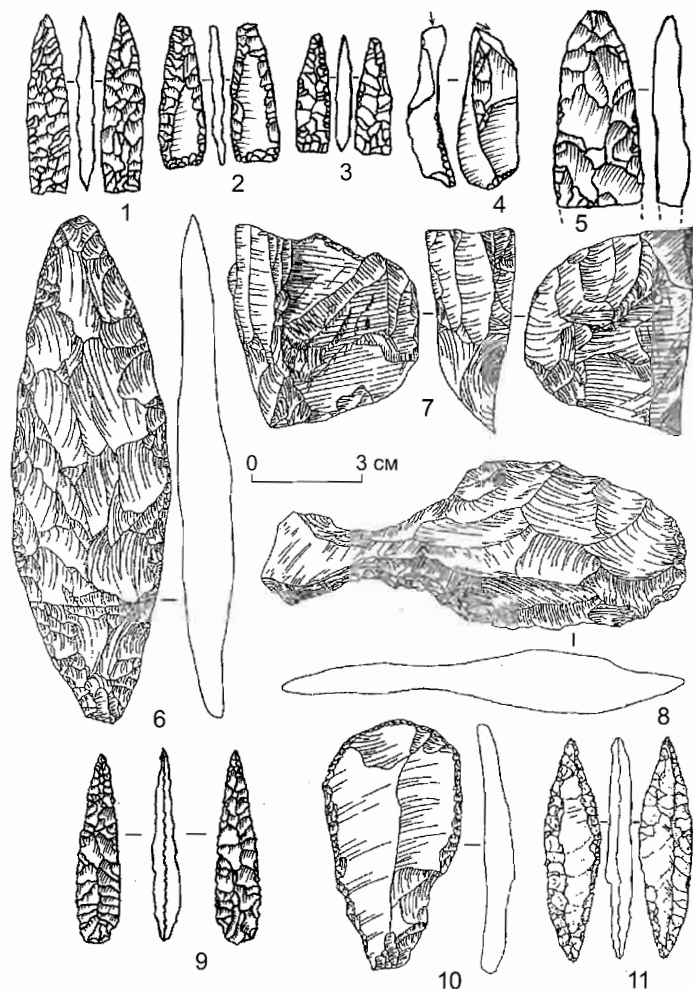

Рис. 9. Изделия из камня со стоянки Устиновка-3.
1 – 3, 9, 11 – наконечники стрел; 4 – резец; 5, 6 – бифасы;
7 – торцовый нуклеус; 8 – фигурка рыбы из камня; 10 – концевой скребок.

на площади 4–6 м²) функционально различаются, отражая процессы либо вторичной обработки заготовок, либо первичного расщепления. В отличие от одномоментных отложений типа клада, накопление артефактов на них, вероятно, было несколько растянутым во времени, что в контексте стратиграфической соотнесенности выделенных объектов с уровнями 3-го и 4-го слоев приводит к выводу о неодно-кратном заселении стоянки в пределах определенного отрезка времени [Там же].

Из всей массы находок, относящихся к раннему комплексу (около 29 тыс.), 86% составляют осколки и преимущественно мелкие отщепы, возникшие при раскалывании и обработке трещиноватых разновидностей кремнистого туфа. Среди нуклеусов с бессистемными снятиями имеются единичные экземпляры с торцовым скалыванием микропластинчатых заготовок (рис. 9, 7), достаточно определенно связывающих индустрию Устиновки-3 с микропластин-

чатыми комплексами долины р. Зеркальной. Выделяет стоянку большая группа бифасиально обработанных изделий, насчитывающих 230 экз. В их числе асимметрично-листовидные ножи (рис. 10, 10; 11, 1, 4), лавролистные и иволистные наконечники копий и дротиков и серия небольших наконечников стрел (22 экз.) вытянутой треугольной формы (см. рис. 9, 1 – 3, 9, 11; 10, 5 – 7, 9, 11). Среди последних оригинальностью отличаются наконечник с расширенным туловом (см. рис. 9, 11) и заготовка удлинненно-ромбовидной формы, оба конца которой вторично были использованы для сверления камня мягких пород. Весьма необычен слегка поврежденный наконечник из черного обсидиана (см. рис. 9, 9). Уникальны предмет, по форме напоминающий каменную фигурку рыбы (см. рис. 9, 8) [Гарковик, 1981], долотовидный инструмент с подшлифованным лезвием из кремнистого туфа (см. рис. 10, 8), фрагменты подвесок из камня. Бифасиально обработанные рубящие орудия иногда имеют пришлифованный рабочий край. Разнообразны концевые скребки и скребла.

При трасологическом обследовании части орудий и отщепов выявлены серии ножей для мяса; скребки, проколки, скребки-ножи, которыми обрабатывали свежие полуподсушенные шкуры животных; сверла, скобели, пилки, резчики для работы по сухому и распаренному рогу и кости (см. рис. 11, 2); строгальные ножи, скобели, пилки и резчики по дереву; сверла для мягкого камня; отбойники, наковаленки, абразивы, использовавшиеся при обработке кости и рога; два ножа для резания недревесных растений, курант и три обломка терочных плит для дробления и растирания продуктов собирательства.

Большое количество бифасиальных изделий на стоянке, взятых вне общего контекста памятника, послужило основанием для определения Устиновки-3 как стоянки-мастерской по изготовлению бифасов [Васильевский, Крупяно, Табарев, 1997, с. 37]. Анализ всех аспектов каменного инвентаря, стратиграфических и планиграфических особенностей его залегания приводит к однозначному выводу, что Устиновка-3 являлась базовой сезонной стоянкой неоднократного заселения с полным циклом жизнеобеспечения, в котором изготовление бифасов выступает как необходимый компонент обеспечения орудийным набором преимущественно собственных нужд. В этой связи весьма показательным представляется клад отщепов-заготовок, который можно интерпретировать двояко. Во-первых, полученные заготовки могли

закладываться на хранение как резерв. Во-вторых, возможно, существовала промежуточная технологическая операция – тепловая обработка заготовок с целью улучшения физических свойств сырья перед отжимным ретушированием и окончательным оформлением бифасиальных орудий [Kononenko A., Kononenko N., Kajiwaru H., 1998].

С технологических и функциональных позиций каменная индустрия стоянки отражает принципиальные изменения в адаптационной стратегии. Серийность и разнообразие метательных орудий убеждает в определенной специализации охотничьего вооружения, которая позволяла существенно расширять состав промысловых животных. Практически полное исчезновение резцов, замена вкладышевых орудий цельными специализированными изделиями, широкий функциональный спектр разовых инструментов для мелких отделочных работ по дереву, кости, рогу, вероятно, сопровождалась некоторой переориентацией в использовании органического материала как сырья, с акцентом, возможно, на производство орудий рыболовства (гарпунов, крючков, острий и др.). О том, что обитатели стоянки использовали ресурсы реки, свидетельствует каменная скульптурка рыбы, скорее всего, связанная с промысловой магией. Несомненно, более значительное место, чем это зафиксировано в

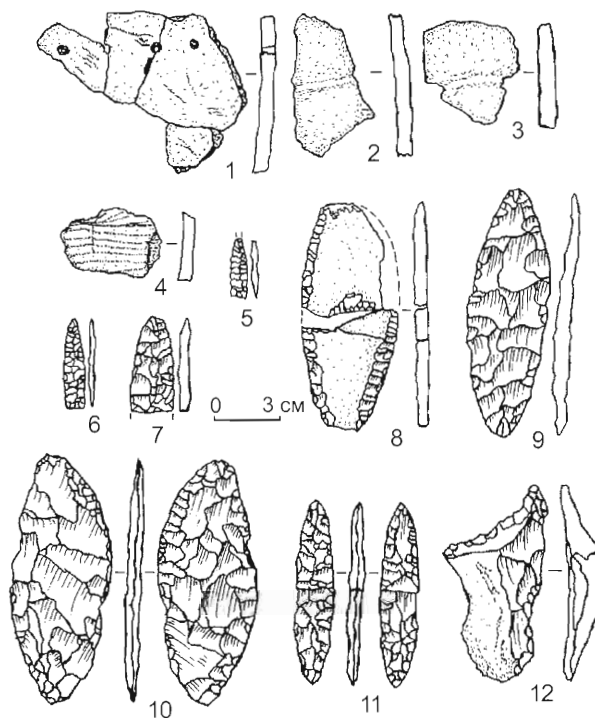

Рис. 10. Инвентарь стоянки Устиновка-3.
1 – 4 – керамика; 5 – 7, 9, 11 – наконечники метательных орудий;
8 – долотовидное орудие; 10 – нож-бифас; 12 – скобель.

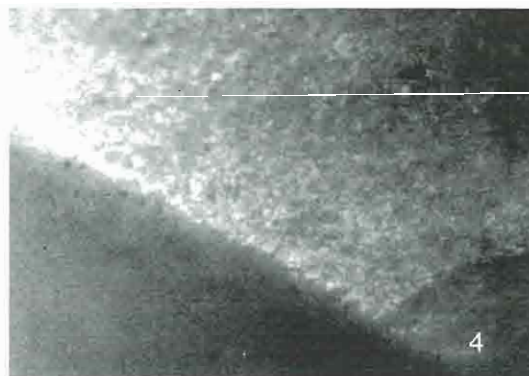
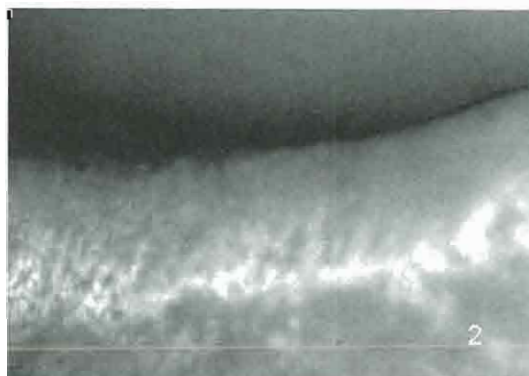
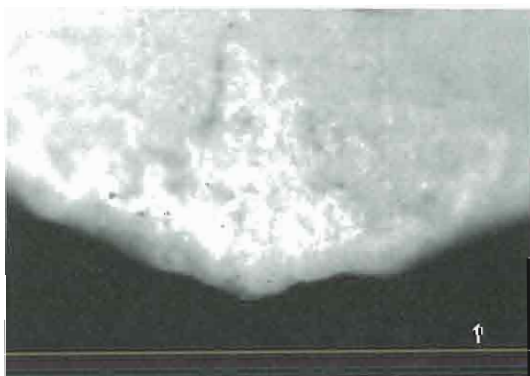

Рис. 11. Микрофотографии следов сработанности на орудиях со стоянки Устиновка-3.
1, 4 – резание мяса ($\times 100$); 2 – скобление сухого рога ($\times 100$); 3 – сверление сухого рога ($\times 100$).

орудийном комплексе, занимало собирательство растительной пищи. Важным доказательством тому является наличие на стоянке архаичной керамики (см. рис. 10, 1 – 4), роль которой особенно велика в обработке растительных продуктов [Kajiwara, 1996; Rice, 1999].

Хронология и экология археологических памятников позднего плейстоцена – раннего голоцена долины р. Зеркальной

Геоморфологическая позиция стоянок Устиновка-7, 6 и 3, их стратиграфическая характеристика, имеющиеся палинологические данные, абсолютные даты (^{14}C , OSL) свидетельствуют о существовании и развитии трех последовательных технологических стратегий в долине р. Зеркальной: пластинчатой, микропластинчатой и бифасиальной. На основании этих данных и их сопоставления с материалами других стоянок Устиновского комплекса нами выделяется пять этапов заселения долины, охватывающих период от 33 000 до 9 500 лет. Степень обоснованности выделения каждого этапа археологическими материалами и экологическими данными различна, что предполагает дискуссионность некоторых положений и их дальнейшую разработку.

Первый этап – пластинчатые комплексы (33 000 – 30 000 л.н.). Расположение стоянки Устиновка-7 на 40-метровой нижнечетвертичной террасе, палинологическая характеристика 4-го и 5-го культуросодержащих слоев, технологический контекст каменной индустрии дают основания связывать начальный этап заселения долины с фазой относительного похолодания черноручьинского (каргинского) интерстадиала 33 000 – 30 000 л.н. Видимо, с этим же периодом может быть соотнесен пластинчатый комплекс стоянки Устиновка-1, обнаруживающий достаточно выраженное сходство с индустрией раннего комплекса Устиновки-7.

Второй этап – ранние микропластинчатые комплексы (18 600 – 12 000 л.н.). Палинологические спектры для отложений позднего комплекса стоянки Устиновка-7, характерные для холодных ландшафтов, расположение памятника на 40-метровой террасе, отсутствие в инвентаре резцов, микронуклеусов из бифасов и бедный состав бифасиальных орудий в целом позволяют выделять данный этап развития культурной традиции. По своему содержанию он характеризуется индустриями, в которых технология получения пластин дополняется микропластинчатым расщеплением, основанным на использовании краевых ладьевидных сколов. Начало этапа определяется датой 18 600 л.н. (OSL), а окончание его, вероятно, связано с распространением комплексов с развитой микропластинчатой индустрией типа Устиновки-6.

Хронологически ко второму этапу, скорее всего, относятся Устиновка-7а (см. рис. 2) и липаритовый комплекс стоянки Устиновка-5 [Васильевский, Крупяно, Табарев, 1997, с. 65].

Третий этап – микропластинчатые комплексы (12 000 – 11 500 л.н.). Этот этап наиболее полно представлен в материалах стоянки Устиновка-6 и характеризуется пластинчатой технологией, основанной на подпризматических нуклеусах и производных от них единичных конических нуклеусах, многовариантным микропластинчатым расщеплением с использованием микронуклеусов из бифасов, ладьевидных заготовок, пластин и отщепов. Орудийный набор включает разнообразные резцы, бифасы, оббитые рубящие орудия, скребки. Появляются новые элементы как производственного (наконечники стрел), так и неупотребительного (украшения из камня) назначения. Происходят изменения во внутренней структуре стоянки (очажный комплекс, производственная площадка). Радиоуглеродные даты памятника: $11\,550 \pm 240$ л.н. (GEO-1412) и $11\,750 \pm 620$ (СОАН-3538). По технико-типологическим показателям инвентарю стоянки очень близки комплексы памятников Суворово-3 и 4, что позволяет объединить их в рамках одного этапа. Расположение суворовских стоянок в долинах правых притоков р. Зеркальной, примерно в 7 – 10 км от устиновских памятников, свидетельствует об усложненной модели расселения носителей традиции в этот период. С третьим этапом, вероятно, связана и богоспольская группа памятников и серия местонахождений в среднем течении р. Зеркальной.

Четвертый этап – поздние микропластинчатые комплексы (11 500 – 10 500 л.н.). К ним могут быть отнесены стоянки Суворово-6 и Устиновка-4, связанные с более низкими геоморфологическими уровнями. Инвентарь этих памятников во многом аналогичен таковому на стоянках третьего этапа. В то же время наличие подшлифованных изделий, остатков жилых конструкций и производственных площадок [Васильевский, Крупяно, Табарев, 1997; Dyakov, 1997] свидетельствует о некоторой асинхронности памятников по сравнению с комплексами третьего этапа.

Пятый этап – бифасиальные комплексы (10 500 – 9 500 л.н.). Этот этап представлен стоянкой Устиновка-3 и отражает принципиально важные изменения в системе жизнеобеспечения и социальной структуре обитателей долины, о чем свидетельствуют появление керамики, предметов неупотребительного назначения, сооружение жилых конструкций, оформление специализированных видов деятельности (керамическое производство, тепловая обработка камня). Все эти элементы впоследствии получают свое развитие в комплексах руднинской неолитической культуры побережья.

Малочисленность памятников и значительный хронологический разрыв между первым и вторым этапами отчасти может объясняться недостаточной изученностью высоких структур рельефа долины. С другой стороны, низкая плотность памятников на ранних этапах могла быть обусловлена поведенческой моделью охотников-собирателей, более жестко связанных с состоянием пищевых ресурсов, прежде всего их сезонностью и объемом в ландшафте [Yellen, 1977, p. 64 – 77; Jochim, 1976, p. 22 – 25].

Эволюция технологических традиций от пластинчатой к микропластинчатой и бифасиальной, прослеженная в индустриях Устиновского комплекса, соответствует общей тенденции развития технологии камнеобработки в палеолитических индустриях Восточной Азии. В этом плане заслуживают внимания две позиции.

Во-первых, в обширном регионе, охватывающем Алтай, Восточную Сибирь, Китай, Монголию, определен круг памятников переходного периода от среднего палеолита к позднему, техническую основу которых составляла пластинчатая технология с левалуазскими элементами. В рамках этой технологии вызревала техника микрорасщепления, основанная на использовании торцовых и примитивных клиновидных нуклеусов, развитие и совершенствование которой стадийно связано с этапами позднего палеолита [Деревянко и др., 1998; Derevianko, 1999; Kozlowski, 1999]. Адаптационная целесообразность и взаимосвязь пластинчатой и микропластинчатой технологий обусловили устойчивость позднепалеолитической традиции во времени и ее широкое распространение в пространстве. Наиболее ранние свидетельства микропластинчатой традиции в Восточной Азии представлены в материалах первого и второго этапов селемджинской культуры бассейна среднего Амура (25 000 – 19 000 л.н.), а также в инвентаре стоянки Огоньки-5 на Сахалине (19 000 л.н.) [Василевский, 1996] и в комплексах типа Касивадай-1 в Японии (20 000 – 19 000 л.н.) [Фукуи-Дзюньити, 1999]. В свете этих данных наличие в долине р. Зеркальной памятников с пластинчатой технологией на первом этапе и распространение ранних микропластинчатых комплексов на втором не только вполне согласуются с общей динамикой культурного развития палеолитических сообществ Восточной Азии, но и отражают направление связей приморских комплексов и истоки их происхождения. Несомненно, первые обитатели долины своими корнями были связаны с культурами соседних континентальных районов и испытывали импульсивное воздействие этих культур на протяжении всего позднего палеолита.

Во-вторых, модель последовательной смены микропластинчатой техники бифасиальной и формирования на ее основе неолитических культур на рубеже

плейстоцена – голоцена пока надежно документирована для двух регионов: Приморья и Японии [Кононенко, 1994; Kajiwa, 1996]. Некоторые особенности формирования раннеолитических культур Сахалина [Кононенко, 1994] позволяют предполагать для этого региона сходную модель развития. Несколько иная ситуация наблюдается в континентальных районах Приамурья, Приморья и Северо-Восточного Китая, где в раннеолитических индустриях микропластинчатый и пластинчатый компоненты сосуществуют с бифасиальной технологией [Derevianko, Petrin, 1995]. Это дает основание полагать, что модель смены микропластинчатой техники бифасиальной была распространена в прибрежных районах бассейна Японского моря. Причем на юге Японии быстрая смена традиций камнеобработки была непосредственно связана с изменениями природной среды, вызванными глобальным потеплением в конце плейстоцена.

Не исключено, что побережье Приморья в конце плейстоцена – начале голоцена входило в зону активных контактов как северных, так и южных культур, которые могли осуществляться на основе многоступенчатого обмена технологиями и идеями. Принятие этого предположения позволяет объяснять наличие поразительного сходства ряда элементов в инвентаре таких комплексов, как Устиновка-6 и 3 в Приморье и стоянки типа Одо-Ямамото-1 на севере о-ва Хонсю. Материалы последней особенно интересны тем, что отражают развитие взаимосвязанных технологий – от микропластинчатой к бифасиальной с наконечниками и керамикой и к начальному дзему. Согласно серии радиоуглеродных дат, эти события имели место в интервале от $13\,780 \pm 170$ л.н. до $7\,070 \pm 40$ л.н. [Archeological Research..., 1999]. Кроме того, сходство некоторых элементов в керамике руднинской раннеолитической культуры Приморья и начального и раннего дзема свидетельствует о том, что контакты между древним населением континента и островов не прерывались даже в период климатического оптимума, когда подъем уровня Японского моря сделал невозможным связь посредством сухопутных мостов и перешейков. Это наводит на мысль, что уже в конце плейстоцена население бассейна Японского моря вполне могло совершать дальние плавания по достаточно обширному водоему, используя простейшие плавсредства [Erlandson, Moss, 1996].

Опираясь на палинологические данные, можно с уверенностью сказать, что освоение человеком бассейна р. Зеркальной происходило в период относительного похолодания каргинского интерстадиала, когда в днище долины произрастали ольховые леса, а на придолинных склонах мелкогогорья и низкогогорья – елово-пихтовая тайга с примесью берез и широколиственных пород. Большой процент пыльцы древесных и кустарниковых пород и широкий спектр трав в пробах

со всей очевидностью говорят о высокой плотности и разнообразии растительности. Для подобных формаций типичен богатый кустарничково-травянистый покров, обилие мхов, лишайников, составляющих кормовую базу для копытных животных, которых, как правило, сопровождают такие хищники, как бурый медведь, рысь, волк [Бромлей, Кучеренко, 1983, с. 27 – 28]. По аналогии с синхронным фаунистическим комплексом стоянки в пещере Географического общества, существовавшей в сходном ландшафте, в число животных, обитавших в долине р. Зеркальной в этот период, могли входить лось, изюбр, северный и пятнистый олень, кабан, кабарга, горал, косуля, возможно, бизон, лошадь [Оводов, 1977].

Ограниченность источников не позволяет реконструировать многие аспекты хозяйственной деятельности и образа жизни первых обитателей долины. Можно лишь предполагать, что это были охотники на крупных травоядных животных, и в их диете значительное место могла занимать растительная пища. Повидимому, стоянки были местом сезонного обитания и функционировали в периоды активного охотничьего промысла в летне-осенние месяцы, а также сбора растений, продуктивность и разнообразие которых также возрастали во второй половине теплого сезона. Охота на животных могла быть как индивидуальной, так и коллективной, особенно во время их сезонных миграций. Относительная стабильность среды обитания на первом этапе заселения долины, обилие и доступность пищевых и непищевых ресурсов, вероятно, могли привести к увеличению численности населения долины и, как следствие, к определенной социальной напряженности, выход из которой мог быть либо в интенсификации использования имеющихся ресурсов, либо в оттоке части населения. Может быть, эти процессы имели место в долине и будущие исследования подтвердят такое предположение. Однако подобный сценарий культурного развития возможен при относительно стабильных природных условиях с незначительными изменениями. Но если изменения были слишком большими либо слишком быстрыми, как это наблюдается в период прогрессирующего похолодания в конце каргинского интерстадиала (24 000 – 21 000 л.н.) [Короткий, Гребенникова, Пушкар, 1996, с. 26], то могли возникать критические ситуации, приводившие не только к росту мобильности групп охотников-собирателей, но и к перерыву преемственности обитания в привычных ландшафтах [Soffer, 1985, p. 264 – 265].

В период партизанского (сартанского) климатического минимума длительная зима с низкими температурами, короткое и прохладное лето, скудность древесной растительности, вероятно, создавали определенные трудности для обитателей долины. Стрессовыми могли быть условия и для травоядных

животных мамонтовой фауны (северный олень, лось, изюбр и, возможно, лошадь, бизон), хотя они и адаптированы к холоду. В период климатического минимума в долине в условиях нарастания лимитирующих факторов (сокращение площадей и продуктивности естественных пастбищ и др.) могло происходить обострение пищевой конкуренции между этими видами, уменьшение общей численности животных, изменение ареалов их миграций: из относительно ограниченного района долины они могли уходить на шельфовую равнину побережья и в более южные экологические ниши. Не исключено, что вслед за животными перемещались и охотники. Возможно, что в этот экстремальный климатический период древнее население либо покинуло долину, либо отличалось высокой мобильностью и его пребывание на стоянках было столь кратковременным, что оно плохо прослеживается археологически.

Постепенное улучшение климатической обстановки в конце климатического минимума стимулировало возврат населения к прежним местам обитания. Палинологические данные, полученные из отложений стоянки Устиновка-7 (II хронологический этап), свидетельствуют о распространении в это время ландшафтов лесотундры с участием лиственницы и берез фригидных форм, а на водоразделах – тундры. В днищах долин реки и ее притоков обширные пространства занимали разнотравные, а на сухих участках – полынно-маревые луга. Подобные ландшафты свидетельствуют о малоснежных зимах и об относительно потеплении летних периодов, создававших более благоприятные условия для растительного и животного мира. Эти экологические события заложили основу для появления и развития микропластинчатого расщепления и изготовления вкладышевых орудий, адаптированных к охоте на животных полуоткрытых пространств. Вероятно, одним из стимулирующих факторов распространения микропластинчатых индустрий в долине р. Зеркальной в этот период были контакты с мобильными группами охотников и собирателей континентальных районов. Веским аргументом в пользу этого, равно как и предположения о возможном уходе населения долины в более южные районы в пик сартанского похолодания, могут служить единичные изделия из обсидиана в материалах стоянок Устиновка-7 (поздний комплекс) и 7а.

Появление обсидиана в каменных индустриях долины может быть объяснено двумя причинами. Во-первых, мобильные группы охотников-собирателей, следуя за мигрирующими животными, могли собирать обсидиановые гальки в местах их россыпных скоплений в руслах рек и переносить с собой на достаточно дальние расстояния либо в виде изделий-полуфабрикатов, либо как заготовки небольших размеров. Не исключено, что именно подобным образом обсидиан

оказался в инвентаре стоянок второго этапа. Во-вторых, наличие предметов из этого сырья в Устиновских комплексах, возможно, отражает социальный аспект жизнедеятельности носителей культурной традиции в целом. Вполне вероятно, что между группами, заселявшими локальные экологические ниши с разным составом пород камня, пригодного для орудий, существовали сложные социальные и демографические связи, благодаря которым мог осуществляться систематический обмен сырьем и другими продуктами. С системой обмена связано развитие более сложной структуры социальной организации как внутри групп, так и между различными группами, когда посредством проведения совместных ритуальных празднеств производился обмен информацией о состоянии ресурсов, брачными партнерами, сырьем, украшениями и т.д. [Yellen, 1977, p. 89 – 90; Jochim, 1981, p. 179 – 180].

Территориально ближайшие стоянки с индустриями, где широко использовался обсидиан, известны в 250 – 350 км к юго-западу от долины р. Зеркальной, в бассейнах рек Арсеньевка и Илистая. Хронологическая позиция памятников остается дискуссионной. Предполагается, что их появление связано с концом плейстоцена – началом голоцена (11 000 – 9 000 л.н.) [Кузнецов, 1992]. Однако новые материалы дают основания говорить о более раннем возрасте подобных комплексов [Гарковик, Кононенко, Кадзивара, 1998; Кононенко, Клюев, 1998]. Среди них особого внимания заслуживает серия стоянок в долине р. Арсеньевки, связанных с поверхностями 40-метровых цокольных террас (Нововарваровка-1, 2 и 3). Каменный инвентарь этих памятников изготовлен из крупных валунов и галек диабазы и относительно небольших галек обсидиана, встречающихся и в настоящее время на галечниковых косах р. Арсеньевки и ее притоков. Характер сырьевых заготовок определил систему первичного расщепления, основанного на технологии оббивки и, в меньшей степени, биполярного (контрударного) раскалывания галек обсидиана. В комплексе стоянки Нововарваровка-1 имеются крупные пластины, нуклеусы, краевые сколы, обломки бифасов и унифасов, концевые скребки, резцы с диагональным сколом, клиновидные микронуклеусы из ладьевидных заготовок, отщепов и пластин [Кононенко, Клюев, 1998].

Исходя из геоморфологической позиции стоянки и состава инвентаря, можно предположить, что по времени она близка к ранним этапам развития микропластинчатой традиции в бассейне р. Амура [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998, с. 102]. Наличие единичных изделий из светлых окремненных туфов устиновского облика в материалах Нововарваровки, с одной стороны, и редких предметов из обсидиана на стоянках второго этапа долины р. Зеркальной – с другой, дает основание говорить не только об их возмож-

ной одновременности. Не исключено, что памятники типа Нововарваровки могут свидетельствовать о существовании контактной зоны, где встретились население, ушедшее с побережья в экстремальный период, и носители микропластинчатой традиции, передвижение которых в связи с интенсивным похолоданием могло происходить из северных районов бассейна Амура на юг – в Приморье. В конце сартанского минимума охотники с подвижным образом жизни, перенявшие технологические новации в орудиях промысла, могли вернуться в долину р. Зеркальной и адаптировать новую технологию к местным источникам сырья.

Памятники третьего, четвертого и пятого этапов развития Устиновского комплекса связаны с глобальным природно-климатическим переходным периодом конца плейстоцена – начала голоцена в промежутке между 14 000 – 8 000 л.н. [Воробьева, Бердникова, Горюнова, 1998] или 13 000 – 8 000 л.н. [Straus, 1996, p. 3]. Основным содержанием этого периода является неустойчивое состояние экосистемы, когда частая смена фаз похолоданий и потеплений, замена перигляциальных тундростепных ландшафтов позднеледниковья таежными, лесостепными и степными формациями, изменения в составе фауны вызывали коренную перестройку в образе жизни и культуре человеческих сообществ [Erlandson, 1996; Воробьева, Бердникова, Горюнова, 1998].

Хронологически стоянки третьего этапа относятся к рубежу двух климатических фаз: похолодания – раннего Дриаса (12 000 – 11 800 л.н.) и потепления – Аллереда (11 800 – 11 000 л.н.) [Воробьева, Бердникова, Горюнова, 1998]. В долине р. Зеркальной в это время наблюдалась устойчивая тенденция к постепенной смене открытых и полуоткрытых ландшафтов лесными. В районе стоянки Устиновка-6 в период похолодания были распространены редкостойные березово-лиственничные леса с ерниковыми пустошами. С потеплением их плотность увеличилась, появились темнохвойные и широколиственные породы, много видов трав. Сравнительное разнообразие ресурсов долины реки в этот период увеличивалось за счет поясности, когда открытые ландшафты на возвышенностях с обилием трав и кустарников сочетались с островами древесной и кустарниковой растительности в укрытых микрорельефах долины. Подобная структура ландшафта способствовала увеличению объема и разнообразия кормовой базы для травоядных животных, возрастанию их плотности, расширению видового состава. Умеренно холодный и относительно влажный климат обуславливал более обильные зимние осадки, приводившие к увеличению объема воды в речных системах и их продуктивности.

Возрастание продуктивности ландшафта, предсказуемость растительных и животных ресурсов, наличие локальных источников сырья – все это способствовало

увеличению плотности населения в долине, что произошло в значительно большем числе стоянок третьего этапа и их пространственной обособленности. Предполагаемая относительная одновременность устиновской, суворовской и богопольской групп стоянок в трех локальных микроландшафтах среднего течения р. Зеркальной может свидетельствовать, с одной стороны, об усложнении в системе социальной организации носителей микропластинчатой традиции, с другой – о постепенном нарастании противоречий в структуре взаимосвязей между людьми и средой их обитания.

Увеличение населения в ограниченном районе даже при относительном обилии растительных и животных ресурсов неизбежно приводило к уменьшению последних. В условиях неустойчивости ландшафтно-климатической обстановки подобный дисбаланс между населением и ресурсами мог возрастать, ставя человека перед выбором одной из двух стратегий: подчиняясь традиционному подвижному образу жизни, переместиться в соседние регионы либо адаптироваться к меняющейся демографической и экологической ситуации посредством интенсификации использования ресурсов ландшафта [Price, Brown, 1985, р. 10]. По имеющимся данным сложно сказать, насколько реальной на данном хронологическом этапе была первая стратегия, осуществление которой в определенной степени могло сдерживаться горным рельефом, а также возможной заселенностью близлежащих районов с благоприятным для жизни ландшафтом. Постепенная смена ресурсов, вызванная потеплением, создавала предпосылки для выработки новых технологий, связанных с жизнеобеспечением обитателей долины.

К концу плейстоцена виды крупных животных полуоткрытых ландшафтов (мамонт, лошадь, бизон, северный олень, лось) – из всех ресурсов наиболее продуктивный – обнаруживали тенденцию к исчезновению либо колебаниям в численности и плотности [Оводов, 1977]. В ситуации уменьшения оптимальных ресурсов и увеличения плотности населения обитатели долины в определенные периоды могли восполнять объем животной пищи за счет менее продуктивных по биомассе, но обладающих высокой степенью воспроизводства видов (горал, косуля, кабан) [Hayden, 1981, р. 523].

Важное значение охоты в системе жизнеобеспечения обитателей долины подтверждается набором разнообразных орудий, связанных с промыслом, разделкой и обработкой добычи. Другим источником, обеспечивавшим стабильное поступление пищевых ресурсов, являлось собирательство. Не исключено, что терочки и нож для резания растительных материалов на стоянке Устиновка-6 также были связаны с заготовкой растительной пищи.

На третьем этапе начинается освоение ресурсов реки. На первых порах значение рыбы, в том числе лосося, в диете населения, скорее всего, было небольшим, она выполняла функцию дополнительного источника пищи. Весовой эквивалент мяса одного северного оленя обеспечивается 10 – 20 взрослыми особями лосося [Mellars, 1985, р. 280], и при наличии достаточной плотности оленей и близких к ним по биомассе животных не было необходимости менять приоритеты объектов промысла. С усилением давления демографического фактора на продуктивность ландшафта роль лосося как экономически стабильного ресурса, вероятно, возрастала. Предсказуемость миграций лосося могла способствовать появлению стабильных сезонных поселков, что впоследствии, возможно, приводило к частичной оседлости. К таким базовым лагерям, очевидно, относится стоянка Устиновка-6, часть обитателей которой (женщины, старики, дети) могла почти постоянно оставаться в пределах лагеря, в то время как добычей ресурсов на некотором удалении от него занимались небольшие специализированные группы.

В свете изложенного весьма проблематичными представляются попытки отнесения к кратковременным сезонным стоянкам таких памятников долины р. Зеркальной, как Устиновка-4 и 6, Суворово-3, 4 и 6 [Васильевский, Крупянко, Табарев, 1997], где помимо количественно преобладающих отходов производства присутствуют также разнообразный по составу инвентарь, остатки жилых конструкций либо производственных площадок [Там же]. В решении вопроса о функциональной специфике памятников следует учитывать не только количественные показатели комплексов, чаще всего характеризующихся обилием дебитаж и редкостью орудийных форм. Важен анализ структурной взаимосвязи между категориями изделий и их назначением в хозяйственной системе, между производственными отходами и сырьевыми особенностями заготовок, между стоянками и источниками сырья.

Материалы памятников Устиновка-7, 6 и 3 со всей очевидностью доказывают, что обилие сырья, не отличающегося высоким качеством, обуславливало преобладание дебитаж, в том числе обломков заготовок на разной стадии оформления. Функциональная специфика ряда категорий орудий (наконечники метательных орудий, отчасти ножи, отбойники) предполагала их использование за пределами стоянок и, соответственно, присутствие их в инвентарных комплексах чаще носит случайный характер. В то же время на месте обитания могут сохраняться орудия – как законченных форм, так и на отщепах и сколах без предварительного оформления рабочих участков, – употребление которых чаще всего носило разовый, кратковременный характер и их обнаружение требует

специального анализа – трасологического. Оценивая ситуацию с “мастерскими по обработке камня” в долине р. Зеркальной, характеризующимися обилием пригодного для изготовления каменных орудий сырья, возможно выделить пока лишь одно местонахождение, геоморфологическая позиция и археологический контекст которого позволяют предполагать существование подобного типа памятника, – стоянку Суворово-Мастерская в долине р. Садовой [Там же, с. 21 – 23]. Материалы остальных уже изученных памятников отражают значительно более сложную модель существования, чем распространенный упрощенный вариант интерпретации их как кратковременных стоянок и мастерских.

Четвертый этап устиновской традиции соотносится с концом фазы потепления Аллеред (11 800 – 11 000 л.н.) и похолоданием в позднем Дриасе (11 000 – 10 300 л.н.) [Воробьева, Бердникова, Горюнова, 1998]. В это время в ландшафте долины получили распространение березово-ольховниковые и лиственничные леса с луговой растительностью в низинах. Резкие изменения среды обитания, вероятно, стимулировали интенсификацию использования природных ресурсов за счет применения новых технологий. Появляются орудия с обработкой функционально важных участков шлифовкой. Видимо, суровость климата явилась основным фактором, обусловившим строительство слегка углубленных жилищ, обнаруженных на стоянке Устиновка-4 [Dyakov, 1997]. Значительные размеры этой стоянки с жилищами, очевидно, отражают нарастание тенденции к полuosедлому образу жизни, экономически, вероятно, более связанному с эксплуатацией ресурсов реки. Уменьшение мобильности групп приводило к их территориальной обособленности, что подтверждается расположением стоянок Суворово-6 и Устиновка-4 в различных ландшафтах долины. Вероятно, сохранялись условия для роста численности населения, а это могло приводить к конкуренции и конфликтам между территориально обособленными группами [Price, Brown, 1985, p. 10]. Предполагается, что появление небольших наконечников стрел – один из признаков существования напряженных социальных отношений между соседними группами [Glassow, 1997, p. 89]. В свете этого не исключено, что миниатюрные, тщательно обработанные наконечники стрел, впервые появившиеся на стоянке Устиновка-6, могли быть связаны не только со сменой объектов добычи, но и с возможной напряженностью социальных отношений, складывавшихся к концу третьего и на протяжении последующих этапов между населением долины р. Зеркальной и группами охотников-собирателей соседних экологических ниш.

Заключительный этап развития устиновской культурной традиции представлен пока единственным памятником – стоянкой Устиновка-3, датируемой в пре-

делах 10 500 – 9 500 л.н. В рамках этого интервала климатическая обстановка трижды претерпевала достаточно глубокие изменения: от похолодания конца позднего Дриаса (11 000 – 10 300 л.н.) к значительному потеплению (10 500 – 9 700 л.н.) и последующему существенному похолоданию (9 700 – 9 300 л.н.). Палинологические данные свидетельствуют о том, что заселение стоянки происходило в холодный период, когда в ландшафте преобладали редкостойные березово-ольховниковые леса с березняками на более высоких элементах рельефа. С начавшимся потеплением на солнечных склонах получили распространение лещина, ильм, липа, на теневых – ольховые леса, а в низинах – луговая растительность с мозаичным травянисто-кустарниковым покровом. Холодный и сухой климат с сильными ветрами в период последующего похолодания привел к увеличению в лесных формациях берез, в том числе кустарниковых форм. Колебания в видовом составе растительности, очевидно, побуждали обитателей стоянки к поиску и отбору наиболее оптимальной растительной пищи, которую можно было не только употреблять в свежем виде, но и заготавливать впрок. Наличие ножей и терочников для обработки растений, керамических емкостей, которые могли использоваться как для тепловой обработки растительной пищи, так и для ее хранения, говорят о существенном расширении диеты обитателей стоянки. Структурированный рельеф в районе памятника обеспечивал предсказуемое разнообразие видов растительности, пригодных как в пищу, так и для различных бытовых нужд. Не исключено, что в сферу внимания собирателей входило и побережье моря, куда могли совершаться специально организуемые экспедиции для сбора раковин, морских растений.

Возрастающее разнообразие и плотность растительных ассоциаций в ландшафте стимулировали формирование таежного фаунистического комплекса с прогрессирующим увеличением плотности небольших по биомассе популяций, сосуществовавших с такими видами, как лось, северный олень, благородный олень, медведь. Биологические особенности каждого из этих видов позволяли охотникам добывать необходимый объем животной пищи не только в определенные сезоны, но и в течение всего года. Набор орудий, связанных с охотой и обработкой охотничьей добычи, говорит о большом значении ее в системе жизнеобеспечения.

В сферу деятельности могли вовлекаться ресурсы реки и прежде всего такой стабильный и предсказуемый источник пищи, как лосось. Одним из результатов позднелепистоценового повышения уровня моря было изменение гидрорежима р. Зеркальной, приведшее к существенному росту количества и качества рыбных ресурсов. Очевидно, с весны, когда

река освобождалась от льда, и до поздней осени она позволяла дополнять диету рыбой. Во время массового хода лосося от конца мая до начала ноября, вероятно, производилась заготовка рыбы впрок.

Судить о значении рыболовного промысла в системе обеспечения пищевыми ресурсами весьма сложно в силу отсутствия прямых археологических доказательств. Наличие каменной скульптурки рыбы на стоянке Устиновка-3 наводит на мысль, что рыболовство в конце плейстоцена – начале голоцена было хозяйственной инновацией в рамках усложненной экономики охотников-собирателей [Кононенко, 1994, с. 133]. Переход к новым пищевым ресурсам требовал новых способов добычи, обработки и хранения, которые неизбежно вели к изменениям в образе жизни и в социальной организации. Подобные инновации медленно внедрялись в традиционный способ жизнеобеспечения, и на начальных этапах проявление их было незначительным [Glassow, 1997]. Оформление рыболовства в самостоятельный хозяйственный уклад со специализированными орудиями индивидуального и коллективного промысла происходило уже в эпоху неолита, что убедительно аргументируется материалами руднинской и бойсманской культур [Кононенко, 1994, 1998]. Но даже у носителей бойсманской культуры, чья экономика была ориентирована на использование морских ресурсов, удельный вес рыбы в диете уступал охотничьей добыче [Беседнов, Вострецов, 1998, с. 316].

Заключительный этап развития устиновской традиции демонстрирует существенное усложнение социальных аспектов жизни ее носителей. Большая площадь стоянки Устиновка-3, наличие остатков двух наземных жилищ, серии специализированных площадок, клада, керамики свидетельствуют о значительной продолжительности обитания на этой стоянке и, вероятно, относительно увеличении числа жителей, дифференциации во внутренней организации технологических процессов, развитии способов хранения ресурсов, а также о кооперированной деятельности и половозрастном разделении труда.

Изготовление орудий, охота, добыча рыбы в период ее массового хода, тепловая обработка камня, обжиг керамической посуды, очевидно, входили в сферу деятельности мужчин и предполагали как индивидуальное мастерство вплоть до некоторой специализации, так и кооперированные усилия. Собирательством, обработкой шкур, изготовлением одежды и предметов быта, керамики, вероятно, занимались женщины и подростки.

Появление архаичной керамики, сходной с ранними керамическими комплексами континентальной части Приморья и бассейна Амура, и малочисленные изделия из обсидиана указывают на продолжающиеся контакты обитателей долины с населением сосед-

них регионов. Освоение технологии обработки новых сырьевых материалов (глины) предполагает знание технологических процессов, определенные навыки, которые могли быть восприняты при непосредственном контакте с мастерами этого дела, что позволяет говорить о возможном эпизодическом появлении в долине реки отдельных групп охотников-собирателей из континентальных районов, взаимодействие с которыми на первых порах, скорее всего, было мирным.

Увеличение численности населения в условиях колебания продуктивности ландшафта могло приводить к обострению конфликтов между местным населением и мигрантами. В этом плане заслуживает внимания серийность небольших наконечников стрел на стоянке Устиновка-3, среди которых необычными выглядят изделия из светло-бежевого кремневого туфа и черного обсидиана (см. рис. 9, 9, 11). Не исключено, что эти наконечники использовались как боевое оружие в решении конфликтов с вновь прибывшими группами. Следствием могло быть перемещение местного населения, имевшего достаточно сложную социальную организацию и уже обладавшего определенными навыками рыболовства и собирательства прибрежных ресурсов, в направлении к устью реки и на побережье.

С относительной стабилизацией уровня моря в период похолодания 9 700 – 9 300 л.н. в приустьевой части реки происходили заболачивание поймы, образование опресненных небольших водоемов. Обильная лугово-степная растительность на шельфовой равнине и в устье реки дополнялась березово-лиственными лесами и кустарниками, произраставшими на низкогорных рельефах побережья. Последующие фазы раннеголоценовых потеплений и похолоданий способствовали распространению березово-широколиственных и березово-еловых лесов, формированию в прибрежной зоне высокопродуктивного ландшафта с разнообразием и обилием речных, наземных и морских ресурсов.

Переместившись на побережье, обитатели долины выбирали для стоянок места непосредственно на берегах лагуны и устья реки, что позволяло им продуктивно осваивать новые ресурсы и развивать традиционные способы охоты и собирательства. Но с началом климатического оптимума голоцена и значительным подъемом уровня моря, вызвавшего затопление большей части приустьевой равнины, включая места стоянок людей, они вынуждены были переселяться в более безопасные районы.

Отсутствие памятников финального этапа развития устиновской традиции в долине р. Зеркальной в период от 9 500 до 3 000 л.н. может быть объяснено тремя причинами: во-первых, уходом населения из долины в прибрежные районы под давлением экологических и демографических факторов, во-вторых,

переориентацией экономики на высокопродуктивные, разнообразные и предсказуемые ресурсы прибрежных ландшафтов, в то время как использование ресурсов бассейна реки приобретало подчиненный и эпизодичный характер; в-третьих, переселением в период подъема уровня моря из устья р. Зеркальной в сходный ландшафт в долине р. Рудной, который позволял сохранять и развивать навыки эксплуатации ресурсов моря, реки и тайги.

Подтверждением такому сценарию культурной динамики на побережье Японского моря в конце плейстоцена – начале голоцена могут служить преемственность традиций камнеобработки, хронологическая последовательность и территориальная близость памятников Устиновского комплекса и руднинской неолитической культуры. Последние расположены в бассейне реки, впадающей в бухту Рудная в 30 км к северу от бухты Зеркальной (см. рис. 1). Одна из этих стоянок представлена ранним комплексом многослойного памятника Рудная-Пристань, расположенного в 4 км от устья реки. Серия радиоуглеродных дат определяет время ее функционирования периодом между $7\,690 \pm 80$ л.н. (ГИН-5984) и $7\,390 \pm 100$ л.н. (ГИН-5983), а состав инвентаря со всей очевидностью свидетельствует о развитом рыболовном промысле, охоте и собирательстве [Дьяков, 1992]. Примерно в 30 км от данного памятника, в верховьях ручья Кривого, одного из притоков р. Рудной, находится стоянка в пещере Чертовы Ворота. Согласно радиоуглеродным датам, человек заселил пещеру в интервале от $6\,825 \pm 45$ л.н. (СОАН-1212) до $5\,890 \pm 45$ л.н. (ЛЕ-4181) [Неолит юга Дальнего Востока..., 1991, с. 178 – 179]. Материалы обеих стоянок демонстрируют достаточно выраженную ориентацию экономики их обитателей на использование ресурсов реки и моря, начальные этапы освоения которых были связаны с событиями раннего голоцена в долине р. Зеркальной.

Заключение

Предложенная модель взаимодействия человека и среды – одно из возможных объяснений культурной динамики, позволяющих подойти к пониманию проблемы избирательного заселения определенных экологических ниш в эпоху палеолита. В Восточной Азии археологические комплексы конца плейстоцена – начала голоцена демонстрируют ряд общих закономерностей адаптационной стратегии охотников-собирателей, обуславливавших сходство основных направлений технологического развития (от пластин к микропластинам и бифасам, шлифованному камню и керамике). Вместе с тем в локальных регионах бассейна Японского моря шло постепенное формирование оригинальных культурных феноменов, динамика

которых во многом определялась состоянием ресурсов прибрежно-речных ландшафтов на различных этапах природно-климатических событий.

Обзор экологической обстановки в долине р. Зеркальной показывает, что при выборе среды обитания человек учитывал множество факторов, которые максимально соответствовали уровню развития его культуры, жизненным потребностям и адаптационным возможностям. Благоприятное сочетание всех важнейших составляющих привело к устойчивой приверженности носителей устиновской традиции к данному ландшафту на протяжении нескольких тысячелетий.

* * *

Написание данной работы стало возможным благодаря многолетним совместным исследованиям Устиновского комплекса российскими и зарубежными специалистами различного профиля: Ж.В. Андреевой, А.В. Гарковик, Н.А. Ключева, А.М. Короткого, Н.Б. Верховской, Б.Л. Залищака, В.А. Пахомовой, А.В. Кононенко, И.Я. Шевкомуда, С.В. Алкина, А.А. Крупянка, А.В. Табарева, Х. Кадзивара, Ю. Екояма, Т. Нагато, Т. Сода, Д. Кассиди, К. Лафлам, К. Вайсенд, Ф. Ранери. Весьма ценными оказались консультации и советы М. Глассоу, М. Джокума и Ф. Уилки. Трасологический анализ был проведен в Университете Калифорнии в Санта-Барбаре под руководством профессора М. Олдендерфа и при поддержке фонда Фулбрайта в 1999 г. Всем автор приносит искреннюю благодарность.

Список литературы

- Алексеева М.Н., Голубева Л.В.** Новые данные по стратиграфии плейстоцена Южного Приморья // Стратиграфия, палеогеография и литогенез антропогена Евразии. – М.: ГИН АН СССР, 1973. – С. 12 – 34.
- Андреева Ж.В., Худяков Г.И.** Палеолитический памятник на реке Зеркальной // Тр. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока / АН СССР. ДВНЦ. – 1973. – Т. 9. – С. 15 – 32.
- Атлас Приморского края / Приморский центр геодезии и картографии.** Тихоокеанский ин-т географии. Ин-т истории, археологии и этнографии. – Владивосток: Б.и., 1998. – 47 с.
- Беседнов А.Н., Вострецов Ю.Е.** Рыболовство // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и древний человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – С. 276 – 320.
- Бромлей Г.Ф., Кучеренко С.П.** Копытные юга Дальнего Востока СССР. – М.: Наука, 1983. – 320 с.
- Василевский А.А.** Источники изучения позднеплейстоценовых – раннеголоценовых культур Сахалина в свете новых задач современной археологии Дальнего Востока России // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток: Дальпресс, 1996. – С. 26 – 30.
- Васильевский Р.С., Гладышев С.А.** Верхний палеолит Южного Приморья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 184 с.

Васильевский Р.С., Крупянко А.А., Табарев А.В. Генезис неолита на юге Дальнего Востока (каменная индустрия и проблема ранней оседлости). – Владивосток: Изд-во ДГУ, 1997. – 160 с.

Воробьева Г.А., Бердникова Н.Е., Горюнова О.И. Проблема выделения рубежа плейстоцена и голоцена на территории Байкало-Енисейской Сибири // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука, 1998. – С. 37 – 43.

Гарковик А.В. Поселение в долине р. Зеркальной // Материалы по археологии Дальнего Востока. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1981. – С. 12 – 19.

Гарковик А.В. Некоторые итоги исследования стоянки Устиновка-3 в Приморье // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток: Дальпресс, 1996. – С. 58 – 67.

Гарковик А.В., Кононенко Н.А., Кадзивара Х. Предварительные исследования микропластинчатого комплекса Молодежная-1 в Приморье (российский Дальний Восток) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука, 1998. – Т. 2. – С. 55 – 62.

Герасимов И.П., Чичагова О.А., Чиркинский А.Е., Афонский Б.Л., Флифанов В.М., Цыгинов В.Г. Радиоуглеродные исследования радиометрической лаборатории Института географии АН СССР // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1983. – № 52. – С. 205 – 211.

Гладышев С.А., Кононенко Н.А. Орудия стоянки Суворово III // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 36 – 45.

Дальний Восток: Физико-географическая характеристика. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 440 с.

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 216 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднелолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 1998. – 336 с.

Деревянко А.П., Петрин В.П., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 1998. – 280 с.

Дьяков В.И. Многослойное поселение Рудная-Пристань и периодизация неолитических культур Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 140 с.

Кононенко Н.А. Докерамические и неолитические комплексы Приморья (некоторые аспекты формирования и развития) // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока: Проблемы исторической интерпретации археологических источников. – М.: Наука, 1994. – С. 108 – 147.

Кононенко Н.А. Стоянка Устиновка-3 и проблемы перехода от палеолита к неолиту в Приморье // Поздний палеолит – ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. – Владивосток: Дальпресс, 1996. – С. 117 – 137.

Кононенко Н.А. Каменный и костяной инвентарь поселения Бойсмана-1 // Первые рыболовы в заливе Петра Великого. Природа и человек в бухте Бойсмана. – Владивосток: ДВО РАН, 1998. – С. 197 – 238.

Кононенко Н.А., Ключев Н.А. Новые докерамические комплексы в Приморье (к проблеме культурных связей) // Историко-культурные связи между коренным населением

Тихоокеанского побережья Северо-Западной Америки и Северо-Восточной Азии: К 100-летию Джезуповской Северо-Тихоокеанской экспедиции. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – С. 162 – 171.

Короткий А.М., Караулова Л.П., Троицкая Т.С. Четвертичные отложения Приморья: стратиграфия и палеогеография. – Новосибирск: Наука, 1980. – 234 с.

Короткий А.М., Гребенникова Т.А., Пушкар В.С. Климатические смены на территории юга Дальнего Востока в позднем кайнозое (миоцен – плейстоцен). – Владивосток: Дальнаука, 1996. – 57 с.

Крупянко А.А., Кононенко Н.А. Морфо-функциональные особенности предметов микропластинчатого комплекса // Археология Северной Пацифики. – Владивосток: Дальнаука, 1996. – С. 304 – 312.

Кузнецов А.М. Поздний палеолит Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1992. – 239 с.

Куренцова Г.Э. Естественные и антропогенные смены растительности Приморья и Южного Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 231 с.

Лапшина З.С. Древности озера Хумми. – Хабаровск: Приамурское геогр. об-во, 1999. – 206 с.

Неолит юга Дальнего Востока: Древнее поселение в пещере Чертовы Ворота. – М.: Наука, 1991. – 224 с.

Оводов Н.Д. Позднеантропогенная фауна млекопитающих (Mammalia) юга Дальнего Востока // Фауна и систематика позвоночных Сибири: Фауна Сибири. – Новосибирск: Наука, 1977. – С. 157 – 177.

Семенов С.А. Первобытная техника. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 240 с. – (МИА; № 54).

Развитие природной среды юга Дальнего Востока (поздний плейстоцен – голоцен) / А.М. Короткий, С.П. Плетнев, В.С. Пушкар, Т.А. Гребенникова, Н.Г. Разжигаева, Е.Д. Сахембареева, Л.М. Мохова. – М.: Наука, 1988. – 240 с.

Кадзивара Х., Екояма Ю., Кононенко Н.А., Гарковик А.В. 1998 нэндо росиа кевакоку Устинофука исэкигун ни окэру. Тохоку фукуси дайгаку то росиа кагаку акадэми ни сру луво теса но сэйка ни цуйтэ (Отчет о результатах совместных российско-японских исследований на комплексе стоянок Устиновка в 1998 г.) // Дай дзюни кай тохоку нихон но кюсэки буика о катару кай (12-я конференция по вопросам палеолитических культур Тохоку). – Нагаоко: Университет Тохоку Фукуши, 1999. – С. 104 – 107 (на яп. яз.).

Фукуи Дзюньити. Садзарэсиха сэкигун но сюцугэн – Касивадай 1 исэки (Дзюнитти Фукуи. Появление микропластинчатого комплекса, стоянка Касивадай-1) // Симподзиуму: Кайке то кита но кокогаку. Бутка но сэммэн о сагуру (Симпозиум “Пролив и северная археология. От палеолита к дземуно”). – Кусиро: Нихон кокогаку кекай, нэндо кусиродай дзико иинкай, 1999. – С. 25 – 44 (на яп. яз.).

Aikens M., Akazawa T. The Pleistocene-Holocene Transition in Japan and Adjacent Northeast Asia: Climate and Biotic Change, Broad-Spectrum Diet, Pottery, and Sedentism // Humans at the End of the Ice Age. The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition / Eds L.G. Straus, B.V. Eriksen, J.M. Erlandson, D.R. Yesner. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1996. – P. 215 – 227.

Archaeological Research at the Odai Yamamoto 1 Site // Inquiry into the Question of the End of the Paleolithic Culture and the Beginning of the Jomon Culture: Odai Yamamoto 1 Site

Excavation Team. – Tokyo: Kokugakuin University, 1999. – P. 135 – 144.

Derevianko A.P. The Paleolithic of Mongolia // From Sozudai to Kamitakamori. World Views on the Early and Middle Paleolithic in Japan. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1999. – P. 159 – 174.

Derevianko A.P., Petrin V.T. The Neolithic of the Southern Russian Far East: A Division into Period // The Origin of Ceramics in the Far East. International Symposium. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1995. – P. 7 – 9.

Dyakov V. The Oldest Habitation Site on the West Coast of the Sea of Japan // Current Research in the Pleistocene. – 1997. – Vol. 14. – P. 20 – 21.

Erlandson J.M. Asia and Australia during the Pleistocene-Holocene Transition // Humans at the End of the Ice Age. The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition / Eds. L.G. Straus, B.V. Eriksen, J.M. Erlandson, D.R. Yesner. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1996. – P. 171 – 174.

Erlandson J.M., Moss M.L. The Pleistocene-Holocene Transition along the Pacific Coast of North America // Humans at the End of the Ice Age. The Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition / Eds. L.G. Straus, B.V. Eriksen, J.M. Erlandson, D.R. Yesner. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1996. – P. 277 – 301.

Glassow M.A. Middle Holocene Cultural Development in the Central Santa Barbara Channel Region // Archaeology of the California Coast during the Middle Holocene / Eds. J.M. Erlandson, M.A. Glassow. – Los Angeles: The UCLU Institute of Archaeology Editorial Board, 1997. – P. 73 – 90.

Hayden B. Research and development in the Stone age: Technological Transitions Among Hunter-Gatherers // Current Anthropology. – 1981. – Vol. 22. – P. 519 – 548.

Jochim M.A. Hunter-Gatherer Subsistence and Settlement. A Predictive Model. – N.Y.: Academic Press, 1976. – 203 p.

Jochim M.A. Strategies for Survival. Cultural Behavior in an Ecological Context. – N.Y.: Academic Press, 1981. – 230 p.

Kajiwara H. New Perspective on the Origin of Pottery in the Southern Part of the Russian Far East // Late Paleolithic – Early Neolithic of Eastern Asia and Northern America. – Vladivostok: Dalpress, 1996. – P. 92 – 98.

Keeley L.H. Experimental Determination of Stone Tool Uses: A Microwear Analysis. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Kononenko N.A. Some Problems of Cultural Contacts in the Late Pleistocene-Early Holocene of Eastern Asia // The 2nd International Symposium: Suyanggae and Her Neighbours. – Tanyan: N.p., 1997. – P. 59 – 73.

Kononenko N.A., Krupyanko A.A., Tabarev A.V. Ustinovka VI site: Recent investigations of the microblade industry in Marine Region, Russian Far East // The Wyoming Archaeologist. – 1995. – Vol. 39(1/2). – P. 1 – 5.

Kononenko A.V., Kononenko N.A., Kajiwara H. Implications of Heat Treatment Experiments on Lithic Materials from the Zerkalnaya River Basin in the Russian Far East // Proceedings of the Society for California Archaeology. – Fresno, California. – 1998. – Vol. 11. – P. 19 – 25.

Kozlowski J.K. Comparisons of the Evolution of the Lithic Industries in the Late Middle Paleolithic between Europe and Central and East Asia // From Sozudai to Kamitakamori. World Views on the Early and Middle Paleolithic in Japan. – Sendai: Tohoku Fukushi University, 1999. – P. 215 – 225.

Mellars P.A. The Ecological Basis of Social Complexity in the Upper Paleolithic of Southwestern France // Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity / Eds. T.D. Price, J.A. Brown. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 271 – 297.

Price T.D., J.A. Brown. Aspects of Hunter-Gatherer Complexity // Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity / Eds. T.D. Price, J.A. Brown. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 3 – 20.

Rice P.V. On the Origin of Pottery // Journal of Archaeological Method and Theory. – 1999. – Vol. 6, N 1. – P. 1 – 55.

Soffer O. Pattern of Intensification as Seen from the Upper Paleolithic of the Central Russian Plain // Prehistoric Hunter-Gatherers. The Emergence of Cultural Complexity / Eds. T.D. Price, J.A. Brown. – Orlando: Academic Press, 1985. – P. 235 – 270.

Straus L.G. The World at the End of the Last Ice Age // Humans at the End of the Ice Age. Archaeology of the Pleistocene-Holocene Transition / Eds. L.G. Straus, B.V. Eriksen, J.M. Erlandson, D.R. Yesner. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1996. – P. 3 – 9.

Yellen J.E. Archaeological Approaches to the Present. Models for reconstructing the Past. – N.Y.: Academic Press, 1977. – 259 p.

Материал поступил в редколлегию 24.04.2000 г.

УДК 903.27:73/75

Д.Л. Бродянский

Дальневосточный государственный университет
ул. Алеутская, 56, Владивосток, 690600, Россия
Тел.: (8-423-2) 25-77-48

ОБИТАТЕЛИ МОРЯ В ИСКУССТВЕ БОЙСМАНСКОЙ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

Самый продуктивный и уже достаточно знаменитый (библиография на пяти языках превысила 100 наименований) памятник палеоисторических культур в Приморье – Бойсмана II автору посчастливилось открыть 7 августа 1987 г. В том же году совместно с В.А. Раковым были проведены первые зачистки, отобраны раковины для радиоуглеродного датирования, предварительно определен возрастной состав устриц из нижнего слоя, выявлены стратиграфия памятника и особая ценность культурных остатков в толще раковин [Brodianski, Rakov, 1992]. В последующие годы к исследованиям в бухте Бойсмана, в устье р. Рязановки, на побережье залива Петра Великого южнее Владивостока подключились многочисленные специалисты из России, США, Японии: А.А. Крупянко, А.Н. Попов, Т.А. Чикишева, Е.Г. Шпакова, Л.Н. Беседнов, Н.Б. Верховская, Э.В. Алексеева, Д. Еснер, К. Тэрнер и др. В 1991 г. были открыты первые могильник и жилище. С 1992 г. Археологическим отрядом Дальневосточного государственного университета руководит А.Н. Попов, в работе отряда неизменно участвует автор. Вскрыты две трети памятника, несколько раковинных куч мощностью до 1,5 м, два жилища, два могильника, древнейшие слои ниже толщи раковин, исследован древний устричник, из которого была добыта основная масса моллюсков (Попов А.Н. Отчет о спасательных археологических работах на памятнике Бойсмана II в 1998 г. – Архив музея ДВГУ).

Материалы

Ценнейшая часть бойсманских коллекций – произведения искусства и предметы-знаки (оленьи рога, кам-

ни, раковины), образующие композиции, которые были найдены в погребениях и над ними, в жилищах и толще раковин. Среди них выделяется серия скульптурных изображений представителей морской фауны (ластоногих, дельфинов, рыб, черепах, водоплавающих птиц) и остатков морских животных (створок раковин, костей кита), использованных в творчестве древних бойсманцев. Эта серия происходит из нижнего слоя памятника. Читателям, надеюсь, будут интересны описание данной коллекции и предварительные наблюдения автора.

Три скульптуры изготовлены из ребер серого кита (определил Г.М. Вейнгер). Большая серия таких костей была найдена в толще раковин уже в 1991 г., некоторые из ребер имели острые края и могли применяться как разделочные ножи, но использование хрупких костей как поделочного материала казалось маловероятным. Неудивительно, что при таком подходе две из трех скульптур не были определены в процессе раскопок и замечены лишь в ходе камеральной обработки.

Самая крупная из них – длина 400 мм, ширина (высота) 90 мм, толщина 42 мм, – по определению специалиста по ластоногим А.Е. Кузина (все определения изображений ластоногих выполнены им), с реалистической точностью передает очертания ларги (*Phoca larga*) – пятнистого тюленя (рис. 1, верх). Древний скульптор ямками изобразил пятна на шкуре, шершавая фактура кости смотрится как мех. Перевернутое изображение (рис. 1, низ, левая часть фигуры) воспроизводит голову самца горбуши в период нереста. Всего, с учетом материала, находка соединяет в смысловой цепи кита, ларгу и горбушу. Изделие найдено в слое раковин над северной частью жилища № 2. На полу этого же жилища найдена первая

из опознанных скульптур на ребре кита (рис. 2, 2), ее размеры $132 \times 56 \times 21$ мм. Выемка, отделяющая “головку” (или “хвост”), – искусственная, обработана вся верхняя дуга. В одном ракурсе передает очертания кита (выделен хвост), в другом – тюленя (выделена голова).

Третья скульптура найдена в 1992 г. в толще раковин над жилищем № 1, была замечена при осмотре коллекций К. Тэрнером семь лет спустя. К. Тэрнер скептически отнесся к мысли о искусственной обработке хрупкой китовой кости, но В.А. Раков и О.Л. Морева, уже знакомые с двумя описанными выше предметами, обратили мое внимание на эту фигурку дельфина (по В.А. Ракову), ее размеры $182 \times 41 \times 27$ мм (рис. 2, 1). Правая (на рисунке) часть скульптуры, возможно, воспроизводит голову лосося, левая – голову дельфина. Небольшая, из трех вещей, серия полиэйконических фигур из ребер кита свидетельствует о том, что этот хрупкий материал использовался бойсманскими ваятелями.

Скептически отнеслись коллеги и к трем фигуркам морских черепах, найденным в слоях поминального комплекса над могильником № 1. Они изготовлены из второго шейного позвонка – эпистрофея простейшим приемом: отломано кольцо позвонка (по заключению Э.В. Алексеевой, отломать кольцо труднее, чем “зуб”). В результате (рис. 3, 4, 5) получились фигурки морской черепахи – голова и лапы. Длина их 30, 33, 34 мм, ширина 42 – 44 мм, толщина 12, 14, 16 мм. В заливе Петра Великого есть один вид морских черепах – головастые, или ложные каретты длиной 1,5 – 2 м и весом 100 – 120 кг [Жизнь животных, 1969]. У могильника № 2 в толще раковин найдена расколотая каменная фигурка черепахи размером $98 \times 72 \times 36$ мм, определить ее вид по фрагменту невозможно, но сам факт этой находки подтвердил присутствие популярного в дальневосточной мифологии персонажа в творчестве бойсманских скульпторов и связь фигурок черепах с могильниками.

В жилище № 2 найдены фигурки ластоногих. Кроме двух изделий из кости кита – ларга и тюлень неопределенного вида – там же обнаружены две каменные фигурки. Одна (рис. 3, 1) из темно-зеленого окремненного сланца, оформлена краевой ретушью с двух сторон по всему периметру, размеры $52 \times 20 \times 3 - 4$ мм. По заключению Н.А. Кононенко, следов использо-

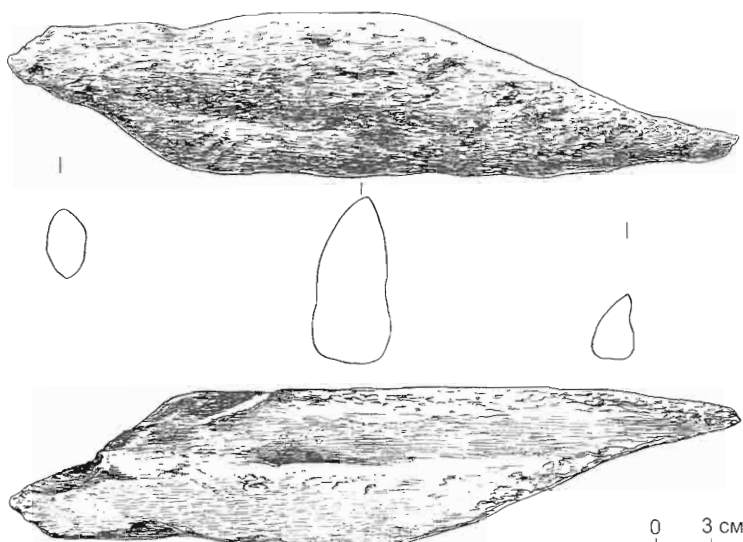

Рис. 1. Скульптура из реберной кости кита: верх – ларга, низ – самец горбуши.

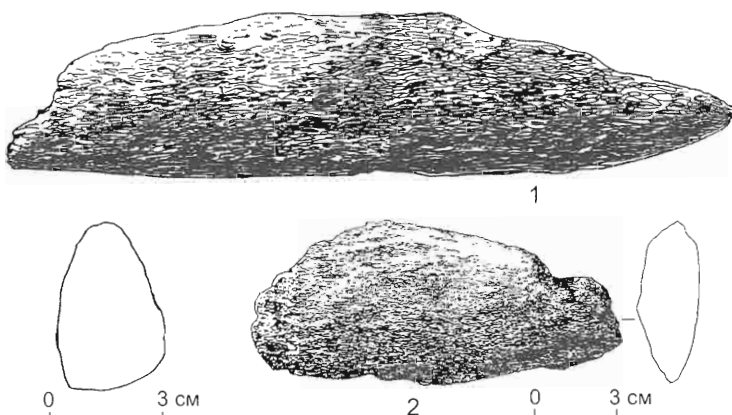

Рис. 2. Скульптура из реберных костей кита. 1 – дельфин – лосось, 2 – кит – тюлень.

вания ее как орудия нет. В верхнем ракурсе (на рисунке) – тюлень, вероятнее всего, ларга, в нижнем – кабан. А.Н. Попов заметил, что в вертикальном положении фигурка воспроизводит очертания женщины. Другая каменная скульптура найдена в середине толщ раковин – в 46-м из 106 слоев створок устриц. Это изображение морского котика с поднятой вверх головой (рис. 3, 7). Изделие выполнено из светло-коричневого окремненного песчаника, обработанного ретушью по всей поверхности, размеры $40 \times 36 \times 9$ мм. В заполнении жилища № 2 найдена фигурка-подвеска (размеры $82 \times 20 \times 8$ мм) из зуба сивуча – морского льва, сивуч же и изображен. Обработка изделия ограничилась тонким пропилом, отделяющим голову от шеи животного (рис. 3, 6). Кроме фигурок в жилище найден необработанный манупорт с очертаниями

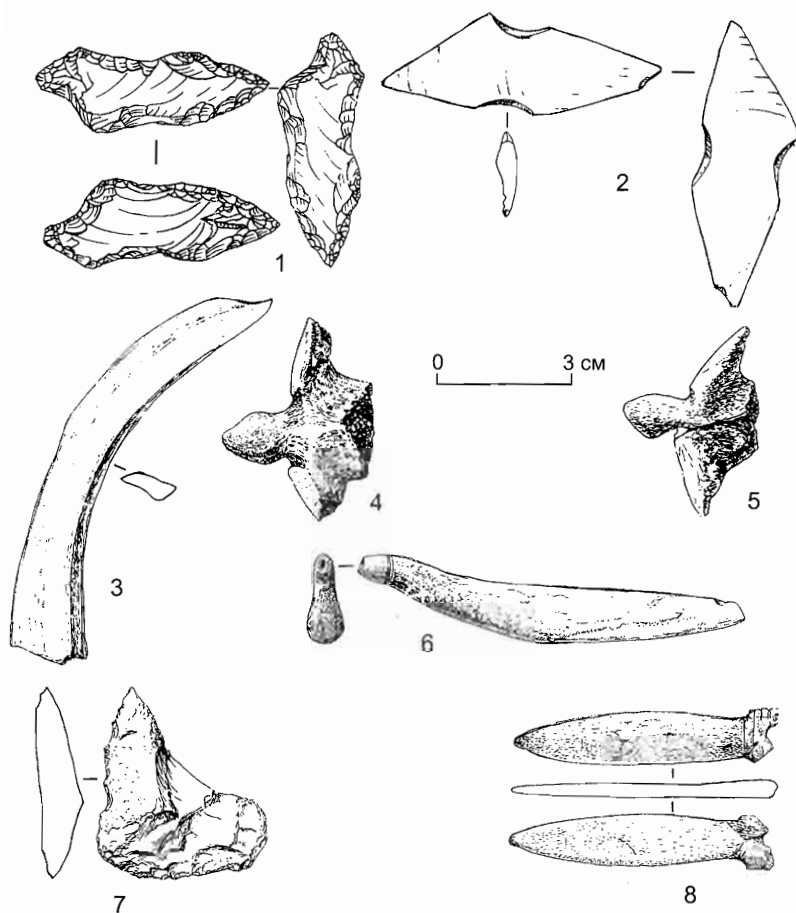

Рис. 3. Фигурки из камня и кости.

1 – тюлень – кабан – женщина, 2 – кабан – акула – женщина, 3 – дельфин, 4, 5 – морские черепахи, 6 – сивуч, 7 – морской котик, 8 – рыба. 1, 7 – камень, 2, 3 – клык кабана, 4, 5, 8 – кость, 6 – зуб сивуча.

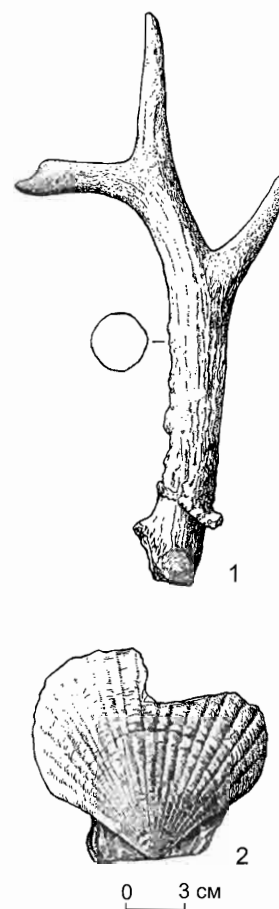

Рис. 4. Композиция из рога косули с изображением утки и створки гребешка из могильника № 2.

сивуча или (по А.Е. Кузину) неопределенного ластоногого. В заполнении жилища № 2 и толще раковин над ним Д. Еснер выделил серию костей и зубов ластоногих, там же обнаружены крупные зубчатые гарпуны, с помощью которых, вероятно, и охотились на тюленей.

Из расщепленного кабаньего клыка изготовлен нож с выпуклым лезвием, в нижнем слое Бойсмана II есть серия таких ножей, но у данного изделия (рис. 3, 3), найденного в поминальном комплексе над погр. 1 могильника № 1, у острия сделана выемка, что придало ножу очертания дельфина, выпрыгивающего из воды, размеры изделия $90 \times 14 \times 2,5$ мм.

В различных горизонтах нижнего слоя Бойсмана II найдены шесть рыбовидных подвесок из кости, возможно, некоторые из них были блеснами, на двух – календарная графика. Наиболее реалистичны две одинаковые подвески – рыбки (рис. 3, 8), их размеры $57 \times 11 \times 2 - 4,5$ мм, диаметр отверстия 2,5 мм. Очертания фигурки близки, по определению В.А. Ра-

ковой, виду стихей Григорьева (*Stichaeus Grigorievi*) (другое название рыбы – маслюк).

К морской фауне правомерно отнести и водоплавающих птиц, в трех случаях головка такой птицы выточена на кончике отрезка оленьего рога или рога косули: 1) на полу жилища № 2 в композиции из гальки, оленьего рога с головкой птицы и сосуда, внутри последнего найден зуб человека; 2) в поминальном слое над могильником № 2; 3) непосредственно над погребением семи человек в могильнике № 2 в композиции из рога косули с изображением головы утки и створки гребешка (рис. 4). Среди вещей этого коллективного погребения три шейные гривны из оленьего рога, одна из них представляет изогнутое змеевидное тело (16 витков), на одном конце которого вырезана голова летучей мыши, на другом – утки или клика (рис. 5, 2). Шейная гривна из рога найдена также в одиночном мужском погребении того же могильника и, по определению В.А. Ракова, является изображением моллюска туррителла (*Turritella*

fortiliratie Sowerly) – это первое известное мне скульптурное изображение моллюска (рис. 6). Его длина 157 мм, максимальный диаметр 20 мм, большая часть поверхности (118 – 120 мм) представляет собой спираль, один конец ее завершается округлой головкой, на другом – выступ 35 мм, также завершающийся головкой. Возможно, в этом удивительном изделии специалистами-зоологами будут опознаны другие столь же редкостные персонажи, я же обратил внимание на число спиралей: 27 – 28 – числа календарные. К календарям можно отнести еще одну шейную гривну (см. рис. 5, 1): на концах ее вырезаны головки лося и оленя, а между ними чередование борозд и семи выступов (число 7 – период смены фаз Луны).

В комплексе коллективного погребения найдена еще одна сложная фигурка, вырезанная из эмалевого слоя крупного кабаньего клыка (см. рис. 3, 2). Один из ее ракурсов – голова кабана (см. рис. 3, 2, слева), другой – голова акулы (рис. 3, 2, справа), в вертикальном положении – женская фигурка, аналогичная каменной скульптуре (см. рис. 3, 1), в плане же это изделие отдаленно напоминает парящую над морем крупную птицу.

В Бойсмана II найдена серия из семи створок приморского гребешка (*Mizuhopecten yessoensis*) с пробитым отверстием и следами протертостями от шнура. Одна такая створка была в погр. 3 могильника № 1, другая (рис. 7) – в надмогильном слое могильника № 2, рядом с оленьим рогом. Первоначально я назвал эти вещи масками – по аналогии с маской из Тонгсамдона [Бродянский, Раков, 1996], но возможно, что две композиции над коллективным погребением могильника № 2 (см. рис. 4), где створки гребешка не пробиты, а поломаны, подсказывают, что и пробитые, и поломанные створки символизируют сам моллюск, также как рог – символ оленя. Поломка предметов при погребении – широко известный в археологии и этнографии прием “умерщвления” вещей. Впрочем, манипуляции со створками гребешка не ограничивались поломками. Найдены две створки, обточенные по всему периметру: из створки гребешка изготовлен отполированный диск. Ранее публиковались образцы других изделий из створок различных морских моллюсков [Там же]. На плечевой кости мужчины из погр. 1 в могильнике № 1 находились два погончика из кожи с нашитыми кружочками из перламутрового слоя раковин пресноводных моллюсков [Там же, рис. 1, 2] и между ними зуб акулы. Створки раковин использовались как инструменты-штампы при орнаментации керамики.

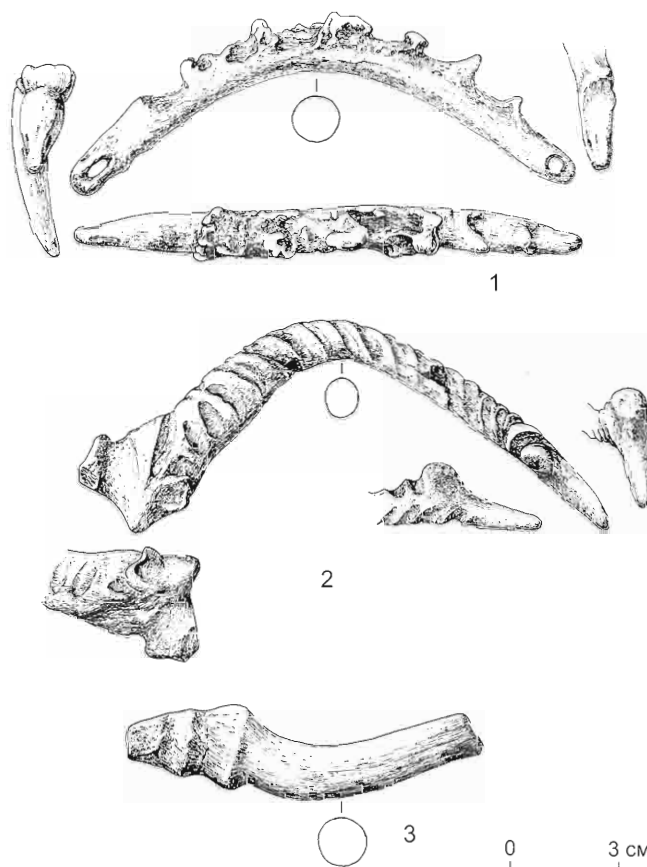

Рис. 5. Шейные гривны из оленьего рога из погр. 3 могильника № 2.

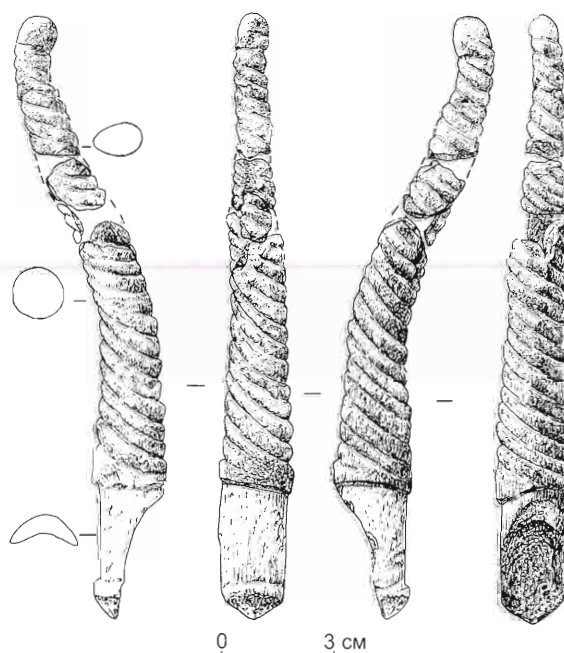

Рис. 6. Шейная гривна из оленьего рога – моллюск туррителла из погр. 1 могильника № 2.

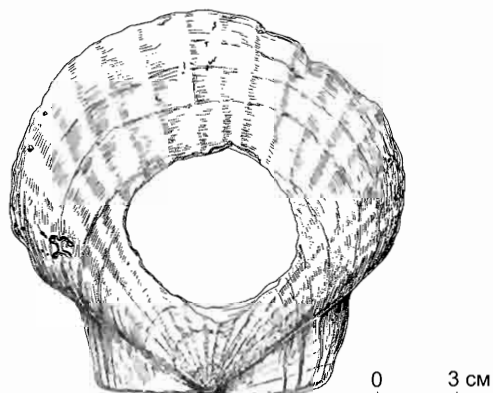

Рис. 7. Створка приморского гребешка с пробитым отверстием и следами привязывания.

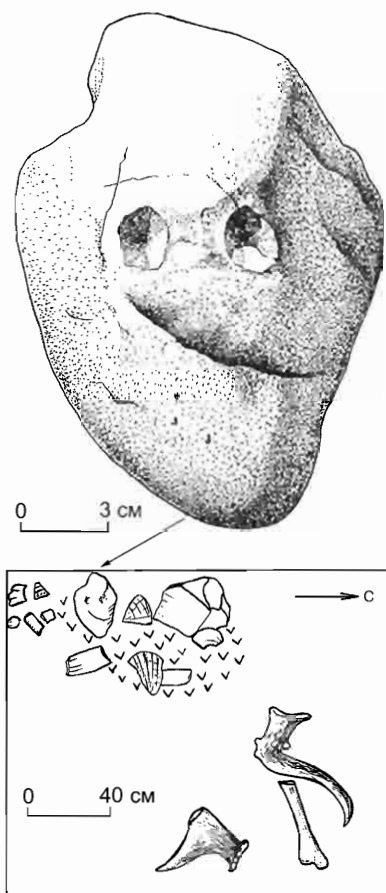

Рис. 8. Личина на камне из композиции с оленьим рогом и створкой гребешка в очажном пятне (над могильником № 2).

Над погребением женщины в могильнике № 1 и над погребениями могильника № 2 располагался слой крупных створок устриц. Из таких же створок над четырьмя слоями с кострищами и камнями с петроглифами – поминальным комплексом могильника № 1 – был насыпан небольшой холм, увенчанный галькой фалической формы длиной 310 мм.

Предварительные наблюдения

Приведенные здесь наблюдения, несомненно, не исчерпывают всего многообразия обращений бойсманцев к морской фауне в их творчестве.

Самые многочисленные в коллекции антропо- и зооморфные личины на камне из поминальных комплексов могильников: 15 камней, 126 личин. К ним примыкают четыре антропоморфные фигурки. Последняя по времени находка – личина из жертвенника над могильником № 2 в композиции с рогом оленя и гребешком (рис. 8). Серия изображений и символов морских животных – вторая по численности; не намного уступает третья группа – изображения наземных животных (лось, олень, кабан, змея), если учесть знаки – рога и другие символы. К четвертой группе я бы отнес изделия с календарной графикой – более 20 предметов. Шейные гривны (см. рис. 5, 6) объединяют вторую, третью и четвертую группы, полиэконические фигурки (см. рис. 3, 1, 2) – первую, вторую и третью.

Полиэконизм скульптуры, шейных гривн, композиций – очевидное свидетельство иллюстрации мифов, в которых происходит трансформация и взаимодействие персонажей. Видеоряд двух “тройных” фигурок: ларга – кабан – женщина (см. рис. 3, 1) и кабан – акула – женщина (см. рис. 3, 2) – в сочетании с антропологическим обликом погребенных в Бойсмана II людей – арктических монголоидов [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997] указывает направление поиска возможных аналогий. С.А. Арутюнов и Д.А. Сергеев на Чукотке, в Уэленском и Эквенском древнеэскимосских могильниках нашли серию полиэконических скульптур из моржового клыка и связали некоторые изображения с фольклорным рядом: хозяйка моря – касатка – волк [Арутюнов, Сергеев, 1975, с. 179 – 183.] С поправкой на иную природную среду и большую (на 4000 лет) древность бойсманских могильников ряд образов женщина – тюлень (акула) – кабан вполне мог быть далеким предшественником мифа, записанного на Чукотке: о женщине – хозяйке моря, превращающейся в касатку, пригоняющую к берегу китов и моржей, а зимой преобразующуюся в волка.

Исторический контекст

Расположенный на берегу теплой лагуны сезонный промысловый лагерь, который мы теперь называем Бойсмана II, функционировал как минимум полторы тысячи лет, вероятно, с перерывами – от 6500 до 5000 л.н. [Попов, Чикишева, Шпакова, 1997]. Поселения с близкой по типу керамикой располагаются по всему восточному и южному побережью Корейского полуострова и на о-ве Кюсю: Сопхохан, Осанни, Синамри, Тонгсамдон – более 70 памятников [Ли Сон Гюн,

1996]. Морская ориентация экономики бойсманцев – морская охота, рыболовство, выращивание устриц – отражена в наборе орудий (гарпуны, рыболовные крючки, грузила), обильных остатках морской фауны и описанной группе произведений искусства. На юге Кореи в устье р. Тэхве, впадающей в залив Ульсан, на скале Бангу-Де в неолите, примерно в то же время, когда существовал лагерь в бухте Бойсмана, выполнены наскальные рисунки, изображающие акул, касаток, дельфинов, китов и охоту на них, рыб, бакланов [Раков, 1998; Моон, 1984]. Дзёмонские памятники на западном побережье Японии также зафиксировали морскую адаптацию оставившего их населения [Tetsuo Hiraguchi, 1992]. Позднее на побережье Кореи и Приморья бойсманский тип поселений сменяют культуры, продвинувшиеся с юга Маньчжурии и западного побережья Кореи: Синлэ, Синлунва, Амноккан, в Приморье – зайсановцы. Это население занималось земледелием, свиноводством, ловило рыбу. Очевидно, что под давлением зайсановцев начался процесс оттеснения бойсманцев – арктических монголоидов на север, где морская охота и связанное с ней искусство получают развитие в культурах эскимосов, алеутов, коряков. Неолитические культуры бассейна Японского моря предстают сейчас как среда первоначального развития типов морской ориентации экономики на севере Тихого океана.

Впрочем, постепенно выявляются более древние свидетельства использования пищевых ресурсов моря, рек и озер. В Сокдьяни I (Корея) на глиняном полу жилища вырезано изображение кита [Деревянко, 1983, с. 128]. На Камчатке, в VI слое поселения Ушки I найдены косточки лососей и геоглиф-изображение рыбы на полу жилища [Диков, 1983, с. 16 – 19, рис. 8]. В устиновских памятниках Приморья обнаружена серия каменных фигурок рыб и скульптурное изображение нерпы, стилистически близкое фигурке из Бойсмана II, выполненной из кости кита (см. рис. 2, 2) [Бродянский, Гарковик, Крупянко, 1998]. Произведения искусства из слоев позднего палеолита – мезолита (20 – 8 тыс. л.н.) свидетельствуют о существовании рыболовства и морской охоты на западном побережье Тихого океана в конце плейстоцена. Думаю, с этими же отраслями экономики связаны огнеупорные контейнеры – керамические сосуды, появившиеся на Дальнем Востоке 16 тыс. л.н. [Derev'anko, Petrin, 1995], вероятно, они служили для вытапливания и хранения жира.

На западе Евразии первые свидетельства внимания человека к морской фауне относятся к ашелью [Bahn, 1998, р. 86], изображения лососей, угрей и тюленя зафиксированы в культуре верхнего палеолита Франции [Абрамова, 1978, с. 77; Гричан, Симанов, 1980, с. 54 – 55, 58]. В искусстве аборигенов Австралии, носителей живой культуры палеолита, есть рису-

ки рыб [Bahn, 1998, р. XXX, 189]. Летающие рыбы, осьминоги, морские звезды, моллюски – персонажи росписей эгейских ваз и фресок [Эгейское искусство, 1972, с. 35 – 37, 66, 89, 93]. На севере Европы, на побережье Белого моря, в устье р. Выга не менее 50 раз выбиты 4 тыс. л.н. сцены гарпунной охоты на белух [Савватеев, 1970]. Число примеров можно умножить многократно, упомяну еще только знаменитую картину Сандро Боттичелли “Рождение Венеры”: богиня всплывает из морской пены в раковине гребешка. Обитатели моря не только издревле кормили человека, но и вдохновляли его. В записанных В.К. Арсеньевым сказаниях удэгейцев и орочей водной стихией управляют “водяные люди”, в одном из мифов границу миров, границу жизни и смерти первому человеку открывает раковина Кяхта онилени с человекообразной верхней половиной [Арсеньев, 1995, № 3, с. 175 – 176]. В корейской мифологии из головы огромной черепахи-горы от брака с драконом (змеей) рождается Солнце, черепаха служит для него укрытием и средством переправы через водную преграду [Никитина, 1982]. В неолитическом зайсановском слое Синего Гая определен ряд из каменной черепахи и двух керамических личин (женской и мужской) – наглядная иллюстрация выявленного М.И. Никитиной мифа [Бродянский, 1998а]. В одном из ракурсов полиэйконической мужской личины я вижу персонаж другого мифа – о Единороге [Никитина, 1997]. Композиция из слоя могильника № 2 (см. рис. 4) ассоциируется с переносом душ умерших на олене (косуле) – птице и гребешке – корабле. Загадочные змеевидные шейные гривны (см. рис. 5, 6) из бойсманского могильника № 2, полиэйконические фигурки, личины и композиции – зашифрованные в образах тексты мифов. Уникальность археологического контекста нижнего слоя Бойсмана II вселяет надежду реконструировать хотя бы часть этих мифов, распространенных на огромном пространстве от Кореи до Чукотки и Аляски.

В заключение благодарю художницу Л.П. Ходзевич и всех, чьи определения и помощь способствовали рождению этой статьи.

Список литературы

- Абрамова З.А.** Эдуард Пьетт и его роль в изучении первобытного искусства // У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 70 – 85. – (Сер. “Первобытное искусство”).
- Арсеньев В.К.** Мифы, легенды, предания и сказки народов Дальнего Востока // Краеведческий бюл. – Ю.-Сахалинск, 1995. – № 1. – 176 с.; № 2. – 212 с.; № 3. – 191 с.; № 4. – 190 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.

Бродянский Д.Л. Каменная черепаха из Синего Гая и новые ракуры старых находок // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998а. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 34 – 48.

Бродянский Д.Л. Бойсманские фигурки // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998б. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 92 – 101.

Бродянский Д.Л. Красавица ларга из ребра кита и другие произведения бойсманских ваятелей // Вестн. ДВО РАН. – 1999. – № 2. – С. 103 – 110.

Бродянский Д.Л., Гарковик А.В., Крупянок А.А. Древнейшие произведения искусства в Приморье и Приамурье // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 5 – 18.

Бродянский Д.Л., Раков В.А. Морская адаптация населения и производящая экономика в неолите побережья Приморья // Вестн. ДВО РАН. – 1996. – № 1. – С. 124 – 130.

Гричан Ю.В., Симанов А.Л. Гравюра из грота Ла Мадлен (Франция) // Звери в камне. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 48 – 61. – (Сер. “Первобытное искусство”).

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 216 с.

Диков Н.Н. Палеолит на крайнем Северо-Востоке Азии // Диков Н.Н., Бродянский Д.Л., Дьяков В.И. Древние культуры Тихоокеанского побережья СССР. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1983. – С. 5 – 25.

Жизнь животных. – М.: Просвещение, 1969. – Т. 4, ч. 2. – 448 с.

Ли Сон Гюн. Некоторые вопросы изучения керамики поселения Синамри // Научные доклады по изучению прошлого Хонами-3. – Сеул: Науч. об-во по изучению прошлого Хонамо, 1996. – № 5. – С. 1 – 28 (на кор. яз.).

Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

Никитина М.И. Пэкчэский Единорог в связи с мифом о Матери-Тигре и ее Сыне-Олене // Вестн. Центра корейского языка и культуры. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 136 – 159.

Попов А.Н., Чикишева Т.А., Шпакова Е.Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья (по материалам многослойного памятника Бойсмана-2). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 96 с.

Раков В.А. Наскальные изображения гигантских морских животных в неолите на юге Корейского полуострова // Тихоокеанская археология. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. – Вып. 10: Мир древних образов на Дальнем Востоке. – С. 60 – 79.

Савватеев Ю.А. Залавруга. Археологические памятники низовья реки Вып. – Л.: Наука, 1970. – Ч. 1: Петроглифы. – 444 с.

Эгейское искусство. – М.: Изобраз. искусство, 1972. – 168 с.

Bahn P.Y. Prehistoric Art. – Cambridge: University Press, 1998. – 302 p.

Brodianski D.L., Rakov V.A. Prehistoric Aguaculture on the Western Coast of the Pacific // Pacific Northeast Asia in Prehistory. – Pullman: Washington State University Press, 1992. – P. 27 – 31.

Derev'anko A.P., Petrin V.T. The Roots and Division into Periods of the Early Neolithic Cultures of the Amur Basin and Maritime Region. – Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography, 1995. – 21 p.

Moon M.D. Rock Picture at Ban-gu Dae: Ban-gu Dae Rock picture in U1-Ju. – Seoul: Dongguk University, 1984. – P. 254 – 259.

Tetsuo Hiraguchi. Catchind Dolphins at the Mawaki Site Central Gapan, and Its Contribution to Iomon Society // Pacific Northeast Asia in Prehistory. – Pullmen: Washington State University Press, 1992. – P. 35 – 45.

Материал поступил в редколлегию 20.01.2000 г.

УДК 903

А.Г. Генералов¹, Г.И. Медведев¹, Е.О. Роговской¹, П.Н. Ребриков²¹*Иркутский государственный университет, лаборатория археологии и палеоэкологии
ул. К. Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: u002343@ic.isu.ru*²*Институт земной коры СО РАН
ул. Лермонтова, 128, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: drf@earth.crust.irk.ru*

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОМУ МЕСТОНАХОЖДЕНИЮ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ

Военный Госпиталь давно известен научному миру и прославился не только тем, что был первым палеолитическим памятником, открытым в России, но и прежде всего великолепными образцами первобытного искусства, найденными при раскопках И.Д. Черского в 1871 г. С тех пор археологический объект неоднократно исследовался на предмет стратиграфического подтверждения наличия культурных остатков в конкретных геологических слоях. Результаты этих исследований общеизвестны [Стратиграфия..., 1990; Медведев и др., 1997].

Новый цикл работ, начатый в конце 1997 г. и продолженный в 1998 г., был проведен в рамках обязательной археологической экспертизы строящегося объекта (средняя школа) в охранной зоне памятника (рис. 1) силами сотрудников Иркутского госуниверситета и Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии СО РАН – ИГУ. На участке размером 80 × 150 м, непосредственно прилегающем к территории памятника с юга, было заложено 25 шурфов и траншей. Цель работ – уточнение масштабного распространения археологического и палеонтологического материала по площади строительства, детализация стратиграфического описания геологических отложений и распределения в них культурных остатков.

Особенностью рельефа северо-восточной части г. Иркутска, где расположен Военный Госпиталь, является его связь с криогенной и макротектонической трещиноватостью юрских коренных пород, определяющей ориентировку всех долин и распадков. Эрозионные процессы здесь протекают избирательно по

наиболее разрушенным, ослабленным, легко размываемым зонам. Местность расчленена глубоко врезаемыми (100 – 150 м) в плоскогорье долинами Ангары, Иркуты, Ушаковки (рис. 2).

Сложность геоморфологической ситуации в районе г. Иркутска заключается, во-первых, в тектонической предопределенности (наличие узла тектонических линейных зон и схождение в этом месте нескольких долин), во-вторых, в слабой обнаженности территории, обусловленной наличием на отдельных участках мощного покрова субэразовых (делювиальных) отложений и, в-третьих, в интенсивном размыве некоторых элементов рельефа, пестроте литологического состава пород и фрагментарности гипсометрических уровней, которые можно традиционно определить как террасовые.

В геологическом строении местности выделяются осадочные породы юрского периода и кайнозойские образования различного генезиса и состава (делювиальные, элювиальные, пролювиальные, солифлюкционные, озовые).

Конкретный участок работ располагается в правобережной части междуречья Ангары и Ушаковки. По рельефу это фрагмент террасовидной придолинной поверхности, остатки которой наблюдаются вдоль современной долины Ангары в пределах всего Иркутского амфитеатра. В геологическом отношении участок представляет собой выступ юрских пород, ограниченный двумя разломными зонами. Ангарский разлом северо-северо-восточного направления и зона трещиноватости северо-восточного направления перекрещиваются в узловой точке, совпадающей с

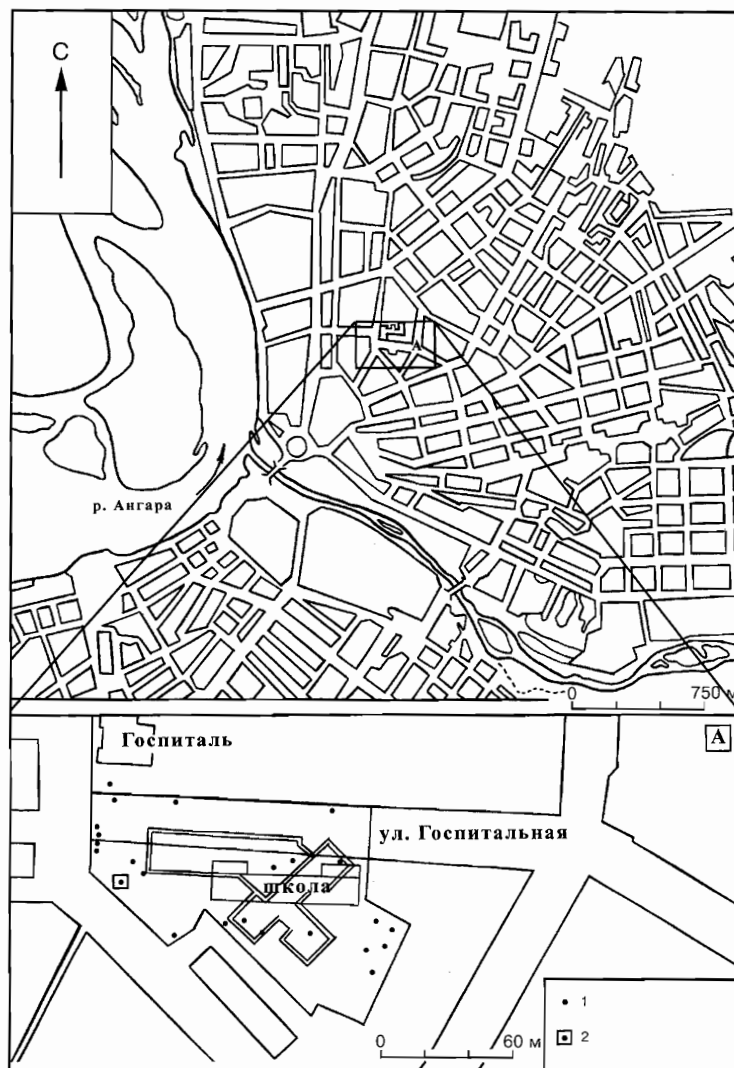

Рис. 1. Фрагмент плана г. Иркутска с местонахождением Военный Госпиталь.
1 – археологические выработки в зоне обследования; 2 – шурф № 7.

современным устьем р. Ушаковки. Территория, находящаяся вблизи узловой тектонической зоны, подвергалась в новейшее геологическое время интенсивной эрозии, о чем свидетельствуют современные процессы, развивающиеся на склонах. Примером может служить ложбина с “живым” оврагом, ограничивающая участок работ с востока.

Интенсивное освоение человеком данной местности в последние столетия изменило верхнюю часть покровных геологических отложений, к которым относятся “археологические слои”. Поэтому любые “археологические проявления” на этой территории имеют большую научную значимость и ценность. Поверхность участка ровная, частично сnivelированная городским строительством. Слабый общий уклон наблюдается к западу и юго-западу, к долинам Ангары и Ушаковки. Юрские песчанистые породы залегают здесь горизонтально, что обусловило развитие рельефа на локальном участке как на структурно-денудационной ступени.

Естественными покровными отложениями были в свое время делювиальные суглинки, развивающиеся на выветрелых юрских песчанистых породах. Рыхлые покровные отложения, вскрытые в процессе работ, представлены в разрезах, наиболее репрезентативным из которых является стратиграфический разрез шурфа № 7, расположенного в западной части обследованного участка (рис. 3, 1):

1. Техногенный наброс
2. Суглинок средний темно-серый (горизонт А современной почвы)
3. Суглинок средний темно-бурый крупнопылеватый (горизонт АВ современной почвы)
4. Суглинок легкий – средний буровато-палевый, лессовидный. Из подошвы горизонта за-

Глубина, м

Глубина, м
 ложены узкие трещины (ширина до 2 см), заполненные белесым высококарбонатным материалом. Нижняя граница неровная, подчеркнута раннеголоценовыми криогенными трещинами и остатками раннеголоценовой почвы 0,85 – 1,30

5. Суглинок легкий серовато-белесый, лесовидный, позднесарматского возраста (Sr 4). Из слоя заложены мощные криогенные жилы, заполненные оглессными лесовидными суглинками 1,30 – 1,50

6. Суглинок тяжелый с примесью песка, буровато-серый, неяснослоистый. Нижняя граница неровная, волнистая, криотурбированная (6a) 1,65 – 2,00

7. Суглинок тяжелый, сильно опесчанен, с прослоями песка и дресвы, серовато-охристый, темно-бурый, неравномерно окрашенный. Горизонт представляет собой солифлюкцированный слой раннесарматского возраста (Sr 1) с фрагментами каргинских почв, имеющих вид темно-бурых гумусированных прослоев (8a) 2,00 – 2,30

8. Песчаная слоистая толща желтого цвета с фрагментами почв в виде темно-бурых и темно-серых прослоев тяжелосуглинистого состава. Возраст палеопочв предположительно казанцевский (Kz), возраст слоя и его генезис связаны с мурукутинским (Mr) (?) солифлюксом 2,80

9. Обломочная кора выветривания коренных пород. Видимая мощность до 3,20 м.

В целом стратиграфическая ситуация, представленная разрезами 1997 г., аналогична той, что была выявлена в 1983, 1985 и 1988 гг. [Стратиграфия..., 1990]. Отличия состоят лишь в выделении дополнительных горизонтов и замещении одних слоев другими. Важным является наличие фрагментов по крайней мере четырех палеопочв и как минимум четырех генераций криогенных жил.

Археологический материал был обнаружен в нескольких шурфах, в отложениях различного возраста и генезиса.

Наиболее древний артефакт найден в шурфе № 7 на глубине 2,20 м в верхней части песчаной слоистой толщи с фрагментами палеопочв (сл. 8), что определяется нами как отложения мурукутинского генезиса с остатками почв казанцевского (Kz) времени. Артефакт представляет собой фрагмент изделия из пластины серого кембрийского кремня (рис. 3, 2). Пластина была снята в древности с нуклеуса леваллуазской технологии, свойственной мустьерским технокультурным вариантам. Она подтреугольная в поперечном сечении с негативами предшествующих снятий, имеет фасетированную площадку. Размеры сохранившейся проксимальной части пластины $2,2 \times 2,4 \times 0,7$ см. Ископаемый экземпляр можно отнести к “микромустьерским” образцам продуктов расщепления [Медведев и др., 1997]. Судя по контурам обломка и

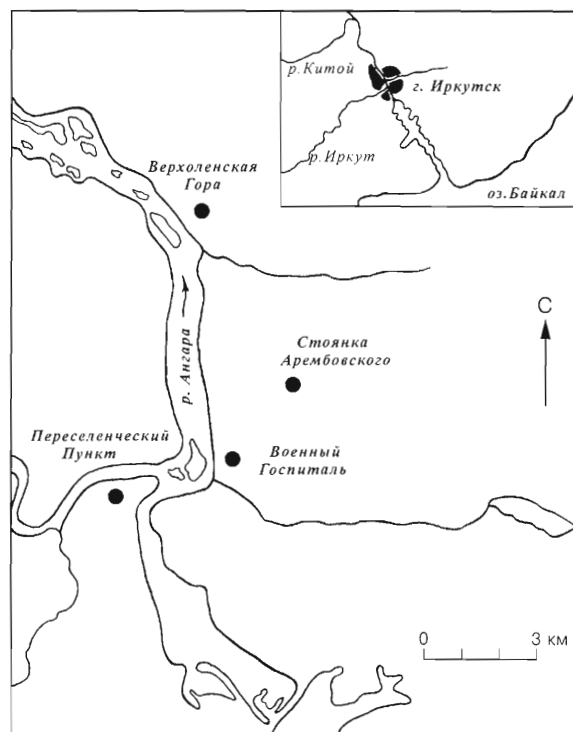

Рис. 2. Карта-схема расположения геоархеологического объекта Военный Госпиталь.

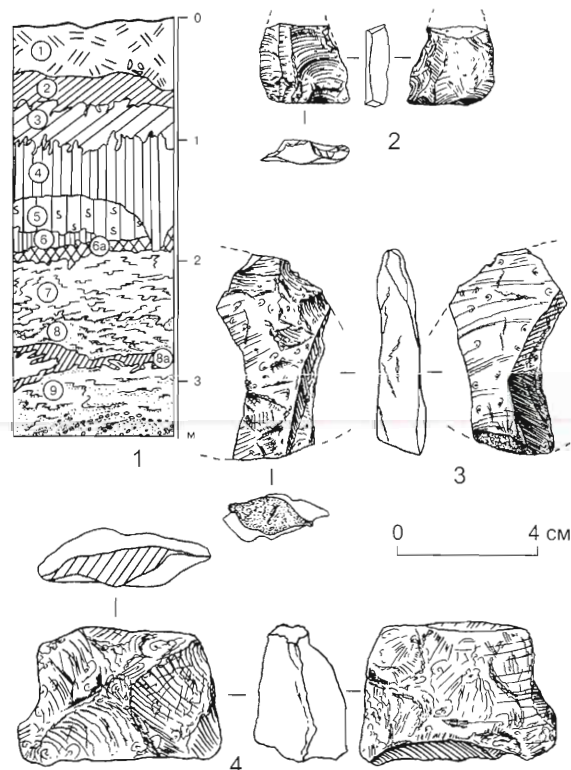

Рис. 3. Местонахождение Военный Госпиталь.
 1 – стратиграфическая колонка шурфа № 7 (описание см. в тексте);
 2 – обломок изделия из пластины (кремнеь); 3 – фрагмент скола (кварцит); 4 – фрагмент массивного короткого скола (кварцит).

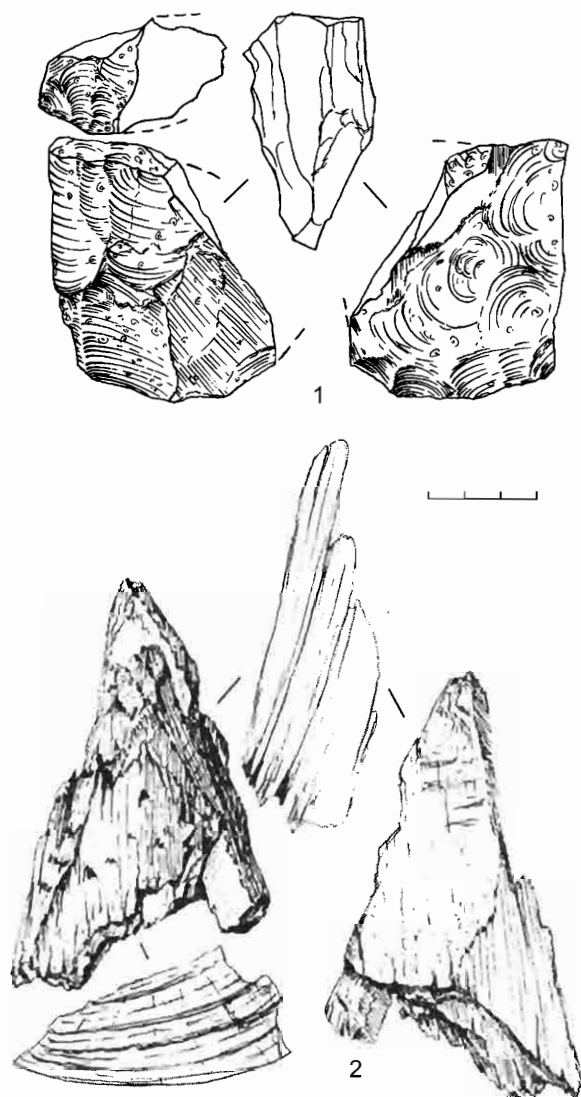

Рис. 4. Обломок коррадированного нуклеуса (кварцит) (1) и осколок бивня мамонта (2) с местонахождения Военный Госпиталь.

сохранившимся на его вентрале фасеткам полукруглой, ровной, захватывающей ретуши, изделие могло быть “острием”.

Все остальные артефакты и костные остатки обнаружены в слое солифлюкцированного суглинка раннесартанского возраста.

В шурфе № 11 (восточная часть обследованного участка) на глубине 2,80 м от современной поверхности в подошве слоя сизоватого слоистого суглинка на границе с корой выветривания обнаружен фрагмент скола из светло-серого кварцита размером $5,6 \times 3,2 \times 1,4$ см (рис. 3, 3). Площадка естественная, без дополнительной обработки, сохраняет галечную корку. Снятия по обоим фасам произведены во встречных направлениях.

Здесь же, на восточной окраине участка в отвале желтых супесей эллювия юрских песчаников и совре-

менных почв, изъятых из строительной выработки в перемешанном состоянии, найден фрагмент нуклеуса из светло-серого кварцита размером $6,8 \times 5,2 \times 3,3$ см (рис. 4, 1). Его плоские фронт и контрфронт покрыты мелкочаистой сеткой сильной эоловой корразии. На нуклеусе фиксируются древний облом и расслоение по контрфронт до корразии предмета, а также свежий косой облом – вероятно, вследствие выборки грунта ковшом экскаватора. Изделие имеет подобие фасетированной площадки (снятия производились во встречном направлении); на фронте негативы таких же снятий коротких и средних сколов с параллельными краями; приостренное контрфронтальной ретушью основание или вторую полную площадку. Приведенные детали морфологии артефакта – признаки среднеплейстоценовых технологий. Степень корразии соответствует предложенному геологическому возрасту изделия. До сего времени в археологических коллекциях из ближайших окрестностей г. Иркутска подобных находок не было.

В шурфе № 16 (восточный участок) обнаружен отщеп из аргиллита, имеющий хорошо выраженный ударный бугорок и фасетированную площадку. Единственный негатив скола на дорсальном фасе расположен в проксимальной части, снятие было произведено со стороны левого маргинала. Размеры отщепы $9,8 \times 4,9 \times 1,7$ см.

На этом же участке, в шурфе № 17, в слое раннесартанского солифлюксия обнаружен треугольный в плане обломок бивня мамонта со следами искусственной обработки (рис. 4, 2). Один край бивня, в отличие от противоположного, выщербленного и слойчатого, выровнен в результате резания (скобления?). Размеры обломка $11,4 \times 7,4 \times 3,2$ см.

Наибольшее количество артефактов найдено в шурфе № 18, расположенном на западном участке. Здесь, в слое серовато-бурого слоистого тяжелого суглинка с включениями песка и дресвы были обнаружены обломок скола-сегмента долечного расщепления (коричневато-серый мелкозернистый кварцит) размером $4,8 \times 4,7 \times 2,2$ см и фрагмент массивного короткого скола сероватого кварцита (см. рис. 3, 4): талон ровный, нефасетированный, слабо скошенный ($115^\circ : 65^\circ$); на дорсальном фасе поверхность кливажа и негативы снятий ортогональной ориентации, создавших “пирамидальный” рельеф дорсала; рельеф вентрального фаса обусловлен резкозалоистой структурой минерала (“породы”); ударный бугорок и точка удара на вентрале проявлены слабо; размеры скола $3,4 \times 5,4 \times 2,3$ см. В слое также найдены четыре мелких отщепы из кварцита с частично сохранившейся галечной коркой.

Наиболее массовым материалом в шурфах оказались фаунистические остатки. Кости млекопитающих обнаружены в суглинистых слоях, представляющих

сартанские отложения раннего (Sr 1) и среднего (Sr 2) отделов. Фаунистический материал раннего и среднего сартана не отличается по составу, однако насыщенность раннесартанских отложений гораздо выше и остатки фиксируются здесь по всей толще раннесартанского солифлюксия, что может свидетельствовать о высокой степени переотложения. Фауна местонахождения представлена костями северного оленя, бизона, лошади, благородного оленя.

Датировка культуросодержащих отложений основана на данных геостратиграфии и на радиоуглеродной дате, полученной по костному материалу из кровли солифлюкционных суглинков раннесартанского возраста (шурф № 11), – $22\,900 \pm 500$ (ГИН-8512). Она полностью совпадает с нашими представлениями о возрасте геологических отложений и культурных остатков, содержащихся в раннесартанском слое. Дата, полученная ранее [Стратиграфия..., 1990] для подошвы солифлюксия или его контакта с позднекаргинскими отложениями, – $29\,700 \pm 500$ (ГИН-4440).

Таким образом, в результате раскопок 1997 – 1998 гг. на местонахождении Военный Госпиталь выявлены его многослойность, наличие археологического и палеонтологического материала не только в “толще ненаслоенной глины” [Черский, 1872], которая, несомненно, представляет отложения среднего – позднего сартана (Sr 2 – Sr 4), но и в более древних

слоях, определяемых нами как раннесартанские и предположительно мурукутинские. Обнаружение обломка нуклеуса из кварцита с сильной коррозией поверхности ставит совершенно новую проблему: наличие где-то в районе г. Иркутска или его окрестностях среднеплейстоценовых культурных отложений.

Список литературы

Медведев Г.И., Генералов А.Г., Сёмин М.Ю., Ребриков П.Н., Заграфский С.И. Палеолитическое местонахождение Военный Госпиталь в Иркутске: бывшие заслуги – новые проблемы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы V итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН, посвященные 40-летию Сибирского отделения РАН и 30-летию Института истории, филологии и философии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 114 – 117.

Стратиграфия, палеогеография и археология юга Средней Сибири: К XIII конгрессу ИНКВА / Отв. ред. Г.И. Медведев, Н.А. Савельев, В.В. Свинин. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1990. – 172 с.

Черский И.Д. Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода // Изв. СОРО. – 1872. – Т. 3, № 3. – С. 167 – 192.

Материал поступил в редколлегию 06.09.2000 г.

УДК 903

А.В. Новиков

*Институт археологии и этнографии СО РАН,
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: novik@archaeology.nsc.ru*

СОБАКИ В МИРОВОЗЗРЕНИИ И РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ И ЮЖНО-ТАЕЖНОЙ ЗОН ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Исследования, посвященные изучению роли собак в традиционной культуре аборигенного населения Западной Сибири, опираются главным образом на этнографические источники [Косарев, 1988, с. 84 – 113; Лукина, 1983, с. 226 – 233; Мошинская, Лукина, 1982, с. 226 – 233; Перевалова, 1996, с. 83 – 87; Разинкин, 1995, с. 320 – 321; и др.]. Чтобы составить более полное представление по данной проблеме, мы предлагаем привлечь археологические материалы.

Доместикация собаки. Опыт осмысления феномена

В большинстве работ инициатива в доместикации собак отдается человеку; это положение считается само собой разумеющимся. Дискуссии ведутся вокруг вопроса о мотивации человека, решившего однажды попробовать приручить предка собаки. Как представляется, сама постановка вопроса о каких-либо прагматических (в современном понимании) причинах доместикации собаки человеком является некорректной – одомашнивание собаки было объективным следствием сосуществования ее предков и человека. К подобному пониманию процесса доместикации собак склонялся ряд исследователей еще в начале XX в. [Bökönyi, 1974, p. 313].

Человек мог получить от предка собаки “сразу”, не прикладывая к этому особых усилий, несколько килограммов мяса и небольшую шкуру*. Что же ка-

сается всех остальных прагматических функций собаки, находящейся “на службе” у человека, то их осуществление предполагает выработку у животных значительного количества специальных навыков и приобретение новых качеств, которые отсутствуют у диких канисовых. Этот процесс столь длителен и сложен, что просто невозможно представить преднамеренную постановку задачи древним человеком, реализация которой заведомо откладывалась бы на десятки и сотни лет, при этом без гарантии успеха, без опоры на предшествующий опыт в области доместикации. Что же в таком случае заставляло “работать” механизм доместикации собак?

Можно предполагать, что первые опыты “общения” человека с канисовыми относятся к глубочайшей древности, к значительно более раннему времени, чем верхний палеолит. Видимо, они были связаны с начальными этапами социогенеза, когда были схожими не только многие первостепенные для жизнеобеспечения проблемы, стоявшие перед группами ранних гоминид и стайными хищниками (прежде всего канисовыми), но и мотивация поведения, поведенческие стереотипы (главным образом связанные с коллективной охотой на крупных животных – одного из важнейших видов деятельности в системе жизнеобеспечения ранних гоминид и канисовых) [Файнберг, 1980, с. 56 – 65]. Это объективно сближало древнего человека с диким предком собаки (наиболее вероятно, волком), который не был для древнего охотника представителем оппозиционного и непонятного ему “мира природы”: он охотился на тех же животных, использовал при этом те же приемы; организация жизни стаи была близка организации жизни ранних коллективов людей. Стаи волков постоянно сопровождали

* Критическому разбору взглядов отдельных специалистов (Г.А. Бонч-Осмоловский, В.В. Гольмстен, В. Герр и другие), согласно которым использование мяса собак в пищу явилось причиной их доместикации, была посвящена специальная работа В.Я. Сергина [1971, с. 195 – 200].

коллективы древних охотников Северной Евразии. В некоторых случаях количество костных остатков канисовых (волков) позволяет предполагать некое выделение человеком животных этого семейства из своего природного окружения. Например, на Мезинской стоянке костные остатки “частично одомашненного” волка представлены в значительном количестве – 59 особей, 10,3% от всех животных [Шовкопляс, 1965, с. 101].

По мере дистанцирования от мира “дикой” природы для архаического общества возникала необходимость в получении “посредника” между ним и окружающим миром [Новик, 1994, с. 143]. Подобными посредниками могли быть, например, животные [Грачева, 1983, с. 131], в том числе собаки. Эта роль предполагает наделение собаки определенными человеческими качествами, что, возможно, и отразилось на сопровождающем некоторых погребенных собак “человеческом” инвентаре.

Отсутствие костей собак на памятниках эпохи верхнего палеолита и мезолита в Западной Сибири может послужить поводом для того, чтобы обойти сложнейшие вопросы, связанные с этими этапами сосуществования человека и собаки в данном регионе. Однако нам представляется, что обратиться к ним совершенно необходимо, пусть даже на гипотетическом уровне, привлекая материалы из других регионов Северной Евразии. Очевидно, что собаки эпохи верхнего палеолита и мезолита уже занимали определенное место в культуре древнейшего населения Западно-Сибирского региона, и обнаружение подтверждений этому лишь дело времени. К тому же на ряде памятников верхнего палеолита в Западной Сибири (Шикаевка II, Волчья Грива) обнаружены кости волка [Петрин, 1986, с. 29, 71], что является прямым свидетельством контактов населения региона с канисовыми 13 – 14 тыс. л.н.

В настоящее время в Северной Евразии известно более десяти памятников верхнего палеолита и мезолита, на которых найдены кости domesticированных собак. Древнейшим из них на территории Евразии считается погребение животного эпохи верхнего палеолита ($10\,860 \pm 400$; $10\,760 \pm 110$; $10\,360 \pm 345$ л.н.), зафиксированное в среднем слое VI стоянки Ушки-1 на Камчатке. Остатки его скелета находились в среднем уровне пола жилища неподалеку от очага, справа от входа. Судя по расположению костей, собака была положена на левый бок, голова прижата к туловищу, а лапы подогнуты к голове. Животное было посыпано охрой, рядом с ним обнаружены обсидиановые орудия (нож и скребок), а также точильный камень из песчаника [Диков, 1979, с. 15]. Н.К. Верещагин определил погребенное животное как уже domesticированную собаку (*Canis familiaris* L.) [1979, с. 18]. Верхнепалеолитическое захоронение человека (ре-

бенка) со многими повторяющимися чертами погребальной обрядности (во внутреннем пространстве жилища, с набором каменных орудий и следами охры) известно в Мальте [Палеолит СССР, 1984, с. 329].

Одной из наиболее ярких находок, относящихся к эпохе мезолита, является собака ($8\,960 \pm 60$ л.н.), погребенная на стоянке Усть-Белая в бассейне р. Ангары. Судя по расположению костей, животное было положено вдоль борта неглубокой ямы в вытянутом положении на брюхе по линии северо-восток – юго-запад. В области шейных позвонков обнаружено восемь подвесок из клыков марала, по четыре справа и слева. С запада собака была обложена обломками крупных костей быка и рогами быка и косули [Медведев и др., 1971, с. 62 – 63].

К эпохе мезолита относятся и древнейшие захоронения собак в местах погребения людей. На могильнике Попово (VII тыс. до н.э.), расположенном в северной части Восточной Европы (Архангельская обл., р. Кинема), разрозненные кости собак встречаются почти во всех ритуальных ямах. Кроме того, в погр. № 3 найдено ожерелье, составленное в основном из зубов собаки. Наконец, над ямой № 12, расположенной рядом с погр. № 7 (где был похоронен ребенок 7 – 9 лет), находились скелеты двух особей (взрослой и молодой) собак [Ошибкина, 1982, с. 128, 130; 1983, с. 187].

Чрезвычайно интересные погребения восьми собак обнаружены на мезолитических могильниках Скейтхолм I, II (южное побережье Шведской Балтики), исследовавшихся Л. Ларссоном в 1980-х гг. “Человеческий” сопроводительный инвентарь (орудия труда), сходные с человеческими черты погребальной обрядности – эти особенности позволили Л. Ларссону предположить замещение людей-хозяев отдельно погребенными собаками [Larsson, 1989, p. 219, 220]. Однако эти факты можно интерпретировать и как свидетельства “очеловечивания” самой собаки, отношения к ней как к себе подобному существу. Животные в данном случае выступают в качестве вполне самостоятельных субъектов обрядовых действий, а не как заместитель отсутствующего субъекта (человека). Приведенные в качестве примеров погребения собак верхнего палеолита и мезолита в Северной Евразии могут быть иллюстрацией того, как “в сознании древнего человека животное и человеческое, живое и мертвое тесно соприкасались, быть может, сливались, подобно членам единого сообщества” [Кабо, 1991, с. 49].

Собаки в поселенческих комплексах

К настоящему времени в лесостепном и южно-таежном Обь-Иртышье зафиксировано 15 фактов обнаружения останков собак в местах проживания древнего

Таблица 1. Останки собак в поселенческих комплексах

Памятник*	Дата, культурная принадлежность	Характеристика находки	Публикация или автор находки
Крохалевка-1 (п)	XVIII – XIII вв. до н.э., самусьская культура	Полный скелет в яме на площади жилища	[Молодин, Глушков, 1989, с. 114, рис. 59]
Черное Озеро-1 (п)	XIII – IX вв. до н.э., еловская культура	Череп в слое памятника	Т.Н. Троицкая
Каргат-4 (п)	V – III вв. до н.э., большебереченская культура	То же	Н.В. Полосьмак
Омь-1 (п)	III – II вв. до н.э., саргатская культура	Полный скелет в яме на площади жилища, под прокалом	М.А. Чемякина
Ордынское-9 (п)	I в. до н.э. – I в. н.э., новосибирский вариант кулайской культуры	Полный скелет в яме на площади жилища	[Троицкая, 1979, с. 31]
Дубровинский Борок-3 (г)	То же	12 черепов собак и зайцев, расположенных в ряд на площади жилища	[Там же, с. 26]
Перегребное-1 (г)	X – XII вв. н.э.	Череп во рву	[Морозов, Пархимович, 1991, с. 91]
Черный Борок-20 (г)	Слой X – XII вв. н.э.	Череп в яме	А.А. Адамов
Верхнее Аксеново-2 (г), объект № 1	X – XII вв. н.э., усть-ишимская культура	Полный скелет над жилищем	Б.А. Конилов
Верхнее Аксеново-2 (г), объект № 2	То же	Полный скелет в слое, рядом керамический сосуд	Б.А. Конилов
Кипо-Кулары-3 (г), объект № 1	»	Полный скелет в слое на святилище	[Конилов, 1993, с. 40, 49]
Кипо-Кулары-3 (г), объект № 2	»	Полный скелет в слое, рядом куски шлака и костяное изделие	[Там же, с. 49]
Кипо-Кулары-3 (г), объект № 3	»	Череп без нижней челюсти во рву	[Там же, с. 38]
Большой Лог (г)	Вне каких-либо датированных комплексов. В 4 – 6 м от кулайского жилища. Погребение собаки безынвентарное, дата неясна	Череп на уровне материка, над ямой с двумя сосудами эпохи поздней бронзы	Б.А. Конилов
Турист-2 (п)	Многослойный разновременный памятник. Погребение собаки безынвентарное, дата неясна	Полный скелет, под каменной плитой	[Молодин и др., 1993, с. 7, рис. 16, 5; 20]

* Поселение – п, городище – г.

населения. Данные об этих находках представлены в табл. 1. В ней не нашли отражения сведения об отдельных, разрозненных посткраниальных частях скелетов собак, обнаруженных на разных памятниках. Как видно, 11 из 15 фактов представляют эпоху железа, при этом, семь – X – XII вв. н.э. Это делает приводимые археолого-этнографические параллели достаточно корректными и снимает ряд методических проблем соотношения археологических и этнографических источников. Выявление в памятниках одного региона собаки как объекта обрядовых действий при определенном генетическом родстве археологических и этнографических культур, к которым относятся эти археологические объекты, позволяет предполагать преемственность во взглядах носителей этих культур на участие собак в различных видах ритуальных дей-

ствий. Например, одним из современных центров жертвоприношения собак в устье Оби является святилище Лысая Гора, где до сих пор можно видеть остатки этих ритуальных действий. Лысая Гора – копия старого святилища хантыйского рода Тайшинных Ангальский Мыс, которое было перенесено в связи с переселением рода. Святилище Ангальский Мыс расположено всего в 2 км от археологического памятника Усть-Полуй, где имеются следы многочисленных жертвоприношений собак в древности [Перевалова, 1996, с. 86 – 87]. Что же касается находок, относящихся к более раннему времени, то их интерпретация безусловно менее доказательна, что, впрочем, не лишает нас права предпринять попытку их осмысления. Исчерпывающая трактовка каждого из приведенных в табл. 1 фактов вряд ли возможна. Однако им можно

найти этнографические параллели, что, возможно, позволит найти объяснение.

Погребения собак на внутренней площади жилища. Связь собаки и жилища основана прежде всего на устойчивом в различных этнокультурных традициях древности и современности восприятии животного как сторожа места проживания человека. Очевидно, что собаку в качестве сторожа жилища необходимо рассматривать не только в современном понимании этой функции (сторож от посторонних людей, т.е. себе подобных). Может быть, раньше она воспринималась главным образом в роли хранителя, того, кто оберегает от злых духов, болезней и других подобных проявлений, враждебных по отношению к человеку сил, поскольку собака обладала способностями видеть, чувствовать, распознавать и заблаговременно оповещать об этом. Подобная оценка возможностей этих животных по этнографическим материалам очень широко распространена у народов мира, например, у населения Евразии (см.: [Богданов, 1918, с. 109 – 111; Васильев, 1935, с. 35; Жельвис, 1984, с. 135 – 143; и др.]), в том числе в угро-самодийской среде [Мошинская, Лукина, 1982, с. 48 – 49]. Однако это относится прежде всего к живым собакам, а мы имеем дело с явно ритуальными погребениями животных. В данном случае речь может идти, видимо, о преднамеренном (со стороны человека) установлении продолжительной связи именно умершего животного, вернее его образа, духа, с местом проживания человека. Эта связь возникает в результате проведения некоего ритуала, следами которого и является скелет животного в яме на внутренней площади жилища.

Задача по интерпретации погребений собак на внутренней площади жилища заставляет нас заняться анализом вопросов, связанных с обрядом принесения строительной жертвы. Он также широко представлен у различных народов Евразии [Байбурун, 1979, с. 155 – 162; Криничная, 1984, с. 154 – 161]. Имеется опыт объяснения археологических фактов, связанных с животными, как следов принесения строительной жертвы [Формозов, 1984, с. 238 – 241]. Однако даже в ходе наблюдений за живой культурой невозможно до конца уяснить смысл обряда. В настоящее время имеется несколько версий его интерпретации [Криничная, 1984, с. 155]. Одна из основных “задач” обряда – приобретение жилищем (и его жильцами) духа-покровителя, оберега. В данном случае функция оберега принадлежала духу собаки. Не исключено, что с выполнением этой функции связаны и погребенные во рвах городищ отдельные черепа собак. Ров, отделяющий внутреннее пространство городища от внешнего, в любом варианте интерпретации может рассматриваться как граница между наиболее значимой для древнего населения (по различным причинам) площадью и внешним по отношению к ней миром. Эта граница так-

же должна охраняться сторожем – духом собаки. Условия залегания черепа собаки во рву городища Перегребное-1 исключает случайное попадание находки в уже функционирующую оборонительную систему. Череп лежал на дне рва под деревянным настилом, на слое гальки [Морозов, Пархимович, 1991, с. 91]. Иными словами, он попал туда в процессе сооружения оборонительной системы, во всяком случае до сооружения деревянного настила на дне рва.

Возможна еще одна интерпретация погребения собак в жилищах. Рассматривая вертикальное членение мансийского дома, И.Н. Гемуев выделяет три зоны – верхнюю (чердак, чистое место, где обитают духи), жилое человеческое пространство и область нижнего мира, и приводит сообщение А.К. Каннисто, согласно которому “на Сосьве при жертвоприношениях Куль-отыру, владыке подземного царства (нижнего мира), принято было приносить кровавую жертву в жилище. По окончании ритуала шкура и кости животного зарываются в доме” [1990, с. 21]. В представлениях обских угров Куль-отыр связан со смертью и болезнями [Петрухин, Хелимский, 1992, с. 567].

При любой трактовке находок собака (ее дух) либо выполняет функцию оберега от враждебных человеку сил, либо связана с представителями нижнего мира, смертью, т.е. не выходит за рамки традиционного к ней отношения, имеющего общемировое распространение.

Скопление черепов. Возле очага жилища № 1 на городище Дубровинский Борок-3 по перпендикулярной к нему линии расположены 12 чередующихся черепов зайцев и собак. Все черепа находились на левом боку, теменем к очагу, резко отличавшемуся от остальных, выявленных на городище: в его заполнении было много мелких пережженных костей, капли бронзы; рядом с очагом зафиксировано скопление рыбьей чешуи. Все находки сосредоточивались на дне углубленной части жилища [Троицкая, 1979, с. 59]. Скопления черепов животных в археологии Западной Сибири зафиксированы неоднократно. В 1935 г. В.С. Адриановым на городище Усть-Полуй при раскопках жертвенного места обнаружено 17 черепов собак [Мошинская, 1953, с. 73; 1965, с. 13]. Н.В. Федоровой в ходе раскопок на этом же памятнике в 1995 г. также найдены черепа собак [Перевалова, 1996, с. 84]. Следы аналогичного ритуала с черепами животных зафиксированы и при раскопках Саровского городища [Чиндина, 1978, с. 67; 1984, с. 48 – 49]. Судя по характерным признакам, он сохранился у населения Западной Сибири и в более позднее время. Так, в материалах поселения середины II тыс. н.э. у мыса Хазн-сале (п-ов Ямал) “в одной из землянок у стены за ко-стром были найдены более 30 песчовых черепов и большое количество их обломков” [Чернецов, 1957, с. 235].

Анализ археологических следов позволяет определить некоторые характерные черты этого обряда: 1) он не связан исключительно с собаками и вообще с каким-то одним видом животных; 2) в обрядовых действиях использовались только черепа, ни в одном случае вместе с ними не обнаружены шейные позвонки (их наличие предполагается при использовании голов), в височную дугу одного из черепов Усть-Полюя была продета плечевая кость собаки [Мошинская, 1953, с. 73], что, естественно, невозможно до исчезновения мягких тканей на голове животного; 3) черепа располагались компактно; 4) в обрядовом действии использовались, как правило, черепа животных одного вида; 5) черепов всегда много, что можно объяснить либо неоднократностью действия, либо специальной (порой длительной, судя по материалам Хаэн-сале) подготовкой к нему; 6) черепа находились в непосредственной близости от следов огня (прокалов) и различных предметов материальной культуры, которые возможно интерпретировать как жертвенные.

В.Н. Чернецов, анализируя обнаруженное им скопление песчовых черепов на Хаэн-сале, был склонен искать объяснение этому факту “в религиозных обрядах типа праздника воскресения зверей, известного по этнографии чукчей и эскимосов” [1957, с. 235]. Т.Н. Троицкая также связала скопление черепов зайцев и собак с идеей реинкарнации (воскрешения) животных, к тому же с промысловым культом. На наш взгляд, убедительная интерпретация следов данного обряда в настоящее время затруднена. Однако круг аналогов, среди которых есть и скопления только собачьих черепов (явно “непромыслового” животного), не позволяет считать данное скопление признаком промыслового культа. Не исключено, что рассматриваемые следы обрядовых действий отражают какие-то формы тотемических представлений.

Собаки в погребальных комплексах

К настоящему времени в лесостепном и южно-таежном Обь-Иртышье зафиксирован 21 факт обнаружения останков собак в местах погребения людей. Данные об этих находках представлены в табл. 2. В ней отражены лишь случаи совместного залегания костей погребенных людей и собак в контексте одного археологического объекта. В ней не нашли отражения некоторые факты обнаружения костей собак на площади некрополей, но не связанные безусловно с погребениями людей [Кунгуров, Горбунов, 1994, с. 92 – 94; Полосьмак, 1987, с. 95, рис. 8; 71, 7; и др.]. Хронологически находки распределяются так же, как и на поселениях: 19 из 21 находки датируются эпохой железа, 15 – в пределах второй половины I – II тыс. н.э.

В большинстве мифоритуальных традиций мира собака в том или ином виде связывается со смертью.

К сожалению, далеко не все из проявлений названной связи могут быть нами зафиксированы. Так, мы не сможем узнать, как относилось древнее население Обь-Иртышья к ночному вою собак или к снам, в которых фигурирует это животное. Но известно, что и то, и другое в традиционных представлениях очень многих народов связывается со смертью. Иллюстрацией этого может быть очень реалистично выполненное из дерева скульптурное изображение воющей собаки, найденное на одной из могил селькупского кладбища [Гемуев, Пелих, 1993, с. 292].

Несмотря на сравнительную малочисленность анализируемых находок, можно установить особенность, объединяющую их вне зависимости от хронологической и культурной принадлежности и связанную с местом расположения костей собак около скелетов людей. Кости собак в 13 случаях находились выше останков погребенных вместе с ними людей (непосредственно над костями погребенных в могиле, в заполнении грабительского хода в могилу или в насыпи кургана), в четырех – вместе с костями погребенных, в двух – во рву вокруг могилы, в одном – под скелетом погребенного, еще в одном – характер расположения не ясен. Иными словами, собаки (или их отдельные кости) в большинстве случаев оказались либо включенными в контекст погребального комплекса после положения туда умершего человека (13 случаев), либо явно связанными с определенным рубежом (два случая, не вызывает сомнений, что ров вокруг могилы при любых вариантах деталей интерпретации может рассматриваться как некая граница, отделяющая внутреннее пространство с могилой на ее площади от внешнего).

Диахронная структура погребального ритуала у представителей любой культуры в наиболее общем виде состоит из трех последовательных этапов, которым соответствуют комплексы действий живых в связи со смертью сородича: “до”, “во время” и “после” совершения собственно похорон (см., напр.: [Дьяконова, 1975, с. 6; Алекшин, 1981, с. 3]). Комплекс действий “после” направлен на организацию границы между оставшимися в реальном мире и ушедшими в другой мир, а также отношений между ними. Как видим, собака в археологических объектах наиболее часто зафиксирована именно в связи с этим комплексом действий.

Специфика расположения костей собак в погребальных комплексах Обь-Иртышья объясняется, очевидно, устойчивыми особенностями образа этого животного в мифологических представлениях, связанных со смертью человека, и ритуальной практике народов Евразии. Классифицируя различные проявления связи “собака и смерть”, можно видеть, что у несхожих по этнокультурной и языковой принадлежности носителей разных мифологических традиций

Таблица 2. Собаки в погребальных комплексах

Памятник	Дата	Характеристика находки	Публикация или автор находки
Быстровка-2, кург. № 1, погр. № 13	III – II вв. до н.э.	Полный скелет в заполнении грабительского хода в могилу	Т.В. Мжельская
Каменный Мыс, кург. № 3	Конец III – II в. до н.э.	Полный скелет в насыпи с фрагментом бронзовой бляшки	[Троицкая, 1979, с. 9]
Крохалевка-23, кург. № 5	V – VI вв. н.э.	Полный скелет в насыпи	А.В. Новиков
Юрт-Акбалык-8, кург. № 13	VI – VII вв. н.э.	Кости в насыпи (повреждены)	[Троицкая, 1981, с. 110]
Юрт-Акбалык-8, кург. № 27	То же	Полный скелет в насыпи	Т.Н. Троицкая
Релка, кург. № 4	»	“Кости собаки” в насыпи	[Чиндина, 1977, с. 15]
Релка, кург. № 6, погр. № 5	»	“Кости собаки”	[Там же, с. 19]
Крохалевка-13, кург. № 20	VII – IX вв. н.э.	Полный скелет в насыпи с двумя точильными камнями	[Троицкая, Елагин, Семьянов, 1995, с. 229]
Змеинский курганный могильник, кург. № 23	XI – XIII вв. н.э.	К северо-западу от костей человека, на их уровне, правая нижняя челюсть взрослой собаки	[Беликова, 1996, с. 17]
Высокий Борок, кург. № 16	XIII – XIV вв. н.э.	Полный скелет в насыпи	А.А. Адамов
Красный Яр-1, кург. № 40	То же	То же	А.А. Адамов
Бедеревский Бор-2, мог. № 29	XVII в. н.э.	Скелет собаки на тазовых и бедренных костях человека	А.И. Боброва
Протока	Неолит	Челюсть собаки среди погребений людей	[Полосьмак, Чикишева, Балыева, 1989, с. 15]
Сопка-2, кург. № 14, погр. № 5	Вторая треть II тыс. до н.э.	Под скелетом человека погребение собаки в яме	[Молодин, 1985, с. 76]
Венгерово-7, кург. № 1, погр. № 15	V – III вв. до н.э.	У таза погребенного распиленные вдоль челюсти собаки (?)	[Савинов, Полосьмак, 1985, с. 84]
Сопка-2, кург. № 72, погр. № 2 (№ 601)	XIII – XIV вв. н.э.	Полный скелет собаки в одной могильной яме с погребением людей	[Молодин, Соболев, Соловьев, 1990, с. 199]
Бергамак-2, во рву мог. № 17	XVII – XVIII вв. н.э.	Кость собаки (?)	[Татауров, Тихонов, 1996, с. 78]
Бергамак-2, во рву мог. № 19	То же	Мелкие кости и челюсть собаки (?)	[Там же, с. 80]
Исаковка-3, кург. № 1	Конец III – начало I в. до н.э.	В насыпи кость собаки	[Погодин, Труфанов, 1991, с. 101]
Кип-3, кург. № 11, погр. № 1	X – XIII вв. н.э.	Полный скелет собаки в могильной яме над погребением человека	[Конилов, 1993, с. 70]
Кип-3, кург. № 17	То же	Полный скелет в насыпи	[Там же, с. 73]

общемировыми являются представления не столько о роли и образе собаки в действиях связи со смертью человека (огромное разнообразие частных вариантов образа собаки и различных “производных” от этого образа, например, чудовища с головой пса и т.п., а также ее роли), сколько о месте ее действия как персонажа мифа. Это место – граница между мирами живых и мертвых. В различных мифологических традициях собаки являются стражниками мира мертвых, могут способствовать переправе душ умерших через границу миров, сопровождать их на судилище, принадлежать основному стражнику загробного мира, выполнять функции посредника между миром живых и ми-

ром мертвых и т.д. Подобный образ присутствует и в мифах народов уральской языковой семьи, в частности финно-угров, и находит отражение в деталях погребальной обрядности. Например, марийцы, чтобы “умерший мог отогнать собак”, которые якобы охраняют загробный мир, в его руки вкладывали палку [Мифологический словарь, 1991, с. 291]. Манси при возвращении с похорон перебрасывали через себя собак для защиты от духа умершего. Чуваши, мари, удмурты и коми остатки поминального обеда обязательно скармливали собакам и по их поведению при этом судили о том, как чувствуют себя усопшие на том свете и довольны ли они предложенным им

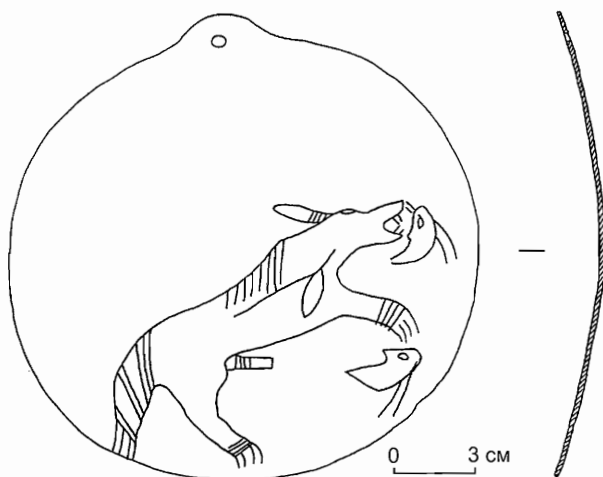

Рис. 1. Бронзовая бляха с гравированным изображением из Истяцкогоклада.

угощением. Визг и драка животных считались самым хорошим признаком [Васильев, 1935, с. 73]. У некоторых современных групп хантов трупы собак нельзя закапывать в землю — “собаку в землю закопать все равно, что себя закопать” [Мошинская, Лукина, 1982, с. 58]. По этнографическим наблюдениям, собаку довольно часто оставляли на могиле погребенного хозяина. Ханты, проживающие по рекам Юган и Казым, ее предварительно убивали [Кулемзин, 1984, с. 142], а селькупы с р. Нарым оставляли живую, но связанную собаку над могилой вместе с устойчивым набором вещей и убитым оленем [Пелих, 1972, с. 87]. Расположение большинства костей собак в погребальных комплексах указывает на их связь именно с комплексом действий “после” в диахронной структуре погребальной обрядности древнего населения Обь-Иртышья, т.е. с действиями, ассоциируемыми с организацией границы и характера пограничных отношений между мирами живых и мертвых. Такая трактовка согласуется с имеющими общемировое распространение традиционным пониманием места и характера действия собаки (персонажа мифов) в связи со смертью человека. Отметим, что собака как посредник между различными структурами мифологического пространства не обязательно связывается с мортальными представлениями и ритуальной практикой [Щепанская, 1991, с. 71 – 79].

Связь собаки с погребальной обрядностью у западно-сибирских угро-самодийцев могла иметь и еще один аспект. По существовавшим у них легендам [Пелих, 1972, с. 119; Кулемзин, Лукина, 1973, с. 25 – 26; Мифы..., 1990, с. 75] именно на это животное была возложена функция оживления умершего человека-хозяина (в подобные возможности собак верили не только западно-сибирские народы). Кстати, согласно некоторым из этих легенд, “собака тоже сначала была

человеком” и именно ее “ошибки” при этом “оживлении” послужили причиной того, что человек (предок собаки) превратился в настоящую собаку (мифологическое подтверждение сказанного выше). Этот сюжет относится к наиболее архаичным праформам животного эпоса, и многочисленные аналогичные ему варианты можно обнаружить у различных народов мира, тотемические мифы которых подчеркивают, что многие звери были когда-то людьми и лишь со временем приобрели облик животных [Костюхин, 1987, с. 25 – 31; Соколова, 1972, с. 44; Лукина, 1983, с. 227].

Изображения канисовых из Истяцкогоклада

Яркие предметы искусства с изображениями канисовых являются частью т. н. Истяцкогоклада. Набор бронзовых изделий, который включает круглую бляху с выгравированным изображением канисовых (рис. 1) и серию плоских литых фигурок волков и собак (рис. 2), случайно обнаружен в 1886 г. в 180 км от Тобольска “по почтовой дороге из Тобольска в Омск” [Чернецов, 1953б, с. 162]. В отличие от других блях с гравировками из Истяцкогоклада [Там же, с. 167, табл. XX, 1 – 8; с. 169, табл. XXII, 5, 7] рассматриваемый в работе экземпляр не был опубликован В.Н. Чернецовым. Прорисовку только изображения на бляхе, но неточную (“по наброску”), поместил в свою работу А.А. Спицын [1906, с. 86, рис. 29]. Он интерпретировал гравировку как изображение медведя и двух “островерхих” человеческих голов “с космами позади” [Там же, с. 31]. Часть литых изображений канисовых опубликована в виде фотографий [Чернецов, 1953б, с. 169, табл. XXII, 1 – 4; с. 170, табл. XXIII, 1 – 11].

Наиболее древние вещи из Истяцкогоклада изготовлены не ранее III – II вв. до н.э. Однако это не значит, что время культовой значимости данного набора может быть определено лишь этим хронологическим отрезком, — вещи могли быть задействованы и значительно позднее, как можно убедиться по этнографическим западно-сибирским материалам [Гемуев, Молодин, Сагалаев, 1984, с. 62 – 80; Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 156 – 186], вплоть до XX в.

Изображенное на бляхе животное по своей иконографии аналогично канисовым, запечатленным в плоских фигурках. Повторение многих деталей в гравировке и литье (в частности, своеобразное проявление “скелетного стиля”, насечки на лапах, ухе, фаллосе, хвосте) является доказательством синхронности и единокультурности этих памятников изобразительного творчества. Литые фигурки канисовых из Истяцкогоклада достаточно своеобразны: с одной стороны, они безусловно относятся к кругу изображений хищников урало-сибирского культового литья, где им

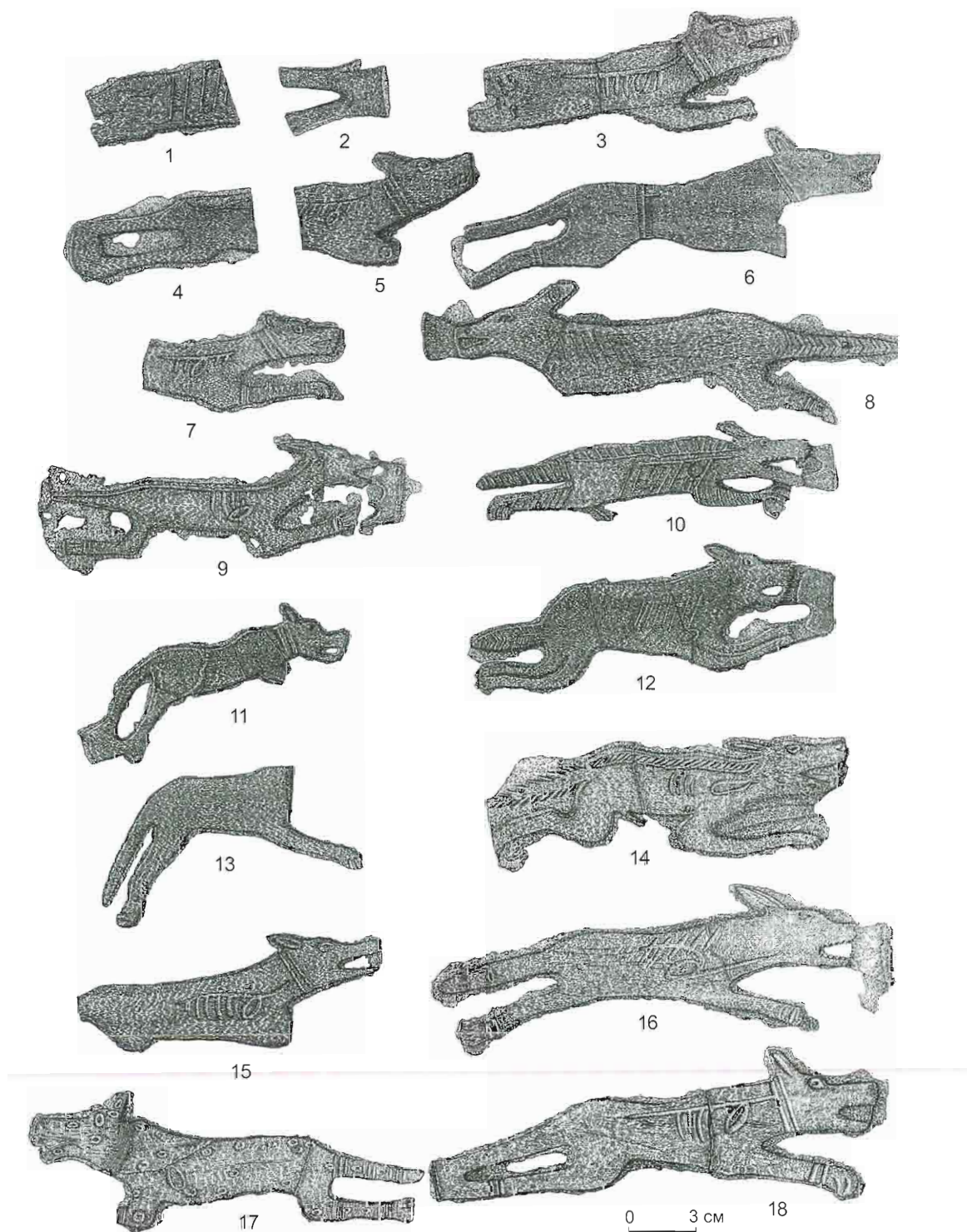

Рис. 2. Литые фигурки канисовых из Истяцкого клада.

можно найти ряд аналогов, с другой – у них отсутствует характерная для этого стиля статичность [Чижова, 1980, с. 331] – собаки-волки мчатся в стремительном полете за невидимой целью. А.А. Спицын назвал этих животных собаками [1906, с. 33], а В.Н. Чернецов – волками [19536, с. 165, 169, 171], при этом ни тот, ни другой не мотивировали свои выводы.

Некоторые из литых животных изображены с «ошейниками» (см. рис. 2, 3, 5 – 7, 9, 11, 15, 17, 18). Изображение кольца («ошейника») на шее животных и птиц достаточно широко распространено у западно-сибирских угро-самодийцев. Этнографические аналоги ему известны у манси [Гемуев, Сагалаев, 1986, с. 171]. В атрибутике селькупских шаманов «кольцо

(“лак”), надетое на изображение духа, означало, что последний “окольцован”, т.е. приручен, подчинен воле шамана» [Пелих, 1980, с. 27]. Животное, изображенное на бляхе из Истяцкого клада, подобного ошейника не имеет, что, возможно, может подчеркивать его неприрученность, “необузданность”. Кстати, подобные ошейники показаны на изображениях не только хищников (медведи и волки), но и других животных (заяц, лось) [Беликова, Плетнева, 1983, с. 214, рис. 79, 15; Чиндина, 1991, с. 161, рис. 21, 15], поэтому их нельзя использовать как некий видовой маркер. Впрочем, при интерпретации мифологической основы данного изображения строгое видовое определение в пределах рода *Canis* семейства *Canidae*, видимо, имеет второстепенное значение, поскольку во многих мифологических традициях собака и волк представляют собой синонимичный персонаж [Иванов, 1975, с. 399 – 400; 1977, с. 156 – 164; Рыбаков, 1981, с. 584; Кубарев, Черемисин, 1987, с. 112]. Что же касается “островерхних человеческих голов с космами позади” (по А.А. Спицыну), то их интерпретация как изображения луны (месяца) основывается на многочисленных иконографических параллелях, относящихся к различным эпохам, этнокультурным и художественным традициям.

Обратимся к мифам и ритуальной практике носителей архаичного мировоззрения, где можно проследить параллели с изображенным на бляхе сюжетом. Еще в XIX в. исследователи отмечали у разных народов мира удивительное единообразие мифоритуальных образов, связанных с луной. “Рождение”, “жизнь” и “смерть” луны на ночном небосклоне, а также ее затмения – эти сюжеты принадлежат наиболее архаичным пластам мифологических построений очень многих народов. В основе многочисленных представлений о луне лежит убежденность, что при затмении она поедается неким олицетворением зла, а в последующем в силу различных обстоятельств ночное светило извергается наружу и таким образом оживает. Повидимому, во всех мифологических традициях Евразии присутствует этот чрезвычайно архаичный сюжет “лишения” и последующего “дарения” жизни. Именно неразрывная связь умирания и возрождения является сюжетным стержнем лунных мифов. Эта связь “явно сродни той многозначности, которой обладают в мифологии мотивы зачатия, рождения, умирания” [Сагалаев, 1991, с. 129]. Определяет сюжетную специфику лунных мифов замкнутая цикличность умирания и возрождения, что является иллюстрацией “замкнутого времени”, отсутствия в архаическом мировоззрении категории линейного времени [Гуревич, 1984, с. 108]. Луна в системе подобных представлений о времени с древности являлась главнейшим наглядным космическим подтверждением его цикличности, вечного круговорота рождения и смерти [Элиаде, 1987, с. 91]. Круговращение умирания и возрождения может коди-

роваться, в частности, как “проглатывание” и “извержение”, и в этом аспекте оно связывается с активностью различных мифологических персонажей – от верховного бога до неопределенного “чудовища” [Сагалаев, 1991, с. 128]. Несмотря на то, что мифологические образы зла могут быть различными, действия людей в разных регионах мира при затмении в целом одинаковы и направлены на отпугивание образа зла от поедаемого им светила [Афанасьев, 1994, с. 750 – 751].

Очень часто и широко в качестве мифологических персонажей, которые поедают небесное светило (дневное или ночное), выступают волки (собаки). В данном случае волк-пожиратель персонифицирует собой образ зла, противостоящий небесному светилу. Этому мифологическому сюжету (собака/волк и различные “производные” от этого образа, поедающая/похищающая солнце/луну) можно найти множество параллелей в мифологических традициях народов мира [Толстая, 1995, с. 245 – 247; Иванов, Топоров, 1991, с. 127 – 128; Рыбаков, 1981, с. 584; Кабакова, 1991, с. 135; Мелетинский, 1991а, с. 461; 1991б, с. 571 – 572; Афанасьев, 1994, с. 750 – 751; Тайлор, 1989, с. 157; Концевич, 1991, с. 454; Спевковский, 1988, с. 64; Крейнович, 1973, с. 32 – 33]. Принципиально важно то, что волк-поглотитель в результате действий людей или по другим причинам является и волком-извергателем. Поглощение (похищение, засыпание, смерть) в мифологическом контексте может рассматриваться лишь в неразрывной связи с извержением (возвращением, пробуждением, воскресением). Именно это возрождение – сюжетный апофеоз всех лунных мифов. В зоне тайги Западно-Сибирского региона также зафиксированы реликты лунных мифов, в которых месяц умирает и возрождается. Здесь широко распространена легенда о периодически умирающем и возрождающемся месяце – женихе, разорванном двумя его женами, солнцем и дьяволом [Пелих, 1980, с. 14 – 15]. Сюжет мифа, иллюстрацией которого является гравировка на бляхе, предполагает наличие двух лун одновременно. Присутствие в сюжете нескольких светил (как дневных, так и ночных) не являлось чем-то необычным для западно-сибирских мифов [Там же, с. 14; Кулемзин, Лукина, 1977, с. 122]. Главная же особенность изображения на бляхе, которая, на наш взгляд, и является ключом к прочтению этого изобразительного текста, заключается в том, что луны, выгравированные на бляхе, показаны не в фазе “умирания”, а в фазе зарождения, близкой к первой четверти. Иными словами, луны на бляхе не погибают, а возрождаются.

Выводы

Археологические факты позволяют предполагать “участие” собак в различных по своей сути обрядовых

действиях, что было обусловлено, видимо, немало-важной ролью этих животных в системе мировоззрения древнего населения Западной Сибири. Древнейшие захоронения одомашненных собак на территории Северной Евразии отражают многообразие форм ритуальной практики, в которых выступает это животное (ритуальное погребение в месте проживания людей, участие в погребальной обрядности, в частности детской, и др.). Эти формы сохранились и получили развитие в последующие эпохи. Не исключено, что в основе характера отношения человека к собаке лежат отношения к ее предкам (прежде всего волкам).

Не вызывает сомнений “участие” собак в обрядах жизненного цикла (обрядов перехода) древнего населения Западной Сибири (в этой группе наиболее ярко проявилось участие собак в погребально-поминальной и производственно-промысловой обрядности). В последней группе вполне возможно использование собаки в качестве строительной жертвы, оберега при строительстве жилища, оборонительной системы городища. Вполне возможно, что собаки присутствовали в атрибутике и ритуальной практике западно-сибирского шаманизма, были персонажами космогонических мифов, где наряду с волками могли персонифицировать собой образ зла.

Существует точка зрения [Шишкин, 1996, с. 65], что широкое “участие” собак в ритуальной практике древнего населения Западной Сибири связано с влиянием культуры древних иранцев, у отдельных групп которых это животное было одним из центральных персонажей мифоритуальной системы погребальной обрядности (см.: [Литвинский, Седов, 1984, с. 161 – 169; и др.]). Не исключая контактов между носителями различных этнокультурных традиций на территории Западной Сибири, в частности иранцев и обских угров, отметим, что идея связи собаки со смертью имеет общемировое распространение и поэтому вряд ли может рассматриваться в качестве примера культурных заимствований. На территории Западной Сибири (особенно в ее северной части) связанные с собаками представления могли развиваться автохтонно. Не исключено также, что они имеют палеоазиатские корни. Ведь неслучайно, что наиболее яркие формы присутствия собак в ритуальной практике людей в наши дни сохранились именно у палеоазиатов Северной Азии [Лукина, 1983, с. 233].

В заключение отметим, что при интерпретации единичных фактов проявления какого-либо феномена культуры мы должны учитывать наличие “определенной семантической дистанции между нормой культуры и ее реальным функционированием как одного из проявлений между должным и сущим” [Мыльников, 1989, с. 31]. Наличие среди большого количества более или менее исследованных археологических па-

мятников Западной Сибири лишь нескольких десятков преднамеренных (ритуальных) погребений собак на фоне многочисленных фактов обнаружения их разрозненных посткраниальных костей вне какого-либо “ритуального” контекста дает повод предполагать, что эти находки не являются отражением всеобщей и безусловной нормы. Отношение к собаке на всех этапах сочетало в себе крайне условно выделяемые [Байбурин, 1989, с. 76 – 78] “рациональную” и “иррациональную” основы.

Список литературы

- Алексин В.А.** Погребальный обряд как археологический источник // КСИА. – 1981. – Вып. 167. – С. 3 – 9.
- Афанасьев А.Н.** Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. – М.: Индрик, 1994. – Т. 1. – 800 с.
- Байбурин А.К.** “Строительная жертва” и связанные с нею ритуальные символы у восточных славян // Проблемы славянской этнографии. – Л.: Наука, 1979. – С. 155 – 162.
- Байбурин А.К.** Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 63 – 88.
- Беликова О.Б.** Среднее Причулымье в X – XI вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 269 с.
- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 244 с.
- Богданов В.В.** Древние и современные обряды погребения животных в России // Этногр. обозрение. – М., 1918. – № 3/4. – С. 109 – 111.
- Васильев Ю.А.** Собаки в фольклоре и культе северных народов // Сов. Арктика. – 1935. – № 5. – С. 72 – 77.
- Верещагин Н.К.** Остатки млекопитающих из палеолитического слоя VI стоянки Ушки-1 // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской комплексной археологической экспедиции). – Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 18 – 19.
- Гемуев И.Н.** Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск: Наука, 1990. – 232 с.
- Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М.** Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций в этнографии. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 62 – 80.
- Гемуев И.Н., Пелих Г.И.** О погребальной обрядности селькупов // Acta Ethnographica Hungarica. – Budapest: Akademiai Kiado, 1993. – N 38 (1 – 3). – P. 287 – 308.
- Гемуев И.Н., Сагалаев А.М.** Религия народа манси. Культовые места XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.
- Грачева Г.Н.** Традиционное мировоззрение охотников Таймыра (на материалах нганасан XIX – начала XX в.). – Л.: Наука, 1983. – 173 с.
- Гуревич А.Я.** Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1984. – 351 с.
- Диков Н.Н.** Захоронение домашней собаки в жилище позднелитической стоянки Ушки-1 на Камчатке // Новые археологические памятники севера Дальнего Востока (по данным Северо-Восточно-Азиатской комплексной

археологической экспедиции). – Магадан: Изд-во СВКНИИ ДВНЦ АН СССР, 1979. – С. 12 – 17.

Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.

Жельвис В.И. Человек и собака: (Восприятие собаки в разных этнокультурных традициях) // СЭ. – 1984. – № 3. – С. 135 – 143.

Иванов В.В. Реконструкция индоевропейских слов и текстов, отражающих культ волка // Изв. АН СССР. Сер. литер. и яз., № 5. – 1975. – Т. 34. – С. 399 – 408.

Иванов В.В. К балкано-балто-славянско-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. – М.: Наука, 1977. – С. 143 – 164.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Волкодлак // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 127 – 128.

Кабакова Г.И. Вырколак // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 135.

Кабо В.Р. Религия палеолитического человека: возможности ее реконструкции // Реконструкция древних верований: источники, метод, цель. – СПб.: Изд-во ГМИРА, 1991. – С. 45 – 51.

Коников Б.А. Таежное Прииртышье в X – XIII вв. н.э. – Омск: Омск. гос. пед. ин-т, 1993. – 223 с.

Концевич Л.Р. Пулькэ // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 454.

Косарев М.Ф. Человек и природа в свете сибирских этнографических и археологических материалов // Некоторые проблемы сибирской археологии. – М.: Наука, 1988. – С. 84 – 113.

Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса. – М.: Наука, 1987. – 270 с.

Крейнович Е.А. Нивхгу. Загадочные обитатели Сахалина и Амура. – М.: Наука, 1973. – 495 с.

Криничная Н.А. Эпические произведения о принесении строительной жертвы // Фольклор и этнография: У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – С. 154 – 161.

Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Археологические исследования и быт народов Сибири XIX – начала XX в. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 98 – 117.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 191 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Легенды и сказки хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – 58 с.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX в. Этнографические очерки. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 225 с.

Кунгуров А.Л., Горбунов В.В. Ритуальные захоронения животных на грунтовом могильнике Обские Плесы II // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1994. – С. 91 – 96.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы кушанской Бактрии. Погребальный обряд. – М.: Наука, 1984. – 240 с.

Лукина Н.В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии. – Л.: Наука, 1983. – С. 226 – 233.

Медведев Г.И., Георгиевский А.М., Михнюк Г.Н., Леженко И.Л., Савельев Н.А. Мезолит Верхнего Приан-

гарья. – Иркутск: Иркут. ун-т, 1971. – Ч. I: Памятники Ангарско-Бельского и Ангарско-Идинского районов. – 242 с.

Мелетинский Е.М. Рагнарек // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991а. – С. 461 – 462.

Мелетинский Е.М. Фенрир // Мифолог. слов. / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991б. – С. 571 – 572.

Мифологический словарь / Под ред. Е.М. Мелетинского. – М.: Сов. энцикл., 1991. – С. 291.

Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н.В. Лукина. – М.: Наука, 1990. – 568 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 168 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Росляков С.Г., Новикова О.И., Колонцов С.В. Археологические памятники города Новосибирска. – Новосибирск: Наука, 1993. – 32 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 261 с.

Морозов В.М., Пархимович С.Г. Городище Перегребное-1: (К вопросу о проникновении приуральского населения в Западную Сибирь в нач. II тыс. н.э.) // Западная Сибирь в древности и средневековье. – Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1991. – С. 89 – 99.

Мошинская В.И. Материальная культура и хозяйство Усть-Полуя // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Наука, 1953. – С. 72 – 106. – (МИА; № 35).

Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. ДЗ-8. – 1965. – 88 с.

Мошинская В.И., Лукина Н.В. О некоторых особенностях в отношении к собаке у обских угров // Археология и этнография Приобья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1982. – С. 226 – 233.

Мыльников А.С. Язык культуры и вопросы изучения этнической специфики средств знаковой коммуникации // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – С. 7 – 37.

Новик Е.С. Архаические верования в свете межличностной коммуникации // Историко-этнографические исследования по фольклору. – М.: Наука, 1994. – С. 110 – 163.

Ошибкина С.В. Мезолитический могильник Попово на р. Кинеме // СА. – 1982. – № 3. – С. 122 – 137.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. – М.: Наука, 1983. – 295 с.

Палеолит СССР. – М.: Наука, 1984. – 383 с. – (Археология СССР).

Пелих Г.И. Происхождение селькупов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1972. – 423 с.

Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 5 – 70.

Перевалова Е.В. Две традиции в сакральном отношении к собаке у нижеобских хантов // Интеграция археологических и этнографических исследований: Материалы IV Всерос. научн. семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. – Омск: ОмГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 83 – 87.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 142 с.

- Петрухин В.Я., Хелимский Е.Х.** Финно-угорская мифология // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1992. – Т. 2. – С. 563 – 568.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я.** Могильник саргатской культуры Исаковка III // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: ОмГУ, 1991. – С. 98 – 127.
- Полосьмак Н.В.** Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С.** Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 103 с.
- Разинкин А.В.** Образы волка и собаки в фольклоре народов Сибири и Дальнего Востока // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: Материалы конф. – Новосибирск: Ин-т филол. СО РАН, 1995. – Т. 1: Филология. – С. 320 – 321.
- Рыбаков Б.А.** Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
- Савинов Д.Г., Полосьмак Н.В.** Новые материалы по эпохам бронзы и раннего железа в Центральной Барабе // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 75 – 103.
- Сагалаев А.М.** Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. – Новосибирск: Наука, 1991. – 154 с.
- Сергин В.Я.** Об одной гипотезе одомашнения собаки // СА. – 1971. – № 1. – С. 195 – 200.
- Соколова З.П.** Культ животных в религиях. – М.: Наука, 1972. – 215 с.
- Спеваковский А.Б.** Духи, оборотни, демоны и божества айнов: (Религиозные воззрения в традиционном айноском обществе). – М.: Наука, 1988. – 206 с.
- Спицын А.А.** Шаманские изображения // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Импер. Рус. археол. об-ва. – СПб., 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29 – 145.
- Тайлор Э.Б.** Первобытная культура. – М.: Изд-во пол. лит., 1989. – 573 с.
- Татауров С.Ф., Тихонов С.С.** Могильник Бергамак II // Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 1996. – Т. 1: Культура тарских татар. – С. 58 – 83. – (Этнографо-археологические комплексы).
- Толстая С.М.** Луна // Славянская мифология: Энцикл. слов. / Под ред. В.Я. Петрухина, Т.А. Агапкиной, Л.Н. Виноградовой, С.М. Толстой. – М.: Эллис Лак, 1995. – С. 245 – 247.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.
- Троицкая Т.Н.** Одинцовская культура в Новосибирском Приобье // Проблемы западно-сибирской археологии: Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 101 – 120.
- Троицкая Т.Н., Елагин В.С., Семьянов И.В.** Крохалева-13 – могильник верхнеобской культуры // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. – Кемерово: КемГУ, 1995. – С. 225 – 242.
- Файнберг Л.А.** У истоков социогенеза. От стада обзьян к общине древних людей. – М.: Наука, 1980. – 152 с.
- Формозов А.А.** Строительная жертва на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла // СА. – 1984. – № 4. – С. 238 – 241.
- Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Наука, 1953а. – С. 7 – 71. – (МИА; № 35).
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Наука, 1953б. – С. 121 – 178. – (МИА; № 35).
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири. – М.: Наука, 1957. – С. 136 – 245. – (МИА; № 58).
- Чижова Л.В.** О происхождении и этнической принадлежности урало-сибирского культового литья // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 329 – 337.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 192 с.
- Чиндина Л.А.** Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1978. – С. 51 – 80.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 254 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура). – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1991. – 181 с.
- Шишкин А.С.** Некоторые общие черты отношения к собаке в представлениях обских угров и иранцев // Интеграция археологических и этнографических исследований. Материалы IV Всерос. научн. семинара, посвященного 60-летию со дня рождения В.И. Васильева. – Омск: ОмГУ, 1996. – Ч. 2. – С. 63 – 65.
- Шовкопляс И.Г.** Мезинская стоянка. К истории Среднеднепровского бассейна в позднелепелитическую эпоху. – Киев: Наук. думка, 1965. – 327 с.
- Щепанская Т.Б.** Собака – проводник на грани миров // ЭО. – 1991. – № 1. – С. 71 – 79.
- Элиаде М.** Космос и история. – М.: Прогресс, 1987. – 312 с.
- Bökönyi S.** History of domestic mammals in central and eastern Europe. – Budapest, 1974. – 587 p.
- Larsson L.** Big dog and poor man. Mortuary Practices in Mesolithic Societies in Southern Sweden // Approaches to Prehistory. – Oxford, 1989. – P. 211 – 223.

Материал поступил в редколлегию 04.04.1999 г.

УДК 903.2

Л.Н. ЕрмоленкоКемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия

E-mail: museum@kemsu.ru

ЗЕРКАЛО ДЛЯ ГЕРОЯ

Введение

Вопрос о семантике скифских и сарматских зеркал неоднократно рассматривался в литературе [Хазанов, 1964; Раевский, 1977; Виноградов, 1980; и др.]. С.С. Бессонова обобщила существующие мнения, выделив два основных значения зеркала. Согласно первому, зеркало является “символом солнца, плодородия, эротики и женского начала”. В соответствии со вторым, зеркало есть магический и мантический предмет, способный отражать целый мир, а также вмещать образ и душу человека [Бессонова, 1983, с. 102]. В данной статье обосновывается существование иного – героического – смысла зеркала. Предпринять исследование в этом направлении меня побудила цитата из “Махабхараты”, запечатлевшая героический аспект семантики зеркала и вызывающая ассоциации со скифским и сарматским материалами.

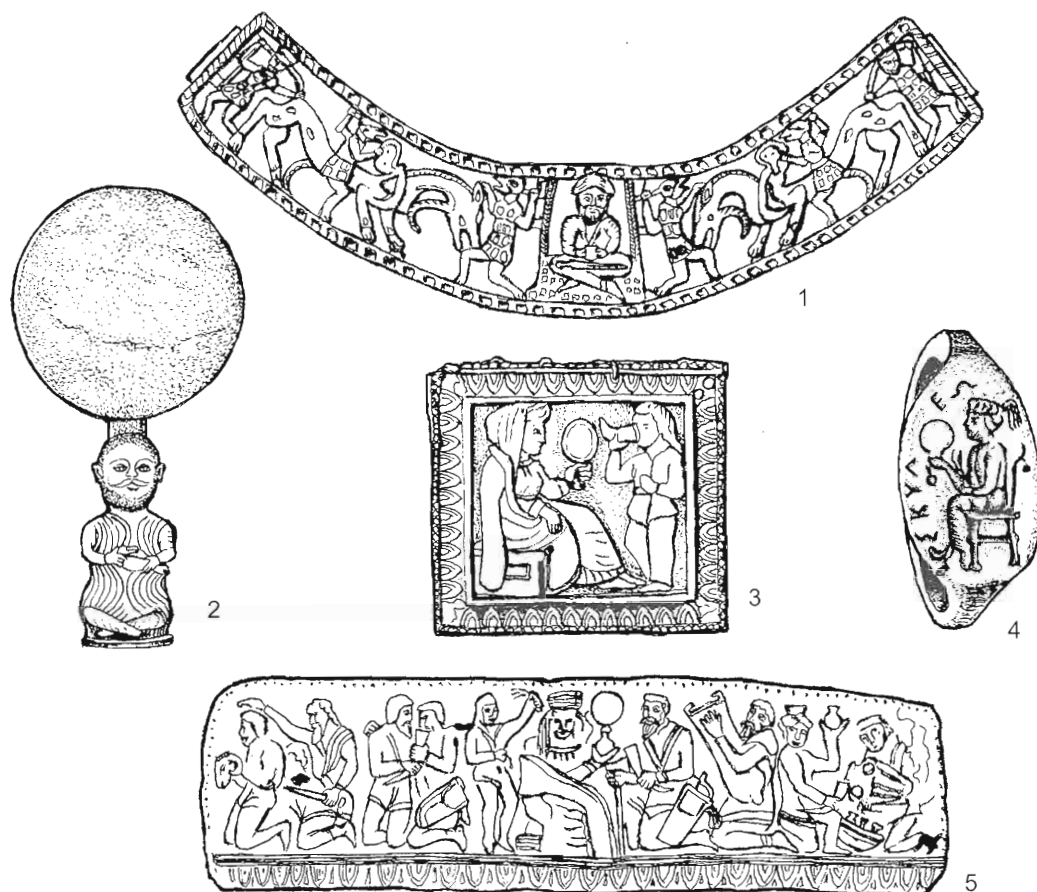
Фольклорные и изобразительные свидетельства героического аспекта семантики зеркала

В “Махабхарате” (“Книга о Дроне”) описывается приготoвление к битве Сатьяки – героя из рода ядавов. Сатьяки совершает омовение, очищается, над ним производят “благоприятствующие обряды”, тысяча брахманов призывают на него благословения. “И освященный теми благословениями, он, наилучший из прекрасных, заслуживающий почетного напитка (здесь и далее курсив мой. – Л.Е.), выпив тогда мед кайлавата, выглядел весьма блистательно с покрасневшими глазами, вращающимися от опьянения. Прикоснувшись к бронзовому зеркалу и преисполненный великой радости, он вдвое усилился в своей мощи, уподобился сверкающему огню” (Мхб VII. 87: 63). В комментариях к

тексту В.И. Кальянов отмечает: «Бронзовое зеркало (*vīra-kāṇṣya*) – букв. “бронзовое зеркало героев” (для возвеличения мощи), как видно из контекста» [Махабхарата, 1993, с. 568, примеч. 297]. Из приведенного отрывка следует, что для усиления мощи упомянутому герою древнеиндийского эпоса были необходимы пьянящий напиток и зеркало.

Благоприятное воздействие пьянящего напитка на военную мощь воспевалось еще в древнейших ведийских гимнах. Согласно “Ригведе”, мощь Индры усиливал опьяняющий, возбуждающий воинственный пыл, приводящий в неистовство Сомы (РВ I, 81: 8; I, 121: 8; I, 165: 4; I, 176: 1 и т.д.). Известное сообщение Геродота об обычае скифов раз в году удаивать вином из “кратера”^{*} героев, убивших врага, также указывает на семантическую связь образов доблестного воина и пьянящего напитка. Свидетельством существования подобных представлений у сарматов может быть изображение на ажурной гривне из Кобыковского кургана [Гугуев, 1992, с. 120, рис. 4] (см. рисунок, 1). В центре композиции показан пирующий воин, который сидит “по-восточному” и держит двумя руками сосуд. По обеим сторонам от него – зеркально-симметричные изображения сцен борьбы трех зооантропоморфных воинов с фантастическим животным (по определению В.К. Гугуева, драконом, наделенным некоторыми чертами волка). Чудовищные воины, похожие друг на друга, одеты в доспехи и вооружены чем-то наподобие дубинок. Еще одна такая сцена имеется на тыльной части гривны. Как предположил В.К. Гугуев, пирующий воин равнозначен сражающимся зооантропоморфным воинам, и на гривне, таким образом, воспроизведены

^{*} Скифского котла? – См. об этом [Ермоленко, 1998, с. 110 – 111].

Находки из скифских и сарматских курганов, воспроизводящие семантический ряд *женщина – зеркало – “пирующий” мужчина* или являющиеся его компонентом.
 1 – гривна из Кобяковского кургана (по В.К. Гугуеву); 2 – зеркало из Соколовой могилы (по М.И. Вязьмитиной); 3 – бляшка из кургана Чертомлык (по Д.С. Раевскому); 4 – перстень царя Скила (по Ю.Г. Виноградову); 5 – пластина из кургана в окрестностях д. Сахновки (по Д.С. Раевскому).

подвиги героя-драконоборца. Гривна, по мнению исследователя, могла быть изготовлена бактрийским мастером, выполнявшим сарматский заказ; не случайно главный персонаж по позе, костюму, сосуду идентифицируется с “ираноязычным номадом”. Композиция на кобьяковской гривне воспринималась сарматами, возможно, как эпическая. Р.С. Липец отметила сходство описаний борьбы богатырей в эпосе тюркских народов со сценами борьбы и терзания, запечатленными в зверином стиле. Свою мысль она подтвердила строками из каракалпакского эпоса, живописующими единоборство богатырей:

Схватился, как лев со львом,
 Он боролся, как волк степной с жеребцом,
 Как барс лесной с кабаном,
 Как орел с быстроногим козлом

(цит. по: [Вайнштейн, 1974, с. 37]).

Образы богатырей и их врагов в якутских олонхо, с моей точки зрения, также сохранили следы прежней общей “чудовищной” мифической природы [Ермолен-

ко, 1995, с. 26 – 27]. Следует отметить, что на основании сопоставления изобразительных памятников с эпическими текстами М.П. Грязнов пришел к выводу о возникновении героического эпоса тюрко-монгольских народов в скифо-сарматскую эпоху [1961, с. 7]*.

Однако вернемся к кобьяковской гривне. Она украшала шею умершей женщины (по определению Т.А. Прохоровой и В.К. Гугуева, жрицы), а около кисти правой ее руки лежало зеркало [1992, с. 152]. Каждый раз, когда жрица при жизни смотрелась в зеркало, в нем отражался и пирующий герой.

Семантический ряд *женщина – зеркало – “пирующий” мужчина* обнаруживается и в материале

* Зооморфно-чудовищные черты героев не являются особенностью только тюрко-монгольского эпоса. О.М. Фрейдберг писала: «В эпосе под всеми действующими лицами прощупываются животные и чудовища. Такова у Гомера и в “Рамаяне” роль коня и кобылицы, волка – в германском эпосе, льва – в кельтском, лисы – в басне, лани – в легенде и т.д.» [1997, с. 204].

другого богатого сарматского погребения – Соколовой могилы. Справа от черепа погребенной знатной женщины (жрицы?) лежало бронзовое зеркало. Его серебряная с позолотой ручка представляет собой литую фигурку сидящего “по-восточному” мужчины с ритонном в обеих руках [Ковпаненко, 1986, рис. 70] (см. *рисунок, 2*). Персонаж с рукоятки соколовского зеркала, как и герой кобьяковской гривны, показан с усами, бородой. Некоторым образом сходны также их прически и одежда.

В скифских древностях изображение сидящей богини с зеркалом и стоящего перед ней пьющего из ритона скифа известно по однотипным бляшкам из Куль-обы, Чертомлыцкого и других курганов [Онайко, 1976, с. 174, рис. 9] (см. *рисунок, 3*). Исследователи по-разному объясняют смысл распространенных сюжета и персонажей. По мнению М.И. Ростовцева, в этой и подобных сценах* представлено великое женское божество Малой Азии – Великая Мать, которую в Боспорском царстве называли Афродитой Уранией, “в момент приобщения царя к власти или в момент поклонения жреца” [1993, с. 20].

М.И. Артамонов в этой композиции видел “обычное приобщение божеству” [1961, с. 62]. Сакральный напиток поглощается ради покровительства божества, обретения испрашиваемых благ. По мнению М.И. Артамонова, данный ритуал мог иметь распространение у скифов, о чем свидетельствуют многочисленные находки – круглодонные кубки и ритоны, аналогичные изображенным. Им были также отмечены важная роль богинь в скифском пантеоне и многочисленность изображений женских божеств в греко-скифских памятниках. Богиню с зеркалом исследователь трактовал как Аргимпасу, которую Геродот отождествлял с греческой Афродитой Уранией, видимо, на основании некоторого функционального сходства. Греческие же мастера изображали Аргимпасу с атрибутом Афродиты – зеркалом [Там же, с. 64]. Вместе с тем М.И. Артамонов полагал, что, поскольку в скифской религии не завершились процессы антропоморфизации и дифференциации божеств, их образы могли сливаться. Свое предположение он подтвердил анализом иконографического материала [Там же, с. 65 и сл.].

Д.С. Раевский отверг существующие версии, в том числе попытки толкования рассматриваемой сцены с точки зрения зороастризма [1977, с. 95 – 96]. Он трактовал ее как бракосочетание скифского царя с богиней Табити. Предположение о существовании подобного скифского обычая Д.С. Раевский [Там же, с. 93 и сл.] сделал на основании того, что Геродотом Таби-

ти однажды названа царицей скифов (Геродот IV: 127). В пользу собственной гипотезы исследователь привел данные о важной роли зеркала, напитка и, наконец, огня, с которым ассоциируется Табити, в брачной церемонии индоиранских народов. Таким же образом Д.С. Раевский объясняет и изображения на перстне Скила (см. *рисунок, 4*) и на пластине из д. Сахновки* (см. *рисунок, 5*), где фигурирует богиня с зеркалом. Когда владелец перстня, на щитке которого вырезана богиня с зеркалом**, держал в руках чашу, как бы воссоздавалась та же сцена, что и на упомянутых бляшках (ср.: [Раевский, 1977, с. 99; Виноградов, 1980, с. 102]).

Ю.Г. Виноградов, анализируя семантику перстня Скила и изображенной на нем богини, подверг сомнению интерпретацию Д.С. Раевского [Виноградов, 1980, с. 101 – 102]. По его мнению, на щитке перстня воспроизведена сцена инвеституры, в пользу чего свидетельствует другой атрибут богини – жезл (скипетр). Зеркало связано с культом плодородия, как полагает Ю.Г. Виноградов, но не обязательно с брачным обрядом. К тому же, в ряде других случаев зеркало в руке скифской богини заменяется сосудом или же сочетается с ним, как на пластине из д. Сахновки.

С.С. Бессонова полагает, что сцены “приобщения божеству”, вероятно, имели эсхатологическое значение и были связаны с культом героизированных знатных умерших – обеспечивали им “личное бессмертие... сохранение в потусторонней жизни земных привилегий” [1983, с. 33, 102, 115].

Разнообразие существующих гипотез объясняется в первую очередь отсутствием сведений о зеркале в источниках о скифах. Однако сосуды и культовые действия с ними упоминаются не раз. Поскольку сосуд является атрибутом одного из персонажей композиции *богиня с зеркалом – вкушающий напиток скиф*, то следует подробнее остановиться на описанных Геродотом случаях его использования скифами.

Согласно легенде, Геракл оставил змееногой прародительнице скифов лук и пояс “с золотой чашей у верхнего края застежки”. Лишь Скиф сумел натянуть отцовский лук и опоясаться. Геродот поясняет: “А из-за этой чаши скифы и поныне носят чаши на поясах” (Геродот IV: 10). Эта деталь почему-то не нашла

* Подлинность пластины оспаривается некоторыми исследователями [Артамонов, 1961, с. 61].

** Создается впечатление, что зеркало было изображено на перстне Скила позднее, чем богиня, возможно, одновременно с надписью “(собственность) Скила”. Насколько можно судить по фотографии утраченного перстня, изображение зеркала выполнено в той же (линейной) технике, что и надпись. Если это предположение верно, то становится вполне понятным наличие второго предмета в руке, держащей зеркало (смещение ручки относительно зеркала?).

* Любопытную сюжетную аналогию штампованным бляшкам из скифских курганов представляет бактрийский амулет, датируемый в рамках II тыс. до н.э. [Сарианиди, 1999, с. 65, рис. 19].

отражения в изобразительных памятниках*, но, исходя из геродотовского замечания, можно предположить, что каждый скиф имел сосуд, напоминающий о героическом деянии самого первого скифа. В сосуд собирали кровь пленников, приносимых в жертву скифскому Аресу. Головы жертв предварительно поливали вином, а их кровь выливали из сосуда на акинак, символизирующий Ареса (Геродот IV: 62). Кроважидное божество “выпивало” кровь жертв так же, как, поразив своего первого врага, скиф пил его кровь (Геродот IV: 64). Не исключено, что кровь противника для этого собирали в сосуд, с которым скиф не расставался. Авторы труда «Народы нашей страны в “Истории” Геродота» в комментарии к источнику приводят мнение Бэра о том, что глагол, употребленный в этом случае Геродотом, “дает возможность заключить, что скиф наливал кровь врага в сосуд и оттуда пил” [Доватур, Каллистов, Шишова, 1982, с. 302, примеч. 406]**.

Скифы использовали в качестве чаш сосуды, изготовленные из черепов наиболее ненавистных врагов. Такие чаши скифы обтягивали снаружи сырой бычьей кожей, а богатые к тому же отделывали внутри золотом (Геродот IV: 65).

Выше упоминалось о ежегодном пиршестве, во время которого каждый убивший врага скиф пил вино, налитое в “кратер” из своего “килика”. Убивший многих врагов имел два “килика” и пил из обоих (Геродот IV: 66).

Заклячая договор о дружбе, скифы смешивали налитое в “большой глиняный килик”*** вино с собственной кровью, погружали туда оружие, давали друг другу клятву, а затем побратимы и “самые достойные” из присутствующих пили эту смесь (Геродот IV: 70). Лукиан устами Токсариды поясняет главным образом военное назначение побратимства: “У нас же непрерыв-

ные войны: мы или сами нападаем на других, или обороняемся от набега, участвуем в схватках из-за пастбищ и сражаемся из-за добычи: тут-то по преимуществу и нужны добрые друзья” [Токсарид, 1991, с. 36]. Он приводит несколько иное описание обряда: будущие побратимы клянутся, после чего, надрезав пальцы, собирают в чашу кровь и пьют, обнажив мечи и держась друг за друга. Согласно Геродоту и Лукиану, в обряде использовалось оружие, но в сцене побратимства, запечатленной на бляшках из Солохи и на скульптурной группе, – пронизи из Куль-обы, оружия нет [Манцевич, 1987, с. 63; Артамонов, 1961, с. 61, рис. 5]*. Наконец, у скифов существовал обычай класть золотые чаши в могилы царей (Геродот IV: 71).

Случаи культового использования сосудов, кроме последнего, очевидно, связаны с военным образом жизни скифов, военными ритуалами и героизированной идеологией скифского общества. Трактую смысл рассматриваемых здесь изображений, исследователи не учитывали этого. Лишь Д.С. Раевский исходил из того, что мужской персонаж – царь – принадлежал по рождению “к сословно-кастовой группе воинов”; благодаря священному браку с Табити он приобретал еще и сакральную функцию [1977, с. 102]. Между тем композиция на пластине из кургана близ д. Сахновки [Там же, с. 99, рис. 9] вполне сопоставима со сценой военного пира, на котором присутствует *покровительствующее мужам-героям женское божество***. Кроме центральных персонажей (богиня с зеркалом и вооруженный коленопреклоненный скиф с ритонем) на ней изображены музыкант и пирующие, приносящие жертву и совершающие обряд побратимства мужчины, многие из которых также имеют оружие.

Могла ли какая-нибудь из скифских богинь обладать функцией покровительства мужам-героям? Возможно, в пользу этого косвенно свидетельствует то, что наиболее чтимым божеством этого *воинственного и воинствующего* народа Геродот в первую очередь называет *женское* (Геродот IV: 59)***. Идентификация богини представляется затруднительной, поскольку мы исходим из тезиса М.И. Артамонова о слабой разграниченности божеств скифского пантеона.

* По мнению А.П. Манцевич, изображение ритона вместо килика позволяет видеть в подобных сюжетах не только сцену братания, “но и как какой-то иной момент бытового или культового характера” [1987, с. 64].

** Ср.: С.С. Бессонова трактует изображение на сахновской пластине как сцену *пиршества-жертвоприношения*, сопутствующего действию главных фигур [1983, с. 100].

*** С.С. Бессонова пишет: “Наличие у скифов женского воинственного божества с военными функциями вполне вероятно, если учесть роль войны в их жизни, а также значительное количество женских погребений с оружием” [1983, с. 39 – 40].

* С.С. Бессонова, отмечая отсутствие археологического подтверждения этого факта, предположила, что скифы могли на поясе носить ритон [1983, с. 103].

** Авторы цитируемой работы по поводу высказывания Бэра лишь замечают: “Трудно присоединиться к этому мнению”. Между тем существование подобного обычая отражено в сказании “Карашауай и юноша” балкарско-карачаевской версии Нартиады. Героиня сказания – девушка, переодетая юношей, мстит эмегенам (с помощью Карашауая) за смерть своих братьев. После того как Карашауай отрубил эмегену голову, мнимый юноша “побежал и, отвязав от тороков фляжку, наполнил ее кровью эмегена. [После набрал] крови в ковш и выпил ее” [Нарты, 1994, с. 475].

*** Геродот, видимо, употребляет слово “килик” в смысле сосуд для питья, в качестве которого скифы, судя по изображениям сцен побратимства, использовали ритон. Возможно, это относится и к “киликам”, упомянутым в обряде чествования скифских героев. Тем более что на скифских изваяниях воинов изображены именно ритоны [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 67].

Не исключено, что функция *покровительства войне* могла быть присуща богине плодородия, властвовавшей не только над жизнью, но и над смертью (Аргимпаса-Афродита?) (ср.: [Бессонова, 1983, с. 39]). Мифологические представления о войне как о действе сакральном, жертвоприношении оружием и плодородии связаны постольку, поскольку в первобытном сознании неразрывны образы смерти-рождения*. В качестве иллюстрации этого положения можно привести стих гимна “К Индре” из “Ригведы”:

Только его (Индру. – Л.Е.) призывают мужи
с разных сторон в рукопашной схватке.
Вверяя (свои) тела, они делают (его своим)
спасителем,
Когда те и другие мужи приносят себя
в жертву друг другу,
Для достижения продолжения рода

(РВ IV. 24: 3).

В “Океане сказаний” Сомадевы обнаруживается иной пример связи представлений о войне и плодородии: жены царевича Сурьяпрабхи забеременели, когда находились с ним в Патале – подземном мире. Сурьяпрабха спросил, чего им хочется, и “все сказали одно и то же: хотят они видеть великую битву”. Желание женщин асура Май истолковал следующим образом: “снова воскреснут (родятся от жен Сурьяпрабхи и Сунитхи. – Л.Е.) асуры, сраженные в битве богов и данавов” [Сомадеева, 1982, с. 181].

Богиня, покровительствующая скифским воинам, могла быть сродни нартской Сатане – Сатанай – Сатаней-Гуаше. Показательно, что осетинская Сатана считается изобретательницей пива и ронга, у нее имеется чудесное зеркало и, кроме того, она обнаруживает черты воительницы [Калоев, 1990, с. 477]. Пристального внимания заслуживает Сатанай балкарско-карачаевского эпоса, поскольку, по мнению Т.М. Хаджиевой, «в отличие от других версий Нартиады, мы не находим здесь “момента снижения образа Сатаны”» [1994, с. 23]**. Сатанай в эпосе балкарцев и карача-

евцев также научила нартских женщин готовить бузу [Дюмезиль, 1976, с. 23]. В сказании “Как Сатанай победила войско Темир-Капу” Сатанай, выступающая предводительницей нартского войска (в облике своего мужа Ёрюзмека), накануне и во время похода пользуется волшебным зеркалом (*жек*)*. Положив его на землю, она видит приближающееся вражеское войско, раненого мужа. После того как Сатанай погубила хитростью авангард недругов – эмегенов, она снова посмотрела в жек, увидела подошедшее человеческое войско Темир-Капу и “поняла, что войско Темир-Капу боится [их]” [Нарты, 1994, с. 348]. Нартские воины бросились преследовать врага и одержали победу.

Вопрос атрибуции скифской богини с зеркалом некоторым образом, возможно, связан с определением статуса и функций “жриц” из Кобяковского кургана и Соколовой могилы – своего рода вочеловеченных сарматских аналогий подобной богини.

В заключение следует отметить, что цитата из “Махабхараты” является не единственным свидетельством существования в древности героического аспекта семантики зеркала. Не исключено, что архаические представления о зеркале, усиливающем мощь героя, сохранились в греческом мифе о Персее, которому Афина дала зеркальный щит, чтобы он смог одержать победу над Горгоной Медузой. Любопытно, что на известных мне античных изображениях Персей в сценах с Горгоной показан с прочими божественными дарами – изогнутым мечом, подаренным Гермесом, шлемом, крылатыми сандалиями, сумкой – дарами нимф, но не щитом. Кстати, щита нет и у находящейся рядом Афины (ср.: [Замаровский, 1994, с. 117, 276; Мифы..., 1993, с. 128, рис. 152]). Не означает ли это, что Афина, будучи не только богиней войны, но и покровительницей разных женских занятий, в действительности снабдила Персея *женским* атрибутом – зеркалом, неуместным в античной иконографии героя?*

* Трудно согласиться с тезисом Д.С. Раевского о “несовместимости зеркала с кругом представлений, связанных со смертью” [1977, с. 97]. Если зеркало связано с плодородием, то, по первобытной семантике, и с преисподней.

** Т.М. Хаджиева полагает, что в образе Сатанай балкарско-карачаевского эпоса, “помимо культа матери-прародительницы... несомненно, прослеживается и культ какой-то астральной богини предков балкарцев и карачаевцев, связанной с их солярными и лунными мифами. Кроме этого... в ее образе нашли отражение и их представления о Матери-земле. Наверное, поэтому функции этой мудрой, вещей чародейки универсальны: она и покровительница, и советчица, и помощница всех нарттов, восприимчива и воспитательница (Сосурука и Карашауа) и даже исцелительница” [Там же, с. 22 – 23]. По поводу эпитета Сатанай (бездетная) автор замечает: «Нам кажется, что ее “знаковость” – бездетность – этически предопределена: в силу того что Сатанай сконцентрировала в

себе ряд культов древних балкарцев и карачаевцев, она должна заботиться о всех нартских героях и покровительствовать им всем» [Там же, с. 23]. – Ср.: Ж. Дюмезиль указал, что в качестве приемной матери героев, осетинская Сатана “предстает чем-то вроде *горской Минервы*, воплощения народной мудрости” [1976, с. 51].

* В глоссарии приводятся три значения слова “жек”: “1) волшебное зеркало; 2) один из волшебных предметов эмегенов; 3) нечистая сила” [Нарты, 1994, с. 644]. Очевидно, что здесь слово применяется в первом значении.

** А.Ф. Лосев указывал на сложную связь образов Афины и Горгоны. Он писал: “Афина-Горгона убивает Горгону и оттого сама перестает быть Горгоной” [1996, с. 35]. К вопросу о связи богини войны с зеркалом заметим, что Минерва-Афина нередко изображалась на этрусских зеркалах [Лосева, Сидорова, 1988, с. 266, рис. 275; с. 267; с. 269, рис. 278; с. 270, рис. 279; и др.].

Связь зеркала с женщиной, военной мощью, а также с плодородием, явствует из туркменской легенды [Хазанов, 1964, с. 93]. В ней повествуется о древней царице Кака-Шин, обладательнице чудесного зеркала. Стоило навести зеркало на вражеское войско, и оно было обречено на погибель. Царь Искандер (=Александр Македонский), объявивший царице войну, по совету визирей приказал сочетать браком 40 молодых пар, а затем велел юным женам собрать семя своих мужей и слить в один сосуд. Из семени было создано зеркало такой же величины, как у Кака-Шин. С его помощью войска царицы были разбиты, а сама она попала в плен.

Выше приводился пример о том, как зеркало Сатанай в немалой степени помогло нартам одержать победу над войском Темир-Капу. В сказаниях балкаро-карачаевской Нартиады упоминается о состязании в стрельбе по необычной мишени – зеркалу. В сказании “Как Ёрюзмек пришел к нартам”, Дебет сообщает пришельцу: “Вон видишь в середине Полярной звезды осколок *зеркала*, мы [все] стреляем в него уже больше месяца и не можем попасть” [Нарты, 1994, с. 310]. В “Песне о Болат-Хымыче” говорится, что претенденты на руку дочери аварского хана “поверх *зеркала* иглу воткнув... стреляют” [Там же, с. 576]. Лишь Болат-Хымыч смог попасть в иголку, которая при этом разломилась надвое*.

Заключение

Из вышеизложенного следует, что скифские и сарматские зеркала вполне могли иметь героический смысл. Возможно, они представлялись предметами, способствовавшими усилению военной мощи, помогающими победить врага. Постановка вопроса о героическом аспекте семантики зеркала кажется мне правомерной на том основании, что в идеологии обществ, переживавших героические эпохи, наряду с существующей традиционной семантикой некоторых вещей, возникала семантика специфическая, героизированная, сопряженная с военным сословием. Ж. Дюмезиль, исследовавший осетинский эпос и мифологию, отмечал, что чаша, будучи традиционным атрибутом “пира-молитвы”, имела специфическое назначение “определителя” героя [1976, с. 45, 170]. В связи с этим допустимо предполагать как традиционный, так и героический аспект семантического ряда *женщина – зеркало – вкушающий напиток мужчины*. В пользу героического аспекта, по всей видимости, должно свидетельствовать наличие оружия у мужского

персонажа. Значит ли это, что обсуждаемый сюжет на штампованных бляшках из разных скифских курганов исключает предложенную мной трактовку? На этот вопрос, пожалуй, можно было ответить утвердительно, если бы оригинальное изображение создали скифские мастера [Онайко, 1976, с. 175]. Иноземные же мастера, работая на скифский или сарматский заказ, использовали при этом иконографию собственных богов и культовых сцен и не вольны были радикально ее изменять. К тому же вряд ли они до тонкостей знали религию и обрядность варваров. Иначе чем объяснить отсутствие оружия – важного атрибута обряда братания в соотносимых с этим обрядом изображениях? Анализ идеологии скифов и сарматов на основе произведений, отмеченных влиянием чужого культового искусства безусловно проблематичен. Более убедительным свидетельством героического осмысления зеркала в скифскую эпоху служит батальная сцена на медалевидном зеркале из Дундгобийского аймака Монголии [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000, с. 143, рис. 2, 5; Членова, 2000, с. 154].

Список литературы

- Артамонов М.И.** Антропоморфные божества в религии скифов // Археол. сб. – 1961. – Вып. 2. – С. 57 – 87.
- Бессонова С.С.** Религиозные представления скифов. – Киев: Наук. думка, 1983. – 138 с.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 220 с.
- Виноградов Ю.Г.** Перстень царя Скила. Политическая династия истории скифов первой половины V в. до н.э. // СА. – 1980. – № 3. – С. 92 – 109.
- Грязнов М.П.** Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археол. сб. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. – Вып. 3. – С. 7 – 31.
- Гугуев В.К.** Кобяковский курган: (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. – 1992. – № 4. – С. 116 – 129.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.** Народы нашей страны в “Истории” Геродота: Тексты. Перевод. Комментарий. – М.: Наука, 1982. – 456 с.
- Дюмезиль Ж.** Осетинский эпос и мифология. – М.: Наука, 1976. – 276 с.
- Ермоленко Л.Н.** О духе кровожадности древних (на материале эпоса тюркоязычных народов) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. III Междунар. научн. конф.: Материалы конф. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 1995. – Ч. 5, кн. 2. – С. 22 – 29.
- Ермоленко Л.Н.** О ритуальных сосудах для сакральных напитков у древних кочевников (сосуды на поддонах) // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы; Москва: Гылым, 1998. – Вып. 2. – С. 110 – 116.
- Замаровский В.** Боги и герои античных сказаний: Словарь / Пер. с чеш. – М.: Республика, 1994. – 400 с.
- Калоев Б.А.** Сатана // Мифологич. слов. – М.: Сов. энцикл., 1990. – С. 477.

* В этой связи интересен факт расположения наконечников стрел рядом с зеркалами в парных женских погребениях середины I тыс. до н.э. в могильниках Мечетсай (Южное Приуралье) и Локоть-4 (степной Алтай) [Шульга, 1997, с. 145].

Ковпаненко Г.Т. Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге. – Киев: Наук. думка, 1986. – 151 с.

Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.

Лосева Н.М., Сидорова Н.А. Искусство Этрурии и древней Италии: Очерки. – М.: Искусство, 1988. – 303 с.

Манцевич А.П. Курган Солоха. – Л.: Искусство, 1987. – 143 с.

Махабхарата. Книга седьмая. Дронапарва или книга о Дроне / Пер. с санскрита и коммент. В.И. Кальянова. – СПб.: Наука, 1993. – 648 с.

Мифы в искусстве старом и новом: историко-художественная монография. (По Рене Менау). – М.: Современник, 1993. – 271 с.

Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука, 1994. – 656 с.

Ольховский В.С., Евдокимов Г.Л. Скифские изваяния VII – III вв. до н.э. – М.: ИА РАН, 1994. – 188 с.

Онайко Н.А. Антропоморфные изображения в меотско-скифской торевтике // Художественная культура и археология античного мира. – М.: Наука, 1976. – С. 166 – 179.

Прохорова Т.А., Гугуев В.К. Богатое сарматское погребение в кургане 10 Кобяковского могильника // СА. – 1992. – № 1. – С. 142 – 161.

Раевский Д.С. Очерки идеологии скифо-сакских племен. – М.: Наука, 1977. – 216 с.

Ригведа. Мандалы I – IV / Издание подготовила Т.Е. Елизаренкова. – М.: Наука, 1989. – 768 с.

Ростовцев М.И. Иранизм и ионизм на юге России // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 5. – С. 19 – 21.

Сарианиди В.И. Сиро-хеттское происхождение бактрийско-маргианской глиптики // ВДИ. – 1999. – № 1. – С. 53 – 73.

Сомарева. Океан сказаний: Избранные повести и рассказы / Пер. с санскр., послесловие и глоссарий И.Д. Серебрякова. – М.: Наука, 1982. – 526 с.

Токсарид или дружба / Пер. Д. Сергеевского // Лукиан из Самосаты. Избранная проза. – М.: Правда, 1991. – С. 26 – 156.

Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. – М.: Лабиринт, 1997. – 448 с.

Хаджиева Т.М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев // Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука, 1994. – С. 8 – 66.

Хазанов А.М. Религиозно-магическое понимание зеркала у сарматов // СЭ. – 1964. – № 3. – С. 89 – 96.

Членова Н.Л. Значение находок бронзовых шлемов и медалевидного зеркала из Монголии // РА. – 2000. – № 2. – С. 149 – 155.

Шульга П.И. “Индийские” зеркала и женщины-жрицы на Алтае // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 144 – 148.

Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С. Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. – 2000. – № 2. – С. 140 – 148.

Материал поступил в редколлегию 07.06.2000 г.

УДК 903.27

Т.Н. Троицкая, И.А. Дураков, А.Н. Савин*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Вилуйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
Тел. 68-00-01*

САМУСЬСКИЕ БРОНЗОВЫЕ ФИГУРКИ С ПОСЕЛЕНИЯ КРОХАЛЁВКА-13

Для культур Западной Сибири эпохи бронзы в середине II тыс. до н.э. характерно достаточно развитое изобразительное искусство. Так, среди материалов самусьской культуры, особенно из центральной части ее ареала, часто встречаются предметы искусства: керамика с антропоморфными изображениями, бронзовое литье и др. [Матющенко, 1973]. На территории Новосибирского Приобья, которое является окраиной зоны распространения культуры, они встречаются реже. Рассматриваемые здесь предметы бронзового литья обнаружены на одном из поселений у с. Крохалёвка.

Комплекс археологических памятников Крохалёвка-13 расположен к северу от Новосибирска на левой высокой террасе Оби (район рек Чик и Чаус). Нижний слой комплекса связан с самусьским поселением, на территории которого зафиксированы перекрывающие его курганные и бескурганные погребения разных племен [Троицкая, Сумин, 1998, с. 71].

В 1988 г. на территории поселения Т.Н. Троицкой были произведены раскопки кург. № 3. Он оказался поврежденным грабительской ямой; датирующий материал отсутствовал, сохранилась лишь небольшая горстка сильно пережеванных костей в мешаном слое. Насыпь подстилалась равномерным слоем желтовато-серого суглинка толщиной до 16 – 18 см. В нем найдено несколько небольших обломков сосудов самусьской культуры. В районе грабительской ямы, немного выше материка, почти на одном уровне, на расстоянии 30 см друг от друга найдены бронзовые фигурки медведя (рис. 1) и человека (рис. 2), которые могут быть связанными с нарушенным слоем самусьского поселения.

Бронзовая пластина с изображением медведя (6,4 × 2,4 см) вырезана из тонкой бронзовой плас-

тинки – фольги (рис. 3). Местами срез обработан абразивом. Слой твердой патины не позволяет выявить орнамент или прорисованные детали. В пластине на спине зверя имеется отверстие для подвешивания или пришивания. Животное запечатлено со сгорбленной спиной, небольшими закругленными ушами, короткими ногами, отвислым животом, без хвоста. На месте глаза и у основания уха видны небольшие сквозные отверстия. Изображение опубликовано [Троицкая, Дураков, 1995, с. 27, рис. 1, 1]. Аналогичная бляха из расположенного рядом самусьского поселения Крохалёвка-1 [Молодин, Глушков, 1989, с. 45, рис.18] тоже вырезана из бронзовой фольги, только по контуру фигура медведя оформлена небольшими пуансонными вдавлениями.

Изображение подбочившегося человека по технике изготовления отличается от изображения зверя (рис. 4, 1). Его размеры 74 × 22 мм, толщина 1,3 мм. Фигура отлита в двухчастной односторонней форме. Литейный шов проходит по контуру изображения ближе к оборотной плоскости изделия. На отливке в районе головы видны следы удаления литника. Однако каким способом это было сделано, установить невозможно, поскольку этот участок был слегка прокован и его край деформирован. Лицевая сторона обработана абразивом, следы работы которым сохранились в виде коротких пересекающихся бороздок. Абразивная обработка была поверхностной, и часть дефектов удалить не удалось. На лицевой стороне изделия имеются отпечатки неровной волокнистой структуры, перешедшей на отливку с литейной формы. Вероятно, это волокна дерева. Следы их отпечатков в основном сняты при абразивной обработке. На оборотной стороне отливки просматриваются следы лепки и разглаживания пластичной массы; они попали на

Рис. 1. Бронзовая фигурка медведя из Крохалёвки-13.

Рис. 2. Бронзовая антропоморфная фигурка из Крохалёвки-13.

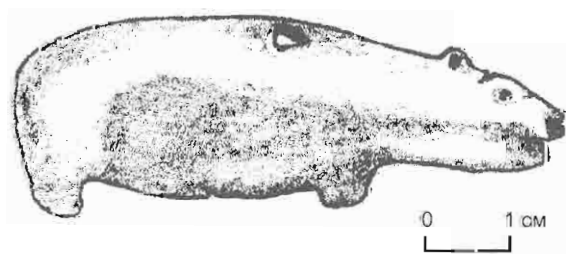

Рис. 3. Бронзовая фигурка медведя из Крохалёвки-13 (прорисовка).

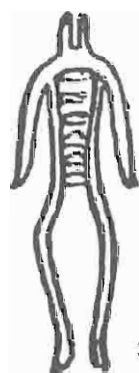

Рис. 4. Антропоморфные изображения самусьской культуры.

1 – Крохалёвка-13, бронза; 2 – 7 – изображения на керамике, прорисовки (по: [Глушков, 1989, рис. 1, 2; 2, 1; 3, 2, 3; 5]).

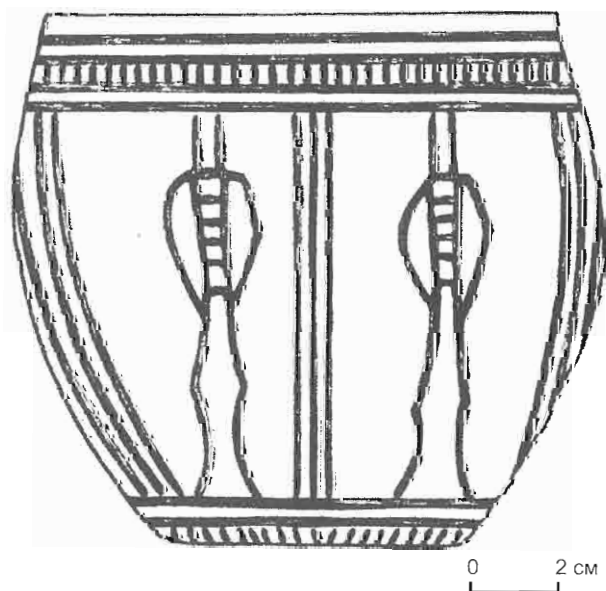

Рис. 5. Сосуд с поселения Самусь IV (по: [Матюшенко, 1999, с. 86]).

отливку с модели, изготовленной из пластичного материала.

По прослеженным следам можно реконструировать процесс изготовления модели. Сначала пластичную массу разгладили на ровной деревянной (?) поверхности до состояния тонкой пластинки, а затем острым инструментом из нее вырезали человеческую фигуру. Толщина лезвия использованного инструмента не превышала 0,2 мм, следы его работы сохранились по контуру отливки. Глаза человека выдавлены круглой палочкой с неровным рабочим краем. Вторичная обработка отливки не ограничивалась удалением литника и шлифовкой поверхности. Прослежены попытки выровнять и удалить литейные швы при помощи мелкозернистого абразива и режущего инструмента, лезвие которого, соскользнув при удалении шва с внутренней поверхности левой руки изображенного человека, оставило глубокую царапину на лицевой поверхности отливки. Царапина была настолько глубокой, что ее не смогли снять даже при шлифовке изделия. Очевидно, лезвие инструмента было намного тверже материала, из которого отлито изображение. Такой твердостью обладают кремний и железо.

Фигурка запечатлила, вероятно, пляшущего подбоченившегося человека с овальной головой, двумя четко обозначенными круглыми глазами, сдвинутыми ближе к левому краю. Линия рук, которые как бы уперлись в таз, плавно изогнута, ноги согнуты в коленях, человек стоит, приподнявшись на носках. Именно так изображены люди с двумя или тремя вертикальными черточками вместо голов на некоторых самусьских сосудах.

В коллекциях самусьских вещей известна целая серия изображений людей с изогнутыми руками, туловищем, имеющим "скелетную" трактовку, согнутыми в коленях ногами (рис. 4, 2 – 7). Все они показаны как

бы стоящими на цыпочках. Вместо голов у них прорисованы две или три вертикальные черточки. Лишь в одном случае показана овальная голова (см. рис. 4, 2) [Глушков, 1989, с. 17, рис. 2, 1]. Особенно близка нашему изображению фигурка человека на одном из сосудов (рис. 5). У человека также плавно изогнуты руки, кисти лежат в области таза, низко расположены колени.

Учитывая, что рассматриваемые фигурки найдены в культурном слое самусьского поселения и аналогичны по трактовке, мы считаем возможным отнести публикуемые нами бронзовые изображения медведя и человека к самусьской культуре, несмотря на то, что они найдены в мешаном слое.

Список литературы

Глушков И.Г. О южных связях поселения Самусь VI // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: НГПИ, 1989. – С. 12 – 31.

Матюшенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1973. – Ч. 2: Самусьская культура. – 208 с. – (Из истории Сибири; Вып. 10).

Матюшенко В.И. Древняя история Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. – 232 с.

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1989. – 167 с.

Троицкая Т.Н., Дураков И.А. Профильные изображения медведей из Новосибирского Приобья // Традиции и инновации в истории культуры. – Новосибирск: НГПУ, 1995. – С. 26 – 32.

Троицкая Т.Н., Сумин В.А. Крохалевский археологический микрорайон // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1998. – С. 70 – 72.

Материал поступил в редколлегию 21.09.2000 г.

УДК 903.052

Л.В. Конькова¹, Г.Г. Король²¹*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока РАН
ул. Пушкинская, 89, Владивосток, 690600, Россия**E-mail: ihae@online.vladivostok.ru*²*Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия**E-mail: links@glasnet.nc*

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ В ОБРАБОТКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МЕТАЛЛА В СТЕПНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

*Посвящается памяти
Валерия Павловича Алексеева*

Средневековая степная торевтика привлекает внимание исследователей почти столетие. Особый интерес вызывают наиболее яркие вещи – посуда. Эта категория металлических изделий изучена достаточно хорошо [Маршак, 1971; Даркевич, 1976; Фёдоров-Давыдов, 1976]. Великолепные образцы средневековой торевтики малочисленны по сравнению с украшениями воинского снаряжения. Последние широко известны на огромной территории от Европы до Японии и вызывают споры ученых об их происхождении, распространении традиций в обработке металла, зарождении и эволюции того или иного декоративного стиля. Именно этот массовый материал, а не единичные изделия, наиболее информативен и дает возможность исследовать процессы формирования и развития традиций. Выявленные в ходе такого анализа закономерности распространяются и на другие, не массовые, категории художественных металлических изделий, в т.ч. женские украшения, амулеты и пр., т.е. являются достаточно универсальными.

В 1988 – 1992 гг. нами было изучено более 5 тыс. образцов из археологических коллекций (преимущественно украшения воинского снаряжения VI – XI вв.) фондов музеев, вузов, исследовательских институтов более чем 70 городов бывшего СССР от Владивостока до Кишинева, включая Крым, Среднюю Азию и Казахстан. В тех случаях, когда изображения предметов были опубликованы, в обязательном порядке ис-

следовались технология изготовления, а также декор. Нередко в декоре обнаруживались дополнительные детали, которые не были отражены в предварительных публикациях. (На фотографии они могут быть не видны, а художник, делавший рисунки, не всегда видел специфические тонкости оформления.) Таким образом, впервые был исследован почти полный комплекс интересующих нас предметов из евразийской степной зоны. Сегодня, учитывая изменения, произошедшие с начала 1990-х гг. на территории бывшего СССР, исследователи вряд ли смогут лично познакомиться со всем объемом этого уникального археологического источника.

Изучение комплекса проводилось с целью выявления динамики технологических и художественных традиций обработки художественного металла в степной зоне Евразии. На основании изучения всего объема материала данная статья представляет генеральную схему такого развития, поэтому отличается некоторой тезисностью изложения. По нашему мнению, это позволяет выделить закономерности, основную линию развития технологии производства и приемов декорирования наиболее распространенной и популярной в средневековые категории художественных металлических изделий (украшения воинского снаряжения).

В эпоху раннего средневековья с образованием в степной части Евразии кочевнических государств

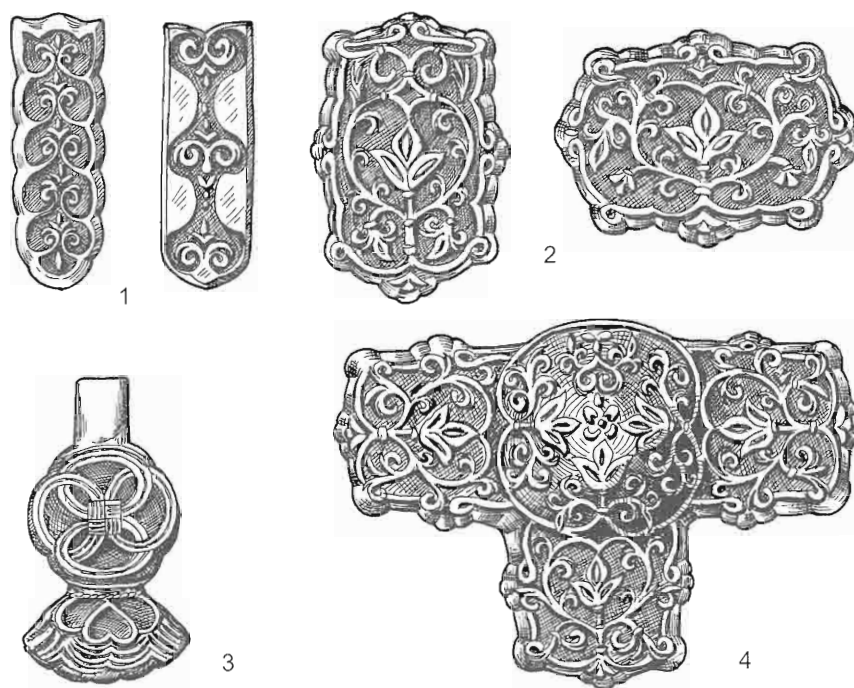

Рис. 1. Торевтика Кыргызского каганата. IX – X вв. Бронза.

1 – курганы в Алтайском крае. Горно-Алтайский областной краеведческий музей; 2 – разрушенный курган в с. Большая Речка, Алтайский край. Бийский краеведческий музей; 3 – курган у с. Сухая Тесь, Минусинский р-он. Красноярский краеведческий музей.

устанавливались тесные политические, экономические и культурные связи между каганатами и крупнейшими государствами – Византией, Сасанидским Ираном, Арабским Халифатом, Китаем. В подвижных и недолговечных кочевнических государственных объединениях любовь государя, знати и воинов к внешней яркости, пышности формировала заказ и создавала спрос на социально значимые предметы и предметы роскоши. Этот спрос вызывал ответную реакцию мастеров из государств с оседлой культурой и традиционным развитием ремесла в городских центрах. Они предлагали кочевому миру декорированную сбрую, наборные пояса, украшения оружия, одежды и ее вспомогательных деталей, пиршественную серебряную и золотую посуду, а также поставляли мастеров и их идеи, распространяя таким образом технологические и орнаментальные традиции.

Последние века I – начало II тыс. н.э. отмечены наиболее ярким проявлением условий, благоприятствовавших возникновению новых государств в Евразии, развитию не только политических и культурных связей, но и тесных экономических контактов, что сопровождалось ростом потребления. Последнее обуславливало увеличение затрат используемых материалов – сырья, металлов, доступные запасы которых были не безграничны. Обеспечить спрос предстояло малым количеством материала. Это требовало новых подходов, направленных, в частности, на

экономии материала при его максимальном использовании и освоении новых технологий, которые позволяли перейти на менее материалоемкое и трудоемкое производство. Этот процесс отчетливо прослеживается на археологических источниках.

В конце I тыс. до н.э. оформились сферы применения черного и цветного металла. Первый использовался для производства имеющих рабочую нагрузку орудий и оружия, второй – в качестве декоративного. В I тыс. н.э. отмечен постепенный отказ от производства и потребления массивных литых предметов. Например, в поясной и сбруйной гарнитуре на смену крупным массивным литым украшениям скифского и гуннского времени приходят полые рельефные накладки тюркского времени. Мода на них вызывает необходимость экономить металл и заботиться об обеспечении массового спроса. Тюркские поясные и сбруйные украшения изготавливали, используя новые способы литья, которые позволяли получить пустотелые объемные накладки, требующие мало металла, но создающие имитацию массивного предмета. Эффект достигался путем использования в процессе литья вставных сердечников (вставок)*.

* Реконструкция наиболее близкой к рассматриваемой технологии на основе литья по воску с потерей формы была опубликована исследователем аварской эпохи в Европе Г. Ласло [László, 1972].

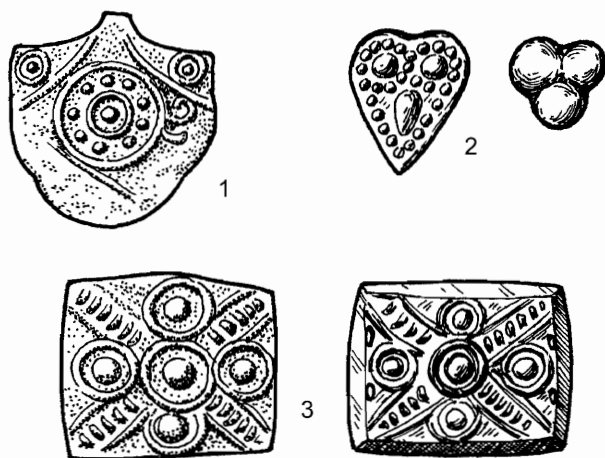

Рис. 2. Матрицы.

1 – городище Джужыдык. VI – XII вв. Камень. Чимкентский областной историко-краеведческий музей; 2 – городище Болгар. X – XIII вв. Бронза. Случайные находки. Ярославский музей-заповедник; 3 – каменная матрица и серебряная нашивная бляшка. Из коллекции изделий и инструментов ювелира Байджигита Уткалбаева, с. Баба-ата, Чимкентская обл. Чимкентский областной историко-краеведческий музей.

В VI – VII вв. в мире кочевников повсеместно распространяются неорнаментированные гладкие, иногда с прорезями геометрического рисунка поясные и сбруйные украшения характерной формы. В VIII в. тюркские формы поясных украшений и сосудов, видоизменяясь, заимствуются согдийцами. В это же время фиксируется единство орнаментации сосудов и поясных, сбруйных украшений, которое прослеживается у аваров, мадьяр и населения Хазарского каганата. В культурах этих народов орнаментированные украшения были очень широко распространены. Появление в последней четверти I тыс. н.э. впечатляющей декоративности рассматриваемых изделий базировалось в первую очередь на интенсивных контактах населения Евразийского континента.

Характерно, что при всем многообразии мотивов, сюжетов в искусстве оседлых народов с древней традицией художественной обработки металлов в городских центрах, из которых исходили плодотворные импульсы, формирование “степного” орнаментального стиля в каждом крупном регионе, ограниченном, по-видимому, государственными пределами, происходило в соответствии со вкусами конкретных заказчиков. Эти вкусы определялись не только модой, желанием выделиться и отличиться, но и традиционной культурой, мировоззрением местного населения. В каждом регионе происходили довольно жесткий отбор чужеземных прототипов орнаментальных мотивов, их обязательная переработка, быстро появлялось много местных вариантов каждого мотива, распространявшихся в определенных географических пределах. Складывается т. н. орнаментализм нового степного стиля [Фёдоров-Давыдов, 1976, с. 62]. Формирова-

ние особого, постсасанидского искусства раннесредневековых кочевников впервые было отмечено Т. Арне [Arne, 1914]. Расцвет этого искусства в конце I тыс. н.э. (примером может служить торевтика Кыргызского каганата на востоке степей – рис. 1*) сопровождался значительным в масштабах степной Евразии спросом на декоративный металл. Реализовать его можно было, используя технологию, позволявшую получить миниатюрный предмет, тонко декорированный сложным узором. Литье со вставным сердечником по восковой модели давало возможность изготовить большое количество изящных изделий при минимальных затратах металла. Благодаря такому литью и способам изготовления предмета по оттиску готовой матрицы (рис. 2) без использования жесткой литейной формы из процесса производства можно было исключить трудоемкое изготовление литейных форм, которые были пригодны лишь для многократного использования. Такая специфика технологии в конце I тыс. н.э. объясняет отсутствие при археологических раскопках массовых находок в виде литейных форм и многочисленность литых изделий. Обнаруженные литейные формы, как правило, не имеют следов нагара, что объясняется, по нашему мнению, их использованием для отливки восковой модели.

В рассматриваемой нами технологии матрицей могла служить готовая накладка хорошего качества. При ее использовании для изготовления, скажем, одного набора из нескольких десятков однотипных по форме накладок получались группы немного различающихся по размеру изделий, которые можно, подобно матрешке, вложить одна в другую. При длительном тиражировании исчезала четкость рисунка декора. Изученный материал делится на две части: очень немногочисленные образцы прекрасного качества (качественный металл, тонкий, очень четкий рисунок узора) и большой массив изделий худшего по всем параметрам качества. Первая группа оригинальных накладок изготовлялась путем литья по восковой модели со вставкой. Вторая – результат последующей репродукции оригинала по готовому изделию, что доказывается наличием таких особенностей, как индивидуальность рисунка, а также следов мелкого брака при литье на одинаковых по форме, орнаменту изделиях первой и второй групп. Пластичная масса, в которой оттискивался оригинальный предмет, позволяла составлять из оттисков разных рисунков новые композиции. Можно было восстановить предмет, в частности зеркала, по разбитому оригиналу [Конькова, 1989, с. 12 – 13, рис. 1, 2].

Показателем высокого уровня развития технологии производства украшений воинского снаряжения

* Приводимые в статье иллюстративные материалы использованы с разрешения авторов раскопок.

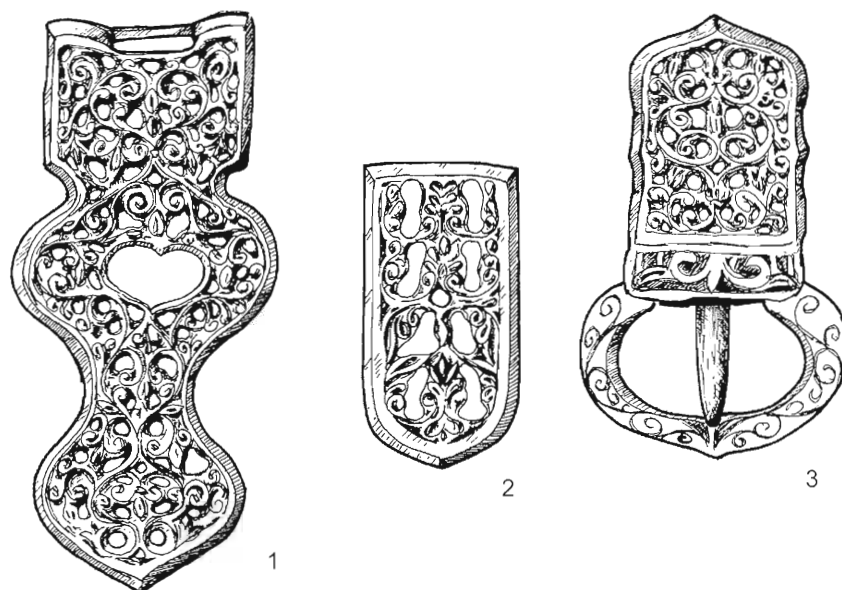

Рис. 3. Ажурные украшения. Бронза.

1, 3 – случайные находки, Минусинский р-н, Красноярский край. Музей археологии и этнографии Томского государственного университета; 2 – из погребения с конем, с. Боз-Бешик, Иссык-Куль. Музей Института истории, археологии и этнографии АН Кыргызской Республики (Бишкек).

является ажурное литье. Тонкое литье по восковой модели ажурных предметов дает дополнительную экономию металла. Кроме того, такая технология позволяет получить высокий художественный эффект: дополнительную объемность изделия, игру света и тени, возможность строить декоративную композицию так, что в качестве узора могут восприниматься или линии металла, или линии прорезей. При этом особо качественные комплекты таких изделий с высоким бортиком с оборотной стороны закрывались тонкой пластиной, создававшей фоновый эффект для прорезного орнамента. Все это вместе давало возможность получать удивительные по красоте и изяществу украшения (рис. 3).

Основанием для развития экономной технологии явились распространение и широкое использование приемов холодного и горячего золочения и серебрения. Уровню развития технологии в конкретном производящем украшения регионе и сырьевой базы соответствовали свои варианты этих приемов. Золочение и серебрение с помощью амальгамирования позволяло получить тонкое, но прочное покрытие с использованием небольшого количества драгоценных металлов. При этом позолоченные изделия лучше сохранялись, выглядели нарядней, богаче, орнаменты “играли” при движении – свет по-разному отражался от блестящих поверхностей. Пояса и сбруя с такими украшениями были особенно хороши и издали заметны на солнце. Все это создавало повышенный спрос на них, который некоторое время удавалось удовлетворять.

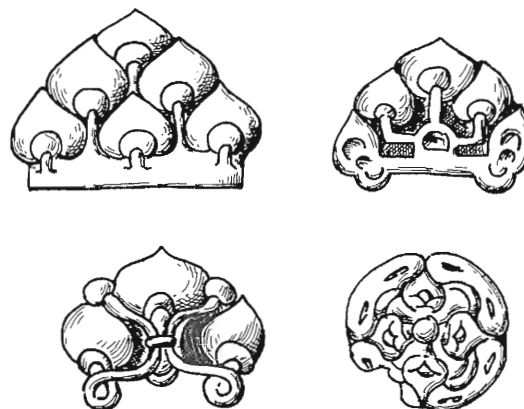

Рис. 4. Штампованные украшения из могильника Верхне-Салтовский, Харьковская обл. Бронза, серебро. Государственный Эрмитаж.

Развитие евразийской торговли, требовавшей изготовления огромной массы монет, и расширение потребностей кочевого мира, в частности, в декорированных предметах быта (посуда, бытовая и культовая утварь, украшения воинского снаряжения и т.п.), обусловили значительный рост потребления цветных металлов, серебра, что не соответствовало объективно возможному в тот период предложению. Это стало причиной нескольких сырьевых кризисов, в том числе серебряного и медного, разразившихся в начале II тыс. В Китае, например, были вынуждены увеличить выпуск железных монет, а затем перейти на бумажные деньги [Ивочкина, 1990, с. 39 – 40; гл. 3]. Кризис

сырьевых источников вызвал потребность в новых технологических решениях. Мастера были вынуждены переходить к тиснению и чеканке по цветному металлу и серебру, чтобы сэкономить небольшое количество металла.

К рубежу тысячелетий меняется характер контактов внутри Азиатского континента, т.к. получили развитие морские торговые пути вокруг южного побережья Азии и изменился режим функционирования грандиозных трасс Великого Шелкового пути, позволявшего в течение нескольких веков быстро передавать как сырьевые ресурсы, так и художественные и технические традиции. С нарушением этих связей возникает дефицит мастеров и изделий. Такой вывод подтверждают, казалось бы, неожиданно получившие распространение по-прежнему красивые литые, но отремонтированные грубым способом украшения – железные гвозди, шляпки которых нередко закрывают самую изящную часть тонкого орнамента. Пояс и сбруя набираются из случайных накладок, поэтому исчезает восприятие наборного пояса как единой орнаментальной композиции, а его элементов (каждой отдельной бляшки) – как ее повторяющегося мотива. Это свидетельствует об отсутствии рядом мастеров, которые могли выполнить любой заказ на изготовление нового изделия или хотя бы произвести качественный ремонт старого, что, впрочем, было практически не нужно раньше при изобилии предложения.

Иногда сложные политические ситуации и сопутствовавшая им нестабильность заставляли каганов, кочевую знать иметь при себе мастеров, способных выполнять необходимые заказы, что так же, как и сырьевые трудности, стимулировало повсеместное распространение тиснения и чеканки – “портативных” технологий в работе по цветному металлу и серебру. Эти способы обработки металлов меньше зависят от термического режима производства и мастерства литейщика. Комплект инструментов для чеканки мастер мог взять с собой, а изготовление простой заготовки не требовало большого искусства. Использование готовых штампов для тиснения по фольге неизбежно приводило к снижению уровня мастерства и вместе с тем помогало широкому распространению тиснения и чеканки.

В традиционно зависящих от привозного сырья регионах (например, в восточноевропейской зоне), где экономия металла была постоянной необходимостью производства, тиснение и штамповка, допускавшие использование минимума металла, активно использовались наряду с литьем уже со второй половины VIII в. (рис. 4) [Плетнёва, 1967, рис. 44, 1, 2, 4, 5]. Здесь при декорировании изделий мастера прибегали к приемам, позволявшим сохранить объемность, присущую литым украшениям. Традиции объемного де-

корирования в тиснении сохраняются благодаря созданию эффекта многослойности орнамента. Украшенная таким образом миниатюрная бляшка за счет плавного перехода от плоскости узора одного уровня к другому, игры света и тени воспринималась объемной, красивой и изящной. Эта техника достигает высокого уровня с освоением приема обратной перспективы (византийская традиция) в орнаментальную композицию.

С распространением штамповки развивается плоскостное декорирование. Заметим, что гравированный узор на металлической посуде получил признание гораздо раньше, чем на мелких украшениях воинского снаряжения. При отсутствии крупных ремесленных центров и мастерских со всеми необходимыми для производства условиями оформить изделие проще врезным орнаментом. Широкое применение гравировки при декорировании изделий и накопление опыта дает возможность максимально усложнять узор, особенно его растительные мотивы (рис. 5, 1). Но для того чтобы украшенные таким образом детали воинского снаряжения выглядели эффектно, необходимо было как-то усилить выразительность плоского орнамента. Это становилось возможным при введении цветовой гаммы. Развитие техники гравировки и чеканки позволяло сделать это на основе заполнения гравированных пазов тонкой проволокой из другого металла (рис. 5, 2). В период нехватки цветных и драгоценных металлов эта линия в развитии приемов декорирования получает широкое распространение. При этом заменяется основа, в качестве которой начинают использовать черный металл, инкрустируемый цветными и драгоценными металлами. К примеру, в Южносибирском регионе отдельные крупные изделия (стремена и т.п.), декорированные таким способом, известны в VIII – начале IX в. (рис. 5, 3) [Евтюхова, 1948, рис. 23; Киселёв, 1949, табл. LIV, 12; Кызласов, Король, 1990, рис. 24]. В конце I тыс. появляются немногочисленные железные бляшки с медной инкрустацией (рис. 5, 4) [Кызласов, 1969, рис. 39, 1, 5, 9, 11]. Ведь запасы железа несравненно больше, чем запасы меди и серебра, а приемы его обработки проще. Основной, черный, фон позволяет получить великолепный декоративный эффект от сочетания с серебром и медью. Из этих металлов изготавливали проволоку или тонкие пластины, которыми заполняли пазы орнаментальных линий. В начале II тыс. при массовом изготовлении мелких украшений пояса, сбруи и других деталей воинского снаряжения произошел переход к этой технике с вариациями приемов. Она была широко освоена в кочевой среде, особенно у тюркских и монголоязычных народов, преимущественно там, где обработка черного металла велась по достаточно развитой технологии и имела свои традиции. Переход к другому металлу и технологии

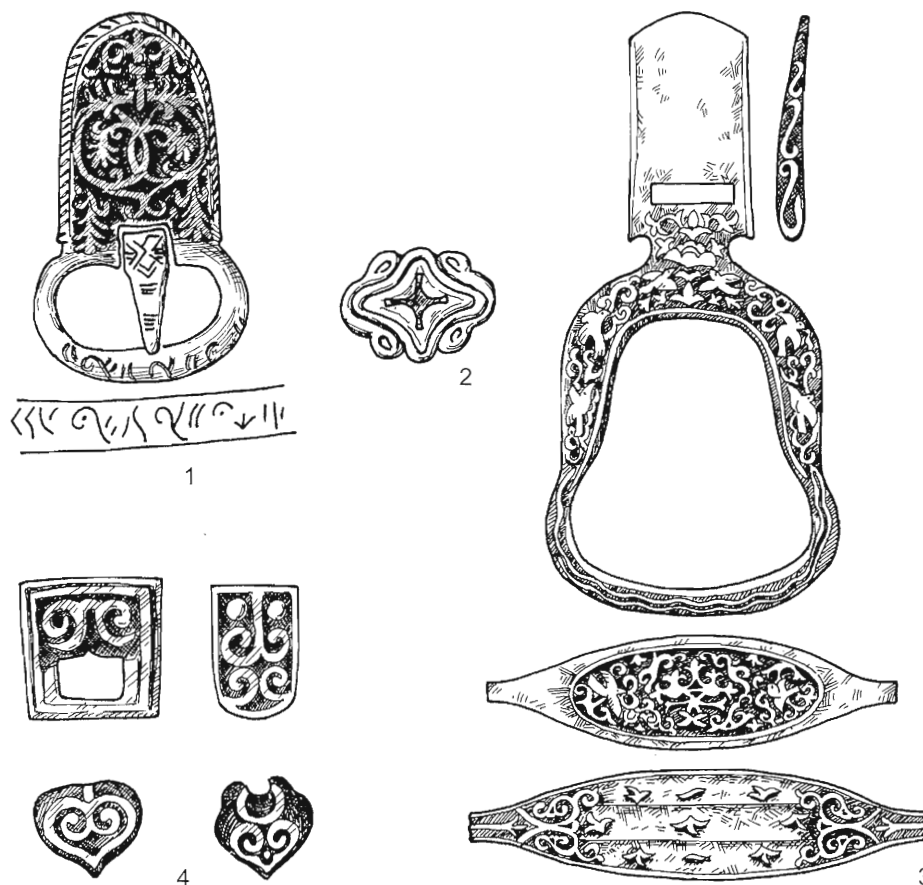

Рис. 5. Гравированные и инкрустированные изделия.

1 – могильник Елбан-2, с. Нечунаево, Алтайский край. Серебро (?), гравированный орнамент (на дужке, возможно, надпись). Алтайский краевой музей (Барнаул); 2 – могильники Каиры III, Херсонская обл., и Табаевка, Черниговская обл. Бронза (в пазах – насечки, по ним вставлена серебряная проволока). Институт археологии АН Украины (Киев); 3 – Уйбатский чаатас, Хакасия. Железо, инкрустация серебряными и медными пластинами. Государственный исторический музей; 4 – могильник Шанчиг, Тува. Тувинский республиканский краеведческий музей (Кызыл).

сопровождался победой геометрического стиля в орнаментации.

Еще одним примером плоскостного декорирования, получившим распространение с X в., стало чернение, известное как на востоке, так и на западе рассматриваемой евразийской территории. В русле этих процессов развивалось декоративно-прикладное, ювелирное дело, например, Древней Руси. Здесь преимущественными способами декорирования изделий становятся чернь, скань, зернь, позволяющие достичь дополнительного эффекта за счет света, тени, объема на ровной поверхности. Приемы обработки художественных изделий, широко распространившиеся с начала II тыс., “доживают” до нашего времени в декоративно-прикладном искусстве разных народов – потомков средневекового населения евразийской степной зоны и соседних территорий.

Итак, мы проследили основную линию развития технологии производства и приемов декорирования

наиболее распространенной и популярной в раннем средневековье категории изделий – украшений воинского снаряжения. Подчеркнем, что это лишь направление развития. В реальной жизни различные приемы обработки художественного металла сосуществовали, возникая не одновременно повсюду, затухая или, наоборот, расцветая в том или ином регионе.

Суть прогрессивного развития состояла в широком внедрении наиболее совершенных технологий, позволявших добиваться, с одной стороны, экономии металла, с другой – удовлетворения массового спроса и эстетических вкусов заказчика на достаточно высоком уровне мастерства. Удивительный расцвет мастерства в изготовлении рассматриваемых изделий в разных регионах евразийской степной зоны, распространение подобных украшений практически на всех примыкающих к евразийским степям территориях (самая северная из известных находок сделана в Исландии [Jansson, 1977]) были возможны только благодаря

контактам оседлых земледельческих цивилизаций и достаточно подвижных кочевнических государственных образований. Оживленная торговля, военные походы и перемещение кочевых народов на большие расстояния, будучи одним из важных стимулов развития, активизировали эти процессы.

Список литературы

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII – XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 199 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.

Ивочкина Н.В. Возникновение бумажно-денежного обращения в Китае. Эпохи Тан и Сун. – М.: Наука, 1990. – 189 с.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с. – (МИА; № 9).

Конькова Л.В. Бронзолитейное производство на юге Дальнего Востока СССР. – Л.: Наука, 1989. – 122 с.

Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 211 с.

Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.

Маршак Б.И. Согдийское серебро: Очерки по восточной торевтике. – М.: Наука, 1971. – 189 с.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. – М.: Наука, 1967. – 198 с.

Фёдоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды: Очерки культуры и искусства народов евразийских степей и золотоордынских городов. – М.: Искусство, 1976. – 227 с.

Arne T.J. La Suède et l'Orient // Archives d'études orientales. – 1914. – Vol. 8. – 242 p.

Jansson I. Ett rembelag av orientalisk typ funnet på Island. Vikingatidens orientaliska bälten och deras eurasiska sammanhang // Tor. Meddelanden från Uppsala universitets Museum för nordiska fornsaker. – Uppsala: Appelberg, 1977. – 1975–1977. – Vol. 17. – S. 383–420.

Làszló G. L'art des Nomades. Des Scythes aux Hongrois. – Budapest: Corvina, 1972. – 148 p.

Материал поступил в редколлегию 15.05.2000 г.

УДК 902

Ю.С. Худяков¹, К.Ш. Табалдиев², О.А. Солтобаев²¹*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru*²*Кыргызский государственный национальный университет
Абдымомун кочосу, 207, Бишкек, 72000, Кыргызская Республика
Факс (3312)26-35-06*

ШЛЕМЫ, НАЙДЕННЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ КЫРГЫЗСТАНА

В комплексе вооружения древних и средневековых кочевников степного пояса Евразии важнейшая роль принадлежала защитным боевым наголовьям – шлемам. Их появление в арсенале средств защиты древних кочевников неразрывно связано с развитием ударного оружия ближнего боя, повышением его убойной силы. С помощью такого оружия – боевого топора, чекана или клевца – можно было одним смертоносным ударом по голове моментально вывести противника из строя. Обеспечить полноценную защиту головы воина могло только специальное защитное боевое наголовье.

Первые виды боевых наголовий появились задолго до металлических шлемов. Они изготавливались из различных материалов и служили для защиты наиболее выдающихся знатных воинов, поражение или гибель которых могли привести к панике и бегству с поля боя всего отряда [Ратцель, 1904, с. 209]. Появление металлических боевых защитных наголовий стало возможным благодаря совершенствованию технологии бронзолитейного производства. Перевооружение воинов шлемами и другими видами защитного вооружения, изготовленными из металла, существенно повлияло на развитие военного дела. На территории Евразии самые древние металлические шлемы обнаружены при раскопках шумерских памятников, относящихся к середине III тыс. до н.э. [Горелик, 1993, с. 154]. В памятниках древних кочевников евразийских степей наиболее ранние бронзовые шлемы обнаружены в Северной Монголии в плиточных могилах, относящихся к концу II – началу I тыс. до н.э. [Эрдэнэбаатар, 1995, тал. 42]. Большое количество бронзовых шлемов сохранилось в памятниках древних кочевников X – VIII вв. до н.э. на территории Внутренней Монголии и Северного Китая

[Варёнов, 1994, с. 91]. В Причерноморье и на Северном Кавказе найдены 18 бронзовых шлемов. Их большая часть связана с памятниками раннескифского времени. Остальные являются случайными находками [Черненко, 1968, с. 76; Галанина, 1985, с. 182; Членова, 1993, с. 162; Горелик, 1993, с. 167]. Бронзовый шлем из серии случайных находок из Верхнего Прииртышья некоторые специалисты относят к майэмирской культуре Горного Алтая [Грязнов, 1947, рис. 5; Суразаков, 1979, с. 189]. По мнению М.В. Горелика, этот шлем принадлежит сакской культуре. Исследователь, ссылаясь на изображения воинов в шлемах на золотом навершии из Сибирской коллекции Петра I, полагает, что подобные шлемы бытовали у древних кочевников до конца I тыс. до н.э. [1987а, с. 123].

До недавнего времени с территории Средней Азии были известны два бронзовых шлема. Один из них обнаружен в Самарканде. Он имеет сферический купол с продольным фигурным гребнем, идущим от налобной к затылочной части, с высоким передним и низким задним вырезами, короткими наушами. Вдоль кромки переднего выреза и поперек обеих науш выделяется невысокий валик. Вдоль кромки обеих науш и заднего выреза имеются сквозные отверстия для крепления бармицы или подшлемника. Второй шлем обнаружен на памятнике Кысмычи в долине р. Талас в Южном Казахстане. У него сферический купол с продольным гребнем в теменной части, невысокими передним и задним вырезами, короткими наушами. Вдоль кромки переднего и заднего вырезов и поперек науш проходит невысокий выделенный валик. Вдоль кромки науш имеются сквозные отверстия для крепления бармицы или подшлемника. Среднеазиатские бронзовые

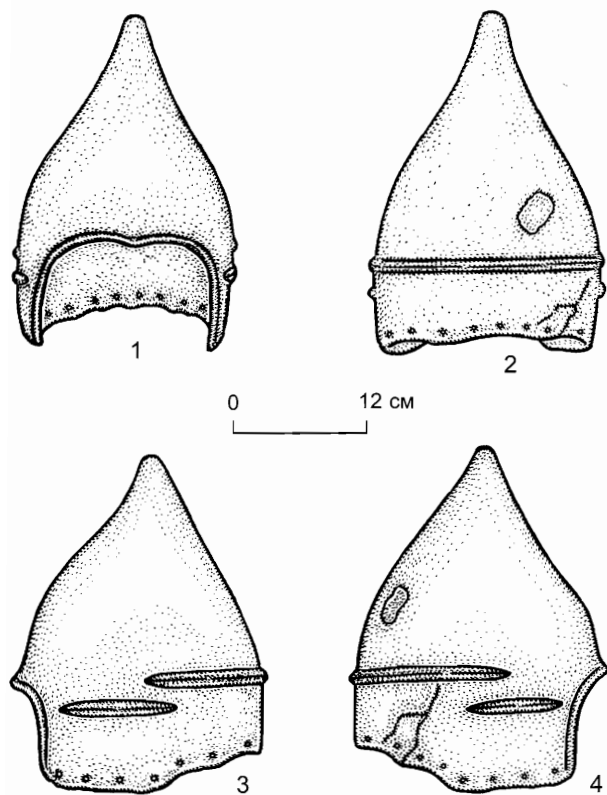

Рис. 1. Бронзовый шлем из Тогуз-Торооского р-на Желал-Абадской обл. Кыргызской Республики.
1 – лицевая сторона, 2 – тыльная сторона, 3 – левая сторона, 4 – правая сторона.

шлемы неоднократно анализировались специалистами. В работе Е.Е. Кузьминой предложена сакская атрибуция среднеазиатских бронзовых шлемов. Ею отмечено, что декоративное оформление гребня самаркандского шлема характерно именно для саков Средней Азии [1958, с. 123]. Б.А. Литвинский высказал предположение, что прототипом сакских шлемов мог быть островерхий колпак или башлык с наушами и назатыльником. Подобные защитные боевые наголовья, по его мнению, могли отливаться из бронзы [1972, с. 127 – 128]. Вероятно, ритуальным дериватом сакского защитного боевого наголовья можно считать кулах вождя из кургана Иссык в Семиречье [Акишев, 1984, с. 124 – 125]. Против подобной трактовки возразил М.В. Горелик. По его мнению, “остроконечные сакские башлыки с наушами и назатыльниками были, конечно же, только головными уборами и никак не могли быть шлемами”, поскольку “литой бронзовый шлем такой высоты – около 60 см... был бы невероятно тяжелым и неудобным”, а “канты на сакских башлыках... передают совсем не литые полосы на шлеме, а ленты-диадемы, носимые поверх башлыков-тиар” [1993, с. 169]. Распространение бронзовых шлемов в кочевом мире степной полосы Евразии исследователь связывает с развитием защитных боевых

наголовий на Ближнем и Среднем Востоке. В Причерноморье шлемы попали из Северного Ирана. У скифов шлемы “кубанского” типа бытовали в VII – VI вв. до н.э., а у среднеазиатских саков – в VI – V вв. до н.э. и “почти до конца I тысячелетия до н.э.” [Горелик, 1987а, с. 123; 1993, с. 170]. С подобной линией развития в среде ираноязычных кочевников согласны Л.К. Галанина [1985, с. 182] и Н.Л. Членова [1993, с. 62]. По мнению Н.Л. Членовой, в скифских памятниках Северного Кавказа шлемы датируются VI в. до н.э., а в культурах Северного Китая – VIII в. до н.э. Она считает, что шлемы “кубанского” типа наряду с другими категориями престижных вещей не имели прототипов в предшествующих культурах на территории степной Евразии, а были заимствованы на Ближнем и Среднем Востоке и распространились “не путем торговли, а вместе с людьми” [1993, с. 73]. Как полагает А.В. Варёнов, бронзовые шлемы могли быть заимствованы саками и скифами у кочевников восточных районов Центральной Азии, в памятниках которых известны значительно более древние наголовья, чем в Восточной Европе и Средней Азии [1984, с. 47; 1994, с. 92]. Дискуссионный характер гипотез о происхождении и распространении бронзовых шлемов в культурах древних кочевников степного пояса Евразии объясняется, в частности, большой редкостью находок и случайным характером многих из них. На территории огромного ареала кочевнических культур известно три локальных района, где случайные находки сопутствуют шлемам из комплексов: Северный Кавказ, Северная Монголия, Северный Китай. Многие исследователи отмечали, что металлические шлемы в древности очень ценились. Выполняя свою основную защитную функцию, они служили также отличительным знаком высокого социального положения воина-шлемоносца. Вероятно, шлемами могли защитить себя военачальники и отборные воины, способные решить участь боя в наиболее кровопролитных столкновениях в ближнем бою [Варёнов, 1993, с. 154]. Кроме того, бронзовые шлемы привлекали современников своей металлоемкостью. В условиях дефицита металла многие шлемы были переплавлены, поэтому до настоящего времени их сохранилось небольшое количество.

В этой связи интерес представляет каждая новая находка, особенно если она связана с районом, где защитные боевые наголовья ранее не встречались. До недавнего времени на территории Кыргызстана подобных предметов не находили. В последние годы в фонды Государственного исторического музея Кыргызстана поступили два шлема, уникальные по степени сохранности*. Их значение для воссоздания истории

* К сожалению, появление находок связано с кладоискательской лихорадкой, охватившей в последние годы Кыргызстан, как и другие страны СНГ.

Рис. 2. Бронзовый шлем из Тогуз-Торооского р-на Желал-Абадской обл. Кыргызской Республики.

военного дела древнего и средневекового кочевого населения Тянь-Шаня трудно переоценить.

Обстоятельства находки шлема из Тогуз-Торооского р-на Жалал-Абадской обл. Кыргызской Республики не известны. Шлем бронзовый, цельнолитой. Купол сфероконический, с коническим невыделенным навершием. В передней части шлема – полуовальный вырез с небольшим пологим выступом-наосником в центре. По кромке выреза выделен невысокий валик. Шлем имеет широкие наушы, переходящие в назатыльник. По всей кромке наушей и назатыльника в один ряд сделаны сквозные округлые отверстия для крепления бармицы или подшлемника. По боковым и задней сторонам шлема проходят горизонтальные выпуклые трехгранные валики. Верхний валик охватывает затылочную и боковые части шлема, нижние валики расположены по бокам и отделяют купол от наушей. Купол шлема не симметричен. Высота шлема от нижнего края наушей до навершия 29 см, длина от козырька до назатыльника 23 см, ширина 18 см. Шлем почти полностью целый, только с правой стороны между наушем и назатыльником имеется трещина, а на задней части купола с правой стороны, выше верхнего валика, – овальное отверстие (рис. 1, 2).

По своей конструкции тогуз-торооский шлем уникален, он не имеет близких аналогов среди бронзовых защитных боевых наголовий из памятников бронзового и раннего железного веков степной полосы

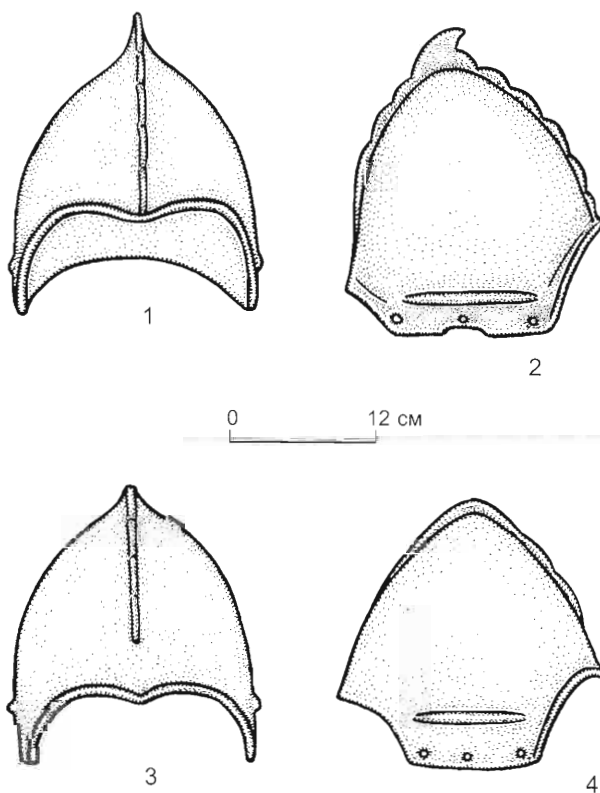

Рис. 3. Бронзовые шлемы из Средней Азии.
1, 2 – Самарканд; 3, 4 – Кысмычи.

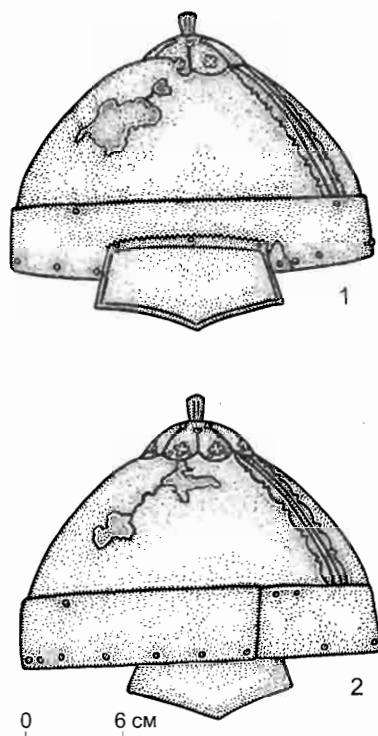

Рис. 4. Железный шлем из Ак-Келя.
1 – лицевая, 2 – тыльная сторона.

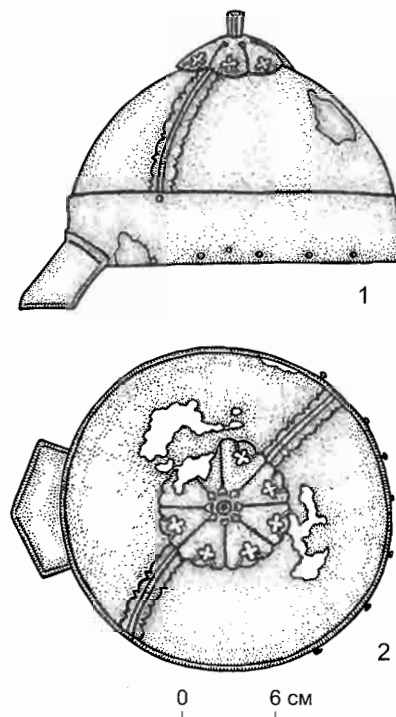

Рис. 5. Железный шлем из Ак-Келя.
1 – левая сторона, 2 – вид сверху.

Евразии. Однако некоторые детали оформления позволяют предложить его хронологическую и культурную атрибуцию. Наличие окаймленного валиком переднего выреза с выступающим приостренным наносником-козырьком, наушей и назатыльника с рядом отверстий по нижнему краю, горизонтальных боковых валиков сближают эту находку со шлемами из Самарканда, Кысмычи и некоторыми образцами из Келермесской и Крымской станиц на Северном Кавказе (рис. 3) [Горелик, 1993, табл. LXII, 25, 29, 34]. Сфероконический асимметричный купол тогуз-торооского шлема с наушами и назатыльником напоминает типичный скифский или сакский головной убор – островерхий колпак, башлык или кулах. Это сходство не оставляет сомнения в том, что скифские и сакские головные уборы могли послужить прототипами для создания такого шлема. В этом плане предположения Е.Е. Кузьминой [1958, с. 125] и Б.А. Литвинского [1972, с. 127 – 128] получили доказательства. Это не означает, что прослеженная М.В. Гореликом эволюция металлических шлемов на Ближнем и Среднем Востоке не находит подтверждения на новых среднеазиатских материалах. Вполне вероятно, что в степной зоне Евразии бронзовые шлемы появились из Северного Ирана [Горелик, 1987а, с. 124; 1993, с. 167]. Однако, заимствуя металлические защитные боевые наголовья у древних иранцев, кочевники евразийских степей не копировали их механически, а разрабатывали собственные

формы шлемов. О развитой традиции защитных боевых наголовий в обществе древних кочевников степного пояса Евразии свидетельствуют войлочные шлемы, найденные в Горном Алтае в погребениях воинов – представителей пазырыкской культуры [Полосьмак, 1994, с. 40 – 43]. Возможности для определения хронологии бытования и культурной принадлежности тогуз-торооского шлема ограничены. Б.А. Литвинский отметил, что в “Авесте” имеются упоминания об островерхих шлемах древних ариев, соответствующих головным уборам саков [1972, с. 127]. Судя по технологии и материалу, форме купола и конструктивным деталям шлема, а также учитывая район находки, данный экземпляр можно отнести к культуре саков Тянь-Шаня, которую принято относить к VI – III вв. до н.э. [Кожомбердиев, 1975, с. 172; Мокрынин, 1986, с. 30].

Второй шлем найден Ш.Б. Айткуловым в местности Ак-Кель на высокогорном одноименном пастбище в окрестностях с. Ичке-Суу в Кантском р-не Чуйской обл. Кыргызской Республики и передан в Государственный исторический музей. Шлем изготовлен из железа. Купол цельнокованный, сферической формы. По нижнему краю окаймлен широким разъемным пластинчатым обручем, прикрепленным к куполу двумя рядами заклепок. К обручу крепится короткий пятиугольный козырек. Его край окаймлен с четырех сторон валиком, а основание оформлено рядом

Рис. 6. Железный шлем из Ак-Келя.

коротких треугольных зубчиков и прикреплено к об-
ручу тремя заклепками. Поверх купола, по диагонали
от левой надвисочной до правой надзатыльной части,
прикреплены две декоративные фигурные полосы. У
средневековых шлемов такими полосками стянуты
сверху пластины купола. В данном случае они играют
чисто декоративную роль. По оси полосы проходит
выступающий валик. Края полосы оформлены в виде
чередующихся овальных дуг и острых зубчиков. Ку-
пол увенчан навершием в виде восьмилепестковой
розетки. Ее лепестки разделены резными линиями, ко-
торые в верхней части завершаются чередующими-
ся отверстиями в виде сердечек и крестиков. В ниж-
ней части каждого лепестка розетки имеется сквоз-
ное отверстие в виде креста со скругленными концами.
От каждого креста к краю розетки отходит по две ре-
зные косые линии. Край каждого лепестка розетки
оформлен в виде трех выступающих полукругов. На
вершине розетки укреплена шестигранная в сечении
расширяющаяся кверху трубочка для султана или плю-
мажа. Навершие и купол шлема повреждены корро-
зией и имеют сквозные отверстия с рваными краями
(рис. 4 – 6).

Подобные шлемы появляются у кочевников Цен-
тральной Азии в эпоху развитого средневековья. Они
характерны для енисейских кыргызов и киданей [Ху-
дяков, 1980, с. 129; 1991а, с. 85 – 86]. Эти шлемы
имеют четырех- или шестипластинчатый купол сфе-
роконической формы, обруч и навершие с трубочкой
для плюмажа. Киданьские шлемы оформлены наклад-
ными полосками с валиком и фигурными краями; на-
вершие сделано в виде розетки. По мнению М.В. Го-

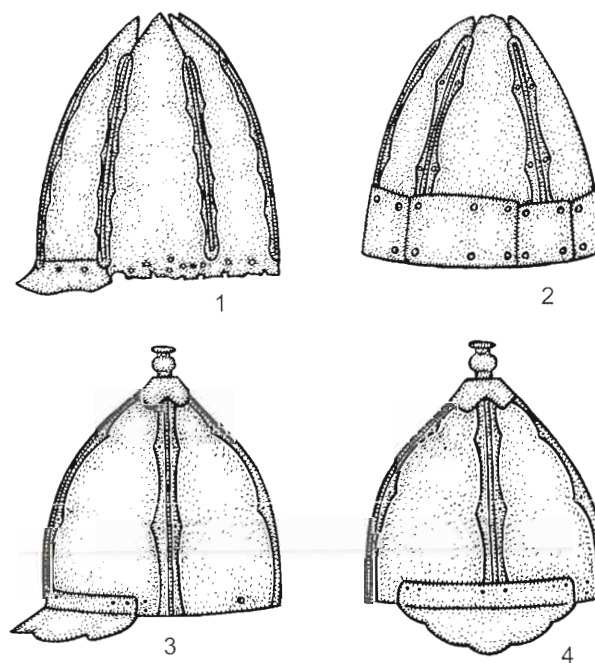

Рис. 7. Железные шлемы из Саяно-Алтая.

1 – шлем из Минусинской котловины; 2 – шлем из Тоджи;
3, 4 – шлем из Чиргаки.

релика, шлемы с цельнокованым куполом характе-
рны для юго-западных районов мировой империи Чин-
гизидов со второй половины XIV в. [1983, с. 261].
Наличие козырька у шлема также является признаком
монгольского времени [Горелик, 1987б, с. 192]. Ак-
кельский шлем по своей конструкции и внешнему
оформлению разительно отличается от “восточных”

шлемов, типичных для мусульманских стран развитого и позднего средневековья [Robinson, 1967, fig. 16, 34, 35, 44, 53]. Наиболее близкие аналоги рассматриваемой находке обнаружены в Тыве и Минусинской котловине, где они относятся к культурам местных тюркоязычных кочевников и енисейских кыргызов XVI – XVIII вв. (рис. 7) [Кызласов, 1964, с. 85; Худяков, 1991б, с. 95].

Вероятнее всего, ак-кельский шлем должен датироваться эпохой позднего средневековья и относиться к защитному вооружению кыргызских воинов периода заселения кыргызами западных районов Тянь-Шаня. Наличие в оформлении шлема конструктивных деталей и орнаментации, характерных для центральноазиатской традиции изготовления защитных боевых наголовий, не позволяет связать эту находку с ремесленным производством стран мусульманского мира.

Шлемы, найденные на территории Кыргызстана, имеют важное значение для реконструкции комплекса защитных средств древних и средневековых кочевников Тянь-Шаня и уточнения особенностей эволюции защитных боевых наголовий во всем Среднеазиатском регионе и кочевом мире степного пояса Евразии. Впервые выявлен новый тип бронзовых шлемов, характерный для саков Тянь-Шаня и не представленный в других культурах скифо-сакского облика, который восходит к форме традиционных для древних кочевников островерхних войлочных шлемов. Это подтверждает мнение ряда исследователей о существенной роли древних ираноязычных номадов в развитии защитного боевого наголовья в кочевом мире [Литвинский, 1972, с. 127 – 128; Кузьмина, 1958, с. 123].

Своеобразие и приверженность центральноазиатским традициям в изготовлении и оформлении шлемов сохранились у кочевого населения Тянь-Шаня и в эпоху позднего средневековья, когда эти районы уже были заселены кыргызами. Несмотря на значительное влияние мусульманских государств Средней Азии и переход кочевого населения Тянь-Шаня в ислам, у среднеазиатских номадов сохранились многие традиционные центральноазиатские кочевнические черты в культуре, образе жизни, социальном устройстве, военном деле и других сферах жизнедеятельности. Позднесредневековые кыргызские воины продолжали использовать защитные боевые наголовья центральноазиатской формы.

Список литературы

- Акишев А.Е.** Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1984. – 175 с.
- Варёнов А.В.** Иньские шлемы и проблемы боевого оголовья эпохи поздней бронзы // Изв. СО АН СССР. – Вып. 3: Сер. истории, филологии и философии. – 1984. – № 14. – С. 41 – 47.
- Варёнов А.В.** Бронзовые шлемы на границе чжоуского Китая и их “кубанские” аналоги // Древние культуры Южной Сибири и Северо-Восточного Китая. – Новосибирск: Наука, 1994. – С. 86 – 94.
- Галанина Л.К.** Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения) // Культурное наследие Востока: проблемы, поиски, суждения. – Л.: Наука, 1985. – С. 169 – 183.
- Горелик М.В.** Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 244 – 269.
- Горелик М.В.** Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. – М.: Наука, 1987а. – С. 110 – 133.
- Горелик М.В.** Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987б. – С. 163 – 208.
- Горелик М.В.** Оружие древнего Востока (IV тысячелетие – IV в. до н.э.). – М.: Наука, 1993. – 349 с.
- Грязнов М.П.** Памятники майэмурского этапа эпохи ранних кочевников // КСИИМК. – 1947. – Вып. 18. – С. 9 – 17.
- Кожомбердиев И.К.** Саки Кетмень-Тюбе // Страницы истории и материальной культуры Киргизстана. – Фрунзе: Илим, 1975. – С. 168 – 174.
- Кузьмина Е.Е.** Бронзовый шлем из Самарканда // СА. – 1958. – № 4. – С. 120 – 126.
- Кызласов Л.Р.** Курганы тувинцев // Вестн. Моск. ун-та. – 1964. – № 5, сер. 9. – С. 82 – 91.
- Литвинский Б.А.** Древние кочевники “крыши мира”. – М.: Наука, 1972. – 269 с.
- Мокрый В.П.** По следам прошлого. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 128 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы”. – Новосибирск: ВО “Наука”, 1994. – 125 с.
- Ратцель Ф.** Народоведение. – СПб.: Просвещение, 1904. – Т. 1. – 764 с.
- Суразаков А.С.** О вооружении ранних кочевников Горного Алтая // Вопросы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алтай. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1979. – Вып. 1. – С. 170 – 192.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991а. – 190 с.
- Худяков Ю.С.** Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1991б. – С. 87 – 100.
- Черненко Е.В.** Скифский доспех. – Киев: Наук. думка, 1968. – 191 с.
- Членова Н.Л.** О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах “Скифского мира” // Петербург. археол. вестн. – СПб., 1993. – № 7. – С. 49 – 75.
- Эрдэнэбаатар Д.** Хурлийн усийн шинэ олдворууд // Археологийн Судлал. – Улаанбаатар, 1995. – Вод. 17. – Тал. 39 – 52.
- Robinson H.R.** Oriental armour. – N.Y.: Walker and Company, 1967. – 257 p.

УДК 904

О.Б. Беликова

Томский государственный университет, Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: bob@ic.tsu.ru

КАМЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ КУРГАНОВ XIII в. ЮГА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Введение

Северная территория кыргызского государства X – XIII вв. сегодня четко маркируется курганными могильниками среднечулымского варианта культуры енисейских кыргызов. Эталонными памятниками для реконструкции исторических и этнокультурных процессов, связанных с пребыванием на юге Западной Сибири (бассейн среднего течения р. Чулым, правого притока р. Оби) периферийной группы кыргызов, до недавнего времени являлись Змеинкинский и Калмакский могильники. Источники и результаты их интерпретации опубликованы [Беликова, 1996]. Позднее к корпусу опорных памятников добавился Иловско-Чердатский курганный могильник (раскопки автора 1993 г.). Наряду с основными этнокультурными компонентами в материалах среднечулымского варианта культуры явно вырисовываются второстепенные. Последние отражены группой из шести каменных изделий из двух курганов XIII в. Змеинкинского и Калмакского могильников [Там же, с. 31 – 33, 39 – 40, рис. 44 – 46, 61 – 63]. Подробный анализ, интерпретация этих предметов предоставляют дополнительные возможности для этноисторических и социальных реконструкций, выявления контактов средневекового населения Чулыма с окружающим миром.

Характеристика каменных изделий

В кург. 3 Калмакского могильника расчищено два непотревоженных погребения в материковых ямах:

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 00-01-00447а.

№ 1 – ребенка 2 – 4 лет, трупоположение; № 2 – взрослого человека, полное трупосождение на стороне (все антропологические определения выполнил В.А. Дремов). В этом кургане *in situ* обнаружено пять каменных деталей от одного поясного набора* (рис. 1). Из них две петли-пронизки и одна круглая накладка находились в погр. 2, а две аналогичные накладки – рядом с ним, на корне древнего пня, который выступал над уровнем древней дневной поверхности. Детали были изготовлены из непросвечивающей диопсидовой породы молочно-белого цвета, каждая сделана из цельного камня.

Ширина пояса составляла, вероятно, 1,5 см. Петли-пронизки (2 экз.; рис. 1, 4, 5) размерами 3,5 – 3,6 × 2,2 см имеют по два сквозных отверстия подпрямоугольной формы. Они нанизывались на ремень вниз петлями, к которым могли привязывать ремешки шириной 1,0 – 1,2 см. Круглые накладки (3 экз.; рис. 1, 1 – 3) диаметрами по 1,4 см на оборотной стороне имеют по четыре округлых отверстия диаметрами 1 мм от двух потайных изогнутых (!) каналов. Накладки крепились к поясу тонкой металлической проволокой из золота или серебра либо их сплава, остатки которой сохранились в одном из каналов. Все детали комплекта отшлифованы и отполированы, но стороны, невидимые на поясе, обработаны менее тщательно.

* Минералогическое исследование украшений выполнил канд. геол.-минерал. наук С.И. Коноваленко (Томский государственный университет) (см.: Коноваленко С.И. Результаты рентгеноструктурного анализа материала каменных предметов Змеинкинского и Калмакского могильников. – Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета, 1999, д. 1016-22). Автор ему искренне благодарна.

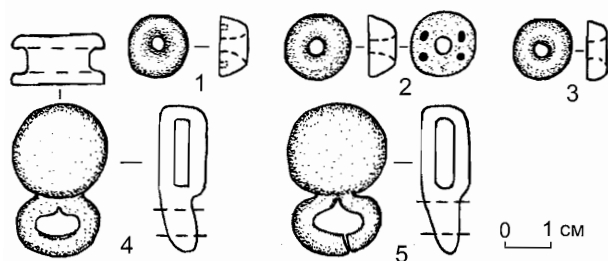

Рис. 1. Детали пояса из диопсидовой породы молочно-белого цвета. Калмакский курганный могильник (Среднее Причулымье, Западная Сибирь), кург. 3.
1 – 2 – древняя дневная поверхность; 3 – 5 – погр. 2
(1, 3 – 5 – лицевая сторона, 2 – лицевая и оборотная).

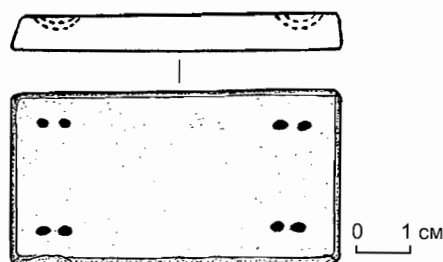

Рис. 2. Нефритовая пластина (оборотная сторона) серовато-белого цвета. Змеинкинский курганный могильник (Среднее Причулымье, Западная Сибирь), кург. 58, погребение.

В кург. 58 Змеинкинского могильника на обожженной площадке древней дневной поверхности выявлено погребение, потревоженное в центральной части. В пределах обугленной деревянной рамы-обкладки, ориентированной по линии северо-восток – юго-запад, располагались остатки полного трупосожжения человека с вещами на месте захоронения. Каменная пластина (рис. 2) была найдена рядом с костями черепа в восточном конце скопления кальцинированных костей. Кремированные кости и найденные среди них четыре необожженных позвонка принадлежали человеку в возрасте 18 – 20 лет, скорее, женского пола.

Пластина выполнена из нефрита серовато-белого цвета, местами просвечивающего. Она подпрямоугольной формы, трапециевидная в сечении (по длине и ширине), размером 6,1 – 6,3 × 3,0 – 3,1 см, толщиной 0,6 см. Высокое качество обработки пластины выражается в четком выделении граней, тщательной шлифовке и полировке, придавших ее поверхностям маслянистый блеск. На оборотной стороне вещи имеют восемь овальных отверстий диаметрами 1,5 – 2,0 мм от четырех изогнутых каналов, которые не выходят на лицевую сторону. Данная техническая деталь объединяет каменные изделия курганов 3 и 58. Сложный, оригинальный способ сверления отверстий диктовался желанием камнереза скрыть следы крепления пластины к плоской поверхности. Это подтвер-

ждается и тем, что лицевая сторона обработана тщательнее, нежели оборотная.

Обсуждение

Автором уже высказана точка зрения, что нефритовая пластина из кург. 58 – это накладка на пояс [Беликова, 1996, с. 92]. Во всяком случае, она определенно накладывалась на что-то. Трудно принять мнение, что конструкция имеющихся на накладке отверстий не обеспечивала “достаточной прочности для крепления на пояс” [Скобелев, 1997, с. 168]. Во-первых, пластина достаточно легка (33 г). Во-вторых, к ремню или к какой-либо другой поверхности она крепилась в восьми точках. В-третьих, аналогичность потайных каналов у вещей из рассматриваемых курганов предполагает, что накладка из кург. 58 фиксировалась также с использованием проволоки, видимо, из драгоценного металла. Такой способ крепления позволял прочно удерживать пластину на плоской поверхности. Физические нагрузки, приходящиеся на стенки потайных каналов, не могли повредить основу вещи, так как нефрит характеризуется исключительной прочностью и вязкостью [Ферсман, 1954, с. 248].

Кург. 58 частично нарушен грабительской ямой, но пластина была найдена в нетронутой части погребения, у костей черепа, вместе с золотыми и серебряными вещами. По мнению С.Г. Скобелева, факт нахождения вещи у головы погребенного не позволяет определить ее как накладку на пояс [1997, с. 168]. Но разве пояс или его деталь не могли положить перед кремацией именно у головы умершего? Каким наблюдениям за расположением вещей в погребениях культуры енисейских кыргызов противоречит местонахождение нефритовой детали пояса в захоронении Змеинкинского могильника? Известно, что по материалам кыргызских погребений, представляющих преимущественно полные трупосожжения на стороне, зависимости между расположением вещей конкретных категорий и определенными частями скелета человека не прослеживается. Более того, представление о размещении инвентаря при кремации у енисейских кыргызов дают в какой-то мере именно единичные полные трупосожжения на месте (!) захоронения (они, в том числе и из кург. 58 Змеинкинского могильника, представляют отдельный, III тип погребений среднечулымского варианта) [Беликова, 1996, с. 106].

На фоне всех раскопанных 110 погребально-поминальных комплексов среднечулымского варианта курганы 3 и 58 однозначно оцениваются как принадлежащие к группе имущественно богатых. Об этом свидетельствует: а) большое количество инвентаря в комплексах, его многообразие, что особенно

характерно для кург. 58, где найдены детали седла, украшения, бытовые вещи, миниатюрные предметы; б) присутствие предметов из драгоценных металлов, чем отличается также кург. 58, содержащий сравнительно большое число вещей из серебра и неопределенных драгоценных сплавов или с их применением (многие, к сожалению, расплавились после пребывания на погребальном костре); в) редкость отдельных вещей при сопоставлении с имущественными комплексами культур Северной и Центральной Азии, близких хронологически, — в кург. 3 редкими являются поясной набор из диопсидовой породы и железный стержень Г-образной формы, один конец которого представляет стилизованное объемное изображение головы лошади, в кург. 58 — агатовая бусина, железная вилка, нефритовая накладка; г) число взрослых лошадей, забитых для обряда, — в кург. 3 зафиксированы кремированные и необожженные кости от трех особей, в кург. 58 — целые черепа и их части от трех-четырех особей.

Вопросы реконструкции социальных структур периферийной группы кыргызов пока мало разработаны. Сравнительно большие размеры курганов 3 и 58, их принадлежность к группе имущественно богатых позволяют соотнести эти погребения с верхним социальным слоем периферийной группы кыргызов.

Аналоги нефритовой пластины из кург. 58 (см. рис. 2) автору неизвестны, даже из других разновидностей камня. Две диопсидовые петли-пронизки из кург. 3 (см. рис. 1, 4, 5) по форме близки нефритовому украшению из “Музея краеведения г. Читы” [Ферсман, 1954, с. 249]. Конструктивно похожие элементы пояса, выполненные из агальматолита, присутствуют и в материалах могильника Часовенная Гора XIII — XIV вв. [Гаврилова, 1965, с. 73]. Но наибольшее типологическое сходство петли-пронизки из диопсидовой породы обнаруживают с каменными “наременными обоями” чжурчжэней Приморья, найденными на Шайгинском городище XII — XIII вв. (рис. 3, 1 — 3). Примечательно, что на других каменных украшениях с этого же памятника есть и потайные каналы (рис. 3, 4) [Шавкунов, 1990, с. 103, табл. 46, 6, 12, 13, 16], как на четырех изделиях из курганов 3 и 58 в Причулымье. Минералогическое определение чжурчжэньских вещей в публикации, к сожалению, не приводится.

Аналогичные петли-пронизки из других материалов (бронза, железо, серебро, кость) не являются редкими находками и довольно часто встречаются в комплексах конца I — начала II тыс. н.э. Западной Сибири, Минусинской котловины, Забайкалья, Приморья. Так, бронзовые обнаружены в погребении IX — X вв. могильника Сопка-2 [Молодин, Новиков, 1998, с. 107, рис. 111], в захоронениях XIII — XIV вв. могильника Красный Яр-1 [Троицкая, 1978, рис. 5, 29], в Басан-

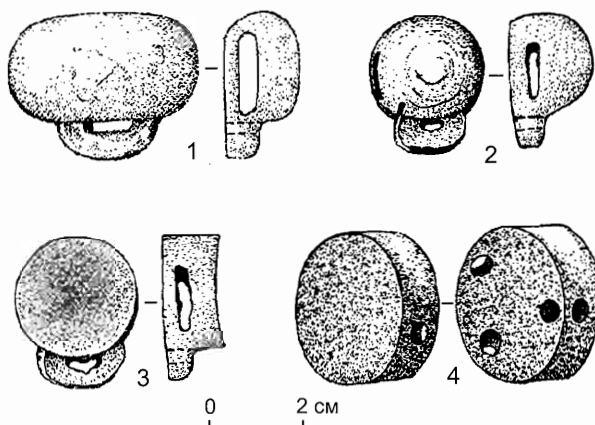

Рис. 3. Изделия из камня. Шайгинское городище (Приморье) [Шавкунов, 1990, табл. 46, 6, 12, 13, 16].

дайском [Басандайка, 1948, с. 40, табл. 55, 22, 25], в могильнике Усть-Малокиргизском XII — XIV вв. [Плетнева, 1997, с. 61, рис. 156, 1; 157, 5]. Серебряные петли-пронизки известны в Ильмовой Пади XIII — XIV вв. [Гаврилова, 1965, рис. 13, 20]. На Шайгинском городище кроме бронзовых петель-пронизок обнаружены и железные [Шавкунов, 1990, табл. 41, 7; табл. 36, 2, 3, 9]. Костяные найдены в могиле XIII — XIV вв. у д. Черновой [Кызласов И.Л., 1980, с. 90 — 92, рис. 8, 1, 2], в памятниках ундугунской культуры рубежа I — II тыс. н.э. — XIV — XV вв. [Кириллов, 1983, рис. 8, 3, 4, 9]. Таким образом, петли-пронизки, конструктивно похожие на среднечулымские из диопсидовой породы, встречаются на широкой территории — от Приморья до Барабы.

Местные источники нефрита и диопсидовой породы в Причулымье отсутствуют. Нет и доказательства изготовления чулымских изделий на месте, из привозного камня. Их привязка на основе данных минералогических исследований к известным месторождениям сырья сегодня затруднена. Впрочем, для выявления культурных связей населения Среднего Причулымья в XIII в. не столь важно происхождение материала, сколько место изготовления вещей и территория, с которой они поступали. Вещи демонстрируют высококачественную обработку камня, проявляющуюся в сложности и четкости форм, тщательности шлифовки и полировки и, безусловно, в искусном и оригинальном способе сверления. Одинаково высокий уровень обработки камня и, главное, наличие общего технического приема (потайные изогнутые каналы) предполагают, что нефритовая пластина и поясной набор из диопсидовой породы были изготовлены в каком-то одном, общем центре камнерезного дела или в двух разных, но близких между собой в культурном и территориальном аспектах. На этом постулате основаны дальнейшие рассуждения. Сопоставление данных летописей, археологии,

минералогии, указывающих на возможные места добычи сырья, изготовления поделок, пути и способы их появления на Чулыме, в итоге приводит к двум основным группам версий происхождения каменных изделий.

Первая группа версий происхождения чулымских каменных вещей так или иначе связывает с Китаем.

Месторождения диопсидовой породы в мире распространены достаточно широко, в том числе в Туркестано-Алае и Сибири [Минералы, 1981, с. 300 – 323]. Однако какие-либо сведения о поделках из нее в средневековые автору в литературе не встретились. С древнейших времен известна нефритоносная провинция в горах Западного Куньлуна (Восточный Туркестан) [Киевленко, Сенкевич, 1983, с. 84 – 85, 88]. На ее базе в средневековые развивалось производство художественных изделий из нефрита в г. Хотане. “...И сам нефрит, и некоторые поделки из него широко экспортировались в Китай, меньше – в Западную Азию” [Чவர், 1984, с. 166]. В районе этого города в средневековые были известны очень богатые залежи нефрита [Малявкин, 1983, с. 233 – 234].

Из Хотана, расположенного на южном участке Великого Шелкового пути, по заключению Э. Шефера, поступал весь нефрит, употреблявшийся в Китае в эпоху Тан (618 – 907 гг.) [1981, с. 296]. Пояса с наборными бляхами, которые относят к “варварским” элементам, фиксируются в китайском костюме VI – X вв. [Китайский этнос..., 1984, с. 155 – 156]. “...Среди танской знати распространилась мода на ношение поясов, изготовленных из яшмовых пластин”, – по мнению Э. Шефера, в китайских средневековых источниках встречается отождествление терминов “яшма” и “нефрит” [1981, с. 295, 298]. Об этом же писали А.Е. Ферсман [1954, с. 251; 1962, с. 153] и др. Есть также письменные свидетельства об изготовлении нефритовых изделий, употреблявшихся в Китае танского времени, в высокогорьях Центральной Азии, в Тибете [Шефер, 1981, с. 295 – 296, 298]. Не исключено, что тибетские мастера использовали и местный нефрит, о залежах которого средневековые летописи не сообщают, – в новейшее время открытие промышленных месторождений нефрита в Тибете произошло в 1951 – 1953 гг. [Юсов, 1958, с. 210].

Интересны летописные события, хронологически близкие пребыванию группы кыргызов на среднем Чулыме. Так, по исследованию А.Г. Малявкина, нефрит, относящийся к группе транзитных товаров, поступал в Срединное государство через Уйгурское ганьжжуское княжество (902 – 1028 гг.). В ассортимент товаров, ввозимых согдийскими купцами Принаньшанья, входили изделия, которые, возможно, реэкспортировались. “Представляется, что седла, сбруя и пояса, украшенные нефритом, производились западнее Принаньшанья – в Хотане, Куче и других местах” [Малявкин,

1983, с. 233 – 234]. Китай с Причулымем соединял торговый путь, о существовании которого на основании сведений ал-Омари (XIV в.) пишет Л.Р. Кызласов [1984, с. 120 – 121].

Теоретически, местом изготовления нефритовой пластины из кург. 58 Змеинкинского могильника могла быть какая-то мастерская Китая, Западного Куньлуна (Туркестана), Тибета, а местом добычи сырья, помимо двух последних регионов, – не исключено, что и месторождения Саяно-Байкальской горной области (см. ниже). Поясной набор из диопсидовой породы могли сделать в Туркестане или Китае (близость к источнику сырья и средневековым камнерезным центрам). Так как среднечулымские каменные изделия изготовлены, как говорилось, в одном или двух близких центрах, то они и располагались, возможно, в Туркестане или Китае. В целом, данные минералогии, сведения письменных источников, наличие торгового пути позволяют предположить, что на средний Чулым в комплекс XIII в. украшения из нефрита и диопсидовой породы попали из Китая.

Вторая группа версий происхождения каменных поделок связывает с Сибирью и Дальним Востоком.

В пределах Саяно-Байкальской горной области располагается Сибирская нефритоносная провинция, которая включает Восточно-Саянский, Джидинский (Юго-Западное Забайкалье), Витимский, Западно-Саянский нефритоносные районы [Сутурин, Замалетдинов, 1984, с. 5 – 29, 49]. Открытие их месторождений на промышленном уровне произошло в XIX – XX вв., но о том, что они были известны значительно раньше, свидетельствуют материалы памятников эпохи неолита, раннего периода бронзового века Восточной Сибири, особенно Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 85, 92, 130, 355 – 357 и др.; 1955, с. 174 – 189 и др.; Хлобыстин, 1987]. Уже с конца III тыс. до н.э. практикуется обмен нефритом во всех направлениях от Прибайкалья [Окладников, 1950, с. 374 – 376; 1955, 188 – 189]. Л.Р. Кызласов, основываясь на массовом распространении вещей из саянского нефрита, изложил точку зрения о возникновении в середине II тыс. до н.э. Великого нефритового пути, один отрезок которого шел в широтном направлении по лесостепному “коридору” из Прибайкалья (глазковская культура) на запад, в Волго-Камье (сейминско-турбинская культура), а другой – на восток, в районы Центральной Азии, Китай [1984, с. 158 – 159; 1993, с. 26].

Вероятно, распространение нефритовых изделий с востока на запад, в том числе и на юг Западной Сибири, наблюдалось и в эпоху раннего средневековья. Свидетельство этому – нефритовые подвески из кургана VII – VIII вв. могильника Каменный Мыс в Новосибирском Приобье, аналоги которым есть на Дальнем Востоке [Троицкая, Новиков, 1998, с. 29, 60, рис. 15, 97].

В начале II тыс. н.э. сырье из месторождений Сибирской нефритоносной провинции могли обрабатывать мастера какого-либо центра, расположенного в ее пределах или на близлежащих территориях, в том числе и чжурчжэни. Летописи сообщают, что в чжурчжэньском государстве Цзинь (1115 – 1234 гг.) “было сделано важное изобретение, облегчающее шлифовку драгоценных камней и нефрита, – создан особый вращающийся абразивный круг с нанесенным на него шлифовальным песком” [Воробьев, 1975, с. 233, 240]. Местное изготовление многочисленных украшений из нефрита отмечено и по памятникам конца X – XI вв. в Приамурье, которые В.Е. Медведев относит к чжурчжэням [1977, с. 148, 155, 159; 1986, с. 23, 97]. Камнерезное дело по материалам Шайгинского городища XII – первой трети XIII в. (чжурчжэни Приморья) реконструировано Э.В. Шавкуновым как вид домашнего ремесла. Однако чжурчжэньские мастера, по его мнению, использовали в качестве сырья и ввозимый из других стран нефрит. В связи со средневековыми нефритовыми украшениями из Приамурья и Приморья интересны данные архимандрита Палладия о том, что месторождения нефрита в низовьях р. Амура были известны во времена династии Мин (1368 – 1644 гг.) [Кафаров, 1872, с. 124].

Как уже говорилось выше, только в публикациях материалов Шайгинского городища выявлены аналоги чулымских каменных изделий: двух петель-пронизок из диопсидовой породы и такой технической детали нефритовой пластины и диопсидовых круглых накладок, как потайные каналы (см. рис. 3). Это существенное обстоятельство позволяет предположить, что нефритовое и диопсидовые изделия, найденные на Чулыме, были изготовлены в мастерских чжурчжэней Приморья или в каких-то других культурно и территориально близких им камнерезных центрах. Известные сегодня месторождения диопсидовых пород, ближайшие к Приморью, локализованы в Прибайкалье, Восточном Саяне, Хакасии, Кузнецком Алатау, Горной Шории [Минералы, 1981, с. 302 – 323]. Скорее всего, из каких-то месторождений этих сибирских регионов еще в начале II тыс. н.э. и добывали камень для художественных поделок.

Отмеченные дальневосточные параллели среднечулымским каменным вещам становятся особо любопытными в связи с предположением В.А. Туголукова о том, что тунгусы появились на территории Обь-Енисейского региона в XII в. с чжурчжэнями, преследовавшими разгромленных ими киданей [1985, с. 267]. Еще ранее киданьский компонент в этническом составе чулымских тюрков XVII в. Карагачинской волости на среднем Чулыме выделила Э.Л. Львова по данным фольклора, этнонимике, антропонимике и собственно этнографическим материалам. Его проникновение связывается с массовым переселением

киданей на запад в первой четверти XII в., когда произошло столкновение с кыргызами [Львова, 1978, с. 15; 1980]. О культурных связях в X – XIII вв. Среднего Причулымья с территориями, лежащими к востоку от него, автору уже приходилось говорить на основе археологических фактов – керамики и каменных бус из опала, полуопала, агата, яшмы, халцедона [Беликова, 1992; 1996, с. 136 – 139].

В целом, вторая группа версий предполагает происхождение чулымских изделий из нефрита и диопсидовой породы из Приморья и регионов Сибири, близких к нему. На Чулым предметы могли попасть как в результате торговли, так и вместе с их обладателями (чжурчжэни, кидани, монголы и др.). Подобные же рассуждения могут относиться и к поясной накладке из молочно-белого нефрита, найденной на другом западносибирском памятнике – Усть-Малокиргизском курганном могильнике XII – XIV вв. в Нижнем Притомье [Плетнева, 1997, с. 92, рис. 112, 6].

Заключение

Сегодня вторая группа версий автору более предпочтительна, хотя окончательный ответ на вопрос о происхождении чулымских каменных изделий из нефрита и диопсида, безусловно, связан с дальнейшими археологическими и минералогическими исследованиями. Каменные изделия из Среднего Причулымья интерпретируются как многозначные символы: богатства, престижа, знатности, принадлежности к высокому социальному слою. Использование редких, красивых камней (с различными оттенками белого, сакрального, цвета) для изготовления деталей пояса, который в средневековье имел широкий спектр символических функций, повышало его семиотический статус. Не случайно в кург. 3 поясной набор из диопсидовой породы был разделен: одну часть накладок намеренно положили на корень древнего пня, а другую – в могильную яму. Пни, атрибуты погребального обряда, в мировоззрении среднечулымского населения были символами смерти, дороги, символами родовых земель, оберегами. Вероятно, в физическом единении разных элементов ритуала усиливались символические функции и пояса с диопсидовыми деталями, и древнего пня. Пояс с золотыми пряжками С.Е. Малов интерпретирует по эпитафиям бассейна Енисея как знак высокого чиновного положения [Малов, 1952, с. 16 – 18, 97]. Пояса с золотыми, серебряными, яшмовыми накладками в средневековом Китае свидетельствовали о рангах чиновников [Китайский этнос, 1984, с. 156; Шефер, 1981, с. 298]. Наделялись ли среднечулымские каменные изделия аналогичным ранговым значением? Являлись ли они опознавательными знаками должностного положения и власти? Постановка вопросов оправдана уже тем, что

периферийная группа кыргызов среднего Чулыма в X – XIII вв. была связана с политическим центром кыргызского государства, а с XIII в., возможно, с империей Юань. Оснований для определенного ответа в чулымских материалах пока нет.

Список литературы

- Басандайка.** Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск: Изд-во ТГУ, 1948. – 308 с.
- Беликова О.Б.** Восточные параллели среднечулымским материалам X – XIII вв. // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края: Сб. науч. тр. – Красноярск, 1992. – Т. 2. – С. 6 – 8.
- Беликова О.Б.** Среднее Причулымье в X – XIII вв. – Томск: Изд-во ТГУ, 1996. – 272 с.
- Воробьев М.В.** Чжурчжэнь и государство Цзинь. – М.: Наука, 1975. – 448 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 112 с.
- Кафаров П.И.** Этнографическая экспедиция в Южно-Уссурийский край // Изв. ИРГО, 1871. – СПб., 1872. – Т. 7, вып. 3. – С. 123 – 124.
- Киевленко Е.И., Сенкевич Н.Н.** Геология месторождений поделочных камней. – М.: Недра, 1983. – 263 с.
- Кириллов И.И.** Ундугунская культура железного века в Восточном Забайкалье // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 123 – 138.
- Китайский этнос в средние века (VII – XIII вв.)** / М.В. Крюков, В.В. Малявин, М.В. Софронов. – М.: Наука, 1984. – 336 с.
- Кызласов И.Л.** Кыпчаки и восстание енисейских племен в XIII в. // СА. – 1980. – № 2. – С. 80 – 93.
- Кызласов Л.Р.** История Южной Сибири в средние века. – М.: Высш. шк., 1984. – 168 с.
- Кызласов Л.Р.** Эпоха производства орудий из камня и бронзы // История Хакасии с древнейших времен до 1917 года. – М.: Наука, 1993. – Гл. 1. – С. 8 – 28.
- Львова Э.Л.** Чулымские тюрки: (Историко-этнографические очерки): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1978. – 18 с.
- Львова Э.Л.** Об одном из компонентов в составе чулымских тюрков // Вопросы этнокультурной истории Сибири. – Томск: Изд-во ТГУ, 1980. – С. 80 – 91.
- Малов С.Е.** Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 116 с.
- Малявкин А.Г.** Уйгурские государства в IX – XII вв. – Новосибирск: Наука, 1983. – 297 с.
- Медведев В.Е.** Культура амурских чжурчжэней. Конец X – XI век (по материалам грунтовых могильников). – Новосибирск: Наука, 1977. – 224 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия. Чжурчжэньская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 206 с.
- Минералы:** Справочник. – М.: Наука, 1981. – Т. 3, вып. 2. – 615 с.
- Молодин В.И., Новиков А.В.** Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1998. – 140 с.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1/2. – 412 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 18).
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – Ч. 3/4. – 375 с. – (Материалы и исследования по археологии СССР; № 43).
- Плетнева Л.М.** Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). – Томск: Изд-во ТГУ, 1997. – 351 с.
- Скобелев С.Г.** Пояс юаньского чиновника в погребении енисейского кыргыза // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири: Материалы Всерос. науч. конф. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1997. – С. 167 – 170.
- Сутурин Н.А., Замалетдинов Р.С.** Нефриты. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 150.
- Троицкая Т.Н.** Красный Яр-1 – памятник позднего железного века // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 99 – 117.
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.
- Туголуков В.А.** Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. – М.: Наука, 1985. – 285 с.
- Ферсман А.Е.** Очерки по истории камня. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 1. – 341 с.
- Ферсман А.Е.** Драгоценные и цветные камни СССР: Избр. тр. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 7. – 592 с.
- Хлобыстин Л.П.** Бронзовый век Восточной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до средневековья: В 20 т. – М.: Наука, 1987. – Т. 7: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – С. 327 – 344.
- Чвырь Л.А.** Об изучении художественных ремесел уйгуров // Восточный Туркестан и Средняя Азия. – М.: Наука, 1984. – С. 165 – 179.
- Шавкунов Э.В.** Культура чжурчжэней-удигэ XII – XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. – М.: Наука, 1990. – 283 с.
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан // Культура народов Востока: Материалы и исследования. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- Юсов Б.В.** Тибет: Физико-географическая характеристика. – М.: Изд-во геогр. лит., 1958. – 224 с.

Материал поступил в редколлегию 03.11.1999 г.

“УГРО-САМОДИЙЦЫ” В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Существует мнение о наличии на северо-востоке Европы обширного ареала топонимики, якобы оставленной древним угорским населением; к нему обычно – хотя и вне всякой логики – примыкают попытки показать бывшее пребывание на примерно тех же территориях и каких-то самодийских групп. При этом чаще всего об “угорских” и “самодийских” топонимах Восточной Европы нередко пишут одни и те же авторы, которые помещают их в своих сочинениях рядом и порой объясняют отдельные топонимы как гибридные “угро-самодийские”, как будто речь идет почти об одних и тех же языках. Эти построения с энтузиазмом используют некоторые археологи для прямолинейной этноязыковой интерпретации археологических свидетельств миграций сибирского (“угро-самодийского”) населения в Восточную Европу [Генинг, 1967, с. 275 – 277; Казаков, 1992, с. 245, 250 и др.].

Написано обо всем этом на сегодня уже немало. Междисциплинарный характер проблемы (ономастика, археология, исторические источники и т.д.) осложняет ситуацию: даже весьма осторожные исследователи считают необходимым сослаться на “угро-самодийские” построения, мотивируя это тем, что последние базируются якобы на выводах другой дисциплины, которые следует принимать во внимание. Это обстоятельство и является основным побудительным мотивом для написания данной статьи, причем я вполне отдаю себе отчет в том, что не только одна небольшая статья, но и несколько томов детальной критики едва ли могут переубедить авторов построений такого рода*, и нимало не стремлюсь к этому, я

адресуюсь прежде всего к студентам и к тем коллегам, которые понимают необходимость корректного и осторожного использования выводов различных смежных дисциплин.

По-видимому, пионером в области поисков угорской топонимии на широких пространствах Восточной Европы был Д.П. Европеус [1874]. Его сочинение было совершенно дилетантским даже для своего времени (“Phantasien”, по лаконичному определению М. Фасмера [Vasmer, 1934 – 1936, Bd. 2, S. 10]), и разбирать здесь его построения нет необходимости. В принципе, данного автора не стоило бы и упоминать, если бы не то обстоятельство, что на него ссылаются современные разработчики интересующих нас “угро-самодийских” теорий: либо сами они сочинения Д.П. Европеуса не читали, либо его уровень их вполне устраивает (что, если посмотреть на их собственные упражнения – см. ниже, не удивляет), либо, наконец, уж очень хочется продемонстрировать наличие “историографической традиции”, и тут – всякое лыко в строку. И в самом деле, Д.П. Европеус не только предвосхитил, но даже превзошел достижения наших “угро-самоедологов”: он находил “следы” (финно-)угров, например, и в Африке [Еuropeус, 1874, с. 22]!

Более серьезным основанием для утверждений о былом широком расселении обских угров на севере Восточной Европы стал список “обско-угорских” гидронимов этих территорий, приведенный А. Каннисто в его работе более чем полувековой давности [Kannisto, 1927a]. Очерченный автором ареал “обско-угорских” топонимов охватывал бассейны Камы, Вычегды, Мезени, Пинеги и достигал Марийского Поволжья. Бесспорный высокий авторитет А. Каннисто и некритическое восприятие выводов привели к тому, что этот ареал стал рассматриваться уже как бесспорный район былого проживания обских угров (см., например, карту в [Соколова, 1983]).

* Дело как всегда осложняется и корпоративными интересами. Так, данная статья не была допущена к печати Научным советом Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН с подачи ученого секретаря М.Г. Ивановой по причине того, что здесь подвергаются критике сочинения удмуртского исследователя М.Г. Атаманова.

Между тем это едва ли оправданно, так как, во-первых, единственным критерием отбора “обско-угорских” гидронимов для А. Каннисто было наличие в названии рек окончания на *-ja* (ср. манс. *jā* ‘река’), при этом не учитывалось, что оно может возникнуть в результате адаптации местных (прежде всего – коми) названий рек русским языком (окончание женского рода *-а*). Таким образом, в работе А. Каннисто по сути дела вообще нет первичного лингвистического анализа рассматриваемых там гидронимов как слов конкретного языка, в котором они функционируют; как увидим ниже, это характерно и для других работ по интересующей нас теме. Во-вторых, в большинстве случаев А. Каннисто не дает обско-угорских этимологий для рассматриваемых гидронимов, ограничиваясь констатацией упомянутого окончания на *-ja* или указывая созвучные названия на территории проживания ханты и манси. Для утверждения обско-угорского происхождения того или иного названия реки следовало бы показать, что оно (и аппеллятив, и основа) объясняется из нарицательной лексики обско-угорских языков, а наличие просто параллельных названий оставляет множество других возможностей: происхождение из какого-то неизвестного языка, пермское (коми) происхождение, перенос названий русскими или коми с Русского Севера на север Западной Сибири и т.д. В-третьих, в работе А. Каннисто есть элементарные ошибки в передаче названий и их интерпретации.

Ниже я привожу все “обско-угорские” гидронимы бассейнов Мезени, Пинеги, Вычегды, Вятки, среднего течения Печоры и верховьев Камы из статьи А. Каннисто [Kannisto, 1927a, S. 76 – 89], обязательно указывая предложенные им обско-угорские этимологии для них (в тех немногих случаях, когда таковые имеются, если их нет, название даю без комментария). При этом я не рассматриваю в качестве этимологий похожие названия рек, текущих в собственно обско-угорских районах, если они необъяснимы из обско-угорских языков. После знака = приводятся сегодняшние названия этих рек на русском и коми языках (в тех случаях, когда мне удалось их установить, если не удалось – привожу определения самого А. Каннисто после ? и без знака =) и альтернативные этимологии из работ других авторов и (после знака //) предлагаемые мною.

Бассейн Мезени

Сельзя = *Сельзя* (пр. пр. р. Мезень).

Мутася = *Мутася* (лев. пр. р. Мезень).

Ия ← манс. (Т.) *iī*, (НЛозь.) *i* ‘ночь’ [Kannisto, 1927a, S. 86] = (Большая) *Бя* (лев. пр. р. Вашка), ср. также выше ее – р. *Бя*, оба названия якобы ← нен. *i* ‘вода’ [Афанасьев, 1996, с. 160]. Сомнительно: вряд ли нен. *i* может быть передано в коми языке через *j*.

Едва ли ненцы вообще когда-либо жили в верховьях Мезени и вряд ли появились там раньше коми // Ср. коми (Уд.) *iv*: *iv dor* ‘entfernte Gegend (volkstümliche Deutung des Namens Udora)’ [Fokos-Fuchs, 1959, Bd 1, S. 297] < общекоми основа *il* – ‘даль(ний)’ в *в*-вовом диалекте.

Керья = *Керью* (лев. пр. р. Мезень) < коми *ker-ju* букв. ‘бревно-река’, ‘река с бревнами’ [Афанасьев, 1996, с. 73].

Поля Верхняя и Нижняя (? лев. пр. р. Мезень) // < коми (л-овый диалект) *lol ju* ‘ольховая река’ (ср. ниже р. *Лолья* в бас. Вычегды).

Веня = *Венью* (пр. пр. р. Вашка) якобы < коми *vañ ju* ‘богатая река’ (где *vañ* – забытое коми слово, восстанавливаемое на базе удм. *vañ* в *vañbur* ~ коми *embur* ‘богатство’) [Афанасьев, 1996, с. 39]. Сопоставление сомнительное и по вокализму, и в силу неправомерности реконструкции коми * *vañ* // На самом деле скорее связано с коми (Уд.) *veñ* ‘поветрие, заразная болезнь’ (в др. коми диалектах – *perēs* [Сравнительный словарь..., с. 300]): *veñ ju* ‘заразная река’.

Лун ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Лунт* (пр. пр. р. Мезень) – форма, приводимая на картах, у А.П. Афанасьева – *Лунта*, якобы ← манс. *лунта* ‘лист, лепесток’ (т.е. ‘(река, текущая) по листовенному лесу’, ‘(река, заросшая) листовенным лесом’) [Афанасьев, 1996, с. 94]. Сопоставление сомнительное по семантике: манс. (С) *lūpta* не имеет значения ‘лиственный лес’ [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 276 – 277]. Поэтому предпочтительнее альтернативное предположение: “Возможно также, *Лунта* из коми *lōnta* ‘с мусором, с лесными завалами’” [Афанасьев, 1996, с. 94] < коми *lep(t-)* ‘наносной мусор, завалы на реке’; ниже см. множество примеров гидронимов, образованных от основы *lep(t-)* и комментариев. Ср. также название избы *Лунтвом* – топоним, безусловно, целиком коми происхождения [Там же], указывающий, кроме того, на первичность формы гидронима *Лунт*, а не *Лунта*.

Коштомья (? пр. пр. р. Мезень).

Унья (? пр. пр. р. Мезень).

Пежся ← (?) манс. (ВЛозь.) *pēs iā*, (Т.) *piš ie* ‘старое русло реки’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Пежся-ю* (пр. пр. р. Мезень) < коми *pežja ju* ← “др.-угор. *peš ja*, *pes ja* ‘река со старицами’” [Афанасьев, 1996, с. 122]. Сомнителен переход * *š* > * *ž* при адаптации в коми языке // На картах приводится форма *Пежью* < коми *pež ju* ‘поганая река’, если все же правильна форма *Пежся-ю*, то и в этом случае < коми (Уд.) *pežja ju* ‘жирная река’ (см. [Сравнительный словарь..., с. 278]).

Бассейн Пинеги

Кисья (? лев. пр. р. Покшеньга, левого притока р. Пинега).

Вья = *Вья* (лев. пр. р. Пинега).

Нюл ← манс. (НКон., СКон., Т.) *nâl* 'Quelle, bes. in einem Fluß oder See fließende' [Kannisto, 1927a, S. 86] // Очевидно < коми (л-овые диалекты) *nel* 'стрела'.

Бассейн Вычегды

Шабья (? пр. пр. р. Виледь, левого притока р. Вычегда).

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* 'дерево, лежащее в реке' + *jā* 'река' [Ibid, S. 77] = *Верхняя Лупья* (лев. пр. р. Вычегда) // Альтернатива: < коми *ler ju* 'река с завалами' (*ler* 'завалы, наносной мусор'). Большое количество названий рек типа *ler ju* в Республике Коми [Афанасьев, 1996, с. 95] объясняется важностью наличия/отсутствия речных затворов для судоходства и рыболовства. Хотя в удмуртском языке коми *ler* 'наносной древесный мусор' прямых параллелей не имеет, в топонимии Удмуртии имеются названия рек типа *Лып* (удм. *ler*), связанные, видимо, с тем же корнем [Атаманов, 1988, с. 62]. См. также ниже.

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* 'дерево, лежащее в реке' + *jā* 'река' [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Нижняя Лупья* (лев. пр. р. Вычегда) // См. выше и ниже.

Лапья ← (?) манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* 'дерево, лежащее в реке' + *jā* 'река' [Ibid] = *Лэпью* (пр. пр. р. Сысола, рядом еще как минимум три реки с таким названием) < коми *ler ju* 'река с мусором, с завалами' [Афанасьев, 1996, с. 95]. Показательны зафиксированные колебания вокализма в русской передаче названий: различная адаптация коми *ler* – в виде русского *лун(т)* или *лэн/лан* объяснима разным временем заимствования, взаимодействием разных коми и русских диалектов. Ср. также р. *Лапьюга* в Ижемском районе Республики Коми < **ler ju(g)* 'река с мусором, с лесными завалами' [Там же, с. 87].

Вадья (? пр. пр. р. Вычегда) ← манс. (НЛозь., Пел.) *βōt*, (СКон., НКон.) *βōt*, (Т.) *βāt* 'ветер' [Kannisto, 1927a, S. 86]. Необъясним переход **t* > **d* // Альтернатива: < коми *vadja* 'с лесным озером' (*vad* 'лесное озеро'). Ср., например, р. *Вадьявож*, лев. пр. р. Велью < коми *vadja* + коми *vož* 'приток' [Афанасьев, 1996, с. 36].

Чавья = *Чевью* (лев. пр. р. Вычегда) < коми *čev-ju* 'тихая река' [Там же, с. 154].

Лолья (? пр. пр. р. Сысола) // < коми (л-овый диалект) *lol ju* 'ольховая река'. Ср. р. *Ловля*, пр. пр. р. Сокса в Прилузском районе Республики Коми, < коми (в-вовый диалект) *lov ju* 'ольховая река' [Там же, с. 92].

Енволь (? лев. пр. р. Вымь) // Безусловно < коми (Вым.) *jen vol* 'божья росчисть' (см. [Сравнительный словарь..., с. 58]). Ср. р. *Енва* (лев. пр. р. Печора)

< коми *jen va* 'божья вода', р. *Енью* (пр. пр. р. Вишера) < коми *jen ju* 'божья река' [Афанасьев, 1996, с. 60]. См. также ниже.

Воль ← манс. (ВЛозь.) *βōl* 'прямой отрезок реки между двумя поворотами, плес' [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Воль* (лев. пр. р. Малая Визинга, левого притока р. Сысола) // Коми альтернатива не исключена: коми (Вым.) *vol* 'росчисть, участок в лесу с очищенными от коры деревьями' [Сравнительный словарь..., с. 58] ~ коми-перм. *vol* 'росчисть, участок в лесу, очищенный от деревьев для пашни' ~ удм. *vel'i*, *vel'* (знач. то же); в силу надежной коми этимологии гидронима *Енволь* (см. выше) эта альтернатива представляется более основательной, чем мансийская гипотеза. В удмуртской топонимии апеллятив *vel' / vel'i* весьма продуктивен [Атаманов, 1988, с. 63]. См. также ниже.

Воль ← манс. (ВЛозь.) *βōl* 'прямой отрезок реки между двумя поворотами, плес' [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Воль* (лев. пр. р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда), коми *vel'*. Ср. также одноименный приток р. Вычегда [Сравнительный словарь..., с. 65] // См. выше. Колебания по вокализму (*o* ~ *e*) объяснимы: слово *vol* в коми-зырянском языке практически забыто.

Имонья (? пр. пр. р. Сысола) ← (?) манс. (СЛозь.) **im(ə)ŋiā* 'песчаная река' < *im* 'песок' [Kannisto, 1927a, S. 77]. Фонетически довольно проблематично (переход **a* > *o*) // Реки с таким названием на картах нет. Если все же это не результат какой-то ошибки, то возможна связь с коми глаголом *im̄ini* 'попасть, угодить' (например, **intan ju* 'река попадания, достижения' – по которой можно попасть куда-либо).

Вежья = *Вежью* (лев. пр. р. Лэпью, правого притока р. Сысола) // < коми *vež ju* 'зеленая река' [Афанасьев, 1996, с. 38].

Нюль ← (?) манс. (Пел., НЛозь.) *nul*, (СЛозь.) *nuli*, (С) *nuli* 'пихта' = *Нюль* (пр. пр. р. Сысола) // Возможно, связано с корнем **nul*-, сохраненным в коми *nul'eg*, (Уд., Печ.) *nul'eg*, (Иж.) *nul'eg* 'скользящий, скользкий; налет, слизистый осадок', (ВСыс.) *nul'te* 'гнилая колода' [Сравнительный словарь..., с. 237, 241].

Пешья ← (?) манс. (ВЛозь.) *pēs jā*, (Т.) *piš je* 'старое русло реки' [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Пешью* (лев. пр. р. Сысола) < коми *peš-ju* 'река молодого ельника' (коми диал. *peš* 'молодой ельник, чаща') [Афанасьев, 1996, с. 123].

Пешья – см. выше.

Тетеря (? лев. пр. р. Вымь) // На современных картах не обнаружена. Очевидно, русское название.

Тодья (? приток р. Вымь) // < коми *tod* 'болотистое место с низкорослым ельником' [Сравнительный словарь..., с. 370]. Аналогично названию р. *Тыд*, левого притока р. Мезень [Афанасьев, 1996, с. 146].

Соня (? приток р. Вымь).

Чимья-верек = на картах *Чиньяворык* (пр. пр. р. Весляна, левого притока р. Вымь), правильно – коми *čimja-verek* ‘сеmuzий ворох’ в смысле ‘река, богатая семгой’ [Там же, с. 156].

Ватя (? приток р. Весляна, левого притока р. Вымь).

Бадья (? лев. пр. р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда) = одно из множества названий рек типа *Бадья* < коми *bad'ja* ‘ивовая’ [Там же, с. 23].

Позья ← манс. (Пел.) *pōs*, (ВЛозь.) *pōs*, (С) *pōs* ‘знак, метка’ [Kannisto, 1927a, S. 77]. Помимо того, что мансийское слово заимствовано из коми (*pas* ~ удм. *pus* ‘знак, тамга’) [Rédei, 1970, S. 136], сомнителен переход **s* > *z* = *Позью* (лев. пр. р. Сев. Кельтма, левого притока р. Вычегда) < коми *poz-ju* ‘гнездовая река’ [Афанасьев, 1996, с. 125].

Бассейн Печоры

Раскуля (? лев. пр. р. Ижма) // Ср. множество названий рек с апеллятивом *Рас-* < коми *ras* ‘роща’ [Там же, с. 131].

Уш-Пеля (? лев. пр. р. Ижма).

Сосья ← манс. (С) *sōz*, (НЛозь.) *šoš*, (Пел.) *šōš* ‘ручей’ [Kannisto, 1927a, S. 76] = *Сосья* (пр. пр. р. Печора в нижнем течении), коми *sošja* ← манс. *sos* ‘ручей, речка’ + *ja* ‘река’ [Афанасьев, 1996, с. 139] // Один из двух-трех случаев (в бассейне Печоры), когда мансийское происхождение названия возможно.

Косья = *Косью* (лев. пр. р. Ижмы) < коми *koš-ju* ‘порожистая река’ [Там же, с. 80].

Косья = *Косью* (лев. пр. р. Усы) – см. выше.

Лая = *Лая* (пр. пр. р. Печора) возможно ← манс. *lui-ja* ‘нижняя река’ [Там же, с. 88] // См. *Сосья*.

Воя = *Воя* (лев. пр. р. Печора) // < коми *voj* ‘ночь; север’.

Лем/Лым ← манс. (Т., СЛозь., Пел.) *lēm*, (НКон.) *lām*, (СКон.) *lēm*, (С) *lām* ‘черемуха’ [Kannisto, 1927a, S. 87] = *Лемью* (лев. пр. р. Печора) < коми *lēm ju* ‘черемуховая река’ [Афанасьев, 1996, с. 89].

Хагемалья = *Торговая* (пр. пр. р. Щугор, правого притока р. Печора) // Гидроним ненецкого происхождения, находится в ареале распространения ненецкой топонимии и исторического обитания ненцев на Приполярном Урале.

Бассейн Вятки и верховья Камы

Лопья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lōp*, (НЛозь.) *lōp* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Лопья* (лев. пр. р. Кама). Ср. *Лопья* (пр. пр. р. Вишера), *Лопью* (несколько рек) ← манс. *loup ja* ‘река с корягами’ [Афанасьев, 1996, с. 92 – 93] // Ничто не мешает выводить эти названия из коми *lēr ju* ‘река с мусором, с завалами’. См. подробнее выше. Не исключена связь и с коми *lor* ‘лопасть (весла)’. В любом случае на коми происхождение данных гидронимов однозначно указывают формы *Лопью*.

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Kannisto, 1927a, S. 77] = *Лупья* (лев. пр. р. Кама) // См. *Лопья*.

Лупья ← манс. (НКон., СКон., Пел., СЛозь.) *lūr*, (НЛозь.) *lūr* ‘дерево, лежащее в реке’ + *jā* ‘река’ [Ibid] = *Лупья* (лев. пр. р. Кама) // См. выше.

Кым (две реки) = *Кым* (пр. пр. р. Кама) // Речки небольшие (названия малых рек как правило менее устойчивы), дорусская (собственно коми) форма названия неизвестна, поэтому есть широкие возможности для разных гадательных предположений (ср. коми *котти* ‘Прикамье’, *кут* ‘амбар при охотничьей избушке’, *кот* ‘хариус’ и т.д.). Сопоставление с манс. (НКон.) *kāt* – название реки в бассейне Конды [Ibid] ничем не лучше любого из этих вариантов, однако форма, какую мансийское название приобрело в русской адаптации (*Кима*) достаточно далека от *Кым*.

Лонья (? приток Камы в ее верховьях) // Ср. удм. *lon* ‘лох (рыба)’ [Кротов, 1995, с. 121].

Кузья (? приток р. Чепца) ← (?) манс. (С) *χūz* ‘Schlangenwurz’; (Пел.) *kūsŋje*, (НКон.) *χūsəŋjā* ‘Schlangenwurzfluß’ [Kannisto, 1927a, S. 80 – 81] // Ср. общепермское *kuž* ‘длинный’.

Тья (? приток р. Чепца) // Ср. общепермское *tj* ‘озеро’.

Попья (? приток р. Холуница <какой? – В.Н.>) ← манс. (НЛозь.) *pori*, (Пел.) *poriŋ* ‘дух-покровитель’; *pori-jā* ‘река духов’ [Ibid, S. 82] // Не исключена связь с названием удмуртского рода *Побья* или с русским словом *поп*.

Бассейн Волги (Марийское Поволжье)

Кумья Большая и *Малая* (? притоки р. Рутки, левого притока р. Волга).

Орья = *Орья* (лев. пр. р. Толмань, левого притока р. Немда, правого притока р. Пижма, левого притока р. Вятка).

Шуля = *Шуля* (верхний приток р. Малый Кундыш, левого притока р. Малая Кокшага, левого притока р. Волга) // Не решаюсь предлагать пермские этимологии для этих гидронимов, тем более что и угорских нет. При желании и те и другие можно было бы придумать, но цена подобным придумкам невелика. Ясно, во всяком случае, что данные три названия не образуют единого ареала даже с псевдоугорскими гидронимами А. Каннисто, поэтому (при отсутствии к тому же угорских этимологий) могут спокойно быть отвергнуты.

Бассейн Камы

(Сарапульское Прикамье)

Шалья = *Шалья* (лев. пр. р. Кама).

Кальтя = *Кальта* (лев. пр. р. Пизь) // В любом случае даже окончание *-*ja* здесь выделить невозможно.

Ашья / Ошья ← манс. (Пел.) *oš*, (НЛозь.) *oš* и т.д. ‘овца’ + *jā* ‘река’ [Ibid, S. 81] = *Ошья* (пр. пр. р. Буй) // С тем же успехом можно сопоставить, например, с удм. *oš* ‘бык’ или коми *oš* ‘медведь’.

Орья (? лев. пр. р. Буй).

Салья = *Салья* (пр. пр. р. Кырыкмас, левого притока р. Иж) // Безусловно связано с названием удмуртского рода *Салья* и образованными от него названиями населенных пунктов. Предположение о происхождении названия рода *Салья* от манс. *sāli* ‘олень’ [Атаманов, 1988, с. 37] чисто гадательное; в любом случае название реки связано с названием удмуртского рода, а не напрямую с обско-угорскими языками.

Как видим, из всего рассмотренного здесь списка лишь два-три гидронима, находящиеся в бассейне Печоры, могут быть объяснены из мансийского языка без хорошей пермской альтернативы. Все остальные названия либо имеют очевидное пермское (коми) происхождение, либо, по крайней мере, вероятность их пермского происхождения не меньше, чем угорского (почти все предложенные пермские альтернативы весьма органично согласуются с принципами топонимической традиции коми и подтверждаются параллелями). Угорские этимологии топонимов Республики Коми, которые добавлены к списку А. Каннисто А.П. Афанасьевым, как правило, также не слишком надежны и являются отнюдь не лучшей частью его в целом очень добротной работы [Афанасьев, 1996]. Таким образом, *из ареала распространения субстратных угорских гидронимов на северо-востоке Восточной Европы, очерченного А. Каннисто, безусловно должны быть исключены бассейны Пинеги, Мезени, большая часть бассейна Вычегды, верховья Камы, Сарапульское Прикамье и Марийское Поволжье.*

Что касается более восточных районов (бассейн Печоры, бассейн Камы от Чердыни до Чусовой и далее на восток), то здесь, возможно, имеется некоторое количество мансийских топонимов: речь идет о районах исторического проживания манси. Хотя наблюдения А.Ф. Теплоухова [1924], находившего параллели в топонимике Русского Севера и Приобья, гораздо менее надежны, чем сопоставления А. Каннисто, приводимые им факты из исторических документов, свидетельствующие о пребывании в XV – XVII вв. обских угров (точнее – именно манси) в восточных районах Среднего Прикамья (бассейны рек Чусовой, Сылвы, Нейвы, Колвы и т.д.), не вызывают сомнения, равно как и аналогичные данные А. Каннисто [Kannisto, 1927a]. Более того, теоретически мансийские топонимы могут быть обнаружены и далее на запад – в районах военно-политической активности *вогуличей* в XV – XVI вв. – вплоть до Великого Устюга, где *вогуличи* реально фиксируются документами [Теплоухов, 1960].

Показательно, например, наличие нескольких населенных пунктов с названиями типа *Вогульцы* возле г. Вятки, которые рассматривались в качестве аргумента в пользу “смены манси удмуртами” на Вятке [Теплоухов, 1960, с. 27 – 28; Атаманов, 1988, с. 96]. При этом забывают как минимум о двух обстоятельствах. Во-первых, этноним *вогул* является *русским* названием манси (от названия р. *Вогулка*), употреблявшимся в документах с XIV в. по отношению прежде всего к населению Пелымского княжества – западным и южным манси. Следовательно, вятские ойконимы возникли едва ли ранее XIV в. и относятся не к обским уграм вообще, а конкретно к *пелымским вогуличам*. Во-вторых, появление таких названий совершенно естественно, так как пелымские вогуличи действительно жили в Вятской земле: например, в 1467 г. после похода вятчан и пермяков на Пелым пелымский князь Асыка был взят в плен и приведен в Вятку [Оксенов, 1891, с. 252], есть множество сообщений о совместных военно-разбойничьих экспедициях вятчан и вогуличей на Устюг и др., что свидетельствует о наличии между ними союзнических отношений, которые, надо полагать, подкреплялись взаимными визитами, наличием послов, аманатов и т.д. При чем здесь “смена угров удмуртами”?

Помимо концовки на **-ja* на роль субстратного угорского (“угроидного”) топоформанта на севере Восточной Европы предлагался еще *-ым/-им* [Serebrennikov, 1969; Тепляшина, 1967]. Гидронимы на *-ым/-им* действительно не имеют, кажется, очевидного объяснения ни из пермских, ни из прибалтийско-финских, ни из саамского языков и распространены не только на севере Европейской России, но и в Приобье. Однако большинство из них не этимологизируются и из обско-угорских языков, являясь равным образом субстратными и в обско-угорской топонимии [Матвеев, 1968, с. 139 – 140]. Даже сам Б.А. Серебренников сумел предложить всего четыре обско-угорские этимологии для гидронимов на *-ым* [Serebrennikov, 1969, S. 284], причем все они, мягко говоря, небезупречны (например, *Кольчим* ← манс. (С) *χāl'äši*, (СЛозь.) *khōl'ēs*, (Т.) *khālkhäš* ‘березовый лес’ – мансийские формы по [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 75]; ни в коми, ни в русском языке данное мансийское слово не могло приобрести искомого фонетического облика, не говоря уж о необъясненном окончании).

Проблема выявления западных границ былого обитания обских угров, и в частности манси, по данным топонимики была корректно пересмотрена в работах А.К. Матвеева, который показал, что каких-либо фактов, свидетельствующих в пользу наличия угорских топонимов западнее западных склонов Урала, за исключением районов среднего и верхнего течения

Печоры и левых притоков средней Камы, не имеется [Матвеев, 1982, с. 51 – 53]. Названия на -я, выявленные А. Каннисто, в частности, в Среднем Прикамье, безусловно, являются результатом русской адаптации коми гидронимов [Матвеев, 1961, с. 321]. Средневековые походы манси на Каму, Вычегду и т.д. – реальность, но что касается топонимики, то очевидно, что А. Каннисто, А.Ф. Теплоухов и др. “использовали случайный и по существу мало что доказывающий материал (чтобы убедиться в этом достаточно взглянуть на карту, приложенную к статье А. Каннисто)” [Матвеев, 1982, с. 50].

Итак, нет никаких оснований для предположений о наличии субстратной топонимики угорского происхождения на севере Восточной Европы, кроме районов исторического проживания манси более или менее поблизости от Уральских гор, речь может идти только о следах позднего (XIV – XVI вв.) мансийского (пелымских вогуличей) проникновения в Прикамье, на Вятку и Вычегду, хорошо известного по письменным источникам. Работы Д.П. Европеуса, А. Каннисто, А.Ф. Теплоухова и т. п. вообще не могут быть признаны надежным основанием для каких-либо выводов в силу их методических недостатков, которые имеет смысл здесь назвать, поскольку, как увидим ниже, эти же недостатки присущи и трудам современных “угро-самоедологов”:

1) самое главное – автор исходит не из материала, начинает не с системного статистического анализа топонимики определенного региона, а из интересующей его гипотезы, направление работы определяется произвольным выбором заинтересовавшего его языка/языков;

2) топонимы рассматриваются вне их реального бытования в конкретном языке (русском, коми), без учета особенностей адаптации субстратной топонимии;

3) отбираются любые удобные для автора формы топонимов и слова языков; А. Каннисто, например, рассматривал как свидетельства былого проживания угров на той или иной территории такие названия, как *Шайтанка*, *Молебка* и т. п. [Kannisto, 1927a, S. 81, 85];

4) абсолютизируется какой-либо один признак, топонормант, не учитываются принципы номинации географических объектов, топонимическая традиция того или иного языка;

5) не учитывается история языка: субстратные, т. е. относительно старые топонимы, этимологизируются с опорой на произвольно отобранные формы современных языков и диалектов, без реконструкции праформ соответствующего времени и предположительного диалекта;

6) не учитываются возможные альтернативные этимологии из других языков, прежде всего исторически бытовавших на данной территории.

Аналогичные недостатки характерны и для методологии исследователей, пытающихся объяснить некоторые гидронимы Русского Севера из самодийских языков, точнее, за редчайшим исключением, из одного из них – селькупского. Побудительным мотивом и единственным реальным основанием для этих попыток является то обстоятельство, что в селькупском языке есть слово *kj* ‘река; середина’ [Erdélyi, 1970, p. 94 – 95]. Именно это слово увидел А.П. Дульзон [1960, с. 6; 1961, с. 365 – 366] в названиях рек на севере Восточной Европы, оканчивающихся на -ка (-га). При этом не принималось во внимание ни то, что концовка на -ка, в принципе, может быть просто русского происхождения (ср. *елка*, *палка*, *Амазонка* и т.д.), ни то, что западносибирские гидронимы, происходящие от селькупских названий рек на *kj* (*Часелька*, *Королька* и др.), в 90% случаев имеют в русской адаптации -ка, а восточноевропейские названия рек оканчиваются чаще на -га. Удалось даже изыскать в Восточной Европе названия, которые могут целиком быть объяснены из селькупских слов [Беккер, 1970, с. 16 – 18]. Их, впрочем, мало, и качество этих сопоставлений весьма невысоко: ср., например, *Шагарка* якобы ← сельк. *шѐуъ* ‘черный’ (сомнителен вокализм). Подобная “методика” дает очень широкие возможности для дальнейших изысканий того же уровня. Например, на территории Моравии и Южной Чехии множество названий рек на -ва: *Влтава*, *Отава*, *Морава* и др., и они плохо объясняются из славянских языков. Почему бы не объявить их субстратными топонимами пермского происхождения (ср. коми *ва* ‘вода’, ‘река’ в топонимах типа *Обва*, *Иньва*, *Язьва* и др.)? Расстояние от Прикамья до Чехии немногим больше, чем до селькупского Приобья, и найти подходящие апеллятивы в пермских языках при желании нетрудно (см. также Приложение).

В свое время А.П. Дульзон предполагал наличие на севере Восточной Европы не только “селькупской” гидронимии на -ка/-га, но и гидронимии саяно-самодийского происхождения на -ба/-ва/-ма – якобы от матор. *бы*, камас. *бу* ‘вода’ [1961, с. 365]. Однако эта точка зрения не получила распространения – думаю, не столько в силу абсолютного отсутствия каких-либо оснований (для “селькупской” гипотезы это препятствием не стало), а просто потому, что под рукой у возможных энтузиастов-продолжателей не нашлось соответствующих словарей. Это отрадно, так как позволяет сэкономить место. Впрочем, словари иногда находятся, и список народов, якобы посещавших Среднее и Верхнее Прикамье и оставивших там свою топонимику, не ограничен обскими уграми, селькупами, камасинцами и маторами: добавьте сюда еще кетов, сибирских тюрков [Кривошекова-Гантман, 1973, с. 132] и ненцев [Атаманов, 1988, с. 95]. Почему-то забыли нивхов и айнов; предвидя расширение этого

списка народов, я спешу внести в общую работу свой вклад – см. Приложение.

Гипотеза о самодийском происхождении субстратных топонимов Русского Севера была проанализирована в нескольких работах А.К. Матвеева. Прежде всего он отметил сомнительность того, что в Восточной Европе уже раздельно сосуществовали “протоселькупы” (топонимы на *-ga/-ka*) и “протожunosамодийцы” (*-ma/-ba*) [Матвеев, 1964б, с. 104]. Далее было показано, что значительная часть топонимов такого рода получила окончание на *-a* на собственно русской почве, о чем свидетельствует наличие таких топонимических пар, как *Курга ~ Кургозеро* [Там же, с. 108]. В тех случаях, когда концовки на *-ga/-ka/-ma* (*-ba* не фиксируется в любом случае!) все же обнаруживаются, они не являются самостоятельными топоформантами, а представляют собой лишь произвольно вырванные части более сложных формантов: *-еньга*; *-юга/-ега*; *-ома/-ема*; *-ожама/-ежма*, которые образуют определенные ареалы [Там же, с. 106 – 108; Матвеев, 1964а, с. 80 – 81]. Фонетический анализ топонимов указанных групп показывает, что топонимы на *-юга/-ега* и на *-еньга* отражают языки с различным фонетическим строем и могли быть оставлены носителями пермских, прибалтийско-финских, саамских, неизвестных палеоевропейских, но никак не самодийских языков (наборы согласных в начальной и инлаутной позиции и сочетаний согласных, характерные для топонимов этих групп, абсолютно не совпадают с характерными особенностями консонантизма самодийских языков) [Матвеев, 1964б, с. 107 – 112; 1964а, с. 67 – 68]. Работы А.К. Матвеева являют собой прекрасный и, к сожалению, довольно редкий пример методологически корректного анализа данных топонимики, и его вывод однозначен: “Нет никаких оснований считать, что топонимы на *-ga* восходят к самодийским источникам” [Матвеев, 1964б, с. 115].

Учитывая те же обстоятельства, на которые указывал А.К. Матвеев, А.П. Дульзон в поздней своей работе признал, что наличие в Западной Сибири гидронимов на *-ка*, образованных от сельк. *kj*, “ничего не говорит о происхождении аналогичных названий, встречающихся в виде плотных ареалов к западу от Урала” [1970, с. 88].

Как видим, оснований для утверждений о самодийских (точнее – селькупских, что не одно и то же – см. выше пункт 5 в списке методических недостатков) гидронимах на севере Восточной Европы (кроме исторических районов проживания ненцев, естественно) еще меньше, чем об угорских: *самодийских гидронимов здесь, насколько это вообще можно утверждать, нет и быть не может*. “Предположения о существовании массовых угорских и самодийских элементов в субстратной топо-

нимии Русского Севера не подтверждаются” [Матвеев, 1964а, с. 83].

Были предложены самодийские “этимологии” и для некоторых ойконимов и микроэтнонимов Башкирии [Васильев, Шитова, 1982]. Хотя теоретически участие каких-то древних самодийских групп в великом переселении народов и вхождение их в состав конгломератов степных племен V – XIII вв., а затем и в состав башкир не исключено, каких-либо реальных фактов, свидетельствующих об этом, нет. Побудительным мотивом к таким изысканиям послужила гипотеза В.И. Васильева о древней родоплеменной группировке “самодийцев-кара”, выделенной им в основном по названиям ненецкой фратрии *Харючи*, селькупской племенной группировки *karal'-qut* и этнониму саянских самодийцев *карагасы* [Васильев, 1979, с. 29 – 32] (подробнее об этих этнонимах см. [Hajdú, 1950, p. 83 – 85, 93 – 97]). Это, однако, не значит, что всякий этноним, содержащий в себе компонент **kara* следует объявлять самодийским, в особенности когда речь идет о районах исторического расселения тюрков, так как в тюркской ономастике очень активно используется общетюркский апеллятив *kara* ‘черный’. Поскольку тюркские названия на *kara* широко распространены по всей Северной Евразии, оказалось возможным обнаруживать следы “самодийцев-кара” где угодно, в том числе и в Башкирии [Васильев, Шитова, 1982]: *Каратавлы* (тат., башк. *kara taylā* ‘с черной горой, Черногорье’), *Карагулово* (от тюрк. *kara(γ)ul* ‘караул’ ← монг. [Räsänen, 1969, S. 235 – 236]) и т.д. С этой точки зрения самодийцами можно объявить и *карачаевцев*, и *каракалтаков*, и *картвелов*, и всех картавых.

Открывателем “угорских” и “самодийских” топонимов на территории Удмуртии является М.Г. Атаманов, творчество которого особенно показательное, так как он опирается на достижения своих предшественников, перечисленных выше, и заходит даже дальше их. Интересно, что в списке этих предшественников он почему-то в одном ряду с Д.П. Европеусом, А.П. Дульзоном и др. упоминает и А.К. Матвеева, что едва ли оправдано: А.К. Матвеев действительно “писал” [Атаманов, 1988, с. 93] на эту тему, однако, как было показано выше, его методика и выводы радикальным образом расходятся с методикой и выводами, милыми сердцу М.Г. Атаманова.

Можно было бы, наверное, ограничиться простым указанием на то, что (обско-)угорские и самодийские сопоставления М.Г. Атаманова и иже с ним ненадежны, немногочисленны, не образуют, даже по признанию самого автора [Там же, с. 97], сколько-нибудь значительного топонимического пласта, имеют все указанные выше недостатки и поэтому ни в коем случае не должны приниматься во внимание в палеоисторических исследованиях. Однако подобная общая

негативная оценка может показаться представителям лингвистических дисциплин неубедительной, а “гипотезы” М.Г. Атаманова весьма известны хотя бы в пределах Удмуртии. Поэтому рассмотрим несколько примеров.

В названиях рек *Лумна* ~ *Лумно*, *Лумнашур* и т.п. М.Г. Атаманов находит селькупское слово *l̥m̥p̥ä* ‘болото’ [Там же, с. 94] (точнее – ‘зыбун, топь; сырое место’ [Erdélyi, 1970, p. 118, 159]). Сначала небольшое замечание исторического плана. Поскольку в этих топонимах сохраняется сочетание согласных “носовой + смычный” (*-m̥p̥-*), следует считать (если принять гипотезу об их селькупском происхождении), что они появились в удмуртском языке уже после завершения процесса пермской деназализации (переход типа **m̥p̥ > b*). Считается, что под этот процесс попали по крайней мере три булгарских заимствования [Wichmann, 1903, p. 129; Rédei, 1969, S. 329], следовательно он завершился едва ли раньше IX в. н. э. Таким образом, проникновение “селькупских” топонимов с сочетанием “носовой + смычный” в удмуртский язык могло иметь место никак не ранее IX – X вв. У М.Г. Атаманова имеется целая серия таких топонимов: *Лумна*, *Шундошур*, *Сундо*, *Юнга*, *Англеть*, причем они разбросаны практически по всей Удмуртии [Атаманов, 1988, с. 94 – 95]. Значит, если верить М.Г. Атаманову, то следует признать, что еще в раннем средневековье вся территория Удмуртии была заселена селькупцами, а пермяне – предки удмуртов появились здесь не раньше IX в. н. э.! Даже самым горячим сторонникам “утро-самодийских” теорий такой вывод, думаю, покажется диким, однако по-другому интерпретировать выводы М.Г. Атаманова невозможно.

Таким образом, топонимы типа *Лумно* относительно молодые и представляют собой композиты или суфигированные слова, а морфемная граница в них проходит между *м* и *п*.

Название р. *Лумпун(ь)* – правого притока р. Кильмезь предложено этимологизировать из сельк. *l̥m̥p̥ä* и манс. *унь* ‘запруда в реке’ (о втором слове подробнее см. ниже) [Там же, с. 94]. Следуя подобному подходу, суть которого заключается в том, что любое интересное исследователя отдельно взятое название можно произвольно разлагать на любые компоненты, а затем подыскивать для них любые более или менее созвучные слова в разных языках (набор которых ограничен только желаниями и кругозором автора), можно было бы, например, “этимологизировать” название страны *Нигерия* как состоящее из рус. *ни* (отрицание) + удм. *геры* ‘соха’ + рус. *я* = “я – не соха”, семантически немногим хуже, чем “запруда на болоте” (см. также Приложение).

Другого подхода, впрочем, нельзя и ожидать – только так можно доказывать недоказуемое и нахо-

дить то, чего нет. Беда, однако, не только в этом: в данном случае перед нами пример, наглядно показывающий, как не следует подходить к анализу топонимики и к этимологии вообще. Предпочитая форму названия реки *Лумпунь* с мягким **-ñ* на конце (это дает возможность сопоставлять его с манс. *унь*), М.Г. Атаманов, как и в большинстве других случаев, не уточняет, о слове какого языка идет речь, что само по себе для исследователя, претендующего называться лингвистом, довольно странно (см. выше пункт 2 в списке методических недостатков). Между тем мы имеем здесь дело с названием реки, употребляемым в русском языке (точно так же в приведенном выше примере я намеренно не уточнял, что название *Нигерия* – тоже слово русского языка, и оно далеко не идентично фонетически англ. *Nigeria*), следовательно анализировать его нужно для начала как русское слово. Поскольку рус. *река* женского рода, большинство названий рек в русском языке также женского рода; соответственно адаптируются в русском языке и иноязычные названия рек – чаще всего с окончаниями существительных женского рода. Поэтому при наличии дублетных форм названий рек нерусского происхождения с мягким знаком на конце (показатель женского рода) и без него – как в случае с *Лумпун(ь)* – следует отдавать предпочтение при реконструкции дорусского оригинала форме без мягкого знака, в данном случае – *Лумпун*, поскольку для ее возникновения на собственно русской почве нет специальных оснований.

Реконструкция дорусского названия реки **l̥m̥p̥un* позволила бы оценить сопоставление конца слова с манс. *унь* как фонетически некорректное и поэтому маловероятное. Однако слова *унь* ‘запруда в реке’ в мансийском языке, кажется, нет. М.Г. Атаманов имеет в виду, по-видимому, манс. (С, СЛозь., К.) *ün* ‘кол, свая, шест рыболовного закола’ [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 695]. Фонетически данное слово в принципе сопоставимо с **-un* в **l̥m̥p̥un*, но что должно скрываться за селькупско-мансийским ‘трясинный шест рыболовного закола’, и может ли существовать подобное гибридное название вообще (манси с селькупцами не создавали гибридных топонимов, видимо, никогда – даже в Сибири)? Две ошибки М.Г. Атаманова (манс. *ун*, а не *унь*; изначально *Лумпун*, а не *Лумпунь*) в данном случае нейтрализуют друг друга, но качество его работы едва ли нуждается в комментариях.

С другой стороны, поскольку с исторической точки зрения надо полагать, что название р. *Лумпун(ь)* могло попасть в русский язык прежде всего из удмуртского, следовало бы в первую очередь проверить, не может ли оно иметь собственно удмуртской (пермской) этимологии (см. пункт 6 в списке методических недостатков). Слово **l̥m̥p̥un* разлагается на два

прапермских корня: **lun* ‘день, полдень; юг’ (> коми *лун* ‘день’; удм. *нунал* ‘день’, *лымшор* ‘юг’, *лумбыт* ‘весь день’) и **роп* ‘конец’ (> коми *пом*; удм. *пум*, (пер.-юж.) *рип* ‘конец’). ППерм. **lun-роп* (> **lunроп*) ‘южный конец’ является весьма подходящим названием для реки, которая течет практически строго с севера на юг. Вероятно, слово было заимствовано в русский язык из (древне)удмуртского диалекта, где сохранялся конечный *-*п*: при исходной форме типа удм. **lunrit* следовало бы ожидать скорее рус. **Лумпум*, а не *Лумпун*.

Предположение о происхождении рус. *Лумпун(ь)* из (древне)удм. **lunрип* < ППерм. **lun-роп* ‘южный конец’ не только безупречно объясняет фонетический облик вариантов русского названия реки, но и позволяет включить данный гидроним в систему пермской гидронимии: ср. множество названий рек с апеллятивом *lun* ‘южный’ в топонимии коми [Афанасьев, 1996, с. 93 – 94].

Возвращаясь к топонимам типа *Лумпо/Лумпа*, нужно сказать, что, если принять сделанный выше вывод о необходимости делить их как **lun-ро*, в их первой части следует видеть все тот же общепермский корень **lun* ‘юг’ (помятуя и о продуктивности этого апеллятива в коми топонимии). Вторая часть представляет собой проблему, для решения которой можно предложить следующее: возможно существование древнеудмуртских диалектов, в которых в абсолютном исходе слова имел место переход **l* > **ц* (как в удм. (М.-У.) *skāц* ‘корова’, *vāц* ‘лошадь’ при удм. (лит.) *skal*, *val* [Wichmann, 1987, р. 67, 310]). В таком случае ППерм. **lun-pal* ‘южная сторона’ дало бы древнеудм. (диал.) **lunpāц*, которое, в свою очередь, при заимствовании в русский или в “нормальный” удмуртский диалект могло быть усвоено как **lunро*. Можно, впрочем, дать и другие пермские объяснения; важно, что топонимы на *лумп-* в принципе вполне объяснимы из пермского материала, а принятие сомнительной гипотезы об их селькупском происхождении приводило бы к совершенно неприемлемым этноисторическим заключениям.

Название рек *Колтымак* (приток р. Тоймы в Алнашском р-не Удмуртии) и *Кылт* (лев. пр. р. Вала) М.Г. Атаманов этимологизирует из сельк. *колд* ~ *колдэ* и т.д. (сельк. (С) *qoltj* [Erdelyi, 1970, р. 76]) ‘большая река’. При этом *-мак* он объявляет “топоформантом”, находя его также в других названиях рек: *Сосмак*, *Челтымак* и т.д. [Атаманов, 1988, с. 94]. Название района г. Ижевска *Колтома* и сходные с ним в других населенных пунктах типа *Колтыма* ~ *Колтома* он выводит из сельк. *калдэ* ‘выступающий участок (залив, клин тундры)’ (в словаре И. Эрдеи этого слова нет). Из того же *калдэ* он выводит и название деревни *Халды* (удм. *Калдй*) в Селтинском р-не Удмуртии [Атаманов, 1997, с. 48].

Интерпретация рус. *Халды* ~ удм. *Калдй* – удачный пример нежелания М.Г. Атаманова учитывать элементарные лингвистические факты. Понятно, что слова связаны друг с другом, не ясно только, из какого языка в какой произошло заимствование. Поскольку в русском языке есть фонемы *k* [к] и *χ* [х], а в удмуртском – только *k*, рус. *χ* в удмуртском произношении передается как *k*, а вот удм. *k* остается *k* и в русском. Значит, по чисто фонетическим критериям следует возводить удм. *Калдй* к рус. *Халды*, а никак не наоборот. Кроме того, название деревни представляет собой множественное число от рус. (Смол., Яросл., Вят.) *халда* ‘бесстыжий, распущенный человек’ [Фасмер, 1986 – 1987, т. 4, с. 217]. Названия населенных пунктов, являющиеся уничижительным словом во множественном числе (типа *Вороны*, *Хохряки*, *Охламоны* и т.п.), – характернейшая черта русской ойконимии. Таким образом, для *Халды* едва ли надо искать объяснение в селькупском.

Вообще, говоря о названиях на *кылт-/колт-* нельзя не учитывать, что в субстратной топонимике Русского Севера достаточно распространены гидронимы на *колд-*: *Колда*, *Колдозеро*, *Колдома* [Матвеев, 1989, с. 14]. Наличие в этом ряду гидронима *Колдюга* указывает на принадлежность этих названий к кругу гидронимов на *-юга*, которые имеют бесспорно финно-пермское, а скорее всего – пермское (точнее было бы сказать “парапермское”) происхождение [Vasmer, 1934 – 1936, Bd 4, S. 78; Матвеев, 1964б, с. 108; Ahlqvist, 1992, р. 108 – 109].

Название реки *Кылт*, как верно заметил М.Г. Атаманов, имеет параллель в коми гидронимии – р. *Кылтовка* (коми *Кытыва*, где *ва* ‘вода, река’), лев. пр. р. Вымь. Наличие такой параллели укрепляет позиции гипотезы о пермском происхождении данных названий. Совершенно неприемлема этимология А.П. Афанасьева для коми *Кытыва* из гибридного манс. *ховт* ‘ельник’ + хант. *ов* ‘течение реки’ [Афанасьев, 1996, с. 84]. Во-первых, потому, что само существование такого гибридного топонима в отдалении от мест реального контактирования ханты и манси весьма сомнительно, во-вторых, потому, что русская форма названия (*Кылтовка*, основа – *Кылт-*) и удмуртская параллель (*Кылт*) однозначно указывают на праформу типа **kilt-*, которая не может происходить от манс. *ховт*. Связь этих названий с сельк. *qoltj* ‘большая река’ затруднена фонетически (*-о-* ~ *-i-*) и семантически непонятна: рассматриваемые реки во всяком случае не большие. С другой стороны, имеются пермские корни, с одним из которых, по-видимому, связано происхождение этих названий: коми (Уд.) *kjvt* ‘тропа, проторенный след зайца, выдры, куда ставят капканы’ [Сравнительный словарь..., с. 184], или коми (Луз., НВич., Скр., Уд.) *kjvtnj*, (ВСыс., ЛЛет., Печ., ССыс.) *kjltmj* ‘плыть по течению’ [Там же, с. 184 – 185], или

коми *kevtñj* ‘ловить бреднем рыбу, снимать с поверхности’ [Там же, с. 168], удм. *kaltñj* ‘ловить рыбу неводом, бреднем’.

Как уже было указано выше, название *Колтома* имеет параллель (*Колдома*) в гидронимии Русского Севера. Если эти слова действительно связаны между собой, то рус. (Вят.) *колтома* ‘часть, конец населенного пункта’ [Словарь..., вып. 14, с. 196] может представлять собой русский народный топоним, принесенный на Вятку и в Удмуртию русскими переселенцами с запада. Его происхождение в таком случае связано с гидронимами на *-юга* (см. выше) и не может иметь никакого отношения к селькупскому языку.

Не исключено, однако, что рус. (Вят.) *колтома* (вариант, если верить М.Г. Атаманову, *колтыма*) связано не с субстратным гидронимом *Колдома*, который все-таки весьма далек от Вятки, а с местным гидронимом *Колтымак*: отпадение конечного *-к* могло произойти на русской почве при употреблении названия *Колтома(к)* как слова женского рода (в Ижевске еще и по аналогии с противостоящей Колтоме *Зарекой*). Загадочный топоформант *-мак*, выделяемый М.Г. Атамановым в *Колтымак* и др. [Атаманов, 1988, с. 77, 94 – 95], в ряде случаев является тюркским суффиксом имени действия *-tak/-mäk*, сохранившимся и в татарском языке как разговорный и устаревший, например *Сосмак* (деревня в Можгинском р-не Удмуртии) ← тат. **sõsmak* ‘черпание; (место) где черпают воду’ < *sõs-* ‘черпать’. Во многих других случаях, однако, выделение этого форманта явно ошибочно: в Удмуртии, Татарии, Башкирии и т.д. имеется большое число тюркских по происхождению топонимов типа *Урустамак*, *Стерлитамак*, *Муртыштамак*, в которых наличествует компонент *-тамак/-тымак* ← тюрк. (в том числе тат.) *tamak* ‘горло, глотка; устье реки’. Очевидно, этот же тюркский топоформант присутствует и в *Колтымак* – топониме, который также целиком объясняется из татарского языка: тат. *kul* ‘овраг, сухое русло, ответвление оврага, долины’ + *tamak* ‘устье’ = ‘овражное устье’. Ижевская *Колтома* действительно находится возле устья речки Подборенки, текущей по глубокому оврагу.

Как видим, все “селькупские” топонимы М.Г. Атаманова на *колт-/кылт-* происходят из русского, татарского или пермских языков.

Даже на фоне других изысков М.Г. Атаманова поражает его этимология гидронима *Шундошур* из сельк. *шынт* ~ *шундъ* ‘болотный ручей’ [Там же, с. 94]. Такого слова в имеющихся у меня селькупских словарях нет; не появилось ли *шынт* ~ *шундъ* у М.Г. Атаманова в результате какого-то недоразумения? Впрочем, это неважно: название *Шундошур* является безусловно удмуртским, его написание в орфографически строгой форме литературного языка должно выглядеть как

Шундышур или *Шундыё шур* ‘солнечная речка’. Ссылка М.Г. Атаманова на “параллельные” формы типа *Сундошур*, которые якобы отражают диалектные особенности селькупского языка, ничему не помогает: уверовать в то, что селькупский язык существовал на территории Удмуртии в различных своих современных диалектных вариантах очень трудно. Видимо, топонимы *Сундошур*, *Сундур*, *Сунды* напрямую не связаны с *Шундошур*.

Названия г. *Яранск* и рек типа *Ярань* и т.п. М.Г. Атаманов связывает с коми названием ненцев *яран* [Атаманов, 1997, с. 49]. Коми *jaran* ‘ненец’ заимствовано из манс. (С) *jōrən* или хант. (К., Цин.) *jārən* ‘ненец’ [Steinitz, S. 407] и относится исключительно к тундровым ненцам, в удмуртском языке этот этноним не известен, и известен быть не мог, так как, во-первых, им некого было бы называть (ненецкая тундра от Удмуртии далековато), во-вторых, он попал в коми язык в ходе контактов коми с ненцами и обскими уграми на нижней Оби, скорее всего, в эпоху распада пермского праязыкового единства. Поскольку в районе Яранска никогда не жили не только ненцы, но и коми, остается совершенной загадкой, каким образом данное коми слово могло послужить источником для названия рек и города. На самом деле название города *Яранск* происходит от названия реки *Яран(ь)* (мягкий знак – результат русской адаптации), которое, видимо, совпадает с топоформантом *-еран(ь)*, имеющимся в топонимии Республики Марий-Эл, и объясняется из марийского языка: мар. *jer* ‘озеро’ + *an* ‘горловина, устье’ (т.е. ‘озерное устье’) [Галкин, 1989, с. 44].

Название притоков Валы и Ижа *Яган* М.Г. Атаманов выводит из хант. *ёган* ~ *юган* ‘река’ [1988, с. 96]. Если принять это объяснение, то придется признать, что помимо манси, селькупов и ненцев на территории Удмуртии жили еще и ханты. Родство хантыйского и мансийского языков здесь ничего не меняет: речь идет о специфической хантыйской форме. На самом деле перед нами гидронимы тюркского происхождения: тюрк. **jäkän* ~ **jägän* (башк. *jėkän* ~ *jėgän*, тат. *žikän*) ‘тростник, рогоз, камыш, используемый для плетения циновки; тростниковая циновка’ [Räsänen, 1969, S. 195].

Названия д. *Сосмак* (Можгинский р-н Удмуртии), р. *Шошма* (пр. пр. Вятки в ее нижнем течении), д. *Дасос* (Юкаменский р-н Удмуртии) М.Г. Атаманов выводит из манс. *sos* ~ *шош* ‘ручей, вытекающий из болота’. Относительно *Сосмак* ← тат. см. выше. Название *Дасос* может иметь удмуртскую этимологию: образование от *das* ‘десять’ с суффиксом *-os*, в современном языке малопродуктивным и служащим для образования отглагольных существительных (*pirtos* ‘примак, приемный (отец и т.п.)’ < *pirtñj* ‘вводить’). Не исключено, что этот суффикс мог иметь в

прошлом и более широкое употребление и служил и для отыменных образований типа **dasos* в значении ‘десяток’ или ‘десятый (сын, например)’. Дело, однако, не в этих альтернативах, а в нежелании М.Г. Атаманова учитывать историю мансийского языка, возможности адаптации мансийского материала в удмуртском языке и законы мансийской топонимической традиции (см. пункты 2, 5 в списке методических недостатков). Манс. (С, Кон.) *sōs*, (Пел.) *šōš*, (Т.) *šaš* ‘ручей’ [Munkácsi, Kálmán, 1986, S. 564] следует возводить к общемансийской праформе **šōš*, которая в удмуртском языке должна была отразиться как **šoś*, наличие же форм на *sos* и *šoś* предполагает, во-первых, что данные топонимы были заимствованы уже после мансийского перехода **š > *s / *ś*, т.е. являются относительно новыми, и, во-вторых, что на рассматриваемой территории существовали мансийские диалекты с различным отражением старого **š*. Далее, в мансийской топонимии нет топоформантов типа *-tak*, а формант *sōs* употребляется, как правило, с какими-либо апеллятивами (предложенное сопоставление **da-* в *Dasos* с манс. *tō* ‘озеро’ [Атаманов, 1988, с. 95] фонетически настолько натянуто, что даже сам автор приводит его под вопросом). Характерно, что все эти проблемы у М.Г. Атаманова даже не рассматриваются.

Приведенные выше альтернативы сопоставлениям М.Г. Атаманова отнюдь не являются столь же случайными параллелями: пермяне и, в частности, удмурты, равно как и татары и русские реально живут и жили на рассматриваемой территории, в отличие от селькупов или манси. Впрочем, моей задачей было не предложение таких альтернатив, а демонстрация с их помощью некорректности методов и ненадежности выводов М.Г. Атаманова.

Предлагаемые мною варианты этимологий некоторых этнонимов на территории Удмуртии предусматривают учет одного важного с методологической точки зрения обстоятельства, о котором М.Г. Атаманов, видимо, и не задумывается – согласно его воззрениям, на территории Вятско-Камского междуречья с ананьинского времени имела место непрерывная последовательность смены гомогенных в этноязыковом отношении групп: прапермяне – праудмурты – удмурты [Атаманов, 1997, с. 27] (если, разумеется, не считать воображаемой смены ими селькупов, манси, хантов и др.). Вполне признавая эвристическую ценность такого подхода, я никак не могу рассматривать эту схему как модель реальных исторических процессов на данной территории. Следует учитывать наличие в прошлом множества диалектов и этнографических групп, как принадлежащих к известным нам этноязыковым группам и семьям, так и не оставивших прямых языковых потомков вообще. Применительно к пермской этнической истории это означает, что

удмурты должны были формироваться в ходе сложных ассимиляционно-интеграционных процессов прежде всего в пермской среде, в которые помимо эндопермян были вовлечены многие парапермские группы (подробнее и о терминах см. [Напольских, 1997, с. 112 – 113]). Поэтому весьма перспективны поиски на территории исторического проживания удмуртов в первую очередь субстратных топонимов *парапермского* происхождения (к ним предварительно можно отнести некоторые из предложенных выше). Эта работа требует системного и последовательного анализа топонимики Удмуртии и прилегающих территорий, который до сих пор преимущественно подменялся весьма поверхностными разысканиями в духе “угро-самодийских” теорий.

Последним достижением “угро-самоедологии” являются, по-видимому, сочинения Л.Ш. Арсланова [1993; 1996], который обнаружил новый очаг искомой топонимики по месту своего жительства – в Нижнем Прикамье. Здесь перед нами – возврат к истокам традиции, а именно к уровню методики и богатству фантазии Д.П. Европеуса. Приведу два характерных примера (полностью сохраняю в цитатах написание автора). Название деревни *Беркет-ключ* (тат. (мишар.) *беркет* ‘орел’), автор приводит еще вариант тат. *Баркәтә* (если это верно, то, видимо, от тат. *барәкәт* ‘изобилие’), – “из двух топооснов: *бар / бар* в значении ‘река’ (возможно, этнонима *пор* обских угов) + *ката* (*кәтә*), который характерен для финно-угро-самодийских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и для диалектов татарского языка и др., даже носит ностратический характер, ср.: укр. *хата* ‘дом’ <...> Таким образом, большинство фактов свидетельствуют о финно-угорско-самодийском происхождении ойконима *Баркәтә*” [Арсланов, 1996, с. 7]. Название деревни *Буранчы* (тат. ‘буранная’): “Мы склонны отнести данный топоним к марийскому источнику – гидрониму Поранча, который не имеет отношения к слову буран <на самом деле: мар. *poranča* ← тат. *burančā*. – В.Н.>. По мнению И.С. Галкина, в гидрониме Поранча выделяется топооснова *пор* “мари” <удмуртское слово. – В.Н.> + *ан* словообразовательный суффикс, который сохранился в коми языке. Ср. яран “ненец”” [Арсланов, 1993, с. 35]. Какие-либо комментарии, думаю, излишни.

Общий вывод из проделанного здесь критического обзора можно сформулировать следующим образом:

1. Построения разных авторов об “угорско-самодийской” топонимии в Восточной Европе представляют собой чудовищное нагромождение ошибок, нелепостей и пустых фантазий.

2. В топонимии Восточной Европы, помимо территорий исторического расселения ненцев в тундре и лесотундре от Канина и Кольского полуостровов до

Урала, нет никаких следов былого обитания там каких-либо самодийцев. "Продвижение ненцев в европейскую тундру было единственной этнически релевантной миграцией самодийцев в районы к западу от Урала за несколько последних тысячелетий" [Хелимский, 1989, с. 10].

3. Распространение в Восточной Европе субстратной топонимии угорского происхождения ограничивается областями исторического расселения манси на западных склонах Урала, в бассейнах левых притоков Камы в ее среднем течении и в верхнем течении Печоры. В то же время исторические данные о довольно широком расселении южных и западных мансийских групп на территории современной Пермской области и о военно-политической активности мансийского Пелымского княжества в бассейне Вычегды оставляют принципиальную возможность обнаружения топонимов мансийского происхождения на более широкой территории в пределах обозначенных ареалов. Но на сегодняшний день *никаких следов топонимии праугорского происхождения (более древней, чем мансийская) в Восточной Европе не обнаружено.*

Список сокращений

англ. – английский; башк. – башкирский; камас. – камасинский; кит. – китайский; коми (ВВыч. – верхневычегодский, ВСыс. – верхнесысольский, Вым. – вымский, Иж. – ижемский, Печ. – печорский, Уд. – удорский); лев. пр. – левый приток; манс. – мансийский (ВЛозь. – верхняя Лозьва, Кон. – Конда, НКон. – нижняя Конда, НЛозь. – нижняя Лозьва, Пел. – Пелым, С – северный (северная Сосьва, Сыгва), СКон. – средняя Конда, СЛозь. – средняя Лозьва, Т. – Тавда); матор. – маторский; мар. – марийский (Г – горномарийский); п.-перм. – прапермский; пр. пр. – правый приток; рус. – русский; селк. – селькупский (С – северный, тазовско-туруханский); тат. – татарский; тюрк. – (обще)тюркский; удм. – удмуртский (пер.-юж. – периферийно-южное наречие, М.-У. – малмыжско-уржумский); хант. – хантыйский (К. – Конда, Цин. – Цингала); чув. – чувашский.

Список литературы

- Арсланов Л.Ш. Финно-угро-самодийская топонимия Восточного Закамья // Арсланов Л.Ш., Казаков Е.П., Корепанов К.И. Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. – XIV в. н. э.). – Елабуга, 1993.
- Арсланов Л.Ш. Топонимия финно-угро-самодийского происхождения в районах западного Закамья Республики Татарстан // Финно-угроведение. – Йошкар-Ола, 1996. – № 4.
- Атаманов М.Г. Удмуртская ономастика. – Ижевск, 1988.
- Атаманов М.Г. История Удмуртии в географических названиях. – Ижевск, 1997.
- Афанасьев А.П. Топонимия Республики Коми. – Сыктывкар, 1996.
- Беккер Э.Г. О некоторых параллелях в гидронимии Европейского Севера и Западной Сибири // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 2.
- Васильев В.И. Проблемы формирования северо-самодийских народностей. – М., 1979.
- Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. – Уфа, 1982.
- Галкин И.С. Основные типы топонимов на территории Марийской АССР // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989.
- Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // Вопросы финно-угорского языкознания. – Ижевск, 1967. – Вып. 4.
- Дульзон А.П. Этнический состав древнего населения Западной Сибири по данным топонимики // XXV Междунар. конгр. востоковедов: Докл. делегации СССР. – М., 1960.
- Дульзон А.П. Дорусское население Западной Сибири // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1961.
- Дульзон А.П. Этнически дифференцирующие топонимы Сибири и Дальнего Востока // Языки и топонимия Сибири. – Томск, 1970. – Вып. 2.
- Европеус Д.П. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда нынешних жителей. – СПб., 1874.
- Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии. – М., 1992.
- Кривощёкова-Гантман А.С. К вопросу о западносибирском компоненте в топонимии Прикамья // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. – Томск, 1973.
- Кротов З. Удмуртско-русский словарь. – Ижевск, 1995.
- Матвеев А.К. Топонимические типы Верхнего и Среднего Прикамья // Отчеты Камской (Воткинской) археологической экспедиции. – М., 1961. – Вып. 2.
- Матвеев А.К. Субстратная топонимика Русского Севера // Вопросы языкознания. – М., 1964а. – № 2.
- Матвеев А.К. О древнем расселении самодийцев по данным топонимики // Топонимика Востока. – М., 1964б.
- Матвеев А.К. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // Тр. Камской археологической экспедиции. – Пермь, 1968. – Вып. 4. – (Учен. зап. Пермского ун-та; Вып. 191).
- Матвеев А.К. К вопросу о западных границах первоначального расселения манси по данным топонимии // Ономастика Европейского Севера СССР. – Мурманск, 1982.
- Матвеев А.К. Финно-угро-самодийская топонимия на территории СССР как объект лингвистического исследования // Вопросы финно-угорской ономастики. – Ижевск, 1989.
- Напольских В.В. Введение в историческую уралистику. – Ижевск, 1997.
- Оксенов А.В. Политические отношения Московского государства к Югорской земле // Журнал Министерства народного просвещения. – СПб., 1891. – Ч. 273, январь.
- Соколова З.П. Социальная организация хантов и манси в XVIII – XIX вв.: Проблемы фратрии и рода. – М., 1983.
- Словарь русских народных говоров: В 32 вып. – СПб., 1965 – 1968. – Вып. 14.
- Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева. – Сыктывкар, 1961.

Теплоухов А.Ф. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами // Зап. Уральского об-ва любителей естествознания. – Свердловск, 1924. – Вып. 39.

Теплоухов А.Ф. О происшедшей некогда смене угров пермяками на верхней Каме, коми на верхней Вычегде и удмуртами на Чепце // Тр. Камской археологической экспедиции. – Пермь, 1960. – Вып. 3. – (Учен. зап. Пермского ун-та; Т. 12, вып. 1).

Тепляшина Т.И. К вопросу об этнониме *пор* // Происхождение марийского народа. – Йошкар-Ола, 1967.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: Пер. с нем. и доп. О.М. Трубачёва / Под ред. Б.А. Ларина. – 2-е изд. стер.: В 4 т. – М.: Прогресс, 1986 – 1987. – Т. 1. – 576 с.; Т. 2. – 672 с.; Т. 3. – 832 с.; Т. 4. – 864 с.

Хелимский Е.А. Самодийская лингвистическая реконструкция и праистория самодийцев // Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1989. – Ч. 2.

Ahlqvist A. Финно-угорский субстрат в топонимии Ярославского края на материалах гидронимных формантов // *Lisensiaatintutkimus. Helsingin yliopiston suomalais-ugrilainen kielentutkimus.* – Helsinki, 1992.

Erdélyi J. *Selkupisches Wörterverzeichnis* // Indiana University Publications. Uralic and Altaic Ser. – Bloomington, 1970. – Vol. 103.

Fokos-Fuchs D. *Syrjänisches Wörterbuch.* – Budapest, 1959. – Bd 1, 2.

Hajdú P. Die Benennungen der Samojeden // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1950. – Vol. 54.

Kannisto A. Über die früheren Wohngebiete der Wogulen im Lichte der Ortsnamenforschung // *Finnisch-ugrische Forschungen.* – Helsinki, 1927a. – Bd 17.

Kannisto A. Zur Frage nach den älteren Wohnsitzen der obugrischen Völker // *Finnisch-ugrische Forschungen. Anzeiger.* – Helsinki, 1927b. – Bd 18.

Munkácsi B., Kálmán B. *Wogulisches Wörterbuch.* – Budapest, 1986.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuch der Türk Sprachen // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae.* – Helsinki, 1969. – T. 17, N 1.

Rédei K. Gibt es sprachliche Spuren der vorungarisch-permischen Beziehungen? // *Acta linguistica.* – Budapest, 1969. – T. 19, N 3/4.

Rédei K. Die Syrjänischen Lehnwörter im Wogulischen. – Budapest, 1970.

Serebrennikov B.A. Die ugroiden Völker als alte Besiedler des russischen Nordens // *Ural-altaische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1969. – Bd 41.

Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache.* – Berlin, 1956 – 1993.

Vasmer M. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas: In 4 Bd. – Berlin, 1934 – 1936. – (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse; Bd. 18 – 20).

Wichmann Y. Die tschuwaschischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsingfors, 1903. – Vol. 21.

Wichmann Y. *Wotjakischer Wortschatz* // *Lexica Societatis Fenno-Ugricae.* – Helsinki, 1987. – T. 21.

Приложение

Я нимало не надеюсь переубедить сочинителей “угро-самодийских” гипотез, и эта статья не носит дискуссионного характера: дискутировать на уровне, который определяется качеством упомянутых в статье сочинений, нет никакой возможности. В то же время я не могу и не хочу подробно разбирать *все* придуманные на сегодняшний день “угро-самодийские” этимологии и надеюсь, что приведенных в статье примеров и выводов достаточно, чтобы быть понятым и услышанным коллегами-историками. Такое ограничение обусловлено не только рамками статьи, но и пониманием того, что после ее появления уважаемые оппоненты непременно ответят – помимо обвинений в предвзятости, высокомерии, реферативности и пр. – потоком новых “открытий” того же рода, которые снова надо будет рассматривать и т.д.

Выход мне видится лишь один: показать, что изыскания такого рода (методологические принципы названы в статье) – занятие весьма приятное, для него требуется только наличие словаря, умение его читать, минимум времени и желание. Решать, какое

отношение имеет это к науке, предлагаю читателю. Итак:

Не могу молчать

К сожалению, до сих пор исследователи удмуртской топонимики не обратили внимания на очевидный факт: значительная часть топонимов Удмуртии объясняется из китайского языка. Китайский топонимический пласт в Удмуртии, безусловно, более значителен, чем обско-угорский и самодийский, и это обстоятельство согласуется с историческими данными: китайцев на территории Удмуртии живет и жило явно больше, чем манси и селькупов вместе взятых. Обращает на себя внимание плотное гнездо китайских топонимов на западе Удмуртии и в пограничных районах Кировской области. Ниже привожу предварительный список удмуртских субстратных топонимов китайского происхождения, найденных мною в течение пятнадцати минут с помощью карманного китайско-русского словаря в 6200 слов. Надеюсь, дальнейшие изыскания позволят значительно расширить этот список.

Топоним	Китайское соответствие		Значение
	Пиньин	Русская транскрипция	
Ува, р.	wù wā	у ва	‘туманная впадина’
Ита, р.	yì dā	и да	‘сто миллионов холмов’
Яган, р.	yā gāng	я ган	‘утиная гора’
Лубяны, с.	lù biān	лу бянь	‘у дороги’
Шаркан, с.	shā ér kāng	ша эр кан	‘песчаный и широкий’
Кама, р.	kāng	кан	‘широкая’
Булай, с.	bùlài	булай	‘неплохой’
Сива, р.	xì wā	си ва	‘мелкая впадина’
Чур, р., пос.	chūr	чу-эр	‘местечко’
Кез, пос.	gēz	ге-цзы	‘голубь’
Глазов, г.	gǔ lājī	гу лацзи	‘древний мусор’
Пибаньшур, д.	pǐbiàn shūr	пубянь шу-эр	‘распространенное деревце’
Зон, с.	zōng	цзун	‘род, предки’
Лумпун, р.	lǒng bān	лон бань	‘подобный борозде’
Лобань, р.	lǎo bāng	лао бан	‘старая страна’
-си – топоформант на западе Удмуртии:	xī	си	‘запад’
Сюнси	xúnxī	сюньси	‘патрулировать запад’
Пумси	pànxi	паньси	‘мятежный запад’

Материал поступил в редколлегию 01.04.99 г.

УДК 392

Е.И. Тыликова¹, А.В. Бауло²¹Краеведческий музей

пос. Овгорт, Шурышкарский р-н, Ямало-Ненецкий АО, 629643, Россия

²Институт археологии и этнографии СО РАН

пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: baulo@mail.archaeology.nsc.ru

ДРЕВНОСТИ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ В ФОНДАХ ОВГОРТСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

Введение

В Сибири наряду с крупными окружными и региональными имеются небольшие краеведческие музеи, созданные на базе исторических кружков средних общеобразовательных школ. К таким учреждениям относится музей в пос. Овгорт Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа, созданный Еленой Ильиничной Тыликовой. Его украшением является замечательная коллекция древних бронзовых вещей, которые были обнаружены экспедицией школьников под руководством Е.И. Тыликовой в 1965 и 1985 гг. в поселках Евригорт и Хорпунгорт (места проживания сынской группы северных хантов), расположенных в верховьях р. Сыня (левый приток Оби).

* * *

В домашних святилищах хантов и манси в качестве культовых атрибутов нередко встречаются предметы древнего бронзолитейного производства – фигурки людей и животных. У обских угров найденная необычная вещь считается посланной свыше и автоматически включается в состав “святых” атрибутов, которые принято хранить в специальном сундуке в доме. Так, камень причудливой формы бережно заворачивают в тряпицу, шьют для него одежду, превращая в семейного духа-покровителя. По праздникам ему преподносят угощение – рыбу и водку. В бронзовых фигурках, найденных в обвалах берегов рек или в местах древних поселений, местный рыбак или охотник легко “опознает” суть послания свыше.

Так, в бронзовых фигурках медведя он видит наиболее почитаемого, священного зверя, гусь представляется птицей ипостасью младшего сына верховного бога *Нуми-Торума – Мир-сусне-хума / Мир-вантты-хэ*, необычный “ящур” – скорее всего, мифическим водяным змеем, фигурка воина – его изображением. Как домашним фетишам этим изображениям уготована разная судьба: они могут стать даром семейному духу-покровителю или сердцевиной фигуры домашнего божка, подвеской-оберегом на охотничьем поясе или кожаной бахrome женского швейного мешка и т.п.

Бронзовые изображения всадников, бобров, птиц, пряжки с головами медведей встречались этнографам в домашних и на поселковых святилищах обских угров и ранее (материалы А.Ф. Теплоухова, С.И. Руденко, В.Н. Чернецова, И.Н. Гемуева и А.М. Сагалаева и других), но их немного, как немного и работ, посвященных данному вопросу [Теплоухов, 1947; Гемуев, Молодин, Сагалаев, 1984; Полосьмак, Шумакова, 1991; Зыков и др., 1994]. Публикуемая ниже коллекция замечательна как по числу представленных экспонатов, так и по разнообразию запечатленных в них мифологических сюжетов. Дополнительную значимость находкам придает тот факт, что они были обнаружены на современных хантыйских святилищах.

Часть предметов, найденных на территории пос. Овгорт и переданных в другие музеи, была опубликована ранее (пластина в виде распластанной фигуры животного, навершие в форме головы оленя, бронзовые изображения медведя, пушного зверька, коней, пронизка с фигурой птицы [Сокровища Приобья, 1996, с. 53, 56, 68, 69]).

Описание коллекции

1. Бронзовая пластина полуовальной формы. Размеры $10 \times 6,3$ см (рис. 1). Таежное Приобье, VIII – X вв. Отлита в односторонней форме, наружная поверхность отполирована. На лицевой стороне пластины показана антропоморфная фигура с головой, увенчанной шлемом с надглазьями и наносьем. По бокам показаны зверьки с раскрытыми лапами и трехпальными конечностями. Изображения зверьков украшены кантом из перлов и псевдовитым кантом. В верхней части пластины на оборотной стороне имеется петля для подвешивания.

Пластина была найдена в земле около дома шамана Пугурчина. По предположению местных жителей, на ней под маской изображена лягушка – “женщина, живущая среди кочек”. Ханты относили лягушку к священным животным – покровительницам женщин (ее помощь особенно была необходима при родах). Изображение лягушки (оберег от злых сил) подвешивали за петельку в чуме, где находилась роженица. Подобные амулеты помогали молодым девушкам отыскать жениха.

2. Пряжка (основная часть) с изображениями медведя и двух зайцев. Размеры $6 \times 3,4$ см (рис. 2). Таежное Приобье, X – XI вв. Отлита в односторонней форме, наружная поверхность отполирована, щиток слегка согнут вдоль оси. На лицевой стороне щитка в рамке, выполненной в виде псевдовитого канта, изображены голова медведя и фигуры двух зайцев.

Изображение медведя с головой, лежащей на лапах, издавна использовалось для оформления поясных застежек; в мансийском языке даже сохранилось одно из названий медведя – “застежечный зверь” [Чернецов, 1953, с. 227].

Пряжка была найдена среди вещей умершего шамана. Ранее она висела на его поясе в качестве оберега охотника. Центральное изображение (медведь) в соответствии с одним из эпитетов медведя у северных хантов “от ударов злых сил заслоняющий дух”, могло выполнять защитную функцию. Согласно другому эпитету – “изобилие зверей дающий дух” [Молданов, 1999, с. 23], медвежий образ был призван обеспечить удачу охотнику. По представлениям хантов, медведь в значительной мере определял успех промысла вообще. На Вахе считали, что он “посылает” охотнику остальных зверей [Кулемзин, 1984, с. 85].

Этот фрагмент после потери второй части пряжки подвешивали за петельки во время церемонии жертвоприношения: обращаясь к ней, человек просил у родича-медведя помощи и удачи.

3. Бронзовое антропоморфное изображение. Размеры $11 \times 3,2$ см (рис. 3). Таежное Приобье, VIII – X вв. С лицевой стороны изображение зачищено, на оборотной стороне (в верхней части головы) имеет-

ся петля для подвешивания. Лицо с широкими скулами и миндалевидными (раскосыми) глазами, на голове – шлем (корона?), увенчанный тремя человеческими личинами. Из-под наплечных пластин, напоминающих крылья птицы, видны кисти рук, при этом большие пальцы почти соприкасаются друг с другом. Выделен признак пола. Нижние конечности завершаются двумя “пальцами”.

Фигурка найдена в золе костровища на поселковом культовом месте. Здесь она с давних пор использовалась в ритуальных церемониях при подготовке к охоте или при защите поселения.

Похожее изображение человека в шлеме (короне) с тремя человеческими личинами было обнаружено в 1985 г. на мансийском святилище *Полум-Торум-ныга* “Сына Пелымского Бога” около селения Верхне-Нильдино на р. Северная Сосьва. “Идол” показан с лицом полукруглой формы, маленьким подбородком, ртом и усами. Руки скрещены на уровне пояса, большие и указательные пальцы вместе составляют треугольник (рис. 4) [Гемуев, Бауло, 1999, с. 109]. “Идол” являлся сердцевидной фигуры духа-покровителя. Возможно, к нему относилась информация А. Каннисто (начало XX в.) о том, что «в Нельдинске есть оловянный образ... *ялпус ойки*, “старика из священного города”. Его нашли в земле в деревне... и сохраняют теперь для одного *пуньга* (духа-помощника. – Авт.)» [Kannisto, 1958, S. 212].

Бронзовая личина (Верхнее Прикамье, VIII – IX вв.) с пятью головами птиц (?), напоминающими зубцы короны, известна среди образцов, выполненных в пермском зверином стиле [Оборин, Чагин, 1988, с. 129].

Шлем (корона), увенчанный тремя личинами, возможно, относится к кругу “трехрогих” головных уборов у воинов, изображения которых местные (уральские) мастера вырезали на привозных восточных серебряных изделиях. Как предполагал А.А. Спицын, подобным образом, показывая три высоких темени на голове или три уха на темени (речь идет о бляхе с Шайтанского мыса), обозначали особые дарования [1906, с. 31, 44]. В.Ю. Лещенко считал, что в “рогатых головных уборах” запечатлены шаманы, и относил эти рисунки на серебряных блюдах к IX – X вв. [1976, с. 178, 184]. А.И. Соловьёв объясняет появление “трехрогих” головных уборов на бронзовых фигурах влиянием образов, представленных на предметах восточного серебра. В качестве примера он приводит изображения двух воинов в трехлучевых коронах на согдийской чаше, найденной близ д. Кулыгаш. По мнению А.И. Соловьёва, “трехрогие” шлемы могли принадлежать военным предводителям [1987, с. 63 – 64]. Однако для объяснения трехголового навершия у фигуры из фондов Овгортского музея нам ближе мнение В.Н. Чернецова – подобным способом изображались многоголовые мифические лесные

Рис. 1. Бронзовая пластина с антропоморфной фигурой в окружении двух зверьков.

Рис. 2. Пряжка с изображением головы медведя и двух зайцев.

Рис. 3. Антропоморфная фигура в трехголовой короне.

Рис. 4. Бронзовая антропоморфная фигура из Верхне-Нильдино.

Рис. 5. Бронзовое литое изображение ящерицеобразного существа.

Рис. 6. Бронзовая подвеска в виде фигуры медведя.

духи *менквы* (*менк-ики*). По сведениям исследователя, в деревянной скульптуре хантов середины XX в. трехголовость *менквов* подчеркивалась трехзубым теменем [Чернецов, 1957, с. 190].

4. Бронзовое литое изображение ящеровидного существа с усеченной головой, плотным туловищем, четырьмя лапами, хвостом бобра. По спине проходит кант из перлов. Сразу за головой ящера выполнена личина человека. Размеры 12 × 2,1 см (рис. 5). Таежное Приобье, VIII – X вв.

Найдено под остатками старого лабаза, в котором хранились лапа и череп медведя. Подобные фигурки преподносили в дар медведю во время праздника.

5. Бронзовая подвеска в виде фигуры медведя. Размеры 6 × 4,2 см (рис. 6). Таежное Приобье, VII – IX вв. Изделие отлито в объемной двусторонней форме с сердечником (металл заливали со стороны головы зверя), отполировано. В основании имеется широкое овальное, в спине зверя – круглое отверстие. Реалистично показанное животное с характерным мощным загривком, когтистыми лапами, торчащими маленькими ушками. Его передние лапы и часть спины украшены кантом из перлов. Глаза переданы полукруглыми углублениями с выпуклым кружком посредине. Одна из аналогичных подвесок (“из Тобольской губернии”) была опубликована А.А. Спицыным [1906, рис. 368], другая (из Овгорта) хранится в фондах Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея в Салехарде [Сокровища Приобья, 1996, с. 56]. В середине XIX в. М.А. Кастрен видел у обдорских остяков маленькие изображения медведя, вылитые из меди и “чествуемые как кумиры”. По преданию, эти фигурки попали на Север очень давно от “Пермяков и Зырян” [Кастрен, 1860, с. 189].

В наши дни подобные подвески хранят в женском швейном мешке (*тутчан*). Их вынимают и подвешивают в особом месте чума или дома, когда требуются помощь больному, заступничество или удача на охоте.

6. Бронзовая подвеска в виде фигурки тетерева (?). Размеры 6 × 2,8 см (рис. 7). Таежное Приобье, VIII – X вв. Отлита в объемной двусторонней форме с сердечником, поверхность отполирована. Крылья показаны плавными бороздками, круглые глаза обведены желобком, хвост заострен, на спине имеется отверстие.

Фигурка использовалась как оберег, ее подвешивали к люльке с ребенком: считалось, что птица оберегает его сон. В представлениях манси, третья душа человека имеет вид глухарки и прилетает к человеку лишь во время сна. Когда эта душа улетает, человек не спит. Чтобы дети лучше спали, на спинке дневной люльки против затылка ребенка вырезали изображение тетерева [Чернецов, 1959, с. 134]. Ханты с р. Куноват полагают, что после смерти одна из душ человека в облике глухарки улетает в лес [Головнев, 1995, с. 557].

В 1951 г. сотрудниками Эрмитажа в пос. Ямгорт у сынских хантов было приобретено блюдо с изображением царя на троне (рубеж X – XI вв.). На его оборотной стороне вырезаны четыре птицы, напоминающие тетеревов [Лещенко, 1976, с. 185, 187].

7. Бронзовая подвеска. Размеры 7,4 × 7,2 см (рис. 8). Таежное Приобье, XI – XII вв. Отлита в двусторонней форме с сердечником, отполирована. Изображены крупная водоплавающая птица и упирающийся в ее грудь пушной зверек. На спине птицы имеется петелька для подвешивания.

Наиболее близкие аналогии – фигурка “с территории быв. Тобольской губернии” [Чернецов, 1957, табл. XVIII, 12] и бронзовое навершие (?), найденное в Сайгатинском IV могильнике [Зыков и др., 1994, кат. 117].

По сведениями информаторов, описываемая фигурка в последние годы использовалась шаманом во время камлания: он разговаривал с птицей и зверьком, просил их жить в мире и помогать человеку.

8. Бронзовое птицевидное изображение, отлитое в плоской односторонней форме. Размеры 14,5 × 13 см (рис. 9). Таежное Приобье, середина I тыс. н.э. Фигуру венчает заостренная голова, крылья распахнуты в стороны. Голова и шея по контуру обведены углубленным зигзагом. Глаза переданы овалами, рот – углублением, “уши” – петельками. Показана тянущаяся от подбородка вниз “линия жизни” (?). На правом (от зрителя) крыле птицы – изображение двух лосиных голов, на левом – птица и две рыбы. На оборотной стороне имеется петля для подвешивания.

Наиболее близкий аналог – бронзовое птицевидное изображение, найденное на ст. Ягельное в Западной Сибири [Там же, кат. 44]. Подобные фигуры вырезаны на ряде предметов восточного серебра, найденных в Приуралье и Прикамье [Лещенко, 1976, с. 180, рис. 20, а; с. 181, рис. 21, б; с. 183, рис. 26, а]. В.Ю. Лещенко считал их изображениями шаманских душ – главных исполнителей воли шаманов у народов Западной Сибири [Там же, с. 185]. Птицевидную фигуру на блюде из д. Слудки А.А. Спицын интерпретировал как “символ неба”, находящийся между “крылатым солнцем” и “лучистой луной” [1906, с. 31]. По мнению А.И. Соловьёва, это птичка *Мир-сусне-хума* – *рей-тарнан-уйриш*, возвещающая о смене дня и ночи, она внушительных размеров, в “шлеме” (примета времени) и запечатлена между солнцем (символ дня) и луной (символ ночи) [Гемуев, Сагалаев, Соловьёв, 1989, с. 102].

На наш взгляд, упомянутые птицевидные изображения представляют популярную в обско-угорском и самодийском фольклоре мифическую хищную птицу “гигантской величины, имеющую человекоподобную голову” – Крылатого (небесного) Карса. Согласно сказаниям селькупов, огромная птица живет на священном дереве, на котором растут также солнце и луна

Рис. 7. Бронзовая подвеска в виде фигурки тетерева (?).

Рис. 8. Бронзовая подвеска в виде птицы и пушного зверька.

Рис. 9. Бронзовое птицевидное изображение.

[Чернецов, 1947, с. 116 – 117]. На блюде из д. Слудки высоко в небе между луной и солнцем, скорее всего, показан Карс, а не *рейтарнан-уйриц* (рис. 10).

Ханты, хранившие подвеску в последнее время, полагают, что на ней изображен крылатый герой – помощник человека. Фигурка, завернутая в тряпицу, хранилась в сундуке на “священной” полке в доме. При необходимости ее подвешивали около чужала или костра и обращались с просьбой содействия в удачной охоте или рыбной ловле. В определенное время “крылатому” богатырю приносили дары, кропили каплями крови жертвенного оленя.

Необходимо отметить, что “крылатые” божества выступали в роли предков-покровителей населения многих поселков Нижнего Приобья. Лишь когда “кончилось время Крылатых богов, наступило время человека, время хантов” [Неттина-Лапина, 1999, с. 37].

9. Подвеска в виде двух соединенных между собой змееподобных фигурок. Бронза, литье. Размеры 7,8 × 2,8 см (рис. 11). Западная Сибирь, первая половина

Рис. 10. Поздние гравировки на блюде из Слудки (прорисовка).

Рис. 11. Подвеска в виде двух соединенных фигурок змееподобного вида.

Рис. 12. Бронзовое литое изображение стоящего человека с двумя животными.

Рис. 13. Рукоять кинжала.

Рис. 14. Рукоятка ножа.

Рис. 15. Навершие посоха.

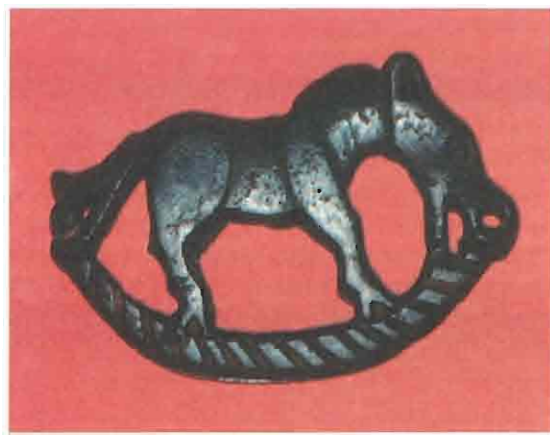

Рис. 16. Бронзовое изображение животного (лось?).

I тыс. н.э. (?). Вытянутые тела расчленены выпуклыми поперечными валиками. На оборотной стороне каждой фигурки имеется по две петельки.

Известно, что некоторых животных (змеи, ящерицы, ящеры, черви), способных проникать под землю, ханты считали священными. Их боялись, старались не

брать в руки, тем более убивать, поскольку они могли принести в дом несчастье. Уберечься от этих животных старались с помощью оберегов с изображением "чудовищ". Возможно, впрочем, что уральский мастер отлил фигурки *lilinj sossal* – водяных чудовищ, представлявших обским уграм в виде змей или

ящеров. В мифе о Крылатом Карсе чета этих птиц живет в гнезде на вершине лиственницы. В окружающий ее воде живут *lilin sossal*. Они враждебны Карсу и уничтожают его, если он падает в воду [Чернецов, 1947, с. 117].

10. Бронзовое литое изображение стоящего человека с двумя животными. Размер 11,2 × 3,4 см (рис. 12). Таежное Приобье, VIII – X вв. Изделие при отливке раскололось на две части, литник не убран. Поверхность отполирована. Человек показан в шлеме с нанесением и надглазьями, возможно, в лицевой маске. Руки скрещены на поясе. Пасти животных разинуты. На оборотной стороне фигурки в районе головы имеется петелька для подвешивания.

11. Рукоять кинжала. Бронза, литье. Размеры 17 × 6,8 см (рис. 13). Таежное Приобье, VIII – X вв. Рукоять овальная в сечении, поверхность отполирована. Нижняя часть украшена зигзагом и кантом из прямоугольных перлов, заключенным между двумя выпуклыми линиями; подобный кант украшает середину рукояти. Навершие выполнено в виде трех лепестков: боковые гладкие, средний покрыт четырьмя выпуклыми кружками, составленными по вертикали и обведенными псевдовитым кантом. На лепестках стоит мифическое животное – хищная птица со звероподобной головой; ее крылья и хвост украшены круглыми перлами.

По размерам это одна из самых крупных рукоятей, встреченных на территории Западной Сибири. Рукояти меньших размеров, увенчанные изображениями животных и птиц, обнаружены в ряде районов Таежного Приобья [Зыков и др., 1994, кат. 106 – 111; Сокровища Приобья, 1996, с. 59 – 63; и др.].

12. Рукоятка ножа. Бронза, литье. Размеры 11,3 × 3,3 см (рис. 14). Таежное Приобье, VIII – X вв. Поверхность отполирована. Рукоятка украшена кантом из перлов, разделенным посередине двумя выпуклыми линиями. Изделие увенчано фигуркой хищного четвероногого зверька с головой птицы.

13. Навершие посоха. Бронза, литье. Размеры 8,9 × 2,9 см (рис. 15). Состоит из круглой втулки и рукояти, один конец которой загнут в виде крючка, а в торцевой части другой – изображение лица человека, обрамленное насечками.

Определить место и дату изготовления навершия посоха трудно. Антропоморфная личина стилистически близка овальной, заключенной в жемчужный кант личине на бронзовой подвеске, найденной на могильнике Релка в Среднем Приобье [Чиндина, 1977, с. 45, рис. 34, 10].

Навершие было частью деревянного посоха, который использовался сынскими хантами во время ритуальных обрядов.

14. Бронзовое изображение животного (лось?). Размеры 10,3 × 6,5 см (рис. 16). Случайная находка из Нижнего Приобья, конец I тыс. н.э. (?). Изделие

отлито в объемной двусторонней форме, в районах спины и головы имеются отверстия. Вытянутая голова отличается крупными ноздрями и короткими ушами. Двупалые ноги опираются на полукруглую подставку, разделанную глубокими бороздками; хвост раздвоен, внутри – шар.

Использование бронзовых фигур в древности

Итак, мы не только познакомились с новой коллекцией древней бронзы, но и смогли почерпнуть некоторые сведения о сфере ее применения в религиозно-обрядовой практике северных хантов на протяжении XX в.

В значительной степени дискуссионным остается вопрос о способах использования предметов западносибирского бронзового литья в древности. Исследователи относили большинство образцов к украшениям одежды или оружия, призванным воздействовать на эмоционально-эстетическое восприятие зрителей (В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская); исключение составляли антропоморфные изображения, которые практически никогда не служили украшениями и не являлись принадлежностью костюма (Н.В. Фёдорова) [Зыков и др., 1994, с. 35 – 41].

Что касается вещей обсуждаемой коллекции, то с уверенностью можно говорить о функциональном (и ритуальном) назначении лишь пряжки, навершия посоха, рукояток ножа и кинжала. Назначение еще шести предметов с петельками для подвешивания и четырех изделий, имеющих сквозное отверстие в спине (т.н. пронизки), определить пока трудно. Как же они могли использоваться?

Размышляя о художественном содержании кулайского “плоского” литья, А.И. Соловьёв высказал мнение о возможности существования у жителей Таежного Приобья традиции делать декорации, своего рода “мобильные алтари”, которые в нужное время можно было установить в необходимом месте и разыгрывать перед ними магические действия. На такие ширмы, выполненные из кожи, бересты или ткани, в определенной последовательности могли нашиваться бронзовые фигурки [Соловьёв, 1998, с. 348 – 349]. В этом качестве могли использоваться вещи более поздней эпохи, к которым относится большинство экспонатов Овгортского музея. Представляется возможным также предположить, в какой именно последовательности сибирские жрецы развешивали на ширмах культовое литье.

Еще А.А. Спицыным при публикации находок Истяцкого клада было замечено, что литые фигуры и гравированные изображения на дисках, обнаруженные в составе клада, повторяют друг друга [1906, с. 33]. А.П. Зыковым и Н.В. Фёдоровой, занимающимися вопросом о распространении воинских изображений в

древнем искусстве Западной Сибири, было отмечено, что при единстве изобразительной манеры и реалий в Западной Сибири представлены в основном литые изображения, а в Верхнем Прикамье – гравированные [1992, с. 45]. Таким образом, схемы размещения фигурок на “ширмах” и вырезанных мифических рисунков на привозных восточных блюдах совпадали. Поверхности блюд являлись исконной “доской”, на которую предки хантов и манси наносили собственные иконографические сюжеты. Нас не должен смущать вопрос, например, о том, почему на блюдах выгравировано в одном случае пять, в другом семь и более фигур в “трехрогих шлемах” с саблями в руках. Одним из вариантов ответа может быть сообщение М.А. Кастрена о бытовавших в середине XIX в. плясках с саблями у северных хантов: “Я слышал, что торжество это сопровождается десятью ночей кряду... Пляска с оружием в руках выполняется перед идолами в первую ночь одним шаманом, во вторую – двумя остяками, в третью – тремя и т.д. в той же прогрессии до последней ночи, в которую в ней участвуют все, даже и женщины” [1860, с. 188]. Имея некий набор бронзовых изображений мифологических персонажей, жрец при отправлении обряда мог навешивать их на ширму в нужном порядке. Ритуальные ножи и кинжалы с рукоятками, украшенными изображениями зверей и птиц, могли на данной церемонии использоваться при заклании жертвенного животного.

В контексте же современной этнографической практики следует признать, что обнаруженные на святилищах изделия древнего литейного производства осмысливались северными хантами и манси в рамках тех же понятий и представлений, которыми оперировали их далекие предки, что свидетельствует, безусловно, об устойчивости религиозного мировоззрения и обрядовой практики обских угров на протяжении последнего тысячелетия.

Благодарности

Информация об использовании древних артефактов в современной обрядности сыских хантов получена от С.Г. Еприна, Д.С. Еприной и П.Н. Лонгортова. Фотографии выполнены Э. Руткаи (Венгрия). Описание ряда экспонатов, определение места производства и их датировка даны Н.В. Фёдоровой (Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург). Авторы статьи выражают им всем глубокую признательность.

Список литературы

- Гемуев И.Н., Бауло А.В. Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Гемуев И.Н., Молодин В.И., Сагалаев А.М. Древняя бронза в обрядности манси // Проблемы реконструкций

в этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИИФ СО АН СССР, 1984. – С. 62 – 80.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьёв А.И. Легенды и были таежного края. – Новосибирск: Наука, 1989. – 175 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 606 с.

Зыков А.П., Фёдорова Н.В. Воинские сюжеты в древнем искусстве Западной Сибири // Сибирские чтения. – СПб.: МАЭ РАН, 1992. – С. 44 – 46.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В. Угорское наследие: (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.

Кастрен М.А. Путешествие по Лапландии, северной России и Сибири (1838 – 1844, 1845 – 1849) // Магазин земледелия и путешествий. – М., 1860. – Т. 6, ч. 2. – 436 с.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 192 с.

Лещенко В.Ю. Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока. – М.; Л.: Наука, 1976. – С. 176 – 188.

Молданов Т.А. Картина мира в песнопениях медвежьих игрищ северных хантов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1999. – 141 с.

Неттина-Лапина М.А. Фольклор Тэк ех. – СПб.: Алфавит, 1999. – 88 с.

Оборин В.А., Чагин Г.Н. Чудские древности Рифся. Пермский звериный стиль. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1988. – 184 с.

Полосьмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. – Новосибирск: Наука, 1991. – 91 с.

Соловьёв А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири: Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Соловьёв А.И. К вопросу о художественном содержании кулайского “плоского” литья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы VI Годовой итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 4. – С. 344 – 350.

Сокровища Приобья. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1996. – 228 с.

Спицын А.А. Шаманские изображения // Зап. Отд-ния рус. и славян. археологии Имп. Рус. археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29 – 145.

Теплоухов А.Ф. О древнем шаманском изображении из бронзы, бытовавшем на Конде среди вогул и остяков // СА. – 1947. – Вып. 9. – С. 239 – 248.

Чернецов В.Н. К вопросу о проникновении восточного серебра в Приобье // ТИЭ. Нов. сер. – 1947. – Т. 1. – С. 113 – 134.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – 1953. – № 35. – С. 221 – 241.

Чернецов В.Н. Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – № 58. – С. 136 – 246.

Чернецов В.Н. Представления о душе у обских угров // ТИЭ. Нов. сер. – 1959. – Т. 51. – С. 116 – 156.

Чиндина Л.А. Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 194 с.

Kannisto A. Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. – 1958. – Vol. 113. – 444 S.

Материал поступил в редколлегию 14.12.2000 г.

УДК 903.5

А.В. Вебер¹, Д.В. Линк²

¹*Отделение антропологии, Университет Альберты, Эдмонтон, Канада
Department of Anthropology, University of Alberta, Edmonton
AB T6G 2H4, Canada*

E-mail: Andrzej.Weber@ualberta.ca

²*Музей провинции Альберта, Эдмонтон, Канада
Provincial Museum of Alberta, Edmonton, T5N 0M6, Canada
E-mail: David.Link@gov.ab.ca*

НЕОЛИТ ПРИБАЙКАЛЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Введение

В последние годы усилия авторов настоящей статьи были направлены на исследование адаптационных стратегий среднеголоценовых групп охотников-рыболовов-собирателей (далее охотники) на территории Прибайкалья (Сибирь). Идея проведения подобной работы возникла после того, как стало очевидным, что последовательность культур, установленная для Прибайкалья в 1930-е гг. А.П. Окладниковым [1950, 1955], опровергается недавно полученными радиоуглеродными датами для погребений и стоянок эпохи неолита и ранней бронзы [Мамонова, Сулержицкий, 1989; Weber, 1995].

В предлагаемой статье приводится ряд рабочих гипотез, касающихся экономики питания, моделей передвижения и социальных отношений охотников, населявших данный регион в среднем голоцене. Гипотезы базируются на комплексе новых данных (антропологические материалы, фаунистические остатки, состав стабильных изотопов), отличных от тех, которые использовались А.П. Окладниковым. Напомним, что 50 лет назад А.П. Окладников обобщил обширные материалы по неолиту Прибайкалья. Масштабность его работ, широта и смелость идей послужили стимулом для нового поколения исследователей и оказали значительное влияние на развитие современной археологии. Признавая вклад А.П. Окладникова в археологию Сибири, авторы сочли нужным посвятить свое исследование памяти этого выдающегося ученого.

В соответствии с недавно установленной хронологией культур [Weber, 1995], примерно с 9 000 и до

3 000 л.н. Прибайкалье поочередно заселяли три группы: неолитические китойцы и серовцы (возможно, включавшие бывших исаковцев), а также глазковцы бронзового века. Особенность данной схемы – наличие двух значительных перерывов – хронологического и культурного (занимают большую часть V тыс. до н.э.), которые отделили китойскую культуру от серовской и глазковской.

Главная задача настоящего исследования состоит в определении и изучении форм адаптации людей, обитавших в Прибайкалье до и после означенного перерыва. С этой целью был рассмотрен комплекс малоизученных, но обладающих высоким информационным потенциалом данных. В их ряду – материалы исследования антропологических коллекций методами биологического и химического анализов костей, а также фаунистические остатки. В целях расширения и совершенствования базы данных проводились полевые исследования. В результате удалось значительно дополнить знания об экономике и рационе питания, подвижности, социальных отношениях, демографических особенностях коллективов охотников [Kelly, 1995]. Авторы воспользовались богатой коллекцией антропологических остатков, являющихся ценнейшим источником информации о древних охотниках не только Сибири, но и всей субарктической зоны.

В статье обсуждаются результаты специфических анализов с целью создания интегрированных моделей культур, существовавших до и после хронологического перерыва. В начале работы обобщаются результаты анализа антропологических коллекций, затем приводятся результаты исследования состава стабильных изотопов и фаунистических материалов. Дается оценка

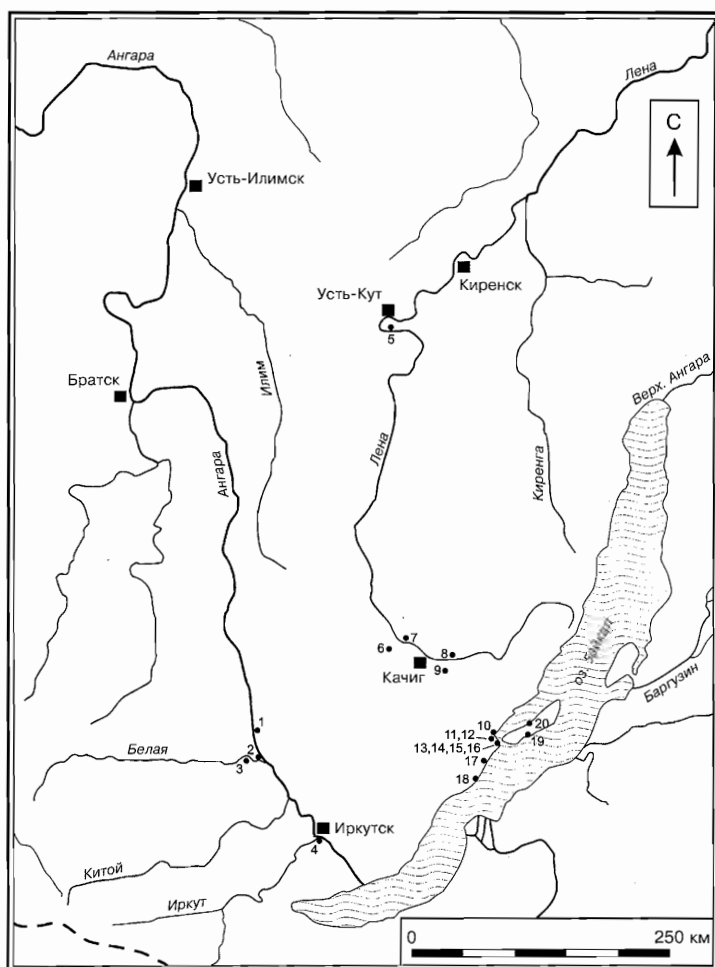

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников Прибайкалья, обсуждаемых в тексте.

1 – Усть-Ида; 2 – Усть-Белая; 3 – Горелый Лес; 4 – Локомотив; 5 – Турука; 6 – Обхой; 7 – Никольская Скала; 8 – Макрушина; 9 – Борки; 10 – Сарминский Мыс; 11 – Шида; 12 – Улярба; 13 – Берлога; 14 – Итырхей; 15 – Саган-Нутэ; 16 – Улан-Хада; 17 – Хуторок; 18 – Саган-Заба; 19 – Тышкинэ II и III; 20 – Хужир (Шаманский Мыс).

наблюдаемых моделей экономики питания и социальных отношений, предлагается новая схема развития культур среднего голоцена в Прибайкалье. Более подробное описание аналитических методов, полученные результаты и их интерпретацию можно найти в соответствующих первоисточниках [Katzenberg, Weber, 1999; Lam, 1994; Link, 1996, 1999; Weber, Konopatskii, Goriunova, 1993; Weber et al., 1998].

Антропологические материалы

С целью получения информации о состоянии здоровья и палеодемографическом статусе популяций Д.В. Линком были проанализированы антропологические коллекции хорошо сохранившихся скелетных остатков из крупнейших среднеголоценовых могильников Локомотив и Усть-Ида, расположенных в бассейне Анга-

ры (рис. 1). Могильник Локомотив включает около 120 захоронений представителей китойского времени, большинство из которых относится к поздней фазе неолита. Могильник Усть-Ида представлен приблизительно 60 серовскими погребениями и 20 захоронениями раннего глазковского периода. Антропологические данные собирались с использованием методики, разработанной Дж. Буикстра и Д. Убелакером [Buikstra, Ubelaker, 1994].

Показатели здоровья

Палеопатологические данные, полученные по материалам могильника Локомотив, позволяют предполагать, что в обществе китойцев акты насилия случались редко. Остеологические материалы почти не имеют признаков насильственных действий. Такой же вывод следует из анализа материалов могильника Усть-Ида. Но жизнь китойцев и серовцев-глазковцев не была абсолютно мирной: некоторые костяки имеют следы ударов стрелами. Вероятно, серовцы-глазковцы, как и китойцы, участвовали в конфликтах, которые, однако, не были причиной исчезновения их культуры.

Согласно данным по патологии скелетов, упадок китойской популяции не может быть объяснен длительным дефицитом питания и заболеваниями. Высока вероятность того, что голодание, особенно в течение длительного времени, оставило бы свой след в костной ткани китойцев. Эндемические заболевания также должны были найти отражение в скелетном материале. Случаи макроскопической

пролиферации, разрушения или изменения костей, вызванные заболеваниями или недостаточным питанием, по материалам могильника Локомотив фиксируются реже, чем травмы. Только два детских костяка, относящихся к китойскому времени, на верхней внутренней поверхности глазниц имеют, вероятно, признак анемии в форме гипертрофии костной ткани (*cribra orbitalia*). Этиология этого явления может быть объяснена несколькими причинами – хроническим инфекционным заболеванием, недоеданием, паразитарной болезнью или недостатком железа в пище [Stuart-Macadam, 1992]. Гипертрофия костной ткани чаще является результатом дефицита питания и реже связана с заболеваниями. Признаки недоедания и болезней редко фиксируются в антропологической коллекции могильника Усть-Ида. Лишь один костяк ребенка демонстрирует наличие

остеопороза глазниц. Некоторые другие незначительные и редкие патологические отклонения, отмеченные на этих материалах, описаны Д.В. Линком [Link, 1996, 1999].

Все молочные и постоянные резцы, клыки и моляры из коллекций могильников Локомотив и Усть-Ида были обследованы с целью выявления дефектов эмали. На скелетах молодых особей предполагалось найти признаки систематических стрессов, имевших место в период образования эмали [Goodman, Rose, 1990]. Подобные признаки зафиксированы у погребенных в обоих памятниках. Дефект гипоплазии эмали в виде линейных горизонтальных бороздок зафиксирован у 27% особей из могильника Локомотив. В коллекции могильника Усть-Ида признаки этого отклонения имеются на черепках взрослого мужчины и ребенка. Материалы могильника Локомотив дают основания предполагать, что дети в возрасте до шести лет намного чаще и острее испытывали стрессы в виде недоедания. Возможно, подобные потрясения переживала вся популяция. Это допущение соответствует гипотезе А.В. Вебера о том, что китойцы сталкивались с проблемами, не типичными для популяций серовцев-глазковцев, или успешно преодоленными ими [Weber, 1995].

Демографические характеристики

Проведен анализ половозрастного состава погребенных в могильниках Локомотив и Усть-Ида (рис. 2). На первый взгляд, в материалах обоих памятников преобладают мужчины. Однако статистический анализ (биномиальный критерий) подтверждает такой дисбаланс только в двух группах: люди возрастной категории 35 – 50 лет и взрослое население в целом, погребенные на могильнике Локомотив. Очевидно, мужских захоронений китойцев было намного больше, чем женских. Причем преобладающее значение они приобретали среди погребенных старших групп. Вместе с тем на могильнике серовско-глазковского времени фиксируется вероятное количественное равновесие полов.

Указанные демографические структуры демонстрируют различия в возрастных структурах популяций. На могильнике Локомотив основную возрастную категорию составили 35 – 50-летние, на памятнике Усть-Ида – группа старше 50 лет. Существенные различия отмечены также между детьми среднего и старшего возрастов. Сравнение накопленных исходных частот с помощью критерия Колмогорова – Смирнова показало различия в структурах на 5%-м уровне. Это убедительно доказывает, что по возрастным структурам могильники Локомотив и Усть-Ида существенно различались.

Вероятно, демографические структуры погребенных в могильниках Локомотив и Усть-Ида, будучи

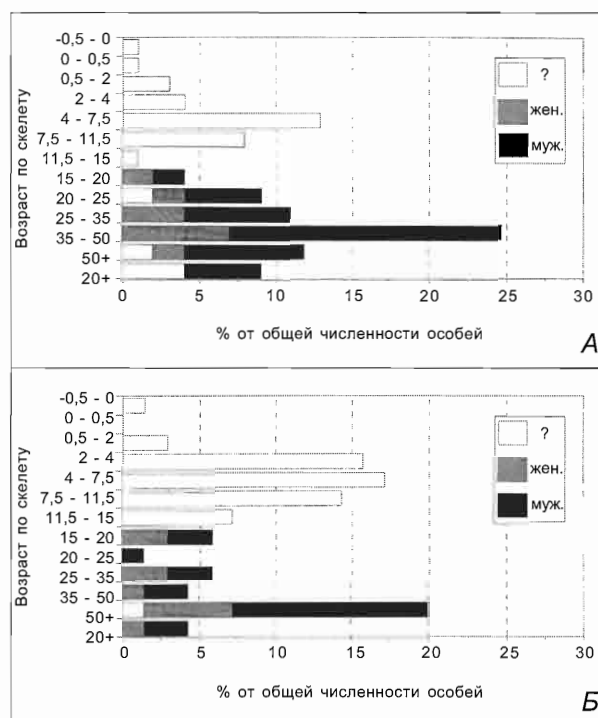

Рис. 2. Возрастная структура популяций памятников Локомотив (А) и Усть-Ида (Б). Категория 20+ включает взрослых особей, чей возраст не может быть определен более точно.

отражением состава коллективов китойцев и серовцев-глазковцев [Link, 1996, 1999], должны содержать информацию и о динамике численности этих популяций. Судя по данным о взрослом населении, можно утверждать, что, миновав опасности детского возраста, серовцы-глазковцы жили довольно долго. Какие-либо хронические заболевания, перенесенные в препубертатном возрасте, видимо, не оказали большого влияния на уровень смертности взрослых. На костях почти нет признаков заболеваний и дефицита питания. Если исходить из данных диаграммы для могильника Усть-Ида, то можно заключить, что и мужчины и женщины, достигшие зрелого возраста, не были отягощены патологическими отклонениями. Согласно данным по патологиям взрослых, подобное хорошее состояние здоровья сохранялось на протяжении всей жизни населения. Общая дегенерация – показатель физического стресса – была существенной, но не выходила за рамки нормы. Видимо, большинство взрослых, оставивших могильник Усть-Ида, умерло в пожилом возрасте естественной смертью.

Показатели смертности взрослых особей могильника Локомотив на диаграмме рассеяны более или менее равномерно. Наибольшая частота смертей приходится на средневзрастную категорию. Нет оснований полагать, что китойцы, достигая взрослого возраста и переживая этот период, имели какие-то

серьезные проблемы со здоровьем. Тем не менее китойцам реже удавалось достичь среднего и пожилого возраста. Смертность среди женщин была выше, чем среди мужчин. Это может быть свидетельством того, что необъяснимый пока процесс вымирания китойцев, являвшийся, видимо, результатом общей напряженности жизни или же неспособности эффективно использовать пищевые ресурсы, сказался в большей степени на женщинах. Предположение подтверждается одонтологическими наблюдениями: у китойских женщин по сравнению с мужчинами заметнее стертость зубов.

По демографическим и одонтологическим данным можно сделать вывод о неравном положении полов в коллективе, оставившем могильник Локомотив, что могло проявляться, например, в том, что женщины питались хуже, чем мужчины. Возможно, эта была одна из причин более высокой частоты встречаемости женских погребений на этом памятнике. Предлагаемая модель, по мнению авторов, объясняет возрастающий с возрастом дисбаланс между численностью мужчин и женщин.

Таким образом, если анализировать тенденции общего роста численности населения, то взрослая часть серовско-глазковского сообщества, вероятно, имела ряд преимуществ по сравнению с такой же группой китойцев. У серовцев-глазковцев насчитывалось больше здоровых женщин, реже происходили физиологические заболевания со смертельным исходом и была выше продолжительность жизни представителей обоих полов. Эти условия способствуют повышению рождаемости. Их сохранение на протяжении нескольких веков – основа для прогрессивного роста населения. Меньшая численность женщин, которые к тому же, вероятно, получали худшее в сравнении с мужчинами питание, а также более низкая, чем у серовцев-глазковцев, продолжительность жизни представителей обоих полов у китойцев могли быть факторами, предопределившими более медленный рост населения. Возможно также, что эти негативные факторы вносили свой вклад и периодически усиливали процесс общего сокращения популяции.

Результаты анализа детских рядов в половозрелых структурах погребенных в могильниках Локомотив и Усть-Иды, на первый взгляд, противоречат тенденциям динамики численности населения, реконструируемым по материалам взрослых погребений. У серовцев-глазковцев, как показывают данные, дети умирали часто, хотя причины смерти не оставили следов на костях. Плохое состояние не было, вероятно, характерно для здоровья юных особей этой популяции. При этом их высокая смертность обуславливала сокращение численности сообщества, т.к. смертность детей больше, чем другие факторы, влияет на динамику популяции. Материалы могильника Локомотив

зафиксировали невысокий уровень смертности среди детей, что можно было бы считать свидетельством роста численности популяции китойцев. Однако наиболее логичное объяснение отсутствия показателей детских болезней и дефицита питания, а также сравнительно высокой детской смертностью у серовцев-глазковцев противоречит этому первоначальному выводу. То, что мы наблюдаем, является не результатом процесса, ведущего к вымиранию детей, а скорее нормальным следствием преобладания в сообществе детей. Другими словами, длинные ряды на рис. 2, Б, представляющие детские особи, остеологические материалы которых свидетельствуют о хорошем общем здоровье, показывают, что эта часть юных представителей популяции не выдерживала нормальных бытотекующих детских физиологических заболеваний и травм, не оставляющих обычно следов на костной ткани. Значительно больше детей обоих полов, доживших до взрослого состояния, имели репродуктивно успешную жизнь и достигали возраста старше 50 лет.

У китойцев была другая ситуация. На их могильнике сравнительно немного детских захоронений. Костные останки в них, как и в серовско-глазковских погребениях, указывают на то, что общее здоровье детей соответствовало стратегии коллектива на выживание. Небольшое количество захоронений, однако, свидетельствует не о том, что гораздо больше детей выживало, а о меньшем количестве юных особей в обществе. Судя по частоте случаев гипоплазии эмали, китойские дети чаще, чем серовско-глазковские, переживали физиологические стрессы. Это не противоречит той проблемной ситуации, которая реконструируется по рядам взрослых в демографической структуре памятника Локомотив. Поскольку наибольшая частота случаев гипоплазии приходится на останки взрослых, становится очевидным, что физиологический стресс был не столь сильным или продолжительным, чтобы “вымыть” детей из популяции. Как и для Усть-Иды, ряды категории молодых на диаграмме, составленной по материалам могильника Локомотив (см. рис. 2, А), отражают не дефицит питания детей или патологические отклонения, а общую демографическую динамику. Демографическая структура детей, как и взрослых, свидетельствует о положительной динамике численности популяции серовцев-глазковцев, а также о стагнации или сокращении популяции китойцев.

Еще одно соображение, вытекающее из анализа структуры категории молодых особей, касается расположения групп представителей самого юного возраста. Они включают детей начиная с четырех лет в материалах памятника Локомотив и двух лет – в Усть-Иде, т.е. возрастов, в которых детей отнимали от груди (при этом вся физиологическая система часто испытывает шок) [Katzenberg et al., 1996]. Обычно

Результаты изотопного анализа углерода и азота в коллагене костей со среднеголоценовых памятников Прибайкалья (по: [Katzenberg, Weber, 1999]), ‰

Стоянка	Место находки	Кол-во находок, экз.	$\delta^{13}\text{C}$		$\delta^{15}\text{N}$	
			Среднее значение	Стандартное отклонение	Среднее значение	Стандартное отклонение
До культурного перерыва (китой)						
Локомотив	Ангара	23	-15,65	1,18	14,84	1,03
Усть-Белая	»	4	-17,59	1,08	12,93	1,29
Хоторук	Байкал	3	-17,61	0,87	12,63	—
Макрушина	Лена	2	-19,75	—	10,55	—
Турука	»	8	-20,44	0,33	12,34	0,38
Ранний период после культурного перерыва (серово)						
Усть-Ида	Ангара	19	-18,00	1,20	12,00	1,13
Никольская Скала	Лена	3	-19,49	0,41	10,92	0,73
Поздний период после культурного перерыва (глазково)						
Усть-Ида	Ангара	5	-19,86	1,02	10,20	1,21
Хужир	Байкал	6	-18,37	0,37	14,25	0,46
Борки	Лена	4	-19,36	0,33	9,95	0,29
Обхой	»	7	-19,63	0,46	10,18	1,03

уровень смертности в этот период резко повышается, поскольку только что отнятые от груди дети, как правило, не способны адаптироваться к новой пище и патогенам. У разных коллективов детей отнимали от груди в разных возрастах, в сообществах охотников это происходило обычно между двумя и четырьмя годами. Этот в общем культурный признак может влиять на рост населения. Поскольку у кормящих женщин обычно снижена способность к зачатию, в пред- и неиндустриальных обществах от того, в каком возрасте ребенка отнимали от груди, напрямую зависит интервал между родами. Уровень рождаемости в группе остается низким в том случае, если многие женщины кормят младенцев и маленьких детей. Если предположить, что китойские матери кормили детей до четырех лет, то временной промежуток между родами был очень велик, а, значит, на свет появлялось немного детей. В сообществе серовцов-глазковцев могло рождаться больше детей – их раньше отнимали от груди и интервал между родами был короче.

Анализ разницы в возрастах, когда детей отнимали от груди, представляет большой интерес. Прекращение кормления в сравнительно позднем возрасте зафиксировано в культурах, испытывавших нехватку пищи вообще или продуктов, необходимых детям в период перехода от грудного к обычному кормлению. В случае дефицита продуктов питания и высокой подвижности группы в целом и/или отдельных особей детей обычно кормили грудью довольно долго.

Данные анализа стабильных изотопов

Несколько десятков образцов, взятых из могильников Прибайкалья, были изучены с целью выявления

стабильных изотопов углерода (C) и азота (N) в коллагене кости и апатите [Katzenberg, Weber, 1999]. Анализу подверглись антропологические остатки из пяти китойских и шести серовско-глазковских могильников (см. таблицу, рис. 1). Для сравнения и контроля исследовано также несколько образцов кости древних и современных животных. Результаты позволили сделать ряд интересных наблюдений, касающихся экономики питания, характерной для носителей китойской и серовско-глазковской культур.

Предполагается, что стабильные изотопные значения тканей человека, питавшегося пищей, в которой преобладает мясо наземных травоядных, должны равняться соответственно 20 и 7,5 ‰ (в коллагене). Большая часть рассмотренных нами образцов в основном соответствует ожидаемому уровню $\delta^{13}\text{C}$, хотя у некоторых это значение выше. Значения $\delta^{15}\text{N}$ несколько превосходят норму – около 10 – 11 ‰ и более. Это означает, что все исследуемые охотники потребляли рыбу, хотя бы в минимальном объеме. Существенно более высокие значения $\delta^{15}\text{N}$ (12 – 14 ‰), полученные при анализе материалов со всех стоянок в районе оз. Байкал и всех китойских местонахождений Приангарья, свидетельствуют о гораздо большем потреблении их обитателями рыбы и, возможно, тюленей. Образцы, взятые на двух китойских памятниках в верховьях Лены, демонстрируют тоже более высокие значения $\delta^{15}\text{N}$, чем образцы из того же района, но относимые к серовско-глазковской культуре. Таким образом, можно предположить, что китойцы, населявшие верховья Лены, потребляли рыбы больше, чем сменявшие их серовцы-глазковцы. Интересно, что самое высокое значение $\delta^{15}\text{N}$ имеют материалы из глазковских погребений могильника

Хужир (о-в Ольхон). Эта особенность объясняется скорее всего возросшей долей мяса тюленей в рационе данной группы глазковцев, а не более интенсивным использованием ими рыбных ресурсов [Weber et al., 1998].

Дополняют эти свидетельства о потреблении рыбы всеми среднеголоценовыми группами по всей территории Прибайкалья (хотя и в разной мере) материалы, указывающие на изменения в рационе питания людей разных периодов. По изотопным данным такая динамика в наименьшей степени проявлялась на могильниках в верховьях Лены, за ними следуют стоянки в Приангарье и районе оз. Байкал (два памятника). Пищевые ресурсы верхней Лены не отличаются разнообразием и, по мнению авторов, рацион питания местных обитателей со временем практически не менялся. В отличие от этого, более богатые и разнообразные ресурсы Приангарья и о-ва Ольхон представителям разных культур и эпох давали широкие возможности выражать свои предпочтения в еде.

Важную информацию дает анализ рациона питания людей рассматриваемых хронологических периодов. В рамках такого исследования установлены гораздо большие меж- и внутрирегиональные различия между китойскими памятниками, чем между серовско-глазковскими. Отмечена ощутимая разница значений $\delta^{13}\text{C}$ и $\delta^{15}\text{N}$ (около 1,8 и 1,5 ‰ соответственно) образцов с двух китойских могильников (Локомотив и Усть-Белая) на Ангаре, расстояние между которыми составляет всего 100 км. Подобный разрыв в значениях отмечен и у образцов со стоянок Усть-Белая и Хоторук (оз. Байкал), которые удалены друг от друга на 500 км, расположены в разных водосборных бассейнах и характеризуются своеобразной экологией рыб. Два ранненеолитических образца с верховий Лены по изотопным показателям также различаются. Несколько более низкие значения $\delta^{15}\text{N}$, полученные по образцам из Макрушинского могильника, расположенного значительно выше могильника Турука по течению реки, могут свидетельствовать о меньшем употреблении людьми рыбы, которой, видимо, было немного в мелководье реки с быстрым течением. Памятник Турука отличается высокими значениями $\delta^{15}\text{N}$ (хотя и в пределах ошибки, если сравнивать с данными для могильника Макрушина), судя по которым можно сделать вывод о более интенсивном использовании рыбных ресурсов. В том месте, где расположен памятник, река, возможно, была полноводной и располагала хорошей питательной средой, что способствовало большому разнообразию видов рыб и их обилию.

В отличие от китойских материалов, по образцам серовско-глазковского времени по всему Прибайкалью отмечается только минимальная изменчивость уровня стабильных изотопов. Исключение составля-

ют материалы могильника Хужир. Однако, учитывая особенности памятника, трудно сказать, является ли этот материал достаточно репрезентативным для других глазковских стоянок Приольхонья. Для этого необходимо получить дополнительные сведения, характеризующие весь район.

По химическим данным реконструируются разные типы рациона питания у носителей китойской и серовско-глазковской культур. Рацион обеих групп, видимо, включал мясо травоядных, но китойцы отдавали предпочтение рыбе. Кроме того, их экономика питания была более тесно связана с тремя изолированными бассейнами и зависима от пищевых ресурсов, имевшихся непосредственно в районе обитания. Похоже, что китойцы вообще не передвигались или делали это в рамках соседних микрорегионов, что подтверждается данными изотопного анализа материалов с памятников Локомотив и Усть-Белая на Ангаре. Перемещения или сезонные миграции по разным районам Прибайкалья должны были бы стереть какие-либо изотопно выявляемые особенности в рационе питания, отражающие специфику распространения или использования пищевых ресурсов. Миграции на большие расстояния по трем бассейнам (например, с верховий Лены до оз. Байкал с целью охоты на тюленей или рыбалки), видимо, также не были типичны для китойцев.

Образцы, относящиеся к памятникам серовско-глазковской культуры, характеризуются большим единообразием значений стабильных изотопов (этому не противоречит и образец из Хужира). Объяснить данный факт можно или регулярным перемещением людей по большей части Прибайкалья, богатой разными пищевыми ресурсами, или более сбалансированным и разнообразным рационом питания, соответствовавшим подвижному образу жизни в пределах микрорегионов. До тех пор, пока не будут получены новые данные, следует обсуждать оба предположения.

Фаунистические материалы

Проведенные нами исследования, направленные на выявление способов охоты на тюленей на о-ве Ольхон [Weber, Konopatskii, Goriunova, 1993; Weber et al., 1998], показали, что эти животные были второстепенным по значимости источником пищи. Тем не менее авторы включили в данную статью некоторые результаты этого анализа, поскольку они содержат интересную информацию о дихотомическом подходе к использованию природных ресурсов китойцами и серовцами-глазковцами.

Большая часть костных остатков тюленей представлена на многослойных стоянках-поселениях (Саган-Заба, Тышкинэ II и III, Итырхей, Берлога, Улан-Хада, Саган-Нугэ), что дает возможность оценить

материал в хронологическом плане. Единственным исключением является могильник Хужир, где кости тюленей найдены в погребениях и связанных с ними ямах. Стоянки Саган-Заба и Тышкинэ расположены на Большом Море у глубоководных мест и близ весенних лежищ тюленей. Стоянки Малого Моря Итырхей, Берлога, Улан-Хада и Сага-Нугэ расположены у небольших мелководных бухт в заливах Куркут и Мухор, куда тюлени заходят редко. Памятник Хужир находится на живописном мысе на восточном берегу о-ва Ольхон (также на Малом Море). У мыса Хужир места более глубоководные по сравнению с бухтами, но достаточно мелкие. Этот район также редко посещается тюленями.

На памятниках Тышкинэ II и III кости тюленей встречены во всех слоях, соответствующих серовскому времени – раннему железному веку. Самое большое количество остеологических остатков наблюдается в глазковских слоях [Weber et al., 1998, Table 1]. На стоянке Саган-Заба кости тюленей были зафиксированы в слоях, относящихся к мезолиту – бронзовому веку. Наибольшее их количество было найдено в отложениях серовско-глазковского времени. На стоянках в заливах Куркут и Мухор образцы костей тюленей рассеяны по всем отложениям, характеризующим мезолит – эпоху бронзы, но определенной закономерности в их расположении не наблюдается. В могильнике Хужир костные остатки тюленей были связаны только с глазковскими погребениями. Единственное китойское и три серовских захоронения подобных материалов не содержали.

Исходя из этих данных можно предположить, что роль охоты на тюленей со временем изменялась. Низкая частота встречаемости останков тюленей во всех китойских слоях стоянок в заливах Куркут и Мухор и в бухте Саган-Заба, отсутствие их в китойском погребении на Хужире, а также отсутствие китойских слоев на стоянках Тышкинэ II и III подтверждают предположение о том, что охота на тюленей играла незначительную роль в жизни китойцев. Ее актуальность стала усиливаться в начале серовско-глазковского периода (т.е. после культурного перерыва). Однако следует подчеркнуть, что в течение всего неолита и бронзового века этот промысел был сезонным видом деятельности и мясо этих животных составляло незначительную часть общего пищевого рациона.

Роль охоты на тюленей в периоды до и после хронологического перерыва не была одинаковой, что отражает не наличие конкретных пищевых ресурсов, а, скорее всего, большие контрасты в оценках полезности ресурсов китойцев и серовцев-глазковцев и, может быть, специфику их режимов подвижности при добыче пищи. Следует отметить, что обитавшие в районе заливов Куркут и Мухор китойцы не посещали соседний район Тышкинэ, который был для серовцев-

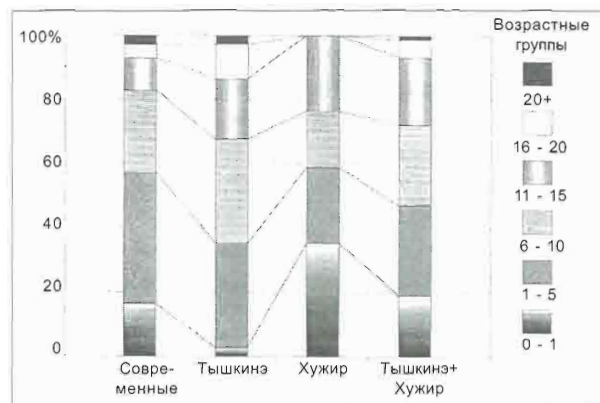

Рис. 3. Возрастные структуры популяций тюленей о-ва Ольхон.

глазковцев предпочтительным местом для весенней охоты на тюленей. Китойцы проявляли мало интереса и к Саган-Забе – району, изобиловавшему тюленями. Значения $\delta^{15}\text{N}$ образцов из китойского могильника Хоторук, расположенного в устье р. Анги, также указывают на то, что рыба для китойцев была более важным компонентом питания, чем тюлени.

Материалы всех стоянок, относящихся к периоду, предшествовавшему хронологическому перерыву, содержат мало костей тюленей. Малочисленность остеологических остатков тюленей на стоянках в заливах Куркут и Мухор вполне объяснима – местонахождения расположены далеко от весенних лежищ этих животных. Интересно то, что материалы указанных памятников содержат кости преимущественно старых особей, которые более склонны покидать свои лежища. Однако это наблюдение кажется неожиданным для стоянок Тышкинэ и Саган-Заба, находящихся вблизи весенних лежищ тюленей. Ситуация, фиксируемая для периода после культурного перерыва, несколько иная. Останки тюленей, относящиеся ко времени, предшествовавшему перерыву, малочисленны у заливов Куркут и Мухор и принадлежат преимущественно старым особям. Много костей тюленей обнаружено на стоянках Тышкинэ и Саган-Заба, но здесь они представляют значительно более широкий спектр возрастов. Эта закономерность еще раз указывает на целенаправленную эксплуатацию ресурсов серовцами-глазковцами в то время и в тех местах, когда и где эти ресурсы были обильными. Китойцы же были менее подвижными и не проявляли интереса к поиску альтернативных источников пищи.

Пространственные различия также фиксируются по материалам памятников Хужир и стоянкам в заливах Мухор и Куркут (все они расположены в местах, где тюлени встречаются редко). Как указывалось выше, нет оснований полагать, что останки тюленей из Куркута и Мухора были связаны с весенними лежищами на Большом Море. Вместе с тем на памятнике

Хужир погребены тюлени, которые были принесены явно издалека. Кости представляют преимущественно молодых и взрослых особей репродуктивного возраста (рис. 3). По совокупности данных, полученных по материалам памятников Хужир и Тышкинэ, была определена половозрастная структура сообществ тюленей, которая сходна со структурой современного стада ластоногих. Похоже, происходил намеренный отбор животных. Отметим, что в отличие от могильника Хужир глазковские памятники, расположенные на материковом берегу Малого моря, в том числе Сарминский Мыс, Улярба, Шидэ и Хужир-Нуге XIV, не содержали останков тюленей [Горбунова, Пшеницина, 1991; Комарова, Шер, 1991; Горюнова, Вебер, 1997; Горюнова, Новиков, Мамонова, 1998; Горюнова, Вебер, Новиков, 1998]. Учитывая неординарность материалов Хужира, живописность места его расположения на мысу, можно сделать вывод об уникальности этого могильника, равно как и об особом положении захороненных в нем людей [Okladnikov, Konopatskii, 1974 – 1975; Weber et al., 1998].

Обсуждение

Приведенные выше результаты трех исследований интересны и ценны сами по себе, но, будучи собранными в комплекс, они приобретают большую значимость. На основе этих данных предлагается обсудить и сравнить некоторые аспекты экономики питания и социальных отношений китойцев и серовцев-глазковцев.

Экономика питания

Китойцы и серовцы-глазковцы, как было показано выше, по-разному подходили к добыче пищи в природной среде, которая предоставляла им в принципе равные возможности. Период, охватывающий китойское время, культурный перерыв и раннее серовско-глазковское время, характеризовался минимальными изменениями условий окружающей среды. Сообщество китойцев, видимо, состояло из групп, ареал годичных миграций которых был относительно невелик. Их рацион питания базировался преимущественно на рыбе даже в тех местах, в которых рыба не являлась самым обильным пищевым ресурсом. Миграция отдельной группы чаще всего происходила в рамках определенного водосборного бассейна. В районе оз. Байкал китойцы предпочитали устья рек и небольшие спокойные мелководные бухты, где можно было ловить мелко- и глубоководных рыб. В таких местах на Ангаре расположены три крупнейших китойских могильника. Один из них (могильник Усть-Белая) находится вблизи современных ему стоянок-поселений. Расположение памятников в приустьевых районах свидетельствует о том, насколько для экономики питания

китойцев была важна ловля рыбы, двигавшейся вверх или вниз по течению.

Сезонные миграции серовцев-глазковцев могли охватывать более значительные территории Прибайкалья. Экстенсивный подход к добыче пищи в каждом отдельном районе или водосборном бассейне заставлял их, вероятно, реже менять места длительного обитания. Если же серовцы-глазковцы перемещались, то из одного бассейна или района в другой. Предлагаемая модель соответствует их демографической структуре, в которой был большим удельный вес детей и пожилых людей, не позволявший часто менять места длительного обитания. Деятельность серовцев-глазковцев по добыче пищи была более разнообразной, а рацион богаче. Так, на Байкале они ставили лагерь в тех же мелководных, изобиловавших рыбой маленьких бухтах, что и китойцы более раннего периода, жили в местах выхода к озеру и там, где можно было охотиться на тюленей. В целом, доля мяса копытных у них в рационе была намного больше, чем у китойцев. Процесс обеспечения пищей предполагал также тщательный отбор и транспортировку добычи.

Реконструируемые для китойцев и серовцев-глазковцев масштабы и модели сезонных миграций согласуются с фиксируемым рационом питания и предпочтениями, отдаваемыми тому или иному виду пищи. Во времена китойцев большой упор делался на потребление рыбы, которая является более локализованным ресурсом. Это обуславливало ограниченность района сезонных миграций. Поскольку во всех трех бассейнах (Байкал, Ангара и Лена) можно было ловить рыбу, для китойцев необходимость в передвижениях была не столь острой. Интерес серовцев-глазковцев к копытным животным и более разнообразным ресурсам предполагал сезонные миграции в большем масштабе. Особенность экономики питания серовцев-глазковцев проявляется также в выборе мяса тюленей представителями всех половозрастных групп их коллективов.

Таким образом, модель добычи пищи серовцами-глазковцами могла обеспечить более разнообразной, сезонно сбалансированной пищей, достаточной для представителей обоих полов и всех возрастных групп. Рацион питания китойцев, явно предпочитавших добывать пищу вблизи мест обитания, по одонтологическим данным, был менее стабилен. К тому же, в их коллективах пища могла распределяться выборочно, при этом от недостатка питания страдали женщины и дети.

Социальные отношения

Есть основания предполагать, что в культурах охотников существовала взаимосвязь между такими тремя характеристиками, как способ добычи пищи,

половозрастная структура популяции и тип социальных отношений. С особой силой она проявлялась в небольших общинах охотников, численность которых большую часть года не превышала 10 человек.

Признаки этой взаимосвязи хорошо прослеживаются в имеющихся материалах китойских и серовско-глазковских памятников. Данные, полученные в результате исследований остеологических коллекций могильников Локомотив и Усть-Ида, позволяют предположить, что демографический состав и тип социального взаимодействия в оставивших их сообществах могли оказывать существенное влияние друг на друга. Контрасты между численностью групп молодых и пожилых особей, с одной стороны, а также взрослых мужчин и взрослых женщин – с другой, должны были содействовать формированию особой социальной динамики.

Данные, полученные при изучении антропологических материалов из могильников Локомотив и Усть-Ида, однако, не позволяют составить представления об общей численности групп населения, их расселении в регионе, а также социальных отношениях. Допуская, что общее количество и распространение известных прибайкальских захоронений китойского и серовско-глазковского периодов приблизительно отражают общие размеры данных популяций, можно сделать предварительный вывод о 4-кратном численном превосходстве серовцев-глазковцев над китойцами. Как упоминалось выше, представители позднейшей популяции серовцев-глазковцев, вероятно, наиболее широко расселились по территории Прибайкалья. Ее предполагаемая численность усложнила характер социальных отношений, существовавших до и после культурного перерыва.

Картина социальной жизни, реконструируемая по антропологическим материалам и данным о распространении археологических памятников, во многом согласуется с выводами о мобильности групп и способах добычи пищи, полученными в ходе анализа фаунистических остатков и состава стабильных изотопов. Как представляется, для китойцев была характерна некая социальная изолированность; территории их сезонных миграций были небольшими. Основные социальные звенья, вероятно, сохранялись достаточно долго. Например, обитатели соседствующих стоянок у заливов Куркут и Мухор могли представлять одну такую основную общину, существовавшую продолжительное время. Сообщества, оставившие могильники Локомотив, Китой и Усть-Белая, вероятно, соотносимы с социально и экономически независимыми группами китойцев, освоившими долины притоков Ангары. В противоположность этому, мобильность серовцев-глазковцев, перемещавшихся по бассейнам Ангары, Лены и Байкала, видимо, имела иной характер. Отдельные общины не были столь изолирован-

ными, их социальные системы могли быть более открытыми. Значительная межгрупповая мобильность могла означать, что коллективы представляли собой достаточно свободные объединения семей и отдельных индивидуумов. В какой мере это могло быть следствием рассмотренной выше модели добычи пищи или же возможного социального напряжения внутри групп – предстоит выяснить.

Данные, касающиеся охоты на тюленей в районе о-ва Ольхон, также содержат некоторую информацию о сфере социальных отношений. Останки тюленей, обнаруженные в могильнике Хужир, являются частью уникального археологического контекста, анализируя который можно сделать четыре вывода. Во-первых, глазковцы транспортировали туши тюленей по меньшей мере на 20-километровое расстояние от Большого моря до западного побережья острова. Во-вторых, для этого они выбирали детенышей и кормящих самок тюленей. В-третьих, мясо тюленей, видимо, играло более значительную роль в рационе людей, сформировавших могильник Хужир, чем других серовцев-глазковцев. В-четвертых, большая часть погребений на могильнике выделяется на общем фоне по количеству и типам погребального инвентаря [Конопацкий, 1982]. Так, в одном из захоронений, по предположению А.П. Окладникова и А.К. Конопацкого [Okladnikov, Konopatskii, 1974 – 1975], были погребены глазковский шаман и охотник на тюленей. Логично предположить, что все глазковцы, похороненные в могильнике Хужир, имели особый социальный статус. Принимая во внимание совокупность данных о топографическом положении памятника, величинах стабильных изотопов, наличии полных костяков тюленей и собак, а также учитывая особенности погребального инвентаря, можно предположить, что все взрослые, погребенные в могильнике Хужир, занимали особое положение в сообществе.

В общем, судя по различиям в половозрастной структуре, демографическом росте численности и пространственном распространении популяций, особенностям личной и групповой мобильности, а также модели распределения пищи, существовали две культуры охотников с количественно и качественно противоположной социальной динамикой.

Схема развития культур эпох неолита и бронзы Прибайкалья

Попытаемся интегрировать разные комплексы данных в единую модель изменений культуры среднеголоценовых охотников Прибайкалья. Исходя из имеющихся материалов и их интерпретации, можно предположить, что у китойцев и серовцев-глазковцев, которых разделяет временной разрыв приблизительно в 700 – 1000 лет, пользовавшихся в основном одной и той

же общей технологией изготовления изделий, были разные способы адаптации к условиям окружающей среды, которые, вероятно, не претерпели существенных изменений. По мнению авторов, эти способы адаптации можно представить в виде двух гипотетических моделей.

Сообщество китойцев состояло из сравнительно небольших изолированных групп, часто менявших места обитания в пределах ограниченного района сезонных миграций. По крайней мере в позднейший период своего существования эта популяция испытала демографический застой или даже упадок. Социальная динамика характеризовалась возрастным и половым дисбалансом при небольших долях детей, пожилых людей и взрослых женщин. При распределении пищи преимущество имели мужчины. Рацион питания был сравнительно бедным, не отличавшимся разнообразием. Популяция время от времени сталкивалась с серьезным, хотя и не катастрофическим дефицитом пищевых продуктов. Низкая трансрегиональная подвижность групп обуславливала круглогодичный контроль ресурсов в пределах определенного района.

В отличие от китойцев серовцы-глазковцы больше перемещались по всей территории Прибайкалья и плотнее заселяли эту зону. Они чаще устанавливали межгрупповые контакты, а отдельные индивидуумы могли более свободно переходить из одной группы в другую. Отношения между разными по полу и возрасту категориями людей были более справедливыми. Доля детей и пожилых была высокой, наблюдался численный баланс между полами. Серовцы-глазковцы отличались разнообразием способов добычи пищи, высокой мобильностью и более сбалансированной, чем китойцы, демографической структурой, что способствовало увеличению численности популяции.

Таким образом, гипотеза о существовании перерыва в развитии культур, выдвинутая в начале наших исследований на основе радиоуглеродных данных, а также по результатам краниометрических исследований и сравнения погребального инвентаря и керамики [Weber, 1995], получает дополнительное подтверждение благодаря материалам изучения зооархеологии, половозрастной структуры популяций, стабильных изотопов. Если в 1995 г. авторы настоящей статьи допускали мысль о некоей последовательности в развитии культур [Ibid, p. 157], то сегодня они склонны полностью отказаться от нее и предложить гипотезы о полной или почти полной депопуляции района в конце китойского периода и формировании новой культуры силами иммигрировавших в Прибайкалье приблизительно 700 лет спустя групп серовцев с возможной ассимиляцией немногочисленных выживших китойцев.

В этой связи возникают важные вопросы о причинах и характере процесса вымирания китойцев, а также о происхождении серовцев-глазковцев. Они будут рассмотрены в других публикациях.

Теперь обратимся к проблеме серовско-глазковской последовательности после хронологического перерыва. Располагая представленными выше данными и всем набором аргументов, накопившихся к настоящему времени, было бы логичным предположить нечто большее, чем существование простой хронологической последовательности между культурами серовцев и глазковцев. Идея такой последовательности выдвигалась ранее несколькими исследователями (их аргументация обобщена [Ibid]). Между серовскими и глазковскими материалами, вероятно, больше сходств, чем различий. Наиболее ярко они проявляются в группе изделий из меди/бронзы и керамики. Особенности глазковской культуры в целом следует, вероятно, считать малосущественными для понимания способов адаптации охотников-собираателей, хотя их можно отнести к культурно-историческим признакам.

Еще одно часто упоминаемое различие касается ориентации могил серовцев и глазковцев. В частности, ориентация захоронений по солнцу (т.е. север – юг или восток – запад) или относительно береговой линии (перпендикулярное или параллельное) считается важным признаком принадлежности к конкретной культуре. Наиболее существенной проверкой надежности этого признака могло бы стать радиоуглеродное датирование всех захоронений серовских и глазковских могильников. Исчерпывающие данные такого рода пока отсутствуют, но тем не менее можно показать, что закономерности в ориентации могил не являются такими уж показательными, как об этом часто пишут. В Приольхонье, например, дихотомия север – юг (серовцы) и запад – восток (глазковцы) отмечается лишь на некоторых могильниках [Горюнова, Мамонова, 1994; Горюнова, Новиков, Мамонова, 1998; Горюнова, Вебер, Новиков, 1998; Конопацкий, 1982]. На памятнике Хужир одно глазковское и все три серовских захоронения ориентированы с севера на юг, еще одно глазковское захоронение – с северо-запада на юго-восток, а остальные пять глазковских захоронений демонстрируют “типичную” ориентацию восток – запад. На верхней Лене зафиксирована иная модель расположения могил. На Верхоленинском могильнике [Окладников, 1978] для серовских захоронений “типична” ориентация восток – запад, но две могилы были ориентированы с севера на юг и с северо-востока на юго-запад. Для глазковских погребений “типична” ориентация с севера на юг, но два захоронения, ориентированные с востока на запад и с северо-запада на юго-восток, являются исключением из этого правила. В дополнение к этому, три

серовских погребения, ориентированные с востока на запад, были датированы радиоуглеродным методом и отнесены к глазковскому времени [Мамонова, Сулержицкий, 1989]. Наконец, на памятнике Усть-Ида на Ангаре серовские и глазковские погребения часто находятся в одном ряду и имеют одинаковую ориентацию (В.И. Базалийский, личное сообщение). Неудивительно, что радиоуглеродные даты, полученные по материалам этого могильника, демонстрируют частичное совпадение возрастов серовских и глазковских погребений [Там же; Weber, 1995]. Данные о расположении могил свидетельствуют о том, что противоположная ориентация серовских и глазковских захоронений отражает не просто хронологию. Разнообразная ориентация, видимо, практиковалась с самого раннего этапа заселения серовцами-глазковцами Прибайкалья. Очевидно, что эта проблема требует дальнейшего изучения.

В целом, авторы данной статьи придерживаются той точки зрения, что серовские и глазковские памятники представляют лишь время единой адаптации охотников, а не отдельные “археологические культуры”. Эту объединенную культуру можно назвать серовско-глазковской. Изменения, которые претерпевали разные элементы материальной культуры, сохраняют свою значимость при определении этих горизонтов, но требуют осторожного обращения при создании гипотез и построении моделей. Необходимо провести комплексный анализ с применением нового подхода к многочисленным данным, полученным при исследовании погребений. После этого они могут быть использованы для определения других параметров изменений и преемственности культур на протяжении 3,2 тыс. лет, следовавших за хронологическим перерывом [McKenzie, Weber, 1999].

Исходя из данных, приведенных в этой статье, представляется уместным внести некоторые коррективы в схему развития и преемственности культур неолита и эпохи бронзы, предложенную А.В. Вебером [Weber, 1995]. Следуя совету Д.В. Линка [Link, 1999], хронологический перерыв далее будет рассматриваться как средненеолитический феномен. В контексте современного понимания периодов до и после культурного перерыва средний неолит, который трудно описать археологически, все равно будет определенным периодом, характеризующимся крупными культурными трансформациями. Следовательно, к серовско-глазковской культуре надо относиться как к звену, объединяющему поздний неолит и бронзовый век. При выделении позднейшего горизонта можно исходить из наличия медных предметов, иногда встречающихся в погребениях. Разработанная модель предполагает необходимость применения новых подходов к изучению проблемы взаимоотношений серовской и глазковской культур. Кроме того, дальнейшее упот-

ребление термина “халколит” представляется необязательным. Предлагается следующая схема (все даты считаются приблизительными):

Ранний китой – 8 800 – 7 800 л. до н.э. Поздний мезолит.

Поздний китой – 7 800 – 6 900 л. до н.э. Ранний неолит.

Перерыв/трансформация – 6 900 – 6 200 л. до н.э. Средний неолит.

Раннее серово-глазково – 6 200 – 5 400/5 000 л. до н.э. Поздний неолит.

Позднее серово-глазково – 5 400/5 000 л. до н.э. Бронзовый век.

Заключение

В данной статье были рассмотрены недавно полученные комплексы археологических данных, проливающие дополнительный свет на процессы развития и преемственность культур охотников, населявших Прибайкалье в эпохи неолита и бронзы. Хотя авторы признают, что многие из представленных идей должны рассматриваться в качестве рабочих гипотез, ряд аспектов предлагаемой схемы уже получили надежное обоснование и заслуживают доверия. Во-первых, разрыв между китойской и серовско-глазковской культурами является реальным событием, а не следствием археологической неизученности. Во-вторых, этот разрыв был не просто хронологическим явлением, он представляет собой некую черту в адаптации охотников. В-третьих, традиционное разделение серовских и глазковских культур нуждается в пересмотре.

Проблемы, рассмотренные в данной статье, конечно, требуют дальнейшей разработки, но сейчас представляется возможным поставить ряд наиболее насущных вопросов. Эти вопросы касаются развития раннего китоя (поздний мезолит), процессов, действовавших на заключительном этапе бытования китойской культуры, происхождения серовцев-глазковцев и, наконец, событий, положивших конец этой форме адаптации в период после I тыс. до н.э.

* * *

Данная работа выполнена в рамках долговременной программы по изучению среднеголоценовых культур охотников-рыболовов-собираателей района оз. Байкал, финансируемой Советом по общественным и гуманитарным наукам Канады (Social Sciences and Humanities Research Council of Canada). Дополнительная финансовая поддержка была предоставлена Университетом Альберты и Канадским институтом Приполярья (Canadian Circumpolar Institute). За помощь в проведении исследований авторы выражают благодарность своим российским коллегам: Г.Д. Медведеву, О.И. Горюновой, Н.А. Савельеву, В.А. Остроумову, В.И. Базалийскому

и Н.Е. Бердиниковой (Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии ИАЭТ СО РАН), А.П. Деревянко и А.К. Конопацкому (ИАЭТ СО РАН, Новосибирск), а также И.И. Гохману и Я.К. Чистову (МАЭ, Санкт-Петербург).

Список литературы

- Горбунова Н.Г., Пшеницына М.Н.** Поселение и могильник в бухте Шида // Древности Байкала / Ред. В.М. Масон. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 65 – 69.
- Горюнова О.И., Вебер А.В.** Исследования могильника бронзового века Хужир-Нуге XIV на Байкале // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – С. 184 – 187.
- Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г.** Новые данные по бронзовому веку Прибайкалья // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 138 – 146.
- Горюнова О.И., Мамонова Н.Н.** Погребальный обряд и демография серовских захоронений Приольхонья (оз. Байкал) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1994. – № 3. – С. 13 – 19.
- Горюнова О.И., Новиков А.Г., Мамонова Н.Н.** Захоронения бронзового века могильника Сарминский Мыс на побережье озера Байкал // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1998. – № 3. – С. 13 – 19.
- Комарова М.Н., Шер Я.А.** Могильники бухты Улан-Хада // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1991. – С. 32 – 41.
- Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 175 с.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.** Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1. – С. 19 – 32.
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I и II. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 411 с. – (МИА; Т. 18).
- Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 371 с. – (МИА; Т. 43).
- Окладников А.П.** Верхоленинский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 287 с.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H.** Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains // Arkansas Archeological Survey Research Series 44. – 1994.
- Goodman A.H., Rose J.C.** Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hypoplasias and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. – 1990. – N 33. – P. 59 – 110.
- Katzberg M.A., Herring D.A., Saunders S.R.** 1996 Weaning and infant mortality: evaluating the skeletal evidence // Yearbook of Physical Anthropology. – 1996. – N 39. – P. 177 – 199.
- Katzberg M.A., Weber A.W.** Stable isotope ecology and palaeodiet in the Lake Baikal region of Siberia // Journal of Archaeological Science. – 1999. – N 26 (6). – P. 651 – 659.
- Kelly R.L.** The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways. – Washington: Smithsonian Institution Press, 1995. – 446 p.
- Lam Y.M.** Isotopic evidence for change in dietary patterns during the Baikal Neolithic // Current Anthropology. – 1994. – N 35. – P. 185 – 190.
- Link D.W.** Hunter-gatherer demography and health in the Cis-Baikal Neolithic: Ph. D. dissertation. – Chicago: Department of Anthropology, University of Chicago, University Microfilms, Ann Arbor, 1996.
- Link D.W.** Boreal forest hunter-gatherer demography and health during the Middle Holocene of the Cis-Baikal, Siberia // Arctic Anthropology. – 1999. – N 36 (1/2). – P. 51 – 72.
- McKenzie H.G., Weber A.W.** Continuity and culture change among Neolithic hunter-gatherers in the Cis-Baikal Region (Siberia): The mortuary record revisited // Paper presented at Mortuary Practices in Prehistory Symposium. – Leuven, 1999. – September 12 – 18.
- Okladnikov A.P., Konopatskii A.K.** Hunters for seal on the Baikal Lake in the Stone and Bronze Ages // Folk. – 1974 – 1975. – N 16/17. – P. 299 – 308.
- Stuart-Macadam P.** Porotic hyperostosis: a new perspective // American Journal of Physical Anthropology. – 1992. – N 87. – P. 39 – 47.
- Weber A.W.** The Neolithic and Early Bronze Age of the Lake Baikal Region, Siberia: A review of recent research // Journal of World Prehistory. – 1995. – N 9 (1). – P. 99 – 165.
- Weber A.W.** Mortuary archaeology and culture change among Cis-Baikal Neolithic hunter-gatherers: Theoretical and methodological considerations // Paper presented at Mortuary Practices in Prehistory Symposium. – Leuven, 1999. – September 12 – 18.
- Weber A., Konopatskii A.K., Goriunova O.I.** Neolithic seal hunting on Lake Baikal: Methodology and preliminary results of the analysis of canine sections // Journal of Archaeological Science. – 1993. – N 20. – P. 629 – 644.
- Weber A.W., Link D.W., Goriunova O.I., Konopatskii A.K.** Patterns of prehistoric procurement of seal at Lake Baikal: A zooarchaeological contribution to the study of past foraging economies in Siberia // Journal of Archaeological Science. – 1998. – N 25. – P. 215 – 227.

Материал поступил в редколлегию 09.09.2000 г.

М.В. Козловская

Институт археологии РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: smirnoff@online.ru

ОБРАЗ ЖИЗНИ ДРЕВНЕЭСКИМОССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ПО ДАННЫМ АНТРОПОЛОГИИ

Введение

Всякий исследователь, обратившийся к вопросам, касающимся древних или современных эскимосов, будь то биолог, медик, фольклорист, археолог, неизменно погружается в анализ самых различных сторон жизни этого населения, на первый взгляд, и не относящихся к исходной задаче. Вероятно, такая особенность изучения эскимосского этноса связана с двумя обстоятельствами. Во-первых, существование арктических аборигенов представляет сложнейшую систему социальных и биологических адаптаций, настолько взаимосвязанных и взаимообусловленных, что анализировать какой-либо один компонент этой системы (культурную традицию, физиологическую особенность) означает утратить перспективность всей работы. Во-вторых, что, вероятно, и является главным, невозможно остаться равнодушным к жизни людей, проходящей в экстремально тяжелых условиях. Поэтому исследование неминуемо, хотя бы частично, теряет формальный характер и преобразуется в “жизнеописание”. Не случайно Фридрих Ратцель – автор фундаментального труда “Народоведение” – взял эпиграфом к главе об эскимосах цитату из знаменитого гуманиста Германии Иоганна Готфрида Гердера: “Природа хотела испытать, к каким насильственным положениям способен наш род, и он выдержал это испытание” [Ратцель, 1903].

Изучению эскимосов посвящено огромное количество работ (в том числе и антропологических), так как исследователей привлекает возможность не только описать феномены этого этноса, но и использовать эскимосские популяции в качестве модели для решения ряда фундаментальных научных задач. Эскимосы

расселены в наиболее суровых районах ойкумены, поэтому исследуются с точки зрения адаптационных возможностей вида *Homo sp. sp.* к низкотемпературному стрессу, ограниченной инсоляции. Поскольку промысел морского зверя составляет основу экономического уклада обитателей побережий, ряд экологических проблем, зависимости численности населения от количества промысловых животных рассматриваются на примере эскимосов.

Уникальна структура питания этих арктических зверобоев. Их можно считать самыми плотоядными среди современного и древнего населения. Поэтому комплекс вопросов о влиянии животной пищи на организм человека также обсуждается на материале исследований эскимосских популяций.

С середины прошлого века и по сей день специалисты различных дисциплин используют этнографические наблюдения за образом жизни эскимосов с целью поиска аналогий с обществами верхнепалеолитических охотников на крупных травоядных мамонтовой фауны. Все это говорит о том, что важнейшие проблемы экологии человека разрабатываются на материале эскимосских популяций. В большой мере они решаются изучением современных групп [Алексеева и др., 1983]. Однако та часть вопросов, которая связана с эпохальной динамикой адаптивных признаков, особенностями жизни до контакта со скотоводческим чукчанским населением, исследуется исключительно по палеоантропологическим материалам.

Палеоэкологическое направление, пользующееся особой популярностью в антропологии и археологии последнего времени, предлагает разнообразные методические приемы для воссоздания особенностей образа жизни древнего населения [Историческая экология..., 1998]. Концепция стресса, созданная Гансом

Селье, в свое время была удачно адаптирована к нуждам палеоантропологии [Goodman, Martin, Armelagos, 1984]. Система учета индикаторов биологического стресса, переносимого организмом, позволяет реконструировать качество жизни в палеопопуляциях [Бужилова, 1995].

Материалы и методы

В представляемом исследовании использовались некоторые признаки, ранее апробированные для целей реконструкции качества и образа жизни древнего населения. На основании половозрастных определений анализировалась демографическая структура палеопопуляций. Использовалась методика балловой оценки одного из эпизодических индикаторов биологического стресса – *cribra orbitalia* [Hengen, 1971]. Учитывалось присутствие эмалевой гипоплазии, возникающей в результате стресса в детском возрасте [Kerr, 1984]. Описывались микроструктурные тканевые реакции на костях свода черепа с целью выявления реакций сосудистой системы.

Особый интерес представляет своеобразие челюстного аппарата древних эскимосов, что уже отмечалось ранее [Лебединская, 1969]. В программу исследования были включены: учет степени стертости коронок зубов, наличие ореховидных вздутий на нижней челюсти (*torus mandibularis*) и небного валика (*torus palatinum*).

Описывались следы травматических повреждений на черепе, реконструировался характер орудия, которым было нанесено ранение.

Систему перечисленных признаков нельзя считать исчерпывающей, так как в ней полностью отсутствуют описания или измерения посткраниального скелета. Исследование скелетных серий из древнеэскимосских могильников Эквен и Уэлен предполагается в дальнейшем как развитие работы, представленной на этих страницах. Однако описание коллекций черепов также может послужить для создания целостной палеоэкологической картины образа и качества жизни древних обитателей Арктики.

Могильник Эквен – уникальный археологический погребальный памятник, оставленный древними эскимосами. Он обнаружен в результате проверки информации геологов о том, что на мысе Верблюжем найдены человеческие кости. Д.А. Сергеевым были определены примерные границы могильника и выполнены раскопки первых погребений [Арутюнов, Сергеев, 1975]. В настоящее время вскрыто более 330 погребений, большая часть которых представлена одиночными захоронениями, но есть и парные и даже групповые (до пяти индивидов). Раскопки могильника далеки от завершения. Вероятно, исследовано менее половины площади памятника. Судя по ар-

хеологическим источникам, могильник функционировал в продолжении тысячелетия. Серия дат, полученных радиоуглеродным методом, свидетельствует о том, что первые насельники, хоронившие здесь своих родственников, жили в I – II вв. до н.э. [Денисман и др., 1996]. Самые поздние погребения датируются серединой II тыс. н.э.

Антропологические материалы из раскопок Эквенсакого могильника оперативно вводились в научный оборот. Краниологические исследования Г.Ф. Дебеча [1975] внесли чрезвычайно важный вклад в изучение этногенеза эскимосов. Г.В. Лебединская [1969] проанализировала палеопатологические проявления, ею же выполнена серия скульптурных и графических реконструкций людей из Эквена. Т.С. Сурнина [1969] описала состояние зубочелюстного аппарата. В.Н. Федосова провела морфологическое исследование посткраниального скелета, изучение внутренней структуры длинных костей конечностей [Fedosova, 1991; Fedosova, Kozlovskaya, 1993]. Был проанализирован микроэлементный состав минеральной части костной ткани с целью реконструкции особенностей питания этого населения [Kozlovskaya, 1993].

В представляемом исследовании приводятся и обсуждаются палеодемографические данные. Как неоднократно указывалось в антропологической литературе [Алексеев, 1992; Федосова, 1992; Медникова, 1995], демографические описания остеологических коллекций применимы только к палеопопуляции. Возможно ли квалифицировать серию из Эквенсакого могильника как палеопопуляцию? Могильник раскопан далеко не полностью, и мы должны были бы ответить на данный вопрос отрицательно. Однако реальное положение вещей с раскопками этого памятника таково, что полное исследование его может завершиться через десятилетия. Вероятно, было бы ошибочным откладывать работу с антропологическими материалами на столь продолжительное время. К тому же раскопки проведены на различных участках могильника. Это позволяет предполагать, что музейная коллекция отражает палеопопуляцию в целом.

Полевые исследования Уэленского могильника явились продолжением работ на одноименном поселении. Раскопки проводились Д.А. Сергеевым, М.Г. Левиным, Н.Н. Диковым, С.А. Арутюновым с 1955 по 1960 г. Памятник исследован полностью. Таким образом, серия из Уэленского могильника, находящаяся в Музее антропологии МГУ, соответствует понятию “палеопопуляция”, и правомерность анализа демографических признаков не вызывает сомнений. Мною были просмотрены все краниологические материалы, относящиеся к этой серии (79 индивидов). Сохранность черепов различна. Большая их часть хорошо сохранилась, иногда представлены только нижние челюсти или фрагменты черепов.

Радиоуглеродные даты для скелетных материалов из Уэленского могильника отсутствуют. Погребения датированы по артефактам. Большинство из них относится к древнеберингоморской и уэлено-оквикской культурам, захоронения пунукской и бирнирской культур единичны [Арутюнов, Сергеев, 1969]. Таким образом, большая часть погребений датируется временным интервалом между первыми веками до нашей эры и концом VII в. н.э. Реальный период функционирования могильника, вероятно, намного короче.

Описанные в данной работе краниологические материалы, хранящиеся в Музеях антропологии МГУ и Института археологии РАН, представляют 224 индивида. Так как степень сохранности черепов неодинакова, то некоторые признаки удалось проанализировать по выборке меньшего объема.

В практике палеоантропологических исследований древних популяций с использованием данных об индикаторах стресса принято различать два типа таких индикаторов. Первый – некая биологическая характеристика, дающая представление о сумме неблагоприятных воздействий, испытанных организмом человека за всю жизнь. К таким характеристикам можно, например, отнести продолжительность жизни, длину тела. Второй тип – индикаторы эпизодического стресса, т.е. следы достаточно значительного неблагоприятного воздействия на организм в определенный период жизни. К данному типу относятся, например, такие маркеры, как эмалевая гипоплазия, продырявленность верхней части глазницы, линии Гарриса, поротический гиперостоз [Бужилова, 1998]. Согласно этому разделению и будут приведены полученные данные.

Палеодемографические характеристики как индикаторы кумулятивного стресса

Могильник Эквен. Анализ данных о продолжительности жизни в палеопопуляции, уровне рождаемости и детской смертности следует считать важной частью общей реконструкции качества жизни. Половозрастные определения краниологических материалов показали, что мужчины, женщины и дети составляют соответственно 42, 43,7 и 14,3% от общего числа эквенской серии (табл. 1). В выборке представлены индивиды в возрасте от нескольких месяцев до старческого (точное определение вряд ли возможно). В группе детей самая многочисленная часть – в возрасте до 5 лет. Соотношение различных возрастных групп в серии соответствует общим закономерностям архаичных, вернее, традиционных обществ. Все это лишь раз свидетельствует в пользу того, что выборка Эквенского могильника достаточно репрезентативна относительно всей палеопопуляции.

Таблица 1. Половозрастная структура серии из Эквенского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=94	Женщины N=98	Дети N=32
0 – 4	–	–	46,87
5 – 9	–	–	28,13
10 – 14	–	–	25,00
15 – 19	1,06	14,28	–
20 – 29	28,72	31,63	–
30 – 39	39,36	32,65	–
40 – 49	23,40	19,39	–
50 и более	7,45	2,04	–

Краниологическими материалами представлены 32 ребенка. Из практики археологических раскопок известно, что число детей, реконструируемое по количеству детских погребений, – достаточно недостоверный показатель. Зачастую традиции предусматривают специальные места на территории могильника, где хоронят только детей. В таком случае, “не попав” на это место или “попав” именно на него, исследователь получает сильно деформированную демографическую картину. Сохранность детских скелетов, как правило, много хуже взрослых. У ряда народов обряды погребения детей и взрослых существенно различаются. Все это обуславливает меньшую встречаемость детских антропологических материалов в древних могильниках. В данном случае мы также вправе предположить, что реальное в прошлом количество умерших детей было больше числа обнаруженных детских погребений.

Косвенным свидетельством уровня рождаемости в популяции может служить уровень женской смертности в активный детородный период. В данном случае отсутствует четко выраженный пик смертности во второй половине второго десятилетия жизни или в третьем. Наиболее неблагоприятными практически в равной мере оказываются третье и четвертое десятилетия жизни. Это говорит о том, что стрессы, связанные с детородной функцией, не имели решающего значения для женщин рассматриваемой популяции. Такая ситуация возможна в двух случаях: при низкой рождаемости или высоком уровне защиты женского организма. Последнее обеспечивается, как правило, социальными механизмами. Существование второго варианта кажется мало правдоподобным. Таким образом, мы получаем косвенное свидетельство в пользу относительно невысокой рождаемости в палеопопуляции из Эквена.

Взрослые мужчины составляют чуть меньше половины всей взрослой части условной палеопопуляции (49%). Для мужского пола наиболее уязвимым оказывается четвертое десятилетие жизни, третье и пятое примерно равноценны в отношении вероятности смерти. В возрасте от 30 до 39 лет умирали 30% всех мужчин. При всей локальной изменчивости

Таблица 2. Половозрастная структура палеопопуляции из Уэленского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=30	Женщины N=39	Дети N=10
0 – 4	–	–	30,00
5 – 9	–	–	10,00
10 – 14	–	–	60,00
15 – 19	3,33	15,38	–
20 – 29	23,33	43,59	–
30 – 39	50,10	23,59	–
40 – 49	16,16	12,82	–
50 и более	6,66	5,13	–

Таблица 3. Частота встречаемости *cribra orbitalia* в палеопопуляции из Уэленского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=28	Женщины N=29	Дети N=7
0 – 4	–	–	28,57
5 – 9	–	–	0
10 – 14	–	–	28,57
15 – 19	0	6,69	–
20 – 29	3,57	10,34	–
30 – 39	14,28	13,79	–
40 – 49	10,71	3,35	–
50 и более	0	0	–

показателей продолжительности жизни в палеопопуляциях можно утверждать, что в период от палеолита до раннего железного века в среднем она ограничивалась четвертым десятилетием [Angel, 1984]. Средняя продолжительность жизни мужчин из Эквена составляла около 35 лет.

Взрослые женщины составляют 51% всех взрослых условной палеопопуляции. Начало репродуктивного периода не сопровождается резким увеличением смертности среди женщин. Большая наполненность возрастного интервала от 30 до 39 лет сближает кривые смертности у мужчин и женщин. Таким образом, есть основания предполагать, что большое значение в жизни женщин имели не только (а может быть, и не столько) стрессы, связанные с деторождением, но и стрессы иного происхождения. Средняя продолжительность жизни женщин из Эквена составляет около 32 лет.

Могильник Уэлен. Краниологическими материалами представлены 79 индивидов: дети – 10, что составляет 12,7%, мужчины – 30, или 38%, женщины – 39, или 49,3% (табл. 2). Большее число женщин по сравнению с мужчинами – явление достаточно распространенное. Оговорюсь лишь, что обратная пропорция типична для более древних палеопопуляций. Стабильно она отмечается в могильниках эпохи мезолита, характерна также для лесных популяций раннего неолита. Численное преобладание женского пола впервые четко проявляется в погребальных памятниках стабильно оседлых человеческих сообществ.

Таким образом, этот демографический показатель свидетельствует об оседлом образе жизни, типичном для древнеэскимосского населения. Из этнографии известно старое русское название эскимосов – “сидячие чукчи” [Народы России, 1994].

Сведения о первичных палеодемографических характеристиках этой палеопопуляции рассмотрим в сопоставлении с вышеизложенными по могильнику Эквен. Прежде всего следует отметить ряд сходных признаков. Процент детских погребений примерно одинаков в Уэленском и Эквенском могильниках – 12 и 14 соответственно. С учетом методических проблем исследования детских погребений такие расхождения можно не принимать в расчет. Средняя продолжительность жизни мужчин в обеих палеопопуляциях составляет около 35 лет. Не слишком сильно – в два года – различаются эти показатели у женщин из Эквена и Уэлена. В обеих сериях максимальная смертность мужчин приходится на четвертое десятилетие жизни.

Существенным, на мой взгляд, можно считать различие кривых смертности женщин в двух палеопопуляциях. Если для женщин из Уэлена четко выражен пик смертности, вероятно обусловленный стрессами, связанными с родами, то для женщин из Эквена существенное значение имели некоторые добавочные стрессы. К сожалению, в настоящее время мы еще не можем определить, является ли это различие характерной особенностью данных популяций в целом или оно возникает вследствие эпохальной изменчивости в демографических тенденциях. Как было отмечено выше, Эквенский могильник гораздо “старше” Уэленского. Вполне вероятно, что этот фактор и обуславливает наблюдаемые расхождения.

Индикаторы эпизодического стресса

Cribræ orbitalia

Этиология этого маркера во многом до сих пор не ясна. До того как он попал в разряд индикаторов физиологического стресса, его использовали в антропологических исследованиях в качестве дискретно варьирующего признака в ряду многих других. В настоящее время мы не можем с уверенностью назвать конкретные причины его возникновения (пищевой стресс, хронические инфекционные или инвазионные заболевания, общая анемия) и вынуждены ограничиваться самыми общими представлениями о связи между этим признаком и физиологическим стрессом.

Могильник Уэлен. Для определения данного признака в уэленской серии черепов пригодными оказались 64 из 79 (табл. 3). Из этого числа в той или иной степени развития он зафиксирован в 21 случае, что составляет около 33%. Это значение следует отнести к разряду высоких. Из 28 мужских черепов

маркер отмечен у восьми (около 29%), из 29 женских у девяти (около 31%). Таким образом, встречаемость признака у взрослых мужчин и женщин практически одинаковая, что говорит о равных условиях жизни обоих полов в этой древней популяции.

Из семи просмотренных детских черепов признак отмечен у четырех, что составляет около 57%. Даже при такой малочисленной выборке вряд ли стоит объяснять расхождение показателей во взрослой и детской частях палеопопуляции только случайными причинами. Вероятнее всего, индивиды, умершие в детском возрасте, испытывали наиболее тяжелые стрессы. В пользу этого мнения свидетельствуют следующие данные: во всей серии преобладает слабое развитие *cribra orbitalia* (балл I), балл II определен в двух случаях (из 17) во взрослой части и в двух (из 4) – в детской. Вероятно, большая часть детей испытывала существенный дефицит витаминов, солнца, а также, возможно, недоедание или патологии пищеварения.

Встречаемость маркера у мужчин и женщин в различных возрастных группах примерно стабильна и пропорциональна общей численности индивидов в каждой из них. Следует отметить, что в возрастной группе старше 50 лет признак не обнаружен. Возможно, это свидетельство большей продолжительности жизни людей наиболее здоровых, а может быть – эффект более благополучного поколения. Судить о верности таких предположений можно лишь на основании тотального радиоуглеродного датирования.

Могильник Эквен. В эквенской серии сохранность материала позволила оценивать признак у 194 черепов. В среднем частота встречаемости *cribra orbitalia* составляет около 30%, что можно квалифицировать как высокую величину (табл. 4). По возрастным и половым группам распределение признака неравномерно. Максимальная частота встречаемости отмечена в детской части палеопопуляции (46%), а наиболее “стрессовым” возрастом оказался самый младший – до 5 лет. В возрастных группах от 5 до 9 и от 10 до 14 лет данный показатель выше, чем у взрослых. Вероятно, в палеопопуляции из Эквена мы наблюдаем “чисто биологическую” картину распределения признака, аналогичную описанной выше в уэленской популяции.

У мужчин *cribra orbitalia* встречается реже, чем у женщин (22 и 34%), и это относится ко всем возрастным группам, причем в старшей (после 50) разница показателей увеличивается (17% у мужчин и 33% у женщин). Факт меньшей частоты встречаемости данного маркера стресса у мужчин может быть истолкован как косвенное свидетельство несколько лучшего состояния здоровья мужской части популяции, возможно, по социальным причинам.

В целом стрессовые нагрузки, судя по этому индикатору, были чрезвычайно велики. Для сравнения

Таблица 4. Частота встречаемости *cribra orbitalia* в серии из Эквенского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=85	Женщины N=82	Дети N=26
0 – 4	–	–	26,92
5 – 9	–	–	7,69
10 – 14	–	–	11,54
15 – 19	1,18	4,88	–
20 – 29	5,88	13,41	–
30 – 39	8,23	9,76	–
40 – 49	5,88	4,88	–
50 и более	1,18	1,22	–

Таблица 5. Частота встречаемости вазкулярной реакции в палеопопуляции из Уэленского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=26	Женщины N=25	Дети N=7
0 – 4	–	–	–
5 – 9	–	–	–
10 – 14	–	–	28,57
15 – 19	0	8,00	–
20 – 29	11,54	12,00	–
30 – 39	46,15	8,00	–
40 – 49	3,85	8,00	–
50 и более	7,69	4,00	–

приведем сводные данные по эскимосам Аляски: частота встречаемости *cribra orbitalia* не превышает 17% [Keenleyside, 1998].

Следы холодового стресса

Известно, что при охлаждении отдельных участков тела происходит расширение периферических кровеносных сосудов. Систематические переохлаждения приводят к тому, что поверхностные слои костной ткани также реагируют: формируются более широкие питательные отверстия, которые образуют рисунок, напоминающий пористую поверхность апельсиновой корки [Бужилова, 1998]. Этот признак отмечается на своде черепа – на лобной, теменных и затылочной костях.

Могильник Уэлен. В уэленской серии пригодными для оценки следов холодового стресса оказались 58 черепов (табл. 5). Признак зафиксирован у 29, что составляет половину всей выборки. Это высокий показатель. Из семи обследованных детских черепов только на двух были следы холодового стресса. Оба черепа со слабыми проявлениями признака.

Значительно чаще встречаются следы холодового стресса у взрослых. Из 26 просмотренных мужских черепов маркеры различной степени выраженности отмечены на 18 (69%), из 25 женских – на 10 (40%). Обе величины достаточно высокие. Какого-либо градиента изменчивости частоты встречаемости вазкулярной реакции в различных возрастных

Рис. 1. Верхняя челюсть со следами значительной резорбции.
Моги́льник Эквен, погр. 297.

Рис. 2. След зажившего ранения черепа.
Моги́льник Эквен, погр. 320.

группах взрослых мужчин и женщин не удалось заметить, за исключением значительного уменьшения данного показателя в старшей группе (после 50 лет). Таким образом, основным выводом можно считать то, что холодовый стресс в гораздо большей степени испытывали мужчины, нежели женщины и дети. Это вполне ожидаемый вывод лишь подтверждает, что мужчины большую часть времени проводили на охоте, в то время как женщины и дети основную часть суток пребывали дома, занимаясь хозяйством.

Моги́льник Эквен. Оценить последствия холодового стресса можно было на 85 мужских, 91 женском и 28 детских черепках из эквенской серии (табл. 6). Частота встречаемости этого признака у детей 17,75%, у взрослых женщин – 75,80, у мужчин – 90,58%. Как

нетрудно заметить, популяция, оставившая Эквенский моги́льник, значительно больше была подвержена холодовому стрессу, чем уэленская. В остальном же тенденции одни и те же, а именно:

а) более низкие показатели развития и частоты встречаемости признака у детей и женщин по сравнению с мужчинами;

б) резкое сокращение частоты встречаемости васкулярной реакции в старшей возрастной группе.

Наши знания о динамике васкулярной реакции костной ткани в онтогенезе не слишком глубоки, поэтому мы не можем судить, насколько стабильны эти образования. Возможно, низкая частота встречаемости признака в старшей возрастной группе связана с регенерацией костной ткани. Известно, что люди старшего возраста, теряющие необходимую физическую силу, ловкость, зоркость и пр. и отходящие от охотничьего промысла, естественным образом оказываются “при доме и домашнем хозяйстве”. Но если эти тканевые перестройки более консервативны, то данный феномен, видимо, объясняется специальным родом деятельности доживших до старости людей, которая не была связана с постоянным пребыванием на холодном воздухе, как это предполагает охота. В настоящее время невозможно разрешить этот вопрос, однако дальнейшие исследования в данной области представляются актуальными.

Эмалевая гипоплазия

Морфологические дефекты эмали, проявляющиеся в различного рода неровностях ее поверхности появляются как следствие

стрессовых ситуаций в период формирования и роста коронки коренного зуба. Поэтому эмалевая гипоплазия – индикатор состояния здоровья людей в детском возрасте, но определяется по зубам индивидов, имеющих уже сформированный ряд коренных зубов.

Моги́льник Уэлен. Сохранность краниологического материала определила численность выборки для оценки этого признака – 48 (табл. 7). Из четырех подростков с сформированными коренными зубами, погребенных в этом моги́льнике, трое имели признаки множественной эмалевой гипоплазии (75%), из 20 захороненных здесь мужчин эмалевая гипоплазия была у 14 (70%), из 24 женщин – у 13 (54%). Малая численность выборки не позволяет считать разницу в частоте встречаемости достоверной. Можно лишь

утверждать, что в этой палеопопуляции очень высока частота стрессов детства.

Могильник Эквен. Сохранность краниологического материала позволила обработать серию, представляющую 135 индивидов. Эмалевая гипоплазия отмечена у 95 погребенных, что составляет около 70% – высокая величина (табл. 8). Наибольшая частота встречаемости индикатора отмечена в возрасте от 5 до 10 лет, у подростков в возрасте до 15 лет этот показатель несколько снижен, однако малочисленность возрастных групп (семь и шесть соответственно) не позволяет судить о достоверности изменений. Для взрослых мужчин и женщин из Эквена частота встречаемости эмалевой гипоплазии составляет 69%. Такая величина также может быть отнесена к рангу высоких. Важно отметить, что и мужчины, и женщины в равной мере испытывали стрессы, т.е. в этом плане в обществе не было дифференциации по половому признаку.

Таким образом, для обеих древнеэскимосских популяций характерны высокие показатели суммы стрессов детства. Достаточно высокая частота встречаемости эмалевой гипоплазии во всех возрастных группах, включая детские, говорит о стабильности во времени стрессовой ситуации в детском возрасте. Отсутствие четкой разницы между обсуждаемыми показателями у детей и взрослых также свидетельствует о том, что эти стрессы, в основной своей массе, не приводили к гибели. Данные о частоте встречаемости эмалевой гипоплазии в сводной серии эскимосов Аляски приближается к 29% [Keenleyside, 1998], что гораздо ниже величин, полученных нами для палеопопуляций эскимосов Чукотки.

Заметим, что в обеих палеопопуляциях *cribra orbitalia* и васкулярные изменения костей свода черепа встречаются у детей устойчиво чаще, чем у взрослых. Поэтому можно предположить, что холод и инфекции (предположительные причины появления указанных двух маркеров) были более губительны, чем многие другие стрессовые ситуации (например, голод).

Своеобразное состояние зубочелюстного аппарата изучаемых древнеэскимосских популяций выражается в ранней утрате зубов при отсутствии кариеса, сильной стертости коронок, частой встречаемости ореховидных вздутий на нижней челюсти (*torus mandibularis*) и небного валика (*torus palatinum*) на верхней.

В серии из Уэленского могильника частота встречаемости ореховидных вздутий составляет 63%, а из Эквенского – 74%. Эти структуры могут быть рассмотрены как своеобразные контрфорсы, появляющиеся в результате значительных механических нагрузок на корни зубов. Такие нагрузки могут возникать, когда предмет, зажатый между зубами, с большой

Таблица 6. Частота встречаемости васкулярной реакции в палеопопуляции из Эквенского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=85	Женщины N=91	Дети N=28
0 – 4	–	–	10,71
5 – 9	–	–	3,57
10 – 14	–	–	3,57
15 – 19	0	7,69	–
20 – 29	20,00	19,78	–
30 – 39	38,82	24,17	–
40 – 49	23,53	21,97	–
50 и более	8,23	2,19	–

Таблица 7. Частота встречаемости эмалевой гипоплазии в палеопопуляции из Уэленского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=20	Женщины N=24	Дети N=4
0 – 4	–	–	0
5 – 9	–	–	0
10 – 14	–	–	75,00
15 – 19	0	12,50	–
20 – 29	0	29,17	–
30 – 39	45,00	12,50	–
40 – 49	20,00	0	–
50 и более	5,00	0	–

Таблица 8. Частота встречаемости эмалевой гипоплазии в серии из Эквенского могильника (%)

Возраст	Мужчины N=63	Женщины N=59	Дети N=13
0 – 4	–	–	0
5 – 9	–	–	46,15
10 – 14	–	–	30,77
15 – 19	1,59	11,86	–
20 – 29	26,98	28,81	–
30 – 39	25,40	20,34	–
40 – 49	15,87	6,78	–
50 и более	0	1,69	–

силой тянут наружу. Подобные напряжения типичны для ряда хозяйственных операций, известных из этнографии (выделывание кож, затягивание веревок из жил и пр.). Поэтому большое число индивидов с ореховидными вздутиями может быть рассмотрено как косвенное свидетельство чрезвычайно интенсивной хозяйственной активности древнего эскимосского населения. Ш. Мербс, изучавший функциональную патологию в палеопопуляции канадских эскимосов из Садлемьют, связывал прижизненную утрату зубов с интенсивностью хозяйственной деятельности [Merbs, 1983]. В изученной им палеопопуляции частота утраты резцов составила около 22%, что ниже величин, определенных для Эквена и Уэлена (рис. 1). Сводки данных о прижизненной утрате зубов среди

палеопопуляций эскимосов Аляски и алеутов Алеутских островов, приводимые А. Кинлейсайд [Keenleyside, 1988], также демонстрируют более низкие величины: 19 и 18% – для эскимосских мужчин и женщин, 13 и 27% – для алеутских.

В краниологических сериях из Эквенского и Уэленского могильников обнаружены следы ранений (рис. 2), которые были нанесены колющим оружием округлой в сечении формы, возможно, охотничьим гарпуном. Частота встречаемости черепных травм составляет 6% в уэленской палеопопуляции и 5% в эквенской. Для сводной серии эскимосов Аляски она гораздо ниже – около 2% [Keenleyside, 1988]. В краниологической серии из Эквенского могильника описан один случай декапитации.

Эта публикация представляет самые общие результаты проведенного исследования. Но уже и они свидетельствуют о своеобразии образа жизни древних обитателей побережья Чукотки. Использование палеодемографической информации, сведений об индикаторах стрессов позволяет выделять природные и социальные факторы, наиболее жестко влиявшие на жизнь древних охотников на морского зверя.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Объем археологического знания // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций / Под ред. В.П. Алексеева, В.Н. Федосовой. – М.: ИА РАН, 1992. – С. 3 – 21.
- Алексеева Т.И., Волков-Дубровин В.П., Гудкова Л.К., Павловский О.М.** Физиологические особенности коренного населения Чукотки // На стыке Чукотки и Аляски. – М.: Наука, 1983. – С. 137 – 139.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – 207 с.
- Арутюнов С.А., Сергеев Д.А.** Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.
- Бужилова А.П.** Древнее население: Палеопатологические аспекты исследования. – М.: ИА РАН, 1995. – 190 с.
- Бужилова А.П.** Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. – М.: ИА РАН, 1998. – С. 87 – 146.
- Дебеч Г.Ф.** Палеоантропологические материалы из древнеберингоморских могильников Эквен и Уэлен // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – С. 198 – 240.
- Денисман Л.Г., Киселева Н.К., Савинецкий А.Б., Хасанов Б.Ф.** Вековая динамика прибрежных экосистем северо-востока Чукотки. – М.: Аргус, 1996. – 191 с.
- Историческая экология человека: Методика биологических исследований.** – М.: ИА РАН, 1998. – 260 с.
- Лебединская Г.В.** Патологические изменения на скелетах Эквенского могильника // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник). – М.: Наука, 1969. – С. 189 – 193.
- Медникова М.Б.** Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. – М.: ИА РАН, 1995. – 216 с.
- Народы России.** – М.: Большая рос. энцикл., 1994. – 479 с.
- Сурнина Т.С.** Состояние зубочелюстной системы древнего населения Чукотки // Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Древние культуры азиатских эскимосов. – М.: Наука, 1969. – С. 194 – 199.
- Федосова В.Н.** Антропологическая палеоэкология и проблемы эпохальной изменчивости // Экологические аспекты палеоантропологических и археологических реконструкций / Под. ред. В.П. Алексеева, В.Н. Федосовой. – М.: ИА РАН, 1992. – С. 51 – 78.
- Ратцель Ф.** Народоведение. – СПб., 1903. – Т. 1. – 764 с.
- Angel J.L.** Health as a crucial factor in the changes from hunting to developed farming in the Mediterrean // Paleopathology at the Origin of Agriculture / Eds. M.N. Cohen, C.S. Armelagos. – L.; Orlando: Academic Press, 1984. – P. 51 – 74.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J.** Indications of stress from bone and teeth // Paleopathology at the Origin of Agriculture / Eds. M.N. Cohen, C.S. Armelagos. – L.; Orlando: Academic Press, 1984. – P. 13 – 44.
- Fedosova V.N.** Ecological interpretations of the temporal variations of Asian Eskimo limb bones // Homo. – 1991. – Vol. 42, N 3. – P. 244 – 264.
- Fedosova V.N., Kozlovskaya M.V.** Biologie der Ureinwohner von Tschukotka // Arktische Waljager vor 3000 Jahren / Red. A.M. Leskov, H. Muller-Beck. – Mainz; München: Verl. Hase&Koehler, 1993. – P. 19 – 26.
- Hengen O.P.** Cribra orbitalia: pathogenesis and probable etiology // Homo. – 1971. – N 22. – P. 57 – 76.
- Keenleyside A.** Skeletal evidence of health and disease in pre-contact Alaskan Eskimos and Aleuts // Am. J. of Physical Anthropology. – 1986. – N 107. – P. 51 – 70.
- Kerr N.W.** Childhood health of two scottish Mediaeval populations as revealed by enamel (hypoplastic) defects // J. of Paleopathology. – 1984. – N 2/1. – P. 23 – 32.
- Kozlovskaya M.V.** Bone mineral content as an indicator of the diet and ecological situation in paleopopulations // Homo. – 1993. – Vol. 44, N 2. – P. 134 – 144.
- Merbs C.** Patterns of activity-included pathology in a Canadian Inuit population. – Ottawa: National Museum of Man. – 1983. – 206 p. – (Archaeological Survey of Canada. Mercury Series; N 119).

Материал поступил в редколлегию 17.02.2000 г.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО ГУМАНИТАРНОГО НАУЧНОГО ФОНДА

Ежеквартальный научный и культурно-просветительский журнал
ISSN 1562-0484

“Вестник РГНФ” – один из самых авторитетных и солидных
мультидисциплинарных журналов гуманитарного профиля в России

Журнал является официальным органом Российского гуманитарного научно-го фонда (РГНФ). Он информирует о состоянии и перспективах развития гуманитарных наук, публикует научные статьи по *истории, археологии, этнографии, экономике, философии, социологии, правоведению, политологии, филологии, искусствоведению, психологии, педагогике*, аналитические материалы о результатах и проблемах независимой научной экспертизы в России, о способах эффективного финансирования гуманитарных исследований и их практического применения в государственных интересах.

Только на страницах журнала “Вестник РГНФ” в полном объеме представляются **нормативные документы** Фонда, объявления о конкурсах, проводимых Фондом, в том числе **формы заявок** и образцы их правильного заполнения, полные **списки проектов**, поддержанных по итогам конкурсов, **формы отчетности** по грантам.

Журнал регулярно информирует своих читателей о постановлениях Правительства Российской Федерации, касающихся деятельности фондов и российской науки в целом.

“Вестник РГНФ” является источником полезной информации как для ученых, преподавателей и студентов, так и для организаторов науки, административных работников, руководителей научных институтов, издательств, высших учебных заведений. Своевременное ознакомление с условиями конкурсной финансовой поддержки научных проектов позволяет рассчитывать на получение дополнительных средств для их реализации. Тематическое разнообразие и высокий научный уровень публикуемых материалов делают “Вестник РГНФ” ценным научным журналом широкого профиля, в котором затрагиваются значимые и актуальные научные проблемы. Журнал иллюстрированный.

Подписаться на “Вестник РГНФ” можно в любом почтовом отделении по каталогу “Российские и зарубежные газеты и журналы” Агентства подписки и розницы (АПР). Подписной индекс **72574**. Журнал можно выписать и через каталог виртуального магазина “Пресса” на сайте <http://pressa.apr.ru>, поддержку которого осуществляет Агентство подписки и розницы. Подписаться или приобрести отдельные номера “Вестника РГНФ” за **льготную плату** можно и в самой редакции журнала по адресу: Москва, ул. Ярославская, д. 13, 5 этаж, ком. 8 (проезд до метро “ВДНХ”).

Контактная информация:

Телефон: (095) 283-58-50;
E-mail: bulletin@rfh.ru;

Факс: (095) 283-54-20;
<http://www.rfh.ru>

Дорогие друзья! Предлагаем Вашему вниманию научные издания – монографии и сборники статей, подготовленные сотрудниками Института археологии и этнографии СО РАН и выпущенные в свет его издательством. Обращаем Ваше внимание на пять ценовых категорий предлагаемых книг, отражающих стоимость пересылки:

- I – для Российской Федерации наземной почтой;
- II – для Белоруссии, Узбекистана, Украины наземной почтой;
- III – для Армении, Таджикистана только авиапочтой;
- IV – для Грузии, Казахстана, Туркмении, Эстонии, Молдовы, Кыргызстана наземной почтой;
- V – для Азербайджана только авиапочтой.

Предлагаемые книги могут быть оплачены Вами через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции. Просим учесть, что Сбербанк РФ взимает за проведение платежа 3% от суммы перевода. Вам нужно без ошибок заполнить квитанцию: в графе “Платательщик” напишите фамилию и инициалы, в графе “Адрес” – свой почтовый индекс и полный адрес, в графе “Назначение платежа” – трехзначные коды книг, в графе “Сумма” – общую стоимость заказа. В течение месяца Вы получите заказанную книгу.

Если же по каким-либо причинам Вы не желаете авансировать доставку книг, то заказ можно оформить наложенным платежом, заполнив приведенную форму.

Внимание! К сожалению, граждане и организации в странах СНГ могут оформить заказ на литературу **только** по предоплате. Разница в стоимости изданий для заказчиков на территории РФ и стран СНГ обусловлена разницей в стоимости пересылки.

Народы Сибири: история и культура / Отв. ред. А.П. Деревянко, И.Н. Гемуев, И.В. Октябрьская. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 160 с. + 14 илл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 55 руб., II – 70 руб., III – 85 руб., IV – 85 руб., V – 125 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 55 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0019-4

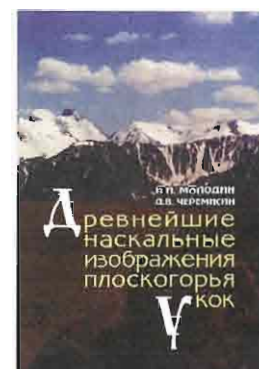
Сборник объединяет исследования ведущих ученых-сибиреведов России. Его основная тема – история народов Сибири, где на протяжении тысячелетий происходили глобальные процессы, связанные с изменением языков, экономических укладов и политических систем. Анализ древних и современных культур тюркских, угорских, монгольских, иранских этносов позволяет обозначить основные тенденции формирования и трансляции традиции. Сборник отличается новизной подходов; большое место в нем занимают историко-культурные реконструкции. Авторы широко привлекают данные археологии и этнографии, обращаются к анализу мифов, ритуалов, сакральных атрибутов и культурных реалий. Результатом исследований являются выводы о древних связях коренных народов Сибири. Эти контакты, восходящие, быть может, к палеосибирскому субстрату,

проявляются в культурных параллелях уральских и иранских (индо-иранских), уральских и алтайских, тюркских и иранских этносов. В сборнике опубликована одна из последних работ патриарха отечественной тюркологии Л.П. Потапова. Отдельный блок составлен из работ, посвященных сравнительному изучению традиций коренных народов Сибири. В них впервые вводятся в научный оборот оригинальные полевые и архивные материалы, а также уникальные собрания национальных культурных раритетов региональных музеев. Статьи дают представление о Сибири как о многонациональном регионе, где сосуществуют культуры аборигенного и пришлого населения. Предмет специального исследования – исторический диалог народов края. С XVI – XVII вв. фактом жизни аборигенного населения края становится взаимодействие с официальными административными и идеологическими институтами России. Проблема взаимодействия коренного населения и мигрантов получает всестороннюю оценку в рамках сборника; в нем специально акцентирован феномен русских Сибири.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с. + 75 илл. Пер. на англ. яз. – 7 тыс. сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 65 руб., II – 85 руб., III – 120 руб., IV – 85 руб., V – 125 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 70 руб. (без учета почтовых расходов). ISBN 5-02-031823-X

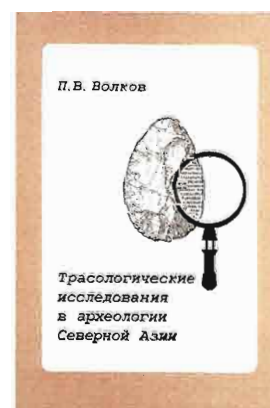
Монография представляет собой аналитический обзор древнейших петроглифов Южного Алтая. В ней впервые вводится в научный оборот уникальный изобразительный комплекс, открытый в 1990-е гг. на плоскогорье Укок на границе России, Монголии и Китая. Концепцию работы определяет идея академика А.П. Окладникова о центральноазиатском очаге первобытного искусства. Опираясь на алтайские материалы, авторы подробно анализируют наиболее спорные вопросы стилистики и хронологии древнейших изобразительных памятников. По аналогии с известными образцами первобытного искусства Центральной Азии и Западной Европы алтайские наскальные изображения датируются эпохой верхнего палеолита. Иконографическое и стилистическое сходство наскальных рисунков Алтая и открытых в последние годы петроглифов на пленэре в Южной Европе объясняется их синхронностью. Помимо теоретических обобщений работа содержит обширный свод иллюстративного материала.

Волков П.В. Трасологические исследования в археологии Северной Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 192 с. + 77 илл. Резюме на англ. яз. – 2 434 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 40 руб., II – 45 руб., III – 51 руб., IV – 60 руб., V – 76 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 40 руб. (без учета почтовых расходов). ISBN 5-7803-0040-2

В монографии на материалах позднепалеолитических и неолитических памятников Российской Дальнего Востока, многослойных мустьерских и позднепалеолитических местонахождений Центральной Азии, а также раннепалеолитических коллекций из Средней Азии впервые освещаются основы современной методики функционального анализа каменных орудий. Подробно описаны организация экспериментальных исследований, следы износа и типология древнего инструментария; даются методики кодификации и составления баз данных. Показаны пути применения результатов функционального анализа при интерпретации материалов археологических коллекций. Демонстрируются возможности широкого использования предлагаемых методов для составления корреляционных типологических археологических коллекций, реконструкции среды обитания и специфики жизнедеятельности людей, а также анализа данных для создания модели палеоэкономики древних человеческих сообществ. Книга включает блок иллюстративного материала, отображающего особенности изучавшихся археологических материалов, большое количество статистических таблиц и корреляционных графиков.

Деревянко А.П., Волков П.В., Петрин В.Т. Технология галечного расщепления камня в палеолите (по материалам микроиндустрии памятника Шоктас I). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 213 с. + 87 илл. Резюме на фр. яз. – 7 584 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 40 руб., II – 53 руб., III – 71 руб., IV – 80 руб., V – 118 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 40 руб. (без учета почтовых расходов). ISBN 5-7803-0053-4

Широкое использование человеком галечного сырья при изготовлении орудий труда определяет особенности коллекций артефактов многих археологических памятников эпохи раннего палеолита. В монографии рассматривается уникальная, базирующаяся на экспериментальных данных методика технологического анализа процессов расщепления эллипсоидных форм сырья, которая позволяет определить специфику мышления и планирования производственных операций при обработке камня в раннепалеолитический период истории человечества. В работе освещаются результаты изучения археологического памятника Шоктас I (Средняя Азия), датированного периодом от 700 – 800 тыс. до 150 – 100 тыс. л.н. и представляющего четко выраженную микроиндустрию. На основе проведенных технологических исследований реконструируется эволюция древнейших технологий обработки камня на протяжении длительного исторического периода. Полученные результаты открывают широкую перспективу для корреляционных исследований материалов раннего палеолита.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Исабеков З.К., Рыбалко А.Г., Отт М. Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 300 с. + 184 илл., 10 прилож. Резюме на англ. яз. – 9 842 сл., фр. яз. – 10 687, казах. яз. – 5 310, тур. яз. – 6 588 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 89 руб., II – 130 руб., III – 210 руб., IV – 175 руб., V – 234 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 90 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0059-3

Монография представляет результаты широкомасштабных междисциплинарных исследований раннепалеолитических памятников, которые проводились в последние годы на территории Средней Азии. Реконструируется палеогеографическая ситуация изучаемого региона на протяжении раннего плейстоцена. На основе технологического изучения археологических коллекций определен характер изученных микроиндустриальных комплексов, проводится параллель между материалами наиболее хорошо изученных в данном регионе памятников Шоктас I, Кошкурбан I и других хорошо известных в Евразии палеолитических объектов (Бильцингслебен, Вертешсёлэш, Изерина ла Пинета в Европе,

Дунгуту и Сяочанлян в Китае и др.). Авторы выдвигают гипотезу о существовании на территории Евразии в раннем плейстоцене (в период от 700 – 800 тыс. до 150 – 100 тыс. л.н.) ареала единых по своей сути раннепалеолитических культур с характерными признаками четко выраженной микроиндустрии. Монографию дополняют материалы технологического, палинологического, палеонтологического и других анализов. Публикуется блок иллюстраций, всесторонне отображающих характер исследованных археологических коллекций, большое количество статистических таблиц и корреляционных графиков.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвээндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии. Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 324 с. + 227 илл. Пер. на англ. яз. – 29 тыс. сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 98 руб., II – 153 руб., III – 314 руб., IV – 205 руб., V – 348 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 100 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0055-0

Монография продолжает серию работ по каменному веку Монголии. В ней впервые в полном объеме публикуются материалы многолетних археологических изысканий в Долине Озер (южный фас Хангая), освоенной человеком еще в раннем палеолите. Раскрывается история открытия и изучения палеолитических комплексов в регионе, освещаются геоморфологическая и палеогеографическая ситуации в Долине Озер и на Южном Хангае в плейстоцене. Подробно излагаются методы и стратегия поиска археологических объектов в условиях аридной зоны. Впервые в отечественной литературе приводится методика сбора и обработки археологических материалов с памятников с поверхностным залеганием артефактов. В монографии дается не только подробное опи-

сание археологических находок более чем с 200 местонахождений, но и технико-типологический анализ всей совокупности каменного инвентаря. Большое внимание уделяется проблемам периодизации и хронологии археологических объектов в Долине Озер. Установлено, что рассматриваемые в монографии комплексы имеют много общего с другими палеолитическими памятниками Монголии и входят в круг палеолитических культур монголо-алтайского круга.

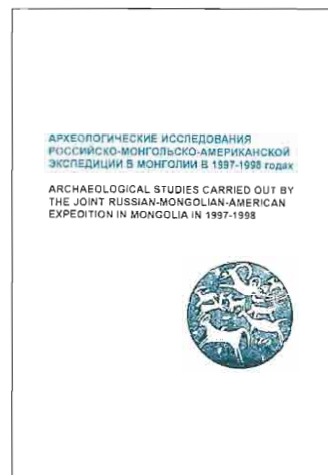
Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Мыльников В.П., Кривошапкин А.И., Ривс Р., Брантингхэм П.Д., Гунчинсүрэн Б., Цэрэндагва Я. Археологические исследования Российско-Монгольско-Американской экспедиции в Монголии в 1997–1998 годах. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 383 с. + 220 илл. Пер. на англ. яз. – 60 700 сл.

Стоимость с пересылкой по предоплате: I – 90 руб., II – 125 руб., III – 205 руб., IV – 170 руб., V – 234 руб.; наложенным платежом (только для РФ) – 90 руб. (без учета почтовых расходов).

ISBN 5-7803-0054-2

Монография входит в серию публикаций, освещающих результаты исследований памятников палеолита на территории Монгольской Республики. В монографии приводятся материалы изучения пещерных комплексов Цаган-Агуй и Чихэн, разведочных работ в Гобийском Алтае и Заалтайской Гоби, а также исследования комплекса наскальных рисунков в урочище Баянлег-Хада. Даются подробные описания стратиграфии пещеры Цаган-Агуй и находок из нее. Публикуется наиболее полная хронологическая шкала, составленная на основе данных палеомагнитного, термолюминесцентного и радиоуглеродного анализов. С учетом абсолютных дат для плейстоценовых горизонтов сделан вывод о том, что нижние культуросодержащие горизонты являются наиболее древними среди стратифицированных комплексов Монголии. В работе представлена обширная коллекция артефактов из пещеры Чихэн. Установлено, что по основным технико-типологическим параметрам индустрии, сформировавшейся на местной основе, грот наиболее близок памятникам орхоно-орокнорского типа. Освещаются итоги стационарных работ на пункте 2 (Скальное убежище) вблизи пещеры Чихэн: определены сходство в технике изготовления и облике артефактов с комплексом изделий из грота Чихэн, дата палеолитических индустрий (30 – 27 тыс. л.н.). Большое место отведено анализу петроглифов в местечке Баянлег-Хада, на основе которого сделан вывод о длительном (на протяжении эпохи финальной бронзы – позднего средневековья) использовании человеком этого места для нанесения рисунков.

Книга включает приложения, раскрывающие палинологические характеристики и условия формирования верхнепалеолитических отложений памятника Чихэн, абсолютные даты отложений пещеры Их-Агуй, а также большой массив иллюстративного материала, обобщает целый ряд новых фундаментальных сведений о палеоэкологии плейстоцена, динамике индустрий и хроностратиграфии палеолита Гобийского Алтая.

АГУ – Алтайский государственный университет
ВДИ – Вестник древней истории
ГАНИИИЯиЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ИА – Институт археологии РАН
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИФиФ – Институт истории, филологии и философии СО АН
ИЛАИ – Известия лаборатории археологических исследований Кемеровского государственного университета
КемГУ – Кемеровский государственный университет
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
МАЭ – Музей антропологии и этнографии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НГПУ – Новосибирский государственный педагогический университет
НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт
НГУ – Новосибирский государственный университет
ОИГГМ – Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН
ОмГУ – Омский государственный университет
ОНТИ ПНЦ РАН – Отдел научно-технической информации Пущинского научного центра РАН
РА – Российская археология
РАН – Российская Академия наук
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СОРГО – Сибирский отдел Русского Географического общества
СЭ – Советская этнография
ТГУ – Томский государственный университет
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН
ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории
ЭО – Этнографическое обозрение